

И.Ф.Кошко

ВОСПОМИНАНИЯ
ГУБЕРНАТОРА

Пермь
(1911—1914)

Екатеринбург

2007

*Посвящается
соотечественникам,
верой и правдой служившим России,
в лихолетье XX века*

*Книга подготовлена и издана
при финансовой поддержке
ОАО «Трубная металлургическая компания»
и Уральского Центра Б. Н. Ельцина*

Автор проекта и ответственный редактор
доктор исторических наук
А. С. ЧЕРКАСОВА

Рецензент
доктор исторических наук
А. Д. КИРИЛЛОВ

Кошко И. Ф.

К 76 Воспоминания губернатора. Пермь (1911—1914) / Сост. Н. Г. Павловский. — Екатеринбург: Демидовский институт, 2007. — 384 с.; ил.
ISBN 978-5-87858-012-0

Мемуары пермского губернатора Ивана Францевича Кошко издаются впервые. Они являются продолжением его воспоминаний о службе в Новгородской, Самарской и Пензенской губерниях, опубликованных в 1916 г.

Издание адресовано специалистам-историкам и широкому кругу читателей.

- © Текст мемуаров, фото. Д. Б. Кошко, 2007
- © Очерки, комментарии, составление, оформление. Демидовский институт, 2007
- © Проект «Памятники истории и языка» (разработка 2002 г.). А. С. Черкасова, 2007

К ЧИТАТЕЛЮ

Перед вами воспоминания человека, которому судьба предназначила служить России на высоком посту в провинции, то есть видеть ее государственным оком не сверху вниз, а изнутри. Обзор был не маленький — целая губерния и какая — Пермская. Тогда это весь Средний Урал, часть Приуралья и Зуралья.

Автор «Воспоминаний» Иван Францевич Кошко был одним из лучших служащих ранга губернатора, выдвиженцем П. А. Столыпина. В нашей истории государственная власть всегда играла значительную роль. Предназначение истории — восстановить реальную картину прошлого и дать справедливую оценку ее деятелей.

«Воспоминания губернатора» — ценный исторический источник, создатель которого был одновременно и действующим лицом, и свидетелем исторической драмы разрушения Российского государства в начале XX столетия.

Период кануна Первой мировой войны и 1917 года еще не осмыслен, поэтому новые документальные свидетельства того времени для нас бесценны, если они достоверны. В этом плане «Воспоминания губернатора» заслуживают полного доверия. Мы сможем понять, что собой представляло это важное звено государственного управления, его прерогативы, реальные права и обязанности, принципы и мотивы принятия конкретных решений, оценить их результаты, так как знаем, что было потом...

Заслуживает внимания и язык мемуаров, свободный от бюрократических штампов и иностранных слов. Автор в совершенстве владел всем богатством родной русской речи и в этом особая ценность и привлекательность его книги для современного читателя.

«Воспоминания» знакомят нас с жизнью и деятельностью человека, заслуживающего глубокого уважения, жившего в другую эпоху, не менее сложную, чем наша, ибо у России легких времен не бывало.

*А. С. Черкасова,
доктор исторических наук*

Handwritten signature

Первая часть «Воспоминаний губернатора»¹, изданная в количестве трех тысяч экземпляров, разошлась в три месяца, что, по словам опытных в издательском деле людей, свидетельствует о незаурядном успехе книги. Все газеты как либерального, так и консервативного направления посвятили ей большие статьи, преимущественно в форме фельетонов, причем первые, то есть либеральные органы, относятся к моим воспоминаниям насмешливо, помещают случайные по своему значению выдержки из книги, не столько характеризующие ее содержание, сколько дающие повод высмеять мою личность и деятельность: свою заинтересованность моей книгой объясняют тем, что видят в ней отражение мирозерцания среднего, так сказать, губернатора столыпинской эпохи и, поражая меня сарказмом, приписывая мне убожество понимания происходивших тогда политических событий, бичуют не столько меня лично, сколько правительственный строй того времени. Консервативная печать, особенно «Московские ведомости»², дают чрезвычайно лестную оценку книге, считая ее талантливо и очень интересно написанной, находят изображение тогдашних событий вполне правдивым и исчерпывающим, что придает, по их мнению, самой книге большое общественное значение. Разумеется, я не буду оправдываться перед нападками на меня и не стану пытаться доказать тенденциозность критики либеральных газет. Пусть об этом судит сам читатель. Но такое внимание к моему труду как со стороны моих единомышленников, так и противников придает мне смелость взяться за продолжение моих губернаторских воспоминаний и в настоящей книге изложить мои переживания в Пермской губернии, где я прослужил около четырех лет. Делаю это с большой робостью, так как моя служба в Перми протекла в годы сравнительного политического затишья, а потому читатель не найдет в ней описания таких событий, которые приковывают к себе все его внимание, совершенно независимо от умения автора заинтересовать своим

← Иван Францевич Кошко. Около 1910 г. (Архив Д. Б. Кошко)

рассказом. Но Пермский край полон таких особенностей, богатства его так разнообразны и о них еще так мало у нас знают, что, может быть, мне и удастся быть не очень скучным, и читатель простит мне мою литературную неумелость. Буду по-прежнему совершенно искренен, прост, не стану драпироваться модными веяниями, о живущих еще людях буду говорить возможно сдержанно, не позволяя себе ненужных осуждений.

26 июля 1917 г.

И. Кошко

Как я уже упоминал в первой части своих воспоминаний, в конце 1910 года сын мой¹ тяжело заболел и был помещен в клинику. Около недели я прожил с ним в лечебнице, взяв себе комнату рядом и когда в середине января острый период болезни прошел, я переехал жить в меблированные комнаты Зарембо². Вскоре сюда же приехала из Новгорода и моя жена³. Мы проводили день у больного сына в лечебнице, там обедали и только к вечеру возвращались домой. Хотя здоровье больного стало гораздо лучше, но он был крайне обессилен продолжительным лежанием в лечебнице без воздуха, и приглашенный нами на консультацию известный доктор-практик А. А. Нечаев⁴ категорически потребовал ранее продолжения лечения где-либо на минеральных водах, свезти сына в теплые края, чтобы он на солнце набрался сил. Нечаев горячо рекомендовал для этого или Сальдо-Маджиоре в Италии⁵, или Ниццу⁶. Мы остановились на Ницце, где жизнь лучше налажена и где всегда можно было найти знакомое русское общество. Было решено отправиться туда всей семьей и прожить до мая месяца с тем, чтобы оттуда проехать, например, в Саки⁷, где как раз в это время начинается лечебный сезон. Только что мы порешили с этим вопросом, как меня позвали к телефону. Говорил А. В. Болотов⁸: «Поздравляю тебя с назначением», — начал он свою речь. Я ждал этого назначения и был уверен, что меня посылают в Новгород, откуда губернатор Башилов⁹ был переведен в Уфу. «Меня назначают в Новгород?» — спросил я Болотова. «Нет, представь себе, в Пермь! Так что ты будешь до известной степени моим преемником. Я тебе подробно обо всем расскажу при свидании», — сказал Болотов.

Это сообщение было так неожиданно, что на первых порах я даже растерялся и не знал, радоваться мне или печалиться. Пермь мне рисовалась Сибирской глушью, царством трескучих морозов, краем весьма малонаселенным, с огромными лесными пустынями между редкими жилыми пунктами. Но когда Болотов рассказал, что это в сущности наиболее культурная губерния в России, с неисчислимыми разнообразными богатствами, где

*Владимир Александрович
Грамматчиков (НТМЗ)*

очень много симпатичных людей, с которыми очень приятно жить и иметь дело, что благодаря беспередачному сообщению с Петербургом край этот вовсе нельзя считать далеким, ибо приезжаешь в столицу в начале третьих суток, я совершенно успокоился и даже стал радоваться, что изучу эти новые для меня места, о которых, как я припомнил теперь, рассказывал мне столько интересного В. А. Грамматчиков¹⁰, бывший главноуправляющий заводами Демидова Сан-Донато в Тагиле. Впоследствии мне передавали, что Столыпин¹¹ действительно предполагал сначала назначить меня губернатором в Новгород. Но на одном из совещаний, к которому был

приглашен тогдашний пермский губернатор В. А. Лопухин¹², с последним в присутствии Столыпина сделался сильный припадок астмы, и тут же выяснилось, что Лопухин не может переносить сурового пермского климата. Вот тогда-то министр и изменил свое распоряжение: Лопухина перевели в Новгород, а меня назначили в Пермь.

В Перми важнейшим вопросом управления в это время считалось устройство быта мастеровых заводов, долженствовавших получить земельный надел за сокращением заводской деятельности в силу промышленного кризиса. Около этого вопроса накопилось много страстности и шума, о чем мною подробно будет рассказано в своем месте. Столыпин, назначая меня в Пермь, рассчитывал на мою опытность и знание крестьянского дела и полагал, что я с этим вопросом сумею справиться. Мне хотелось получить назначение в Новгород, потому что эту губернию я очень хорошо изучил за службу мою непременно членом Губернского Присутствия. Несколько серьезных недородов в девяностых годах заставили меня обследовать почти все уезды губернии, а доставка туда заготовленного мною продовольственного хлеба позволила ознакомиться как с их географией, так и с наличным персоналом администрации и земства. Новгородский уезд я знал очень

хорошо по 10-летней своей службе там земским начальником. В этом уезде у меня была небольшая усадьба¹², и, конечно, моя служба новгородским губернатором позволила бы мне жить чаще в своей усадьбе, отстоявшей на расстоянии часа езды от Новгорода, и поработать над ее улучшением и украшением. Желая назначения в Новгород, меня смущало лишь одно. Здесь у меня было много товарищей по прежней службе, и вот эта необходимость стать с бывшими товарищами в начальнические отношения рисовалась мне делом нелегким, требующим и большой выдержки, и пристального за собою наблюдения и много настойчивости в достижении поставленной цели. С большой тревогой я часто обдумывал этот вопрос и, признаюсь, не был уверен, что мне удастся удачно без всяких трений его разрешить. А потому, когда назначение в Новгород не состоялось, я даже был рад, что эта чаша меня миновала.

Не могу не отметить тут, что вот уже второй раз Болотов является вестником серьезной перемены в моей жизни¹⁴. Объясняется это, конечно, очень просто. У Болотова всюду пропасть знакомых, и он всегда в курсе всяких событий в министерских кругах, тем более что, оставив губернаторство в Перми, он не перестал интересоваться своим ведомством и иметь для этого много свободного времени.

Виктор Александрович Лопухин

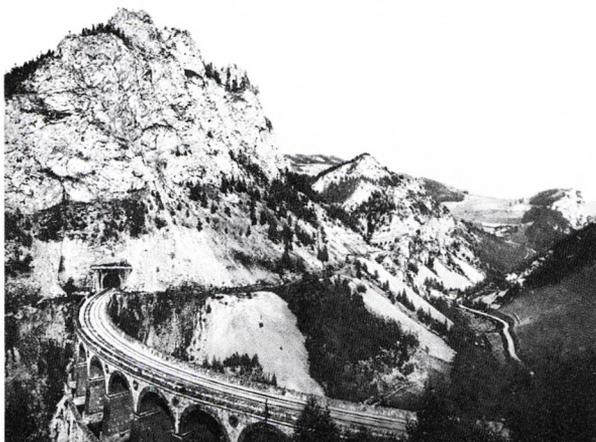
*Александр Владимирович
Болотов (ГАСО)*

Мое назначение губернатором в Пермь должно было изменить все наши предположения о заграничной поездке. Если из-за здоровья сына нельзя было ее отложить, то с другой стороны, нужно было укладывать имущество и мебель для переезда в Пермь. И так как мы жили в двух местах — я в деревне, а дамы мои в Новгороде, то решение последней задачи было не так просто. К счастью, служил тогда очень ловкий и надежный человек Матвей¹⁵, которому отлично можно было поручить укладку всего, что я предполагал взять с собою в Пермь из деревни, так что мое присутствие при этом не было необходимым. А потому мы и решили, что сейчас же, еще до объявления приказа о моем назначении я поеду с сыном в Ниццу, устрою там все с помещением и через неделю туда приедет моя дочь, которая сменит меня и останется с больным, пока жена моя справится с укладкой и отправит вещи в Пермь. Я же вернусь в Петербург, чтобы явиться министру, побывать во всех департаментах разных министерств для ознакомления с текущими пермскими делами, заказать кое-что из платья и т. п. А. В. Болотов как раз в это время тоже направлялся с женой¹⁶ в Ниццу и любезно предложил мне похлопотать там о нашем помещении и пансионе. Болотовы ежегодно ездили в Ниццу и жили в вилле М. С. Толстой, сестры madame Болотовой. Я был чрезвычайно рад такому совпадению, так как в незнакомом месте за границей, мы до того времени во Франции не бывали, у меня будет хорошо осведомленный с местными условиями человек — это раз, а во-вторых, моя семья, остающаяся там без меня, будет пользоваться милым обществом моего всегда жизнерадостного весельчака-приятеля и его на редкость симпатичной жены. Все таким образом сложилось очень удачно.

Вот, наконец, после двухнедельного ожидания получил я билеты в *train de luxe** до самой Ниццы, и мы приехали с больным в автомобиле на Варшавский вокзал. Оставив зимнее платье провожавшему нас швейцару, мы облеклись в вагоне в осенние платья и двинулись в путь. В Варшаве, куда мы приехали днем, нас ожидал по другую сторону платформы поезд на заграничной более узкой колее. Он и должен был доставить нас без пересадки до самой Ниццы. На австрийской границе, ее мы переехали часов [в] 11—12 ночи, к нам в вагон вошли австрийские власти и потребовали наши паспорта. Я крайне был удивлен таким требованием, считая его доселе явлением исключительно русским. Оказывается, это была репрессия, применявшаяся только [к] русским в отместку за требование паспортов при въезде

* Поезд высшего класса (*фр.*).

в Россию. Я не позаботился визировать наши паспорта в австрийском посольстве, что требовалось и от транзитных путешественников, а потому австрийский чиновник не возвратил нам паспортов и заявил, что мы их получим в Ницце через нашего консула по уплате надлежащей мзды за визировку. Это было довольно возмутительное насилие, но ему пришлось покориться. До Вены ехать было отлично, вагон шел плавно, без толчков. Но когда мы вступили в область австрийских Альпов, в знаменитый по своей красоте Земмеринг¹⁷, нас стало так швырять, что проходить в вагон-ресторан можно было, лишь держась за прикрывающие окна от удара медные поручни, и такое швыряние продолжалось вплоть до Средиземного моря. Земмеринг действительно очарователен. Перед глазами разверты-

*Виды Земмеринга
в австрийских Альпах
Открытки рубежа
XIX—XX вв.*

вается картина одна красивее другой и все это так уютно, так полно жизни, что грандиозность нагромождения гор, где железная дорога над одним и тем же местом проходит несколько раз, проделывая петли одна над другой, вовсе не носит характера суровости и все время приветливо улыбается. И такое впечатление получается, несмотря на то, что мы проезжали Земмеринг в пасмурный день и незадолго перед тем выпал снег, покрывший белым налетом ярко зеленевшие лужайки. Неприятная сторона заграничного путешествия — таможенный осмотр багажа — поставлена в поездах *train de lux* очень хорошо. В вагон к вам приходят таможенные чиновники и осматривают ручной багаж, наклеивая на каждую осмотренную вещь ярлычок. Затем, когда дойдет до вас очередь осмотра вещей в багажном вагоне, проводник приглашает вас туда прийти, а сообщение с этим вагоном устроено так же, как и с остальным составом поезда, так что практикуется и на ходу. Вы приходите, отыскиваете свои вещи, суете в руку таможенному солдату несколько мелких монет, открываете ему ваши сундуки, и он бегло их осматривает, докладывает о том чиновнику, накладывает ярлык — вот и все. Вы возвращаетесь к себе в вагон. С другими поездами операция эта прямо отвратительна. Вы должны принести ваш ручной багаж и сундуки из багажного вагона, установить их на прилавке в особом зале и ждать, пока до вас дойдет очередь осмотра. По окончании его обратно сдаете вещи в багаж. И так как на все это дается немного времени, около полчаса, то вас не оставляет все время нервное напряжение, вы суетитесь, раздражаетесь, вам все кажется, что вы опоздаете, и поезд уйдет без вас. Можете себе представить, каково переживать эти передраги, когда вы путешествуете с дамами и их бесчисленными картонками, саквояжами и прочими орудиями пытки.

Но вот мы и на побережье Средиземного моря. До Генуа небо хмурилось, было холодно, не хотелось смотреть в окна. Проскочив тоннель за Генуа, мы вдруг очутились в ином царстве: солнце ярко сияло, морская вода переливалась какими-то особенными голубовато-фиолетовыми тонами, стало жарко, кругом масса цветущей гвоздики, левкоев, в садиках перед домами группы пальм, откосы гор обсажены железной зеленью кактусов. Перемена эта так феерична, так внезапна, что все пассажиры прильнули к окнам и замерли в восхищении. Мне несколько раз приходилось впоследствии проезжать этой дорогой, и всякий раз это впечатление оставалось таким же сильным, таким же захватывающим. Поезд пролетает несколько городков итальянской и французской Ривьеры¹⁸. Все они одного вида: расположены по склонам гор большие благоустроенные трехэтажные дома,

*Ницца. Вид на Английскую набережную («Promenade des Anglais»)
Фото начала XX в.*

чередясь с небольшими разных стилей каменными виллами, везде садики с изумрудными аккуратно подстриженными лужайками, среди которых растут группы пальм и фруктовых деревьев. Дорожки обсажены кустами роз и другими цветущими растениями. В раскрытых окнах проветриваются тюфяки и подушки, на протянутых веревках развешано белье. На станциях к окнам поезда подбегает прислуга из буфетов и за 2 франка предлагает корзиночку с завтраком. Мы купили себе такие корзиночки. В них оказались 2 котлеты, кусок салями, кусок сыра, 2 мандарина и полбутылки Киянти. Все это было отличного качества. Попробуй у нас достать такой завтрак, и вы за него заплатите по крайней мере 3 рубля.

В Ниццу мы приехали часа в 4 дня. На вокзале нас встретил Болотов, которому я послал телеграмму из Вены, и объявил, что оставил нам номер в гостинице Rivoir, расположенной у самой почти promenade. Гостиницу эту содержит вдова бывшего maître-d'hôtel Великого князя Сергея Александровича¹⁹. Она хорошо кормит и берет за пансион недорого: во время сезона 16 франков с персоны, считая тут и комнату, вне сезона 14 фр[анков]. У нее всегда живет много русских и публика все приличная. Между прочим, в этом отеле занимала большое помещение m-me Козелл-Поклевская, жена одного из пермских заводчиков²⁰, с которой Болотов обещал меня познакомить. Ницца — это город гостиниц. Лучшие из них расположены на набережной, у так называемой «Promenade des Anglais», широко вымощенной плитами у самого моря тротуара. Тут же помещается, вдаваясь в море, обширное здание, так называемое Palais de la Jetée, где имеется огромный

*Ницца. Вид на площадь Массена (Place Massena)
Открытка рубежа XIX—XX вв.*

концертный зал, а по бокам размещены столы для игры «в лошадки»²¹. Впрочем, самая шикарная гостиница *Palace Hôtel*, в которой проживала покойная английская королева Виктория²², находится в горах над городом. Вид оттуда на город и на море прямо изумительный. Самый город, особенно старая его часть, ничего красивого не представляет и под стать нашим губернским городам. Лучшие магазины сосредоточены близ *Place Massena* и вдоль улицы *avenue de la Gare*. На этой же площади Массена находится знаменитое казино, где помещаются театры, концертные залы и игральные комнаты, в которых публика проигрывается в «*Trente et quarante*»*. Ницца всегда переполнена русскими. Во время моего приезда их насчитывали до 30 тысяч. Однако уклад местной жизни несколько не соотнобразуется с русскими вкусами и привычками. Содержательница *Rivoir'a* во второй мой приезд в Ниццу, когда я как-то собирал в приемных комнатах гостиницы своих знакомых и просил ее организовать чай и закуску, решила отличиться и выставила на позицию русский самовар (настоящий). Но, увы! Прислуга,

* «Тридцать и сорок» (фр.) — название азартной карточной игры.

*Ницца. Вид улицы Де ла Гар (avenue de la Gare)
Открытка рубежа XIX—XX вв.*

полагала, что воду надо лить в трубу, [поэтому] из этой затеи ничего не вышло, и самовар фигурировал лишь в качестве пышной декорации.

Русские газеты «Новое время» и «Речь» имеются у всех газетчиков, и во время утреннего склоняния публики по promenade мальчишки выкрикивают эти названия и суют их всем русским. Меня всегда изумляла эта способность узнавать русских. Видишь перед собою вполне европейского джентльмена, одетого по всем правилам текущей элегантности, говорит он по-французски или по-английски, мне и в голову не приходит, что это русский, а мальчишки по каким-то совершенно для меня неуловимым черточкам сейчас же узнают нашу национальность и суют ему или «Новое время», или «Речь». Я несколько раз так поражался и пробовал, пристально всматриваясь в субъекта, откопать в нем русские особенности, но это мне не удавалось. Должно быть, их может уловить только глаз иностранца. Я пытался расспрашивать мальчишек, как они узнают русских, но получал лишь неопределенный ответ «ça se voit»*.

* Это видно (фр.).

Карнавал в Ницце. Фото начала XX в.

Мы приехали в Ниццу как раз во время карнавала²³, и кое-что из традиционных торжеств в этой цепи празднеств я видел. Карнавал — это центр ниццкого сезона, им определяются цены гостиниц и пансионатов, так что, очевидно, многие путешественники приезжают сюда именно к этому времени, чтобы насладиться, должно быть, весельем и интересным зрелищем. Я видел между прочим торжественный въезд Его Величества Карнавала. На place Massena были устроены трибуны для публики, желающей видеть этот въезд. За место город взимал что-то около 5 фр[анков], цена по здешним условиям не малая и, несмотря на это, трибуны были полны народом. Раздается какой-то залихватский мотив военного оркестра, и под него открывается по avenue de la Gare шествие. Идут отряды войск с оркестрами музыки. Перед ними и по сторонам колонны беснуются маскированные, окруженные толпами мальчишек. Затем идут целые роты одинаково замаскированных людей с различными эмблемами, напоминающими на текущие политические события, следуют колесницы, изображающие корабли, раковины и т. п. с аллегорическими фигурами богов, вокруг которых идет

пляска. Но вот промежуток. Потом идет оркестр музыки. За ним шеренга маскированных людей. Люди эти кривляются, беззастенчиво канканируют, бросают остроты насчет зрителей, встречаемые общим гомерическим хохотом. Наконец, следует огромная колесница, влекомая шестеркой покрытых попонами лошадей, на которой установлен трон, а на нем сидит саженная кукла в костюме времен Людовиков, изображающая короля Карнавала. Трон окружен разными живыми фигурами, неистово кривляющимися. Публика встречает и провожает шествие криками и аплодисментами. У меня впечатление чрезвычайно странное. Отдаешь данное искусству, с которым придуманы и выполнены эти декоративные фокусы, любишь изяществом иллюминаций, удивляешься многолюдству и подъему настроения публики, но общая веселость казалась мне какой-то деланной и не только собою меня не заражала, а становилась даже как-то немного стыдно за этих больших детей, так нелепо кривляющихся и беспричинно беснующихся, точно это были сильно подвыпившие, выходки которых так неприятно смотреть трезвому человеку. Но огромное, подавляющее число зрителей находило, по-видимому, что все это действительно очень весело, хохотало, острило, перекидываясь громко замечаниями.

Наша жизнь в Revoig устроилась очень комфортабельно. Прекрасные 2 комнаты, вкусный обильный стол, центральное местоположение, и все это стоило 16 фр[анков] в день с персоны, то есть около 6 рублей на наши деньги. В Петрограде такая жизнь стоила бы по крайней мере рублей 15, так мы не умеем устраиваться. В этот свой приезд я пробыл в Ницце около недели, никуда в окрестности не ездил, да и самый город видел мало. Мой сын был очень слаб, двигался с трудом, так что мы мало выходили из дому и не особенно скучали только потому, что нас ежедневно навещал Болотов, заражавший нас обеих своей жизнерадостностью. Дочь моя приехала через неделю. Мы познакомились с М. М. Поклевской-Козелл, которая любезно взяла на себя в мое отсутствие шапронировать*, пока не придет жена, мою дочь. Дня через два после приезда дочери я выехал с тем же экспрессом в Петербург, где, вероятно, уже должен был появиться приказ о моем назначении.

* От *chaperonner* (фр.) — сопровождать, покровительствовать.

Не без волнения ожидал я свидания с П. А. Столыпиным. Мысленно представляя его себе, я воображал, что Петр Аркадьевич заведет со мной беседу о причине моей отставки, станет уверять, что и не думал лишать меня своего доверия, наговорит мне много лестных слов о моей деятельности в Пензе и т. п. Увы! действительность совсем не соответствовала этим ожиданиям. В день назначения мне приема было очень много лиц, ожидающих аудиенции, в том числе 6 или 7 губернаторов, очередь которых предшествовала моей. В числе их помню калужского губернатора князя Горчакова¹ и харьковского Катеринича². Я не встречался с кн[язем] Горчаковым со времени командировки моей в Херсонскую губернию³ и был очень рад с ним повидаться. Князя в это время очень травили газеты из-за столкновений его с земством. Видимо, травля эта его очень нервировала и как будто П. А. Столыпин был не на его стороне. Думаю так потому, что вскоре затем пошли упорные слухи об отставке Горчакова. Я не знаю обстоятельств дела и не могу о нем иметь твердого мнения. Но мне казалось, что борьба велась излишне страстно, внося сюда личное озлобление, много преувеличений.

Ждать мне пришлось очень долго. Такое ожидание вообще очень тягостно, а когда человек не спокоен духом — тем более. Но вот зовут, наконец, и меня. Вхожу в кабинет. Петр Аркадьевич встает из-за письменного стола, снимает очки, кладет их на стол и выходит ко мне навстречу с протянутой рукой и с улыбкой на лице. «Рад вас видеть. Я все забыл, присаживайтесь», — только и сказал он мне, обратившись далее к пермским делам. Признаюсь, меня очень больно задело такое отношение. «Я все забыл» говорило только о моей перед ним вине, как будто бы со стороны министра не было даже и тени повода к моей отставке⁴. Мне показалось это слишком жестоким, слишком эгоистическим. Выходило как будто бы так, что Петр Аркадьевич считал себя вправе бывать резким, причем и никто из губернаторов не должен был допускать даже мысли об обиде, точно Столыпин слишком велик для того, чтобы люди смели ставить его под одну мерку с

простыми смертными. Я так высоко ставил Петра Аркадьевича, так ему глубоко поклонялся, что эта явная, как мне казалось, жестокость и высокомерие ужасно больно умаляли в моем воображении его обаяние. Эта ничтожная в сущности мелочь засе-ла в душе как-то особенно болезнен-но, и я даже теперь не могу говорить о ней без некоторого волнения.

Я не ошибся, что Столыпин на-значил меня пермским губернато-ром, рассчитывая на мой опыт и деловитость. По его словам, управ-ление Пермской губернией, вообще трудное по размерам территории, сложности и разнообразию эконо-мического уклада, в значительной степени осложнилось в последнее время, когда вследствие промышлен-ного кризиса заводская деятельность

стала чувствительно сокращаться. Дело в том, что во время освобождения крестьян от крепостной зависимости и наделения их землею уральское крестьянство, работавшее на заводах, было поставлено в особые условия. Правительство опасалось, что с наделением землею заводских крестьян-мастеровых они бросят работу на фабриках, и последние за отсутствием рабочей силы принуждены будут закрыться, что представляло собою за слабым развитием заводского дела в тогдашнее время большую государ-ственную опасность в смысле постановки военного снаряжения армии. А потому закон, не наделив уральских мастеровых землею, предусмотрел, однако, их право получить земельный надел в том случае, если бы завод почему-либо совсем прекратил или уменьшил свою деятельность и масте-ровые лишились бы возможности кормиться заводской работой. Все ураль-ские заводы работают на древесном топливе: в этом их и слабость, и сила. Слабость — ибо стоимость производства с вздорожанием леса слишком возросла; сила — ибо на каменном угле нельзя получить железо столь вы-сокого качества, как на древесном топливе, и все старания южных заводов

Петр Аркадьевич Столыпин

конкурировать с Уралом в выделке, например, кровельного железа ни к чему не приводили. Такая особенность уральского производства повлекла за собой то, что к каждому заводу приписывались огромные площади леса, долженствовавшие обеспечить их топливом. Мало-помалу весь Урал разбился на отдельные участки, называемые горными округами, в которых в центре располагались заводы, окруженные обширными селениями мастеровых и за ними находились сотни тысяч десятин земли, обеспечивающих лесом работу фабрик. Небольшие участки этой земли по близости селений и по течению речек с разрешения заводской администрации расчищались мастеровыми под покосы и назывались рощистями. Эти рощисты законом признаны в наследственном пользовании мастеровых. Если заводская деятельность уменьшалась, а уменьшение такое, по разъяснению Правительствующего Сената, могло быть и относительным, лишь понижая заработок отдельного рабочего, вовсе не касаясь размера общей производительности, то наступало право мастеровых получить из приписанных к заводу площадей земли надел. Целый ряд экономических факторов, о которых здесь не буду говорить, в начале текущего столетия создал промышленный кризис, и заводы стали работать в убыток, почему и появилось стремление сократить производство. А чтобы многочисленное заводское население совсем не осталось без хлеба, работа была разделена на смены и таким образом каждая фабрика занимала в три раза больше количества людей, чем это было нужно по размерам производства. Это обстоятельство между прочим совсем отделило группу уральских заводов от общерабочих лозунгов в революцию 1905 г. Последние требовали 8-часового рабочего дня, а уральские рабочие мечтали, как бы свои 4 часа работы обратить в 8, 10, 12 и т. д.

И вот получилось на Урале бесспорное уменьшение заводской деятельности, а следовательно, и наступило право требовать наделения землей. По расчету великороссийского Положения о надельных землях, мастеровые каждого горного округа должны были получить много десятков тысяч десятин земли на население каждого завода⁵. Причем эти земли должны быть в возможной близости от селения, а если это почему-либо оказывалось затруднительным, то население вознаграждалось [большим] количеством земли. Такое положение вещей еще более углубило и без того острую классовую борьбу между предпринимателями и рабочими и сделало их требования взаимно непримиримыми. Мастеровые требовали немедленного осуществления своего законного права в полной мере, не идя ни на какие уступки, а владельцы заводов, не оспаривая права населения на надел

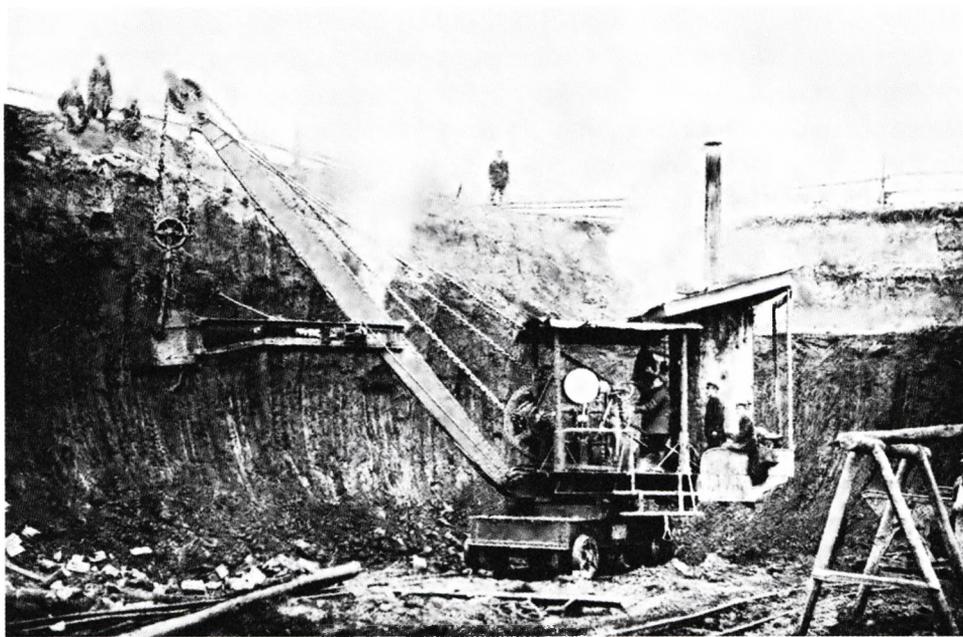
в принципе, ставили осуществлению этого права всевозможные препятствия. Оспаривали частности этого права с точки зрения своих владельческих интересов и, пользуясь неясностью редакции закона, одно и то же дело доводили много раз до Правительствующего Сената по отдельным спорным вопросам, что заставило в конце концов Сенат воспретить принесение таких отдельных жалоб в течение всего процесса, отнеся их к одному моменту по предъявлению самого проекта надела. Заводовладельцы были все магнаты, люди с огромными средствами и связями. Сами они на заводах не жили, деятельность и условия работы их знали лишь в нередко пристрастном освещении наемной администрации.

Вот такое положение вещей делало службу губернатора в Перми крайне затруднительной. Он должен был являться беспристрастным посредником, проявлять много такту и спокойствия в руководстве сложным делом отведения надела. А ведь если интересы непримиримы, то как бы справедливо и законно вы ни действовали, никогда не удовлетворите обе стороны, и каждая из них будет на вас приносить жалобы, а если вы не будете осторожны и действия ваши не будут основаны на ясном для всех законе, ждите попытки колебать и ваше служебное положение. Об этой стороне дела меня и предупреждал Столыпин, говоря, что связи уральских магнатов так велики, что авторитет министра не всегда может с ними с успехом бороться и что тут нужно быть очень осторожным.

От Болотова я узнал, что уральские заводчики объединены своими периодическими съездами и что они создали свой орган — Бюро съезда⁶ под председательством особо избранного лица, которым в 1911 году являлся некий госп[один] Желватых⁷. Он происходил, как мне рассказывали, из среды мастеровых одного из заводов Строганова, получил за счет графа образование и ранее служил в управлении делами Строганова на Урале, которое представляет из себя целое министерство. Граф Строганов⁸ владеет на Урале не более и не менее, как полутора миллионами десятин земли, из которых около 1300 тысяч — превосходного строевого леса. Прежде у него было тут много железодельных заводов, но с наступлением промышленного кризиса производство для безубыточности требовало радикального переоборудования фабрик с затратой для того миллионных капиталов. Граф не хотел этого делать и пошел иной дорогой: постепенно стал закрывать наиболее убыточные заводы и освобождающиеся леса вырубать и сплавлять бревнами в Царицын⁹. Все другие заводчики Урала владели, хотя и меньшими площадями, чем граф Строганов, но все-таки у каждого из них

было несколько сот тысяч десятин. Владение, например, [в] 200 тысяч десятин считалось прямо мелкопоместным.

Признаюсь, сосредоточение таких колоссальных площадей земли в одних руках представлялось мне всегда с государственной точки зрения огромным вредом. Как бы человек ни был талантлив, какими бы капиталами он ни обладал, ему не под силу вести надлежащее хозяйство на таких площадях, извлекать из них всю ту пользу, которую они способны дать. А потому такие латифундии по самой своей породе обречены быть бездоходными, являются тормозом для прогресса страны. Говорят, что уральские заводы, делающие железо на древесном топливе, неизбежно требуют наличности огромных площадей леса. Для меня теперь совершенно ясно, что это отчасти неосновательные отговорки, отчасти причина ненадлежащей высоты заводской техники. В самом деле — уральские заводы действуют чуть ли не со времен Иоанна Грозного, несколько столетий во всяком случае. Рубка леса была всегда беспощадной, совершенно хищнической как со стороны заводууправлений, так и многотысячного населения мастеровых каждого завода. А между тем в каждом заводском горном округе имеются огромные площади леса, в которых еще не бывала человеческая нога и где лес до последнего времени гнил на корню. Только страшное повышение цены на дерево, развитие в крае железнодорожного строительства и огромный спрос за границу через Архангельск заставили владельцев заняться рубкой и торговлей лесом. Обилие леса и отсутствие сбыта естественно привели к древесному топливу на заводах. А потому поисков каменного угля, несомненно имеющегося на Урале в огромных количествах и всякого качества, совсем не производилось и лишь в последние годы князь Абамелек-Лазарев¹⁰ организовал у себя в имении разработку угля на Кизеловских копиях¹¹, которым отапливаются все местные железные дороги и заводы, не выделяющие железо. Уже в бытность мою губернатором Богословские заводы нашли у себя пласты угля огромной мощности¹² и у самой поверхности земли. Я лично видел добычу этого угля экскаваторами прямо с поверхности¹³. Наконец, самое несовершенство выделки железа на каменном угле, я глубоко в том уверен, обуславливается лишь тем, что человеческому гению не было крайней нужды бороться с этим несовершенством, а то оно давно бы было устранено. Ведь всякому профану теперь совершенно ясно, что рубить драгоценный лес, строевые деревья на уголь, которым отапливаются фабрики, производящие дешевый продукт (чугун), является возмутительным расточительством, которому нет оправдания. Единственная положительная

Паровой экскаватор на Урале. 1910-е гг.

сторона таких латифундий заключается разве только в том, что эти лесные богатства кое-как сохранились до нашего времени. Да и то заслуга тут не со стороны владельцев, а заключается в условиях края, его малонаселенность, бездорожье и т. п.

Я поехал познакомиться с госп[одином] Желватых, и тот очень любезно меня принял и многое порассказал об условиях Пермской губернии, а главное о земельном вопросе с точки зрения заводовладельцев и предложил мне, если у меня будет время, собрать как-нибудь в своем бюро представителей заводов и устроить со мною собеседование о текущих уральских злобах дня. Я с радостью ухватился за это предложение: оно давало мне возможность познакомиться и с представителями наиболее влиятельной группы людей губернии и с их интересами, как они их понимают сами. Вопрос о наделении землей уральских мастеровых даже теоретически был мне совершенно неизвестен, так как он предусмотрен особым законом, не действующим в остальной России. А если в этом законе и имелись ссылки на общее крестьянское законодательство, то все-таки они касались таких моментов наделения, которые уже давно осуществлены в России и не

входят в текущую практику крестьянских учреждений. Так что мне предстояло совершенно новое дело, которое нужно было изучить прежде всего теоретически. Потому я попросил г[осподина] Желватых собеседование несколько отдалить, чтобы мне успеть изучить хотя бы поверхностно относящиеся наделению мастеровых законы. Когда я успел в этом вопросе несколько сориентироваться, я просил назначить собеседование, на что сейчас же получил любезное согласие.

Вечером в выбранный г[осподином] Желватых день приехал я в бюро съезда, тогда помещавшийся на Большой Морской¹⁴, и застал там очень многочисленное сборище. Желватых познакомил меня со всеми, называя фамилии и тот завод, представителем которого является данное лицо. Как всегда это бывает, в памяти у меня перепутались все лица, и я никогда не мог вспомнить позднее, за весьма редким исключением, кто именно из заводских представителей участвовал в этом собеседовании. Некоторых лиц, однако, я твердо запомнил, так как наша беседа вертелась около вопросов, касавшихся отдельных часто называвшихся заводов. Помню я, например, обоих представителей заводов графа Строганова: г[осподина] Бардинцева¹⁵ и генерала Римского-Корсакова¹⁶. Как распределялись функции заведования между этими двумя лицами, мне было неясно. Кажется, что Бардинцев ведал юридическую сторону дела, а генерал административную. Со стороны Богословских заводов мне врезался в память инженер Фигнер¹⁷, с которым я иногда встречался и позднее. Были тут и сами собственники заводов, как Стембель-Фермор¹⁸ и граф Граббе¹⁹, но они говорили мало и у меня не осталось о них определенного воспоминания.

Разговор все время вертелся в области вопроса о наделении землей мастеровых и в частности касался того расчета, по которому должно было совершаться это наделение. Как раз в эту минуту шел в обществе на эту тему горячий спор, перешедший затем и в общую печать. Сущность этого вопроса заключается вот в чем. Закон о наделении мастеровых постоянно ссылается на общее крестьянское законодательство, где все расчеты производятся исключительно на ревизские души, то есть [на] то число мужского населения данного селения, которое числилось в нем по последней ревизии 1859 года. В настоящее время действительное число наличного мужского населения превышало число ревизского примерно в 2 ½ раза. Таким образом, вопрос, по какому счету вести наделение: по ревизскому, как говорит буква закона, или по наличному, как домогались мастеровые, имел огромное значение для обеих сторон. Представители власти тоже в этом вопросе

разошлись. Министерство внутренних дел, в котором земский отдел ведал всем объемом крестьянского вопроса, придерживалось буквы закона, и наделение мастеровых казенных горных заводов, почти уже вполне завершенное еще до моего вступления в должность губернатора, было произведено из расчета по ревизским душам. Естественно, что крестьянские учреждения и в отношении частновладельческих земель держались того же порядка. Поэтому, когда пришлось наделять мастеровых закрывшихся Павловского и Очерского заводов²⁰ графа Строганова, надел был спроектирован по ревизским душам и в таком виде предъявлен мастеровым. Доверенный мастеровых некий Жилинский²¹, о котором я скажу ниже несколько слов, подал на такое определение жалобу в Правительствующий Сенат, и последний совершенно неожиданно отменил определение Пермского губернского присутствия и предписал произвести расчет надела по наличным душам. Как видно из определения Сената, он руководствовался в этом вопросе не столько прямым смыслом закона, сколько разъяснением намерений законодателя. Предупреждаю, однако, читателя, что я излагаю соображения эти по памяти, не имея перед собою подлинного указа или письменных из него выдержек. Сенат находил, что по закону на заводовладельцах лежит обязанность обеспечить существование мастеровых, лишившихся на заводах заработка. Если бы земля была нарезана по ревизским душам, то фактически каждой мастеровой получил бы не то обеспечение, которое было установлено законодателем в 1861 году при освобождении крестьян от крепостной зависимости, а в 2 ½ раза меньше, что, конечно, с значительным увеличением к тому же стоимости жизни с того времени нельзя считать достаточным для обеспечения быта населения. Счет на ревизские души в 1861 г. почти соответствовал наличному числу мужского населения Империи, и законодатель на нем остановился лишь как на новейшем официальном статистическом материале, а потому Сенат находил совершенно неправильным придавать этому счету какое-то самодовлеющее значение да еще в ущерб основному намерению законодателя.

Мне лично казались эти соображения безусловно справедливыми, и я думал, что едва ли против них можно даже возражать. Однако заводовладельцы были иного мнения. В нашем собеседовании они говорили, что мастеровые никогда не сделаются земледельцами, ибо тысячелетний опыт человечества показывает, что люди, поколениями усваивавшие себе более трудные технически способы добывания средств к жизни, не переходят к более элементарным, что допущение возможности чего-либо подобного было

бы равносильно отрицанию естественной эволюции уклада жизни. А если это так, то наделение земель мастеровых вовсе не представляет собою обеспечения их быта, его они требуют из-за соображений чисто хищнического характера — продать за бесценок конечно произрастающий на наделе лес, чему уже имеется много примеров в губернии среди мастеровых казенных заводов. Выделение же огромной площади надела из заводских дач несомненно затруднит и очень удорожит производство заводов, так как даже при наличии достаточных запасов леса ближайшие площади его отойдут мастеровым в надел и заводу придется заготавливать уголь в дальних лесосеках, что поднимет, конечно, его цену. Во многих же заводах, по словам моих собеседников, лесная площадь и теперь недостаточна, а при выделении надела такие заводы останутся без топлива и принуждены будут закрыться. Во славу чего же, говорили они, при таких условиях отступить от прямого смысла закона и увеличивать разруху государственно важного дела в 2 ½ раза? Некоторые из заводчиков, особенно, сколько помню, представители графа Строганова, заявляли, что в 1861 году не был дан надел мастеровым по соображениям государственной необходимости, а вовсе не в интересах заводчиков. Если в этом году закон возложит на всех землевладельцев империи известные жертвы в пользу крепостного крестьянства, то объем жертвы для всех одинаков и определяется совершенно точно умножением районного размера душевного надела на число ревизских душ. За что же, спрашивается, уральские землевладельцы должны принести жертву в 2 ½ раза большую? Ведь, если подождать с выделением надела еще, скажем, сотню лет, то всей законной заводской площади не хватит для разверстки по наличным душам и владелец будет совсем обез[зе]млен. А разве это правильно?

На эти очень веские соображения я мог сделать одно только возражение, что с 1861 года площадью надела пользовались заводчики, а не мастеровые, а поэтому первые уже как будто бы получили вознаграждение за увеличившуюся теперь площадь надела. Но я сам сознавал слабость этого возражения. Я забыл сказать, что товарищ министра, присутствовавший в заседании Сената, когда было вынесено решение о наличных душах, остался при особом мнении, и министерство намерено было опротестовать это определение в общее собрание. Но самый протест почему-то задержался, а тем временем Сенат прислал указ пермскому губернатору с требованием немедленного, как это полагается, исполнения. Когда Столыпин узнал о посылке указа, то, предвидя те замешательства, к которым приведет даль-

нейшее производство местных крестьянских учреждений по расчету на личные души, если этот расчет не пройдет в общем собрании Сената, он секретно предложил приостановить работу впредь до разрешения вопроса. Это секретное распоряжение, по вине канцелярии Губернского присутствия, попало на глаза Жилинскому, было оглашено последним в газетах, и вот начинается газетная кампания против пермского губернатора и Министерства Внутренних дел, хотя и подчиняющихся якобы распоряжениям Сената из-за отстаивания интересов могущественных уральских магнатов и в ущерб самых кровных прав мастеровых заводов.

Эта кампания началась с самым моим назначением в Пермь, так что в глазах прессы виновником такого преступления являлся именно я и в некоторых газетах называлась моя фамилия. Писать опровержения ввиду секретного распоряжения министерства было неудобно, так что мне волей-неволей пришлось безмолвно взять возводимую вину на себя. На описываемом мною собеседовании мне задавали вопрос, как я намерен тут действовать, но я ограничился неопределенным ответом, указывая, что губернатор не имеет права не исполнять распоряжения Сената, если они ему сообщены.

Поздно вечером закончилась наша беседа, и господа заводчики пригласили меня закрепить наше знакомство ужином у «Медведя»²². Я всячески пытался от этого уклониться, но это мне не удалось, и пришлось поехать. За ужином продолжался прерванный о пермских делах разговор, но беседа стала много непринужденнее. За этот вечер я узнал о предстоящей мне работе очень многое. Жалобы заводчиков я, конечно, остерегался считать про себя основательными, как бы не казались убедительными их аргументы, ибо они исходили от заинтересован-

*Бар ресторана
«Медведь»,
Санкт-Петербург
Фото 1906 г.*

ной стороны. Но мне сразу наметились весьма важные задачи, которые предстояло уяснить себе на месте.

Теперь несколько слов о Жилинском, поверенном мастеровых многих заводов на Урале. В течение всего моего губернаторства тянулись дела о наделении мастеровых частновладельческих заводов, и мне неоднократно приходилось сталкиваться с Жилинским и вынести о нем и его деятельности совершенно определенное впечатление. Это был уже пожилой человек, маленького роста, существо крайне, по-видимому, нервное, а потому иногда невыдержанное. Он служил в девяностых годах земским начальником²³ в Пермской губернии, работая по отводу наделов мастеровым казенных заводов и, как мне говорили, за пристрастное отношение к этой работе, к интересам мастеровых во вред казне, должен был после ревизии крестьянских учреждений Пермской губернии управлявшим земским отделом Савичем²⁴ оставить службу. Такая личная неудача, конечно, не могла не оставить в душе его известной горечи, и мир крестьянских учреждений стал враждебной для него средой. Когда же, благодаря знанию закона, ему удалось стать доверенным мастеровых, г[осподину] Жилинскому пришлось с этими учреждениями и их постановлениями вступить в прямую борьбу. Жалобы его почти всегда писались в крайне резком тоне, переходившем иногда и границы дозволенного. Неожиданная удача в Сенате по Павловскому и Очерскому делу с признанием расчета по наличным душам необыкновенно окрылила его и сделала слишком самоуверенным и даже дерзким. Он обыкновенно не просил, а повышенным тоном требовал, на всяком шагу грозил приносить жалобы и т. п. А когда через него газеты огласили секретное распоряжение Столыпина и выяснилась допущенная при этом небрежность канцелярии Губернского присутствия, господа непременные члены Губернского присутствия стали относиться к нему с ненавистью и в таком состоянии бывали, конечно, в отношении Жилинского недостаточно корректными. На него сыпались обвинения в недобросовестном отношении к своим доверителям, чрезмерных поборах за ведение дела и т. п.

Я счел необходимым поближе познакомиться с г[осподином] Жилинским внимательно и доброжелательно выслушать его жалобы и законные требования, старался быть в отношении его вежливым и сразу же, как мне кажется, разоружил его, и он стал доверчивым и спокойным. Надо сказать, что подававшиеся им в Правительствующий Сенат жалобы мне были известны, производили впечатление своей логичностью и сильной аргументацией и вообще были талантливо, хотя и несдержанно написаны. Когда я сказал ему

об этом впечатлении, он был, по-видимому, очень польщен, и с тех пор у нас с ним установились хорошие отношения и такими остались до самого оставления мною Перми. Я убедился, что Жилинский был порядочным человеком и тепло относился к доверившимся ему мастерам. Он получал от них вознаграждение, но размер такового не представлял собою ничего чрезвычайного и во всяком случае был Жилинским вполне заслужен. Мои порядочные отношения с Жилинским способствовали более успешному ходу вопроса о наделении и дела[ли] мастеровых более податливыми во второстепенных вопросах спора, что совсем нельзя сказать о представителях графа Строганова, но об этом я буду говорить подробно позже.

Примерно около 20-х чисел марта покончил я со всеми делами в Петрограде, побывал во всех министерствах, получил от Болотова характеристики всех выдающихся людей Пермской губернии, и мне можно было наконец уехать по назначению. На Северной дороге мне отвели большое четырехместное купе; со мною в ближайшем вагоне 3-го класса ехал мой человек Матвей со своей женой, которая согласилась снова, как было в Пензе, взять на себя обязанности горничной. Ехали мы с полным комфортом, но, к сожалению, в расчете на станционные буфеты, я не взял с собой никакой провизии и горько о том раскаивался, так как на станциях кормили так гнусно, что я прямо заболел, хотя последний день ничего не ел и ограничился одним чаем с сухой булкой. Таких отвратительных буфетов, как на Северной дороге, я решительно нигде не встречал. Впоследствии, отправляясь в Петербург или возвращаясь из него, я обязательно брал еду, чего [ранее] я никогда не делал, это так скучно.

На третий день часов в 11 утра стали мы приближаться к Перми¹. Я переделался в форменное платье, так как меня наверно встретят мои будущие подчиненные; о своем приезде я телефонировал вице-губернатору Европеус², тому самому, с которым встречался в Самаре в бытность его там земским начальником. Действительно, на платформе оказались Европеус и полицмейстер Церешкевич³, высокий бравый мужчина с огромными усами, занимавший это место и при Болотове, потому несколько мне знакомый со слов последнего. Поздоровавшись, Европеус сказал, что сейчас подадут вагон, который нас доведет по ветке на станцию, находящуюся в самом городе. Туда не заходят поезда и публика высаживается здесь в верстах 4—5 от города. Как это по-русски! Иметь станцию в самом центре большого города, как раз против пароходных пристаней, и заставлять публику тратить большие деньги и время на поезд на извозчиках чуть [не] на 5 верст. Я много раз пробовал добиться от инженеров объяснения этого нелепого явления, но мне говорили всякий вздор вроде того, что станция в городе тесна, хотя от нее отходят и приходят все поезда горнозаводской железной дороги, что

заход в город увеличивает время пробега сибирских поездов и т. п. Когда к нам в Пермь приезжал министр путей сообщения Рухлов⁴, я ему рассказал об этом курьезе, прибавив, что на создание возможности заезда поездов в самый город к пристаням многоводной огромной реки и в Западной Европе не пожалели бы десятков миллионов, а вот мы имеем такой за-

*Здание вокзала станции Пермь II
Фото начала XX в. (ГАПО)*

езд готовым и им не пользуемся. Рухлов, чтобы, видимо, отделаться, бросил фразу: «Это только временно», но, должно быть, сам он уже проникся путейским мирозерцанием и на такое бессмысленное над интересами публики издевательство совсем уже не реагировал. Остановка поездов в 5 верстах от Перми практикуется и поныне.

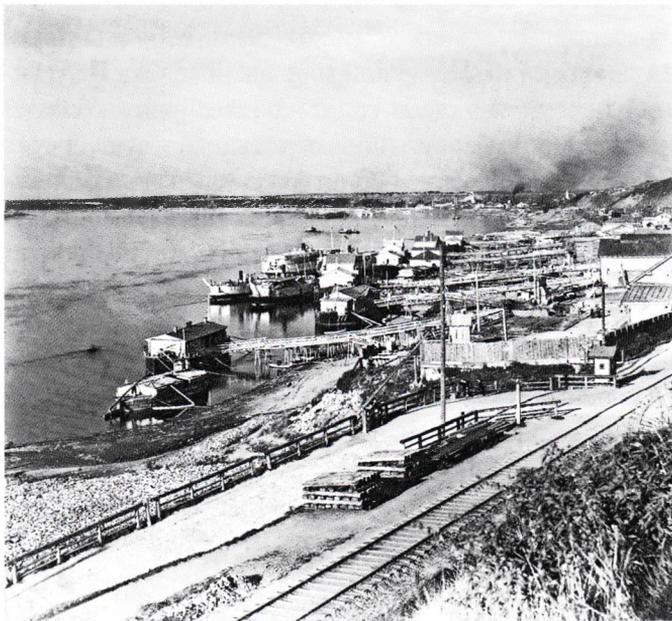
На горнозаводском вокзале в парадных комнатах были собраны представители всех учреждений губернии. Пермский городской голова П. А. Рябинин⁵ встретил меня поднесением хлеба-соли на серебряном блюде, А. В. Болотов мне говорил, что в губернии повсюду издавна существует обычай встречать первый приезд в город губернатора такими подношениями. Не желая вводить городские самоуправления в излишние расходы, он издал приказ, объявляя, что воспрещает подносить хлеб-соль на ценных блюдах. Я не считал возможным последовать такому примеру. Слишком деликатной области он касается. Ведь кто же может поручиться, что в ответ на такой приказ не последует заявление, что, мол, никто и не собирался вас чествовать. Насколько я понимаю, подобным воспрещением имелось в виду прекратить некоторое, что ли, невольное куртуанство* со стороны городских голов и городских самоуправлений. Но всякий, знающий провинциальную жизнь и всегда ревнивую чуткость, с которой эти органы

* Куртуанство — любезность, изысканная вежливость (от фр. *courtois* — учтивый, любезный, вежливый, галантный).

отграничивают свою независимость от администрации, соглашается со мной, что такая забота по крайней мере не нужна и может быть даже истолкована как незаслуженное пренебрежение весьма любезной и даже трогательной приветливостью.

Вице-губернатор представлял мне всех явившихся и, как это всегда бывает, у меня осталось некоторое определенное воспоминание лишь о 2—3 лицах, остальные все смешались. Я закончил это первое свое знакомство со своими будущими сотрудниками обычным приглашением помочь мне в предстоящей совместной работе, раскланялся и отправился с Европеусом в собор. Полицмейстер где-то достал и заранее приготовил нарядные парные сани, и мы поехали. Я внимательно присматривался к новому для меня городу и тут же был поражен тем, что красота могучей Камы не ценится городом, набережная представляет собою довольно заброшенное предместье, и сам город своими лучшими улицами и площадями не желает в нее смотреться, как это имеет место, например, в Петрограде. Да, пожалуй, у нас в России повсюду города мало пользуются величием больших рек для своего украшения. Лучший пример тому — ну хоть та же Самара.

В соборе меня встретило духовенство, отслужило краткое молебствие, после которого мы отправились к преосвященному Палладию⁶ в его по-

кои, находящиеся рядом с собором⁷. Архиерей был предрепрежден вице-губернатором и меня ожидал. Это оказалось совсем еще молодой для архиерея человек, лет 40 с серым нездоровым лицом, испорченным оспой, в очках,

*Набережная Перми
Фото
С. М. Прокудина-Горского
1910 г. (БК)*

*Губернаторский дом
в Перми. 1914 г.
(Архив Д. Б. Кошко)*

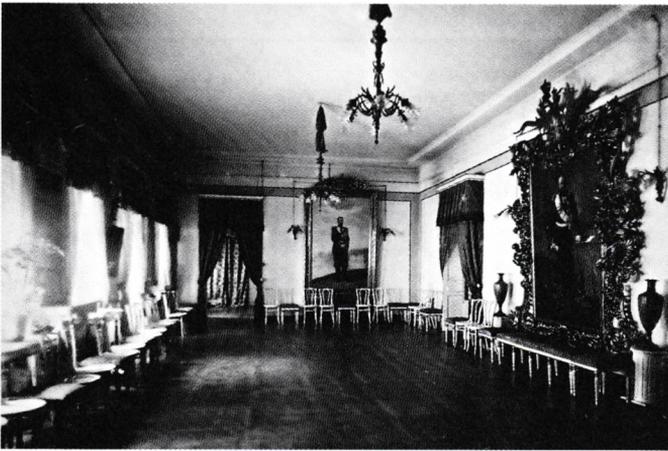

в великолепной шелковой рясе, с драгоценной панагией. У нас завязалась ничего не значащая беседа, в которой преосвященный говорил много о себе, посвятил меня в бывшее за несколько дней до моего приезда торжество — поднесение

ему прихожанами посоха или митры (точно не помню). Говорил он много, несколько певуче, тем особым цветистым языком русского интеллигента, которым блещут молодые магистры духовной академии, ужасно стыдящиеся обычного ойского говора на «о». Производил он впечатление очень самолюбивого человека, крайне избалованного теми почестями, которыми у нас обыкновенно окружают правящих архиереев и привыкшего видеть в этих почестях нечто ему довлеющее. Для меня он, видимо, подчеркивал свои отличные отношения к Петру Аркадьевичу Столыпину, с которым был якобы дружен на посту Вольского викария, когда Столыпин был саратовским губернатором. Общее впечатление все-таки довольно симпатичное и обращение со мной изысканно любезное. К сожалению, наши отношения впоследствии не сложились и хотя наружно были всегда корректными, но мы друг другу явно не симпатизировали, о чем знал весь город.

От архиерея мы поехали в губернаторский дом⁸. Он стоит на углу главной Сибирской улицы⁹ и Екатериновской¹⁰, представляет из себя изящный одноэтажный дом с антресолями, с большим липовым садом¹¹ и кучею разных хозяйственных построек на обширной усадьбе. До Болотова это было старое полузаброшенное здание с мелкими окнами, не имеющее вестибюля. Болотов выхлопотал в Департаменте общих дел порядочную сумму на ремонт и на нее [устроил] отдельный фасад, переменял в окнах рамы, пристроил обширную прихожую, так что получился очень нарядный и удобный дом. Мой предшественник В. А. Лопухин исхлопотал из того же источника ассигнование 5 тысяч рублей и на эти деньги предполагал в одной части

ДОМ
ГУБЕРНАТОРА
в 1914 году
(из семейного
альбома Кошко)

Портретный зал

*Зал-
столовая*

Гостиная

*Кабинет
Ивана Францевича*

*Сын Борис
в своей
комнате*

*Комната
дочери*

*Дом губернатора
Выход в сад. 1914 г.
(Архив Д. Б. Кошко)*

антресолей, выходящих в сад, поднять стены, устроив таким образом второй этаж на солнечной стороне, и сделать там спальни. Мне было жалко уничтожить антресоли. В старину каждый деревенский дом с усадьбой строился с антресолями, в них имеется на мой вкус какая-то особая прелесть. Это помещение, как оно есть, могло представить собою прекрасное отдельное помещение для моего сына, а комнаты были так велики, что бояться нехватки воздуха не приходилось. Зал же и столовая в доме были далеко не нарядны и по размерам совсем недостаточными. А потому, осмотревшись, я решил использовать небольшой палисадник, выходящий на Екатерининскую улицу, между двумя крыльями дома, выстроить стену, соединяющую оба крыла, покрыть это и таким образом получится большой зал с колоннами и особая прихожая с выходом на Екатерининскую улицу. До этого выход на Екатерининскую улицу был только через приемную у губернаторского кабинета и очень стеснял обитателей дома. Этот новый нарядный зал был обращен мною в столовую. В ней во время одного из очередных земских губернских собраний мы устроили раут, и тут ужинали за маленькими столиками почти 120 человек, и вовсе не было тесно. При желании возможно было устроить тут танцевальный зал, обратив прежний зал с портретами в столовую.

Сверх обыкновения дом оказался достаточно меблированным и лишь антресоли стояли пустыми. А когда прибыла моя мебель, то даже получился излишек мебели. За время моего губернаторства я прикупил лишь 2 трюмо для гостиной, а в каретнике разыскал недурную старинную кабинетную мебель. Она была хотя и поломана, но при небольшом ремонте ее привели в порядок, обили новой материей и поставили в мою спальню. Вообще при мне обстановка в губернаторском доме была не только прилична, а, по словам князя С. Е. Львова¹², даже нарядна. Нам очень нравился этот дом, и мы

считали его очень уютным и удобным. Первые дни по приезде я не вступал в исполнение должности, так как по справке на железной дороге прибыли наши вещи и мне нужно было их расставить. Я всегда сам устанавливал мебель, а на этот раз это пришлось сделать поневоле, так как все мои были за границей и их возвращение предполагалось не ранее половины июня, если не позже. Я же собрал и нужный штат прислуги, то есть нанял кухарку, второго лакея, кучера и пензенского стражника Михайло, который последние годы бессменно дежурил у меня в Пензе при губернаторском доме и постоянно сопровождал меня в поездках по губернии. Он стал проситься взять его на службу в Пермь. Я с удовольствием на это согласился, и он вместе со стражниками Алексеем Некурящим, дежурившим при доме еще со времен Болотова, составляли собою все время моего губернаторства охрану дома и к ним прибавлялся еще пост городского у подъезда.

Владимир Иванович Европеус был в то время еще совершенно молодым человеком, едва ли ему даже минуло 40 лет. Среднего роста, скрадываемого несколько округленностью брюшка, коренастая его фигура едва ли могла быть названной красивой, что не мешало ему, однако, очень нравиться женщинам и быть предметом весьма пылкого обожания многих из них. Большие карие глаза, когда улыбались и не косили, составляли прелесть этого лица. Глаза эти в минуты гнева способны были метать молнии. Добродушно-грубоватая речь старого кадета, уснащенная крупными словечками, была отличительным свойством Владимира Ивановича и пленяла сердца многих подчиненных ему маленьких людей, которые чувствовали себя в его обществе сразу без всякой принужденности. Он знал это и, мне кажется, иногда сознательно пускал в ход такой тон в обращении. Доброты этот человек был необыкновенной. Его мать из хорошей дворянской семьи фамилии Анненковых¹³ осталась после мужа с кучей маленьких детей без всяких средств к существованию. Путем необыкновенной энергии, самопожертвования, унижения перед богатой родней ей удалось все-таки вывести детей на дорогу. И когда Владимир Иванович устроился со службой и женился, он взял на себя заботу и о старухе матери, и о больных братьях. Старуха жила исключительно на его средства и, обладая невозможным характером, страшно отравляла жизнь сыну и невестке и вмешивалась весьма бестактно даже в сферу служебной деятельности. Известно, например, всем, как она писала Столыпину письмо с выговорами, что тот не дает сыну достаточно скоро движения по службе¹⁴. Европеус выходил из себя, бранился, но порывать со старухой не решался, неся этот крест много лет до самой ее смерти.

*Владимир Иванович Европеус
1914 г. (Архив Д. Б. Кошко)*

Ко всем людям, особенно попавшим в беду, он относился страшно участливо, хлопотал за них где мог и не успокаивался до тех пор, пока так или иначе их не устраивал.

Мне особенно памятен случай с неким князем Ратьевым¹⁵. Он был допущен Болотовым к исполнению должности земского начальника. Но так как у него совсем не было образовательного ценза, то министерство потребовало увольнения Ратьева от этой деятельности, и тот внезапно очутился без куска хлеба. Европеус сейчас же проникся к нему участием и неделями приставал ко мне, чтобы я устроил Ратьева к себе в чиновники особых поручений. В одно прекрасное утро он вырвал у меня, наконец, на то согласие и сейчас же повел так дело, что

я уже больше не мог перерешить: откуда-то взялся Ратьев с горячей благодарностью и т. п. За такую помощь Ратьев оплатил Европеусу тем, что распространял на счет его самого и его жены всякие гадости и делал их постоянным предметом своих крайне злых насмешек.

Владимир Иванович постоянно кем-либо горячо восхищался, превозносил его до небес, находил в этом человеке какие-то небывалые таланты. Как скоро он зажигался восхищением, так же скоро и разочаровывался и не знал тогда уже меры осуждения. Впрочем, такая острая неприязнь не была длительной и часто переходила в припадок нового восхищения, хотя и более умеренного. По природе Европеус был не только нерасчетливым, а просто не умел обращаться с деньгами. Он швырял ими как щепками. Выросший в сравнительной бедности, у него были такие дорогие вкусы, точно у какого-то магната. Весьма понятно поэтому, что, обзаведясь целым пансионом младенцев, имея на руках старушку мать, он вечно крайне нуждался и из затруднений не выходил. А если ему неожиданно приходила откуда-нибудь помощь, то он так неумело с ней обращался, что не получалось в сущности ни малейшего толку. Гостеприимен он был до крайности и гости у них в доме не переводились. По службе Владимир Иванович являлся очень

способным человеком, отлично и скоро ориентировался во всяком новом деле, нравящуюся ему работу делал прямо превосходно и, если у него что недоставало — то лишь регулярности в труде, так что ежедневную свою шаблонную деятельность он вел несколько небрежно. Говорил он недурно, мысли свои формулировал выразительно, но, к сожалению, имел привычку уснащать речь без всякой надобности иностранными словами, причем часто по какой-то странной рассеянности путая эти нужные ему слова с другими, похоже звучащими, например версия и диверсия и т. п. Я неоднократно убеждался, что эта путаница не более как lapsus lingua*, но она давала повод рассказывать на его счет забавные анекдоты, которые широко ходили по нашему министерству.

Вера Арсеньевна Европеус была маленькой, весьма подвижной и даже суетливой дамой с решительной и необыкновенно скоропалительной речью. Она рано лишилась матери и стала вести хозяйство обожавшего ее отца, управлявшего отделением Государственного Банка в Самаре. В доме отца воля ее была законом, как для самого хозяина, так и для всех ее окружавших. Это сделало ее маленьким тираном и привычки властвовать и повелевать остались на всю жизнь, несмотря на многие удары судьбы. Она была по природе необыкновенно правдивой и говорила всем, даже людям, от которых зависела судьба ее лично и мужа, как ей казалось, правду-матку, хотя эта правда очень и очень часто была далеко от действительной правды, и представляла собой нередко только плод ее не всегда уравновешенного воображения. Но тем не менее эта рыцарская черта была очень почтенна и меня всегда трогала. Если она говорила, что Вы ей нравитесь, то вы могли быть совершенно уверенным, что это именно так, так как никакие житейские блага не могли ее приневолить выказать не симпатичному ей человеку хотя

*Вера Арсеньевна Европеус
1914 г. (Архив Д. Б. Кошко)*

* Буквально: ошибка языка (*лат.*). Здесь: речевая ошибка, оговорка.

бы тень расположения. Это вообще неудобная в жизни черта, а когда занимаешь заметное положение в обществе, тем более. Но серьезные на этой почве неприятности не могли изменить Веру Арсеньевну. Мужа своего она обожала самой пылкой любовью и в этом чувстве не знала никакой меры. Она способна была для мужа пожертвовать своей жизнью, если бы это было нужно и в то же время отравляла ему существование невообразимой ревностью. Если Владимир Иванович нередко давал повод для такого чувства, то все-таки ревность Веры Арсеньевны главнейшим образом питалась ее воображением и подозрительностью. Самыми жестокими ее недругами были лица, которые, как ей казалось, баламутили Владимира Ивановича и увлекали его в область волокитства. Она, например, совершенно не выносила полицеймейстера Церешкевича, при встречах говорила ему прямо невозможные вещи, на которые тот только добродушно улыбался. А все из-за того, что и сам Церешкевич в сфере ухаживания много грешил и нередко разделял здесь компанию с Владимиром Ивановичем.

Она ужасно любила хлопотать и по устройству всяких благотворительных затей — это было ее сферой. Она до такой степени вся вошла в это дело, что по этому поводу стали даже раздаваться нарекания, что вице-губернаторша своими благотворительными затеями прямо разоряет пермское общество, и я принужден был ее тут ограничить, допуская ее участие в благотворительности не более двух раз в год. Увы! Эта вынужденная сдержанность много раз пыталась прорываться за установленные барьеры, но я старался быть возможно тверже и добился некоторого ослабления. Будучи в общем неглупой женщиной, она в то же время была очень легковерна и всякий рассказ, всякий слух принимала за правду и сейчас же им делилась со своими знакомыми. Это часто ставило Владимира Ивановича в неловкое положение, и он из него обычно выходил громким заявлением, что Веру Арсеньевну за ее легковерие скоро будут бить, над чем все искренне смеялись и что всех сразу же разоружало. По доброте она не уступала своему мужу, за всех хлопотала, обивала пороги всех учреждений с ходатайствами за бедноту. Друзей своих она искренне любила и не позволяла никому обидеть их даже холодным взглядом. Я очень любил Веру Арсеньевну и никогда не сердился, когда она меня распекала за мои кажущиеся ей вины. До самого моего отъезда наши отношения были наилучшими.

Я как-то упомянул выше в связи с именем Веры Арсеньевны Европеец о полицеймейстере Церешкевиче. Вот несколько слов о нем. Человек очень большого роста, довольно стройный, всегда хорошо одетый, с сильно

подчеркнутыми манерами военной выправки, он был типом провинциального бравого полицеймейстера. Огромные усы, длина которых увеличивалась подусниками, как нельзя более гармонировали с его служебным положением, и они показались бы странными и неуместными на лице человека всякой иной специальности, даже, пожалуй, военного. Церешкевич всегда очень кичился своим происхождением из хорошей дворянской семьи и усиленно культивировал все то, что особенно характеризовало прежний дворянский уклад жизни: держал кучу собак, барышничал лошадьми, у него всегда стояли Бог знает для чего огромные клетки с племенными, по его словам, премированными на выставках

*Николай Николаевич
Церешкевич (ГАПО)*

курами. Дом его отличался небывалым гостеприимством, которым широко пользовались его приятели в Перми и из губернии. Жизнь он вел рассеянную, постоянно принимал участие в кутежах и принадлежал к особой компании, которая сама величала себя «компанией алкоголиков». Рассказы его о чем бы то ни было носили следы, как бы помягче сказать, такой, что ли, безудержной фантазии, которая далеко оставляла за собой всякие факты, а потому я ни слову не верил в этих рассказах, и невольно такое недоверие перешло, наконец, и на его служебные доклады. В общем, это был милый услужливый человек, которого все любили и со всеми он был в отличных отношениях. И Болотов, и Лопухин в один голос свидетельствовали мне, что это был честнейший человек и мыслю даже неповинный в каких-либо поборах. Но я видел, что он ведет такой образ жизни, при котором человек должен проживать в год тысяч 15, не менее. Состояния ни у него, ни у жены не было. Откуда же брались такие средства? Этот вопрос меня очень озадачивал и наконец однажды я ему его прямо поставил. В ответ получил заверения, что торговля лошадьми дает ему хорошие средства, да и долгов у него куча, векселя учитываются с приятельскими бланками во всех

банках. Жалоб на Церешкевича никогда не приносилось, все его расхваливали в один голос, и мне оставалось удовлетвориться таким объяснением, ограничиваясь предъявлением требования сократиться и жить скромнее. Как будто бы это подействовало, но ненадолго. Вдруг однажды получаю я анонимную жалобу, в которой говорится, что Церешкевич расплодил по Перми дома свиданий и вообще покровительствует разврату, указывались лица и адреса. Я был глубоко встревожен этим анонимом, пригласил к себе вице-губернатора и просил его лично произвести подробное расследование. Расследование это тянулось очень долго и не закончилось даже ко времени оставления мною должности. Некоторые факты подтвердились, но вина, по словам Европеуса, падала не на Церешкевича, а его приставов, Церешкевич оказывался виновным лишь в «бездействии власти». Чем кончилось это дознание, мне неизвестно.

К обеду Владимир Иванович приглашал всех различных лиц, преимущественно из чиновного мира. Тут я познакомился с прокурором Групилюном¹⁶, начальником губернского жандармского управления, знаменитым Комиссаровым¹⁷, с неперменными членами Губернского присутствия Сергиевским¹⁸, Кукаретиным¹⁹, несколькими врачами губернской земской больницы, которая славилась как составом своих врачей, так и богатым оборудованием, последними научными открытиями. Обеды эти происходили без всякого парада и принуждения, каждый из собеседников чувствовал себя превосходно, так что у меня сразу же с этими лицами установились очень простые и приятные отношения.

Как и в Пензе, общего приема я не делал, а познакомился со служащими разных ведомств, приехав по предварительному уговору с их начальниками в самое учреждение в присутственные часы. Так я бывал в Окружном суде¹, Казенной палате², Управлении государственных имуществ³, Губернском правлении⁴ и др. Дворянского представительства в Пермской губернии не существовало⁵, вероятно, потому, что землю тут владели десятка полтора магнатов, никогда в губернии не проживавших. Более же мелкого дворянского землевладения почти не было, так что не имелось материала для занятия должностей по дворянским выборам. Существовали Дворянские опеки⁶, но представители и члены этих учреждений назначались губернатором, так что являлись чисто бюрократическими учреждениями.

Пермское земство, имевшее славу большой деловитости, действительно таким и было. Благодаря огромным средствам оно широко развило свое дело и во многих областях достигло таких успехов, которым завидовали многие другие губернии. Оно считалось по своему составу очень демократическим. Но это было вполне справедливо лишь в отношении некоторых уездных земств. В губернском же земстве и тех уездах, где было развито горное дело, огромную, я бы сказал даже, иногда решающую роль играли начальники заводов, действовавшие по доверенностям владельцев заводов. Все это были инженеры, очень образованные люди, которые, не неся к тому же лично на своих плечах тяжести обложения, к затратам на дело шли широко навстречу. За неимением дворянского представительства в земских собраниях председательствовал председатель уездных Съездов земских начальников, назначаемый обыкновенно из числа лучших земских начальников, а в губернском — один из тех же председателей, утверждаемый по представлению губернатора Высочайшим приказом.

Роль председателя съезда могла иметь огромное влияние на общий ход дела в уезде, а могла не иметь и никакого, все зависело от личности. В мое

*Михаил Александрович
Лозина-Лозинский*

время бывали и первые, и вторые. К первым прежде всего нужно отнести г[осподина] Подгурского⁷, служившего сначала в Красноуфимском уезде, а позднее, незадолго до моего ухода, в Екатеринбургском. В Красноуфимске Подгурский много значил, и его влияние сказывалось даже на выборе уездных гласных. Это был умный, способный человек, умевший ладить с людьми, сравнительно открыто живший. Я избрал его председательствовать в Губернском собрании⁸, и, кажется, этот выбор признавался удачным. После моего ухода преемник мой Лозина-Лозинский⁹ воздвиг на Подгурского целое гонение, по какому поводу — я так основательно и до сих пор не знаю. Кажется, тут играло роль отсутствие Подгур-

ского при встрече губернатора в Екатеринбурге в первый его туда приезд. Подгурский объяснял мне свое отсутствие тем, что назначенный мною в Екатеринбурге уполномоченным по охране, пользовавшийся в некоторых случаях властью губернатора непреременный член Губернского присутствия Лихачев¹⁰ сказал ему, что встречать не нужно. Но я считаю это заявление Подгурского просто отговоркой: он был достаточно умный и опытный по службе человек для того, чтобы не придавать значения таким словам Лихачева. Насколько я помню, и при мне этот председатель съезда был довольно небрежным в отношении служебной вежливости, и я объяснял это его хохляцкой ленцией и не придавал тому значения. Маклаков¹¹ распорядился перевести Подгурского в глухой уезд Вологодской, кажется, губернии, где не было среднеучебных заведений, что того прямо зарезало, так как у него были дети школьного возраста, а средств держать их на квартире отдельно от себя в другом городе не имелось.

Председателем Губернской земской управы¹² я застал А. И. Мухлынина¹³. Происходил он из купеческой семьи гор[ода] Верхотурья, где его отец был долгое время Городским старостой, пользовался здесь большим уважением и влиянием. Я уже не застал его в живых и видел только его портрет в Городской управе. А. И. Мухлынин получил университетское образование, служил сначала земским начальником, а потом был избран председателем Верхотурской уездной Земской Управы, в каковой должности основательно

изучил земское дело и проявил административные способности. Он пользовался, в силу своих знаний и умения найти в каждом вопросе решающие моменты и способность излагать их крепко и ясно, большим влиянием в земских делах, если бы не два обстоятельства. Жена его, Н. И. Мухлынина¹⁴, бывшая певица, окончившая консерваторию, была очень честолюбива и во что бы то ни стало хотела играть видную роль сначала в Верхотурье, а потом и в Перми. И так как у нее не было тонкого ума, а главное такта, то она постоянно неосторожно вторгалась в деловую сферу мужа, вмешивалась в партийную борьбу, внося туда крайнюю несдержанность и обычное оружие слабого пола: велеречивость и малую заботу о достаточной проверенности сообщаемых фактов. Эти особенности, которым Алексей Иванович не умел в достаточной мере противиться, создали ему много недоброжелателей и противников и одно время чуть не окончательно скомпрометировали его положение земского деятеля. Второе неблагоприятное для Мухлынина обстоятельство заключалось в нем самом. Будучи положительно умным человеком, он в сущности не имел твердых основ и в области политики был тем, что французы называют оппортунистом, а потому постоянно стоял на стороне преобладающих веяний и переходил из одного течения в другое с слишком очевидной беззаботностью. Это создало ему репутацию неустойчивого и ненадежного человека и часто серьезно вредило его карьере. В частной жизни это был очень приятный знакомый, любивший у себя принимать, и у меня с ним были отличные отношения. К сожалению, здоровье Мухлынина было серьезно подорвано, и он внезапно умер в вагоне, возвращаясь из Петербурга. Случилось это сейчас же после моего ухода из Перми.

Из членов Губернской Управы я не могу не остановиться на Е. Д. Калугине¹⁵. Он был замечательным, а потому во время частых отлучек Мухлынина то по болезни, то на всякие съезды он имел со мной сношения, и я успел хорошо узнать этого достойного человека. Он же обыкновенно являлся представителем Управы в разных заседаниях, и я всегда внимательно прислушивался к его мнению, так как оно всегда было основано на глубоком

*Алексей Иванович
Мухлынин (ПКМ)*

знании действительной жизни и внушалось ему горячей любовью к краю и его интересам.

Калугин происходил из местных крестьян и являлся гласным от крестьянской курии. Патентованного образования он не получил, но при своем недюжинном уме и врожденной чуткости сумел себя образовывать самоучкой, и мы не замечали в нем пробелов в образовании. Говорил он просто, умно, в своих суждениях умел, как говорится, брать быка за рога. В практической деятельности он был незаменим, и порученное ему дело вел толково и экономно. По убеждениям он был либералом, но никогда не впадал в демагогию и никогда не одобрял крайности. Я очень ценил Калугина и любил его общество.

Из других членов управы, может быть, несколько выделялся, по крайней мере по своей репутации — это Чердынцев¹⁶, землевладелец Осинского уезда, не из магнатов, но владевший, кажется, 2 или 3 тысячами десятин земли. Он вместе с братом вел хозяйство, считавшееся почти образцовым. При имении у него был порядочный конский завод, и я лично купил там при посредстве полицеймейстера, как я уже говорил, знатока в этом деле, пару упряжных лошадей, кажется, за 450 или 500 рублей. Лошади эти были молодые, сильные, но не очень нарядные. Перед самым отъездом моим из Перми, в тот день, когда я провожал Великую Княгиню¹⁷ Елизавету Федоровну¹⁸ и ее сестру принцессу Баттенбергскую¹⁹ с дочерью, торопившихся с объявлением войны попасть как можно скорее в Петербург, чтобы оттуда пробраться в Англию, лошади эти меня ожидали у вокзала. Был жаркий день, и едва мы выехали на Сибирскую улицу, только что миновав мужскую гимназию²⁰, одна из них вдруг зашаталась, упала и умерла. Говорят, от жары

у нее случился паралич сердца. Я так был поражен этим случаем, что выскочил из экипажа и, не оглядываясь назад, поскорее добежал домой и уже оттуда послал помощь.

Чердынцев зимою жил в Перми,

Пермь. Сибирская улица. Начало XX в. (ГАПО)

близ своего пивного завода. Он считался ярым кадетом и, по сведениям жандармского управления, принимал активное участие в антиправительственной агитации. А потому, когда его избрали в члены Губернской земской Управы, мне трудно было его утвердить в должности. С другой стороны, было известно, что агитация его относилась ко времени революции 1905 г., и с тех пор он держался в стороне от политического движения и потому не было достаточных, мне казалось, поводов устранять его от дела. Я вышел из этого затруднения так: пригласив его к себе, я просил госп[одина] Чердынцева дать мне подписку, что во время земской службы он не будет заниматься политической агитацией, на что тот очень охотно согласился, вовсе не имея, по-видимому, намерения заниматься таким делом, и я его утвердил в должности. Мне не пришлось раскаяться в этом решении. В заседаниях разного рода, где я встречался с Чердынцевым, он произвел на меня какое-то бесцветное впечатление и во всяком случае это, по-видимому, был совершенно заурядный человек, хотя очень воспитанный и вполне приличный. Кажется, дела с пивным заводом у него несколько пошатнулись, и ему пришлось все свое внимание сосредоточить на этом предприятии, и Чердынцев потому оставил земскую службу. Я часто встречался в обществе с его женой, очень милой молодой дамой. Она была дочерью одного из земских начальников.

Из других земских деятелей губернии упомяну здесь об Иване Григорьевиче Каменском²¹, члене Государственного Совета по выбору Губернского Земского собрания. Его дед создал транспортное дело по Каме и Волге, нажил большое состояние, владел что-то около 200 тысяч, кажется, десятин земли с железодельным заводом, а отец с братом основал известную пароходную компанию «Братьев Каменских»²².

Иван Григорьевич, таким образом, принадлежал уже к третьему поколению богатых купцов Каменских, был вполне интеллигентным человеком, даже получил образование где-то за границей. Женат он был на некоей госпоже

Иван Григорьевич Каменский

*Лидия Николаевна
Каменская,
урожденная Ильина*

Ильиной²³, очень умной и энергичной, как говорили, особе. Иван Григорьевич принадлежал к левой партии Государственного Совета и как-то однажды выступил там с речью настолько красной окраски, что сам в ней потом, видимо, раскаялся. По крайней мере в разговоре со мной он очень настаивал на том, что смысл и тон его речи были газетами искажены и ничего особенно крайнего в них не было. Я раза два бывал у него в Петербурге, где он занимал прекрасную квартиру на Большой Конюшенной улице. Каменские меня чрезвычайно радушно принимали и, приезжая в Пермь, всегда бывали в нашем доме. В 1913 году, кажется, когда было переизбрание земских гласных, Иван Григорьевич оказался забаллотированным в гласные по Красноуфимскому уезду и эту

свою неудачу приписал «интригам» председателя съезда Подгурского и, вероятно, предполагал и с моей стороны некоторую долю участия. Признаюсь, я никогда не находил особенно полезным для интересов Пермской губернии, что наше земство было представлено в Государственном Совете Каменским, так как он там очень мало проявлял себя и его принадлежность к левой партии делала его малоавторитетным, так что все ходатайства Каменского перед правительством явно игнорировались. Но против выбора его в гласные я ничего не мог иметь.

Потерпел же он неудачу, как мне рассказывал Подгурский, вот на какой почве. Когда Губернское Земство хлопотало об учреждении в Перми университета и собирало на это местные средства, Каменский от себя обещал пожертвовать 10 тысяч рублей. Но вот прошло все трехлетие, а обещание выполнено не было. Перед самыми выборами гласных стало известно, что Каменский собирается на эти деньги внести особый капитал, накопившийся во время действия его Суксунского завода²⁴ какими-то вычетами с мастеровых. Что это был за капитал и почему им мог распоряжаться сам Каменский, я не знаю, но слышал, что мастеровые его тогда уже закрывшегося завода, хотя официально и не жаловались, но распоряжение капиталом без их участия считали неправильным. Участники же земского собрания

нашли, что такой способ совсем не соответствует данному Иваном Григорьевичем обещанию и за это забаллотировали его в гласные. Сам Подгурский не был сторонником Каменского, но его «интриги» в забаллотировании как будто бы ни при чем, и почва для этого афронта была создана самим пострадавшим лицом. Об этой истории я слышал рассказы от многих губернских гласных и, если бы нашелся подходящий претендент на должность Члена Государственного Совета, то едва ли И. Г. Каменский был бы туда вторично избран. Между прочим, очень многие выставляли кандидатуру в Совет князя С. С. Абамелек-Лазарева. Поскольку я был осведомлен о настроении выборщиков, эта кандидатура имела за собой большой шанс. Но за несколько дней до открытия земского собрания получилось от князя письмо, в котором он категорически отказался от баллотировки. И. Г. Каменский был вторично избран и ответил на эти выборы большим обедом Земскому собранию, к которому был приглашен и я. Обед был сервирован на пароходе «Петербург», славившемся своим поваром.

Князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев, о котором я упомянул выше, был богатейшим человеком на Урале. Он владел тут, кажется, около 900 тысяч десятин земли, многими солеварными заводами и Кизеловскими угольными копиями. Князь сам лично руководил своими делами, был в курсе всего огромного хозяйства и обладал даром находить способных людей, которым он доверял управление на месте. Много лет его главным управляющим был инженер Пивинский²⁵, живший на Чермозском заводе в Соликамском уезде. В мое время это был уже пожилой человек, здоровье которого было подорвано революцией 1905 года. Мастеровые Чермозского завода, недовольные строгой дисциплиной, установленной в производстве, под влиянием агитации порешили с ним разделаться, схватили его и поволокли к заводскому пруду, чтобы Пивинского там утопить. Последний спасся, как

*Николай Андреевич
Пивинский (ГАПО)*

*Василий Николаевич
Грамматчиков (ПКМ)*

рассказывают, присутствием духа. Когда его притащили к проруби пруда, по размерам очень небольшой, Пивинский вдруг воскликнул: «Неужели же с моим брюхом вы думаете всадить меня в этакую щель? Расширьте ее по крайней мере!» Эти иронические слова ударили толпу по нервам и мгновенно переломили настроение. Мастерские оставили Пивинского, и он вернулся домой как ни в чем не бывало. Но спокойствие было только наружным. Сердце этим случаем было окончательно расшатано, и хотя часто зимы он ежегодно проживал в Ницце, но это здоровье не восстановило, и он умер на второй год моего губернаторства²⁶.

Заведывание Кизеловскими угольными копиями, дававшими князю миллионные доходы, находилось в руках одного из талантливейших горных инженеров России Василия Николаевича Грамматчикова²⁷. Он пользовался большим влиянием в земских сферах и, пожалуй, был самым популярным человеком на Урале. Небольшого роста, очень моложавый, с едва пробивающейся сединой, тихий голос, приветливая для каждого улыбка на устах, отсутствие всякой аффектации, простота в костюме — вот отличительные черты этого человека. Он был членом Первой Государственной думы, но в Выборгском воззвании²⁸ не участвовал, одни говорят, потому что не разделял необходимости этого выступления, другие объясняют это случайностью отсутствия его в Петрограде ко времени разгона первой Думы. Князь Абамелек-Лазарев очень ценил его работу и, когда умер Пивинский, по телеграфу предложил Грамматчикову взять на себя главноуправление, но Василий Николаевич по каким-то соображениям предложение это отклонил и остался заведывать только Кизеловскими копиями. Мне неоднократно приходилось с ним сталкиваться в разных комиссиях и совещаниях, и я неизменно выносил о нем впечатление как об очень умном, практически знающем жизнь и очень хорошем человеке.

Пивинский и Грамматчиков были в сущности полными хозяевами Соликамского уездного земства, и без их одобрения не проходило ни одно мероприятие. Но надо отдать им справедливость, особенно последнему,

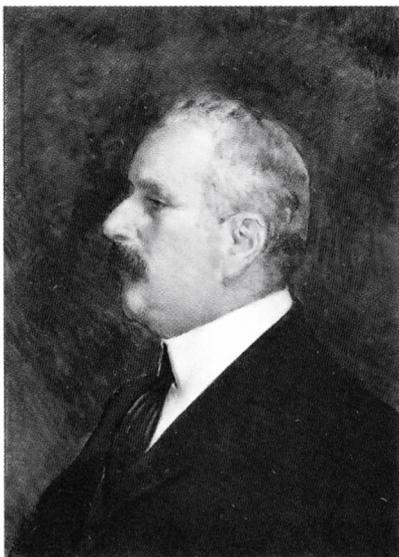
что это влияние никогда не направлялось в сторону эгоистических соображений, а всегда имело в виду интересы широких слоев населения. Это, конечно, еще более возвышало обоих и не вызвало попыток бороться с их авторитетом.

Я познакомился с князем Абамелек-Лазаревым в первый же свой приезд в Петербург. Ему было в это время около 50 лет, но внешность осталась еще совершенно молодой (моложавой). Высокого роста, смуглый брюнет с огненными глазами, князь был положительно красив и по типу своему напоминал итальянца. Скандированная речь, какая бывает у русских, в детстве начинающих не на родном языке, а по-английски, плавность движения, необыкновенная, может быть, даже несколько аффектированная любезность — все это оставляло в общем симпатичное впечатление. Большую часть года князь жил или за границей, или в одном из имений Средней России. На Урале он обязательно бывал ежегодно и проживал там 1—2 месяца, лично направляя свои предприятия. Женат он был на Демидовой княжне Сан-Дonato²⁹. Я не видел княгини, она постоянно жила в Риме в роскошной вилле в ближайших окрестностях города³⁰. Но мне несколько раз приходилось объезжать часть губернии по Каме на пароходе князя «Лазарев», который мне любезно предоставлялся заводской администрацией, и я видел там в отводимой мне комнате над письменным столом большой портрет княгини. Это была прямо грезевская головка чудной красоты.

Назначенный после смерти Пивинского главноуправляющим Н. Н. Курмаков³¹, бывший директор Горного департамента, мне говорил, что ожидается приезд княгини в Петербург и что с этой целью князь к своему особняку пристроил новое огромное помещение с танцевальными залами и т. п. для больших приемов. А между тем особняк Абамелек-

*Княгиня Мария Павловна
Абамелек-Лазарева,
урожденная Демидова*

*Князь Семен Семенович
Абамелек-Лазарев*

Лазарева на Миллионной был далеко не мал³². Он помещался недалеко от Зимней канавки и своим красным фасадом с серыми колоннами очень бросался в глаза. Князь Семен Семенович мне говорил, что этот дом когда-то принадлежал Бирону, очевидно, не самому временщику, а его брату³³. Часть комнат и вестибюль остались в том же виде, как были и при Бироне. Особняк этот был дивно обставлен. Каждая вещь, каждый ковер стоили целое состояние. Мне очень понравилась столовая, отделанная белым мрамором. Электрические лампы были так спрятаны за карнизами потолков, что совершенно не были видны, и когда их зажигали, то получалось впечатление яркого солнечного освещения.

Я приехал к князю вот по какому делу: Россия готовилась к 300-летнему юбилею царствования династии Романовых³⁴. Никому тогда и в голову не приходило, что мы так близки к последним дням этого царствования! Пермская губерния в судьбе Романовых играла некоторую роль. Когда Борис Годунов³⁵ устранял своих возможных соперников, он взялся прежде всего за популярный в Москве род Романовых и под предлогом колдовства, направляемого Романовыми на его особу, схватил всех братьев, заковал их в оковы и разослал в ссылку в далекие области³⁶. Один из братьев Михаил Никитич³⁷ был привезен в село Ныроб Чердынского уезда Пермской губернии и заключен там в яме, сообщавшейся с божьим миром маленьким оконцем, через которое ему подавали скудную пищу. В такой ужасной темнице он просидел около года, когда приставленному к нему караулу надоело сидеть в глуши и начальник его боярина Михаила задушил.

На месте этой ямы один из ныробских крестьян соорудил часовню³⁸, которая к моему приезду в Пермь, хотя еще и стояла, но порядочно покривилась и нуждалась в капитальном ремонте. Еще моим предшественником был образован особый комитет, который поставил себе задачей изыскать средства и надлежаше украсить место мученической кончины боярина

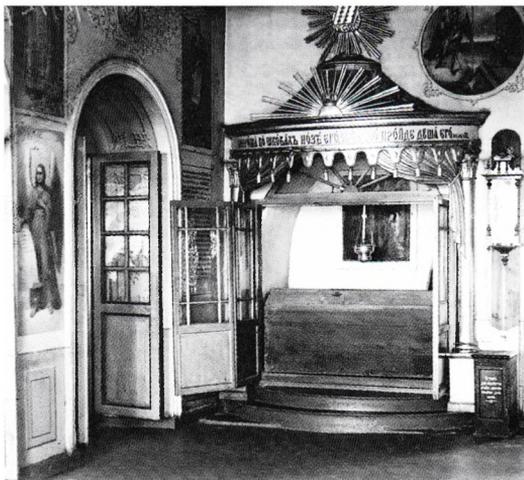

Ныроб. Часовня во имя Архангела Михаила, воздвигнутая в 1793 г. на месте заточения Михаила Никитича Романова, и фрагмент иконостаса часовни. Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)

*Нырб. Церковь
Николая Чудотворца.
Построена в 1705 г.
Фото С. М. Прокудина-
Горского. 1910 г. (БК)*

*Нырб.
Гробница Михаила
Никитича Романова,
хранившаяся в церкви
Николая Чудотворца
Фото С. М. Прокудина-
Горского. 1910 г. (БК)*

Михаила. Было несколько предложений, что следует для этого сделать, но все они разбились о категорическое воспрещение Археологической Комиссии в Петербурге трогать существующую часовню, так что комитет в конце концов порешил подвести под нее новый глубокий фундамент, низ часовни, охватывающий собою прежнюю яму, служившую темницей Михаилу Никитичу, снабдить особой пристройкой для входа, не маскирующей общего вида часовни, соорудить там мраморный иконостас с иконою и неугасимой лампадой, расширить прикупкой соседней усадьбы место расположения часовни, разбить там сад и обнести его хорошей решеткой. Для изыскания средств решено было открыть прием пожертвований на это дело и обратиться ко всем заводууправлениям губернии с просьбой посылить поддержку предположения комитета. Мне, как председателю этого комитета, и было поручено все это исполнить.

Вот, будучи в Петрограде и узнав, что князь Абамелек-Лазарев, наш богатейший заводчик, находится здесь, я и решил лично обратиться к нему с этой просьбой комитета. Князь согласился не только оказать известную помощь, но изъявил желание на свой счет осуществить целиком все предположение, но с непременною условием, чтобы комитет отказался от всякой иной помощи и чтобы увековечение памяти боярина Михаила Никитича считалось официально осуществленным иждивением князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева.

Я не был уполномочен комитетами на такое решение, и так как уже были сделаны объявления и стали поступать средства и пожертвования некоторых лиц, то я должен был от предложения князя отказаться, и тогда он прислал свою жертву в 3 или 5 тысяч рублей, не помню точно.

Вторым членом Государственного Совета от Пермской губернии по избрании представителей промышленности состоял Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл³⁹. Это был тоже очень богатый

Цепи, в которые был закован Михаил Никитич Романов. Хранились в Ныробе. Фото С.М.Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)

*Викентий Альфонсович
и Мария Михайловна
Поклевские-Козелл (СОКМ)*

человек, владевший несколькими пивными заводами, золотыми и медными рудниками, крупнейшим асбестовым делом. Его имение Талицы⁴⁰ в Камышловском уезде близ станции Поклевской⁴¹, в честь его имени, представляло из себя целый городок. По словам Марии Михайловны Поклевской, с которой я познакомился еще в Ницце, как я уже об этом писал, по воскресеньям в Талицах у них обедали все старшие служащие и за стол садились чуть ли не 100 человек. Поклевские были очень любезными и гостеприимными людьми. У них в Екатеринбурге был отлично обставленный дом⁴² с полным штатом прислуги. Когда пермский губернатор приезжал в Екатеринбург, он всегда останавливался в доме Поклевских, и если кто от этого издавна установившегося обычая отступал, то Викентий Альфонсович прямо обижался. Он мне говорил, что из всех губернаторов только один Лопухин почему-то не захотел пользоваться его гостеприимством, и при этом в голос моего собеседника звучала чуть ли не обида. Мне было очень совестно пользоваться такой любезностью, тем более, что в Екатеринбурге приходилось бывать часто, так как следовать в зауральские уезды, кроме Верхотурья, нужно было обязательно через Екатеринбург. Я было много раз решал остановиться в гостинице Пале-Рояль⁴³, которая принадлежала моему товарищу по корпусу В. М. Имшенецкому⁴⁴, но ко времени прихода моего поезда обыкновенно

Екатеринбург. Дом Поклевских-Козелл (крайний слева) и здание городской Думы (справа). Фото В. Л. Метенкова. Начало XX в. (МИЕ)

Екатеринбург. Здание гостиницы Пале-Рояль на Главном проспекте. Фото В. Л. Метенкова. Начало XX в. (МИЕ)

приезжал на вокзал управляющий екатеринбургскими делами Поклевских г[осподин] Слабышевич, проживающий в нижнем этаже дома Поклевских, и так мило и настойчиво предлагал гостеприимство своих доверителей, что отказаться было прямо невозможно. Господин Слабышевич, очень симпатичный и воспитанный человек, *faisait les honneurs de la maison**, заменял хозяев за завтраками и обедами. В свободное время он устраивал мне партию в винт, в которой и сам принимал участие. Имшенецкий тоже очень просил меня по-товарищески у него останавливаться. И когда Поклевские сами бывали в Екатеринбурге, то я у него и поселялся. Однажды мы у него жили всей семьей, когда давали бал Екатеринбургу, о чем я скажу в своем месте.

В 1913 году, кажется, часть членов Государственного Совета выходила из состава Верхней палаты, и предстояли новые выборы⁴⁵. Вместо Поклевского-Козелл был избран Филипп Антонович Иванов⁴⁶, начальник Кыштымского горного округа. Господин Иванов происходил из уральских мастеровых. Окончив школу горных техников⁴⁷ в Екатеринбурге, он решил продолжать свое техническое образование за границей и стал изучать для этого немецкий язык. Задача не из легких при тогдашних его скудных средствах. Одолев ее, он поступает в Фрейбергскую горную академию⁴⁸ и кончает там курс.

Вернувшись в Россию, он выдержал проверочный экзамен в Горный институт и стал служить на Уральских заводах. Я его застал уже в роли начальника Кыштымского горного округа и распорядителя большого предприятия по добыче меди,

*Вид на поселок
Кыштымского завода
Фото С.М.Прокудина-
Горского. 1910 г. (БК)*

* Радужно принимал гостей (фр.).

Филипп Антонович Иванов (в центре с дочерью) и служащие Кыштымских заводов с женами. Вторая слева — жена Ф. А. Иванова (КИРМ)

которое находилось в руках англичан и работало на английские деньги⁴⁹. Господин Иванов был еще молодой человек. Как видите, он отличался незаурядной энергией и всю ее направил на добывание средств. Ко времени своего избрания в Совет он, по слухам, уже обладал большим состоянием и, конечно, в дальнейшем его еще преумножит.

Ф. А. Иванов в роли члена Государственного Совета играл довольно видную роль в сферах промышленности, и многие из пермяков искали его протекции. Такие просьбы о помощи принимались им очень охотно, но почему-то не увенчивались, кажется, успехом. По крайней мере, я знаю несколько лиц, которые на Филиппа Антоновича возлагали большие надежды, но, однако, далее надежд этого так и не нашли. Мне приходилось по службе часто сталкиваться с Кыштымскими заводами, и о них будет говориться здесь много раз.

В Государственной думе¹ Пермская губерния была тогда представлена людьми преимущественно крайнего направления. Самыми умеренными были горный инженер Степанов² и священник Титов³, впоследствии снявший с себя духовный сан и специализировавшийся в думе на вопросах финансов. От Красноуфимского уезда депутатом был знаменитый Бабянский⁴, пытавшийся распродать свои обширные пермские земли через посредство Крестьянского банка, для чего, как писали в газетах, распространял в Малороссии (Украинских) и других малоземельных губерниях особый циркуляр с широкими обещаниями от имени этого банка, на что, оказывается, последним уполномоченным не был. Вообще с именем г[осподина] Бабянского у нас в губернии связывалось представление о каких-то аферах с покупкой и продажей земель, о которых ходило много толков.

Степанов избранник Верхотурского уезда, по общим отзывам, был глубоко порядочным человеком. Я несколько раз его видел в течение процесса выборов в 4-ю Думу и вынес такое же впечатление. Он принадлежал к кадетской партии, но никогда не отличался ни партийным задором, ни той крайней нетерпимостью к чужому мнению, каким отличалось большинство тогдашних деятелей этой партии. Степанов был серьезный, вполне объективный человек, которого все глубоко уважали. В наше время⁵ он входил в состав первого коалиционного правительства⁶ в качестве товарища министра торговли и промышленности и управлял после ухода Коновалова⁷ министерством.

У меня с господином Степановым чуть не произошло столкновение по вопросу выбора его в 4-ю Думу. Надо сказать, что он проходил в выборщики от города Верхотурья как владелец дома. И вот я получаю донесение от Верхотурской полиции, что это владение дома совершенно фиктивно и будто бы действительный хозяин показывал в полиции письменную сделку, из которой видно, что этот тип уступил свое право именоваться хозяином дома г[осподину] Степанову за известную сумму денег. Было как будто бы основание опротестовать выборы в уездную комиссию. Однако при ближайшем

рассмотрении дела оказалось, что на владение домом г[осподином] Степановым совершена законная купчая крепость, фиктивность которой могла бы быть признана лишь одним судом; к тому же самой сделки с прежним владельцем полиция представить не могла. На этом основании уездная комиссия мой протест не уважила. Сначала я хотел перенести это дело в губернскую комиссию и потребовал уже представления мне определения уездной комиссии. Но, ознакомившись с производством, я увидел безнадежность протеста и от него отказался. В душе мне было очень неприятно возбуждать такой протест против избрания всеми уважаемого и вполне достойного человека, но я принужден был это сделать и не имел права игнорировать донесение полиции, установившей как будто бы, что права г[осподина] Степанова принимать участие в выборах не более как декорация.

Из других членов Государственной Думы мне доставляли много хлопот депутаты Егоров⁸, Кондратьев⁹ и Петров¹⁰. Первые два были из уральских мастеровых и своим влиянием, по донесениям жандармского надзора, очень обостряли отношения мастеровых к заводууправлениям. Они, например, вызвали забастовку на Салдинском заводе Демидова, которая продолжа-

Иван Васильевич Титов

Александр Фомич Бабянский

Ф. Ф. Кондратьев

Николай
Максимович
Егоров

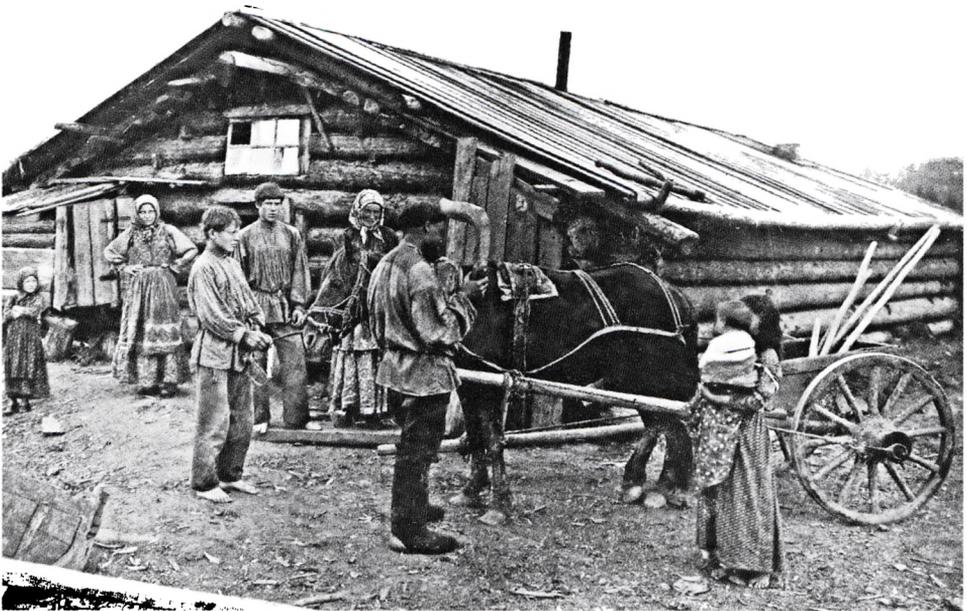
лась, кажется, недели две и окончилась полным поражением мастеровых. Они же пытались вызвать беспорядки среди так называемых старателей платины на тагильских заводах того же Демидова.

Вопрос старателей заключался вот в чем. Заводоуправление разрешало отдельным лицам искать платину и золото в известных районах их месторождения, промывать их примитивным способом, пропуская добытые породы через желоба, причем напор воды несет породу по желобу, и в последнем на особых полотенцах или циновках оседает платина или золото как породы более тяжелые, а остальная масса выносится в отвалы вон. Этот способ очень несовершенен и с пустой породой пропадает настолько значительный процент благородного металла, что эти отвалы оказалось выгодным подвергать перемывке более усовершенствованными способами.

Несовершенство промывки не главный недостаток старательного дела. Более существенной оказалась невозможность уследить за тем, чтобы добытый металл сдавался заводууправлению по заранее обусловленной цене, а не поступал тайно к скупщикам, дававшим за него более высокую плату. Близ Тагильского завода гнездились много всем известных скупщиков, некоторые из них нажили на такой скупке миллионные состояния и были тем не менее совершенно неуловимы. Заводоуправление пробовало бороться с утайкой промытого металла путем запираания самых желобов, где оседает металл, и вынимания из них добычи лишь в присутствии своих штейгеров. Эта мера оказалась, однако, малодейственной и вызвала такой бурный протест старателей, что мне пришлось вмешаться в это дело, и я нарочно для него выезжал в Тагил. Дело в том, что желоба эти были устроены так несовершенно, что значительно уменьшали скорость движения породы по желобу, что иногда влекло за собой полную закупорку желоба и невозможность дальнейшей промывки. На меня произвело впечатление,

что бурные жалобы старателей метили на то, чтобы записание желобов было совершенно отменено. Но когда оказалось возможным существенно улучшить это дело путем самых простых приспособлений, а улучшение не могли отрицать вызванные мною доверенные старателей, протесты оказались без почвы, преодоление этого затруднения, видимо, очень мало порадовало жалобщиков.

В тот мой приезд в Тагил местные люди рассказали мне о следующей проделке на почве скупки краденой платины. Сын одного из старателей воспитывался почему-то в Париже и получил там звание инженера-химика, и вот свои познания он направил на то, чтобы изобрести такую подлинность к платине, которую можно было бы обнаружить и отличить от платины лишь очень сложным анализом. Если бы такая подмесь была найдена, то в несколько дней можно было бы заработать крупные деньги, так как фунт платины в это время расценивался что-то около 30 тысяч рублей. Скупка краденой платины производится всегда наспех из-под полы, чтобы

*Сборы старателя на промывку поатины
Фото В.Л.Метенкова. Начало XX в.*

не попасться надзору заводчиков, а потому подмесь к металлу всякой дряни, которую не сразу можно заметить, практиковалась и ранее, а потому скупщики должны были обладать очень большим опытом. И вот этот инженер изобрел особый состав, в котором главную роль играл будто бы металл вольфрам, всегда сопровождающий породы с платиной. Состав этот будто бы и по виду, и по вкусу, и даже поверхностным химическим анализом нельзя было отличить от настоящей платины и лишь спектральным исследованием удавалось его обнаружить. Каким образом существование этого изобретения стало известным старателям и скупщикам — не мог мне объяснить никто, но среди этих людей поднялось неопишное волнение. Ведь такое изобретение грозило в конце концов убить главную доходность старательского дела, продажу ворованной платины. И вот старатели отправляют к химику депутацию и объявляют ему, что если тот осмелится хоть один раз пустить в ход свое изобретение, то немедленно же будет убит. Я привожу этот рассказ, может быть, и совершенно фантастический для того, чтобы иллюстрировать, что такое в сущности это старательство.

Заводчики всячески боролись с этим злом, пытались ограничить добычу таким способом металла, но совершенно его уничтожить не решались в силу твердо укоренившегося на Урале воззрения, что заводоуправление обязано давать своим мастеровым способы кормиться. Такое воззрение имело за собой и юридическое, если хотите, основание, по крайней мере

до тех пор, пока мастеровым не будет отведен земельный надел. Им характеризуется весь экономический уклад заводской жизни и то, на первый взгляд не объяснимое явление, когда те же заводчики рядом с богатым доходным производством

*Работа уральских старателей
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)*

вели явно убыточное теперь дело выплавки чугуна. У этого чугуна кормились мастеровые, не знающие другого производства, и заводчики не смели их лишить такого заработка.

В частности, Тагильские заводы Демидова особенно тяготились старательствами, так как у них дело добычи платины было отдано в аренду особой французской комиссии, которая захватила на всем свете в свои руки торговлю этим металлом и по своему усмотрению устанавливала на него цену, с каждым днем ее повышая¹¹. Компания эта обладала обширными денежными средствами и взяла на себя оборудовать своим счетом добычу платины новейшими дорогостоящими техническими приемами, выговорив за то для себя право целиком покупать от Демидовых всю добытую платину по той цене, какая будет стоять на рынке¹². Все то, что ускользало через старателей на сторону к скупщикам, являлось прямым убытком для Демидовых, и такие убытки оценивались миллионами. И вот ведь что замечательно, Демидовы владели на Урале заводами и на праве личной собственности, как, например, Салдинским¹³, так и на праве посессионном¹⁴. Это последнее представляет собою юридически крайне путанное понятие и возникло на почве крепостного права, когда людьми могли владеть лишь дворяне. Предки Демидовых были вначале купцами, а потому такого права не имели. А потому земли и люди переданных им в эксплуатацию Тагильских заводов считались казенными, но Демидовы ими пользовались повластно и имели даже право их продавать. Вот это и называлось владением на посессионном праве. Чем оно практически отличалось от права частной собственности, не мог сказать ни один юрист, а потому всякий вопрос, возникавший на почве этого права, непременно доходил в Сенат, и вот серия сенатских, часто противоречивых разъяснений, и являлась единственным источником для суждения о том, что же такое представляет из себя это право.

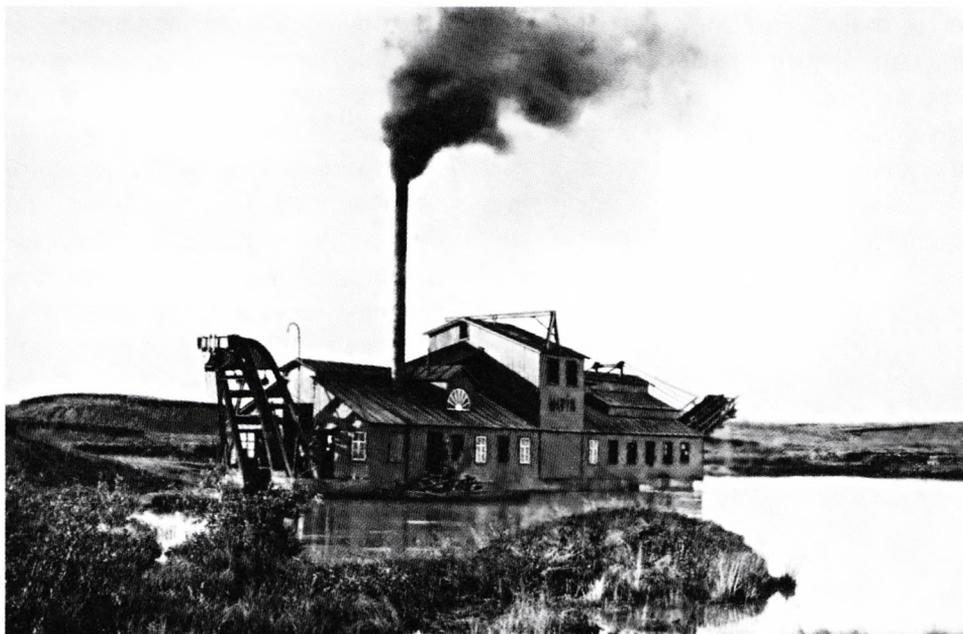
Мастеровые посессионных заводов, в том числе и Тагильских ко времени моего назначения, уже фактически получили надел и им пользовались. Не были только выданы данные, чему мешали находившиеся в производстве Сената разные жалобы, еще не разрешенные. Казалось бы, что при таких условиях все обязательства Демидовых к мастеровым Тагильских заводов закончены. Но не тут-то было. Мастеровые, да и само заводоуправление, пожалуй, так прониклись взглядом, что заводоуправление обязано всегда заботиться о способах прокормления приписанных к фабрике людей, что старательство, несмотря на его убыточность для владельцев, никто не решался воспретить, опасаясь бурных волнений. Были сделаны лишь

робкие попытки не допускать старателей на те участки, где работали драги французской компании, да и это ограничение трактовалось мастеровыми как вопиющая несправедливость, и такой взгляд членами Государственной думы Егоровым и Кондратьевым усиленно поддерживался. Кстати сказать, что в течение 4 лет моего губернаторства не были рассмотрены все жалобы, поданные Сенату в связи с отводом надела тагильским мастеровым и, хотя мастеровые пользовались этим наделом со дня представления проекта, но земских и казенных сборов за эти многие десятки тысяч десятин земли не платили и таковые взимались с Демидова. Последний подал жалобу за такое противоестественное положение Казенной палате, но последняя указала, что повинности платит тот, кто считается владельцем земли по крепостным документам. А так как мастеровым данная не была выдана, хотя и не по вине заводовладельца, то крепостные документы значатся на Демидова, и он, следовательно, и должен платить сбор. Демидов обжаловал это постановление, и я, представляя жалобу в Сенат, высказался за отмену такового, как не согласного со здравым смыслом. До моего ухода в отставку эта жалоба разрешена не была. Приносилась она в нарядах обжалованья постановлений Земских собраний, опиравшихся на проведенное единственное в своем роде определение Казенной Палаты.

Я как-то упомянул выше о драгах, на которых французская компания промывала платину. Драга — это род землечерпалки, которую устанавливают на искусственно запруженной местности, где содержится металл. Ковши этой землечерпалки скребут породу, передают ее, двигаясь по бесконечному ремню, в особые дробилки, где порода измельчается и затем идет в целую систему вашгердов, в которых платина задерживается на особых половиках. Эти половики затем вымываются и заключающаяся в них платина собирается в одно место в виде матово-серебристой кучки грязи. Все эти переходы производятся под неусыпным наблюдением особых людей, которые строжайше смотрят за каждым движением рабочих. Вы видите какую-то болезненную пристальность этого наблюдения, видите, какая масса людей у этого дела занята, какие сложные и, очевидно, очень дорогие аппараты для этого употребляются, и в результате всего этого получается небольшая кучка грязи!

С непривычки вы не можете отделаться от впечатления, что это какой-то сумасшедший дом, плавающий на воде. На Авроринском прииске Демидовых в моем присутствии была вымыта драгой небольшая кучка платины в 11 фунтов. Если фунт считать по 30 тысяч рублей, то ведь ценность такой

добычи представляла собой целое состояние. Урал представляет собой почти единственное месторождение платины во всем мире, и эти богатства, хотя и находятся в России, но поступают по странной игре случая целиком в руки французов, вывозятся ими за границу, там подвергаются рафинаду (очистке) и тогда только поступают на рынок¹⁵. Русская промышленность принуждена поэтому покупать платину для своих изделий за границей, конечно, переплачивая на покупке этого русского продукта огромные деньги. И конца такому вопиющему положению вещей не предвидится. Вот, зная такую горькую участь чуть ли не всех богатств, добываемых из русской почвы, поневоле радуешься, что только ничтожная часть этих богатств тронута, а остальное пока лежит непроизводительно. Может быть, и на нашей улице наступит когда-нибудь праздник, и русские ценности не будут ускользать в карманы иностранцев. Но, увы, до этого праздника очень и очень еще далеко и даже наступление его как будто бы все отдалается, ибо за последние годы чуть не половина Уральских заводов попали в лапы иностранцев¹⁶. В своих всеподданнейших отчетах я постоянно указывал на это ужасное положение.

Драга на Быньговских приисках. Начало XX в.

*Константин Матвеевич
Петров*

Член Думы г[осподин] Петров был до своего избрания писцом на каком-то заводе, отличался весьма малой интеллигентностью и очень большой развязностью. С ним у меня вышло вот какое столкновение. Один из земских начальников, кажется, Красноуфимского уезда, допустил кулачную расправу в отношении одного из волостных старшин своего участка и сделал это якобы в пьяном виде. Я хорошенько не помню, в этом ли проступке заключалась вина земского начальника или в чем-либо другом, но это в настоящем случае не важно. Потерпевший сообщил об этом

факте депутату Петрову, и тот вместо того, чтобы вежливо сообщить мне о вине земского начальника, решил использовать как следует инцидент, иллюстрируя им обычный якобы способ отношения власти к подчиненным, с одной стороны, а с другой — произведя около своей особы порядочный шум, что могло в глазах выборщиков сослужить ему службу при предстоящих скоро выборах в четвертую Думу. Господин Петров пишет мне прежде всего официальное письмо, в котором, изложив вину земского начальника, говорит: «Сообщая о сем, прошу меня известить, известен Вам этот случай и в утвердительном случае, как Вы намерены поступить».

Таким образом Петров предъявил Губернатору официальный запрос и сделал это в тех именно возражениях, в которых Государственная Дума втировала по установившейся практике запрос министрам. Не довольствуясь этим и не выждав моего ответа, Петров одновременно с отсылкой мне письма напечатал его в одной из местных газет. Для чего это было сделано? Для того, очевидно, чтобы в глазах неосведомленного в законах населения губернии поднять свой престиж: знайте, мол, наших, мы можем требовать отчета и от губернаторов.

При таких условиях для меня стало прямой обязанностью вывести из заблуждения темное население губернии, которое могло действительно поверить в право отдельного члена Государственной Думы контролировать деятельность местных властей. Это нужно было непременно сделать как можно решительнее и с возможно большей оглаской во избежание всяких осложнений в будущем, которые были так на руку враждебным правитель-

ству депутатам, очень часто не считавшимся ни с какими средствами воздействия на темную массу.

Повторяю, вот эти последние соображения, а вовсе не задетое губернаторское самолюбие, повелели мне поступить вот как. Я приказал местному по жительству депутата Петрова исправнику объявить последнему мое постановление, в котором говорилось, что г[осподину] Петрову, очевидно, неизвестен Закон о Государственной Думе, не дающий право отдельным ее членам вмешиваться в деятельность правительственных властей, а тем более требовать от них отчета. А потому заявление члена Думы г[осподина] Петрова с требованием сообщить ему, что я намерен предпринять по отношению земского начальника N, оставляется мною без последствий. А так как это заявление подано Петровым без оплаты гербовым сбором, то таковой исправнику с него взыскать, внести в казначейство и об исполнении мне донести. Разумеется, исправником это мое предписание было исполнено, Петров гербовой сбор уплатил, хотя при уплате заявил, что считает такое требование незаконным. Предписание это мое исправнику и самое постановление одновременно с отсылкой я приказал напечатать в неофициальной части «Пермских Ведомостей».

Для меня, конечно, было очевидно, что Петров этого дела так не оставит и будет жаловаться. А потому я написал Министру Внутренних Дел, которым в то время состоял Александр Александрович Макаров¹⁷, частное письмо и в нем изложил ход всего дела и те соображения, какими я руководился, посылая свой выше приведенный ответ. Этим письмом я давал министру материал на тот случай, если бы последовал по этому поводу запрос Государственной Думы. Как я и ожидал, это действительно и случилось, но удивительно вот что, что этот запрос был принят единогласно и что даже Пуришкевич¹⁸ с кафедры выразил уверенность, что Министерство меня надлежаще покарает за мою предерзость. Признаться, такого отношения к этому делу со стороны правых депутатов, не заинтересованных в том, чтобы члены Думы своей бестактностью или злонамеренностью дискредитировали представителей власти, я никак не ожидал. Из разговоров с членом Думы К. Н. Тимиревым¹⁹ я узнал, что в моем поста-

*Константин Николаевич
Тимирев*

новлении было усмотрено неуважение к самой Думе. Каким образом признание незаконным поступка, который действительно таковым был, может свидетельствовать о моем неуважении к Думе, я, признаюсь, никак понять не могу. Министр Макаров, запрашивая меня официально после предъявления запроса, препроводил мне самый журнал Государственной Думы по этому вопросу. Он составлен был трудовиками. Из него я увидел, что мне ставится в вину, почему я на письмо Петрова не ответил вежливым частным письмом; оказалось, что такого способа сношений с депутатами придерживаются все министры, в том числе и председатель Совета Министров, что заявление Петрова, указывавшего мне на незаконные действия земского начальника, изъято от оплаты гербовым сбором как жалоба или донос на эти служебные проступки.

В своем объяснении министру я указал, что не написал Петрову вежливого частного письма потому, что обращение его ко мне не было облечено в форму письма, а написано в виде отношения «Пермскому губернатору», что отношение это, заключая в себе противозаконное требование, было составлено в явно вызывающем тоне, что одновременно с посылкой его мне оно было напечатано в газетах с очевидной целью умалить мою служебную независимость от члена Государственной Думы, а потому все эти обстоятельства давали мне полное право отказаться от обычной предупредительной любезности, которой я всегда держался и намерен держаться и в будущем в отношении членов Государственной Думы, и стать на почву чисто официальных способов ответов на обращенные ко мне служебные требования, каковые способы отнюдь ничего невежливого сами по себе не представляют. Мне, конечно, неизвестно, какого порядка держатся министры в сношениях своих с членами Думы, но я не сомневаюсь, что если бы члены Думы вздумали предъявить министрам требования, выходящие из пределов своей компетенции, да еще позволили бы себе при этом аrogантный* тон, то едва ли всякий уважающий себя министр на подобную выходку ответил бы с особой вежливостью, если не считать, конечно, вежливостью тот иронически любезный тон, которым некоторые воспитанные люди умеют больно высечь зарвавшихся нахалов.

Что же касается того, что заявление члена Думы Петрова как содержащее в себе сообщение о незаконных действиях подчиненного мне должностного лица, не подлежало оплате гербовым сбором, то тут я вижу

*Аrogантный — вызывающий, высокомерный, надменный (от фр. — arrogant).

полное, я даже сказал бы, пожалуй, заведомое искажение смысла документа и неумелое замечание следов выходки, которой нет оправдания. В самом деле смысл всякого послания определяется прежде всего тем, какого ответа человек ожидает на это свое послание или, как говорят канцеляристы-юристы, — просительными пунктами. Петров требует, чтобы я ему сообщил, как я намерен поступить, если мне известны проступки земского начальника. Если бы он хотел мне сделать только сообщение, которое имеет характер жалобы или доноса на совершение кем-либо уголовно наказуемого действия и действительно которое освобождено от гербового сбора, то, изложив сущность проступка, он требовал бы известить его о последующем моем распоряжении. Полагаю, что это не одно и то же. Первое требование предполагает право надзора, второе — право жаловаться высшей инстанции, если мое распоряжение покажется жалобщику несоответствующим закону. Мне приходится так много распространяться об этом лишь потому, что составители Журнала делают вид, что не улавливают этой разницы, тогда как, полагаю, для всякого беспристрастного и достаточно грамотного человека разница тут очевидна с первого взгляда и прочтения.

Разумеется, я отлично понимал, что А. А. Макаров со мной не согласится и станет на точку зрения Думского Журнала запроса. Но Петр Аркадьевич Столыпин, если бы он был жив, не захотел бы допустить подобного издевательства над представителем высшей правительственной власти на месте, ибо это было бы таким прецедентом, последствия которого могли бы Бог знает куда привести, какого заслуживала выходка г[осподина] Петрова. Действительно, я получил от Макарова письмо, в котором он не опровергал мои аргументы, а просто говорил, что не находит их правильными и на будущее время предлагает быть в сношениях моих с господами членами Государственной думы более осторожным. Ни А. А. Макаров, ни представители Министерства Внутренних Дел не давали, по-видимому, ответа на этот запрос, так как Макаров скоро ушел в отставку; по крайней мере, запрос этот в публичном собрании Думы не рассматривался. С роспуском думы 3-го созыва²⁰ Петров скрылся куда-то с горизонта и в выборщики 4-й думы не избирался. Мне кто-то говорил, что он поступил приказчиком в торговый дом Второва²¹. Вот такая деятельность ему, конечно, более подходяща.

Когда в городе нет вице-губернатора, губернатора заменяют на время его отсутствия управляющий Казенной палаты¹ или начальник Управления земледелия и государственных имуществ². В Перми во время моего губернаторства начальником Управления государственных имуществ и земледелия состоял Александр Александрович Дубенский³. Он служил сначала по крестьянским учреждениям во Владимирской губернии, где у него с братом было родовое имение, а затем был избран уездным предводителем дворянства. Когда появились дети, которых надо было учить, а средства не только не увеличивались, а, напротив того, оскудевали с каждым днем, Александр Александрович принужден был пойти, как говорится, в отхожие заработки и стал искать себе платного места. Столыпин соглашался назначить его вице-губернатором в Таврическую губернию, но Дубенский от этого отказался, так как жалованье вице-губернатора, обязанного некоторой все-таки дорогостоящей представительностью, было при его семье недостаточным. Тогда князь Б. А. Васильчиков⁴, тогдашний начальник главноуправляющий земледелием, предложил ему место в Перми начальником Управления государственных имуществ, на что Дубенский и согласился.

Это был благороднейший человек, рыцарь без страха и упрека. В нем очень ярко проявлялись все лучшие черты старинных дворянских традиций и, глядя на Александра Александровича, становилось понятным, почему люди такого уклада руководили когда-то всей общественной жизнью России и не потому только, что они были имущественно сильны, а прежде всего обаянием своей нравственной высоты. Будучи предводителем дворянства, Дубенский считал своим долгом защищать интересы выбравшего его сословия, но эти интересы он понимал с точки зрения государственной пользы и никогда не только не был сторонником своекорыстных расчетов, а, напротив того, вел с ними деятельную борьбу. Он, между прочим, первый в России осуществил наделение землей мастеровых одного из металлообрабатывающих заводов Владимирской губернии.

Деятельность Дубенского как управляющего Государственными Имуществами подвергалась большим нападкам. Съезд лесопромышленников Пермского края отнесся к деятельности его настолько страстно враждебно, что невольно начинаешь думать, что тут дело неспроста, видно, и в самом деле Дубенский считался только с интересами казны⁵ и энергично искоренял злоупотребления и незаконные послабления, которые практиковались прежде, может быть, отчасти за недосмотром, а главное по своекорыстным побуждениям. В этом нападке Съезда вмешался профессор Озеров⁶ и, насколько я мог познакомиться с делом, внес сюда не столько действительно-го понимания вещей, сколько и партийной розни.

Я совсем практически не знаю лесного дела и судить не могу, существовали [ли] в управлении лесами промахи, указываемые в нападках лесопромышленников, но твердо уверен в одном, что деятельностью Дубенского руководило желание поставить лесное дело возможно выгоднее для казны, отнюдь не стесняя частную предприимчивость. Если он и наделал ошибки, может быть, то ведь от этого ни один смертный не застрахован. При нем, между прочим, были широко поставлены казенные лесные заготовки то шпал для железных дорог, то бревен и дров. Он много уделял внимания этому делу и, насколько я слышал в Министерстве земледелия⁷, вел его удачно. Местная левая печать выставяла Дубенского каким-то фанфароном, помешанным на своем мнимом генеральстве. При своих наездах в лесничество он будто бы устраивал военные смотры лесной страже, держал себя олимпийцем, недоступным для подчиненных и т. п. Но я совершенно уверен, что во всем этом нет ни слова правды и что такие памфлеты внушались только политической разницей в убеждениях, а иногда, может быть, досадой за разрушенные Дубенским своекорыстные поползновения. Если его и можно было в чем упрекнуть, то разве в излишке рвения в отстаивании казенного интереса.

Мне пришлось с ним столкнуться, например, в разделке оброчных статей, арендуемых населением. Министерство установило такой порядок, что размер арендной платы и передачи оброчных статей тому или иному арендатору, если было несколько желающих, определялся уездными землеустроительными комиссиями с участием членов лесного надзора. На определения комиссий Управление земледелия могло приносить протесты в Губернскую Землеустроительную комиссию. Дубенский решил, что за оброчные статьи платятся слишком ничтожные арендные цены и что необходимо повысить ее во много раз, при этом он не считался с экономическим положением арендаторов и с тем, насколько их хозяйственные нужды удовлетворяются

наделом. Землеустроительные же комиссии, непременные члены которых знали близко жизнь местных крестьян, в основу своих решений клали прежде всего эти соображения, и вот получилось, что Дубенский почти каждое постановление опротестовывал, наводнил своими протестами Губернскую комиссию, отчего дело с отдачей статей в аренду затянулось, и министерство было завалено жалобами. Главноуправляющий землеустройством А. В. Кривошеин⁸ должен был прибегнуть к крайней мере для скорейшего разрешения таких споров и по телеграфу уполномочил меня своею властью их окончательно разрешить. Мы очень много с Дубенским спорили, хотя я всегда считал, что казна не частное лицо и не должна думать о барышах в ущерб интересам населения, но эта разница точек зрения, нисколько не охладила наших отношений, и они все время оставались дружескими. Я уже сказал, что Дубенский был убежденный монархист. Мне рассказывали, что когда произошел февральский переворот 1917 года, местные революционные организации стали отбирать у чиновников подписки о подчинении их Временному правительству. Дубенский такую подписку дал, но прямо со слезами на глазах заявил, что его симпатии все-таки на стороне монархического строя и что будто такое заявление повлекло за собою для Дубенского необходимость оставить службу. А ведь это для него целая катастрофа. Ведь своих средств у него нет и что он будет делать с кучей детей, одному Богу известно. Дубенский был вполне образованный человек, он окончил университет по юридическому факультету, недурно, хотя, может быть, несколько велеречиво, говорил и принимал живое участие в земской жизни.

В мое время производилась работа земских оценок земли. Дубенский изучил это дело до мельчайших подробностей и вел горячую войну с представителями того течения, которое стремилось привлечь к строгому обложению «леса» и возможно мягкому обложению «пахотные земли». Под термином «лесов» всеми понимались имущества казны и уральских магнатов, а «пахотные земли» — это имущество крестьян. Дубенский горячо стоял за то, что с точки зрения закона неравенство экономических сил не должно давать слабейшему преимущество в основе обложения, а таковое должно быть уравнивающим. Им руководила тут его служебная добросовестность, повелевавшая отстаивать интересы казны. И мне всегда казалось, что почтенный Александр Александрович тут несколько пересаливает и понимает интересы казны слишком близоруко, всегда ведомственно, что ли, забывая, что благоденствие крестьян вопрос для казны неизмеримо важнее всяких малейших барышей от эксплуатации казенных имуществ.

Совершенно другого характера человек был управлявший тогда Казенной палатой Николай Александрович Ордовский-Танаевский⁹. Происходя, судя по фамилии, из духовного звания¹⁰, он окончил курс окружного юнкерского училища, куда в те времена шли неудачники из кадетских корпусов и не одолевшие премудрости курса гимназисты и реалисты, и вышел в офицеры в какой-то скромный армейский полк¹¹. Как проходила его дальнейшая служба и каким образом при полном отсутствии влиятельных знакомств достиг он значительного положения управляющего палатой, я совершенно не знаю и не могу понять. По уму это был совершенно средний человек, не глупый, но и вовсе не выдающийся, характер у него был довольно неуживчивый и невыдержанный. Ему все казалось, что выше его стоящие люди не отдают ему должное, пренебрегают им, почему он и загорался к ним острой враждой, обыкновенно совершенно ни на чем не основанной и заставлявшей его быть неосторожным в пересудах, всегда доходивших почему-то до сведения тех, кого он ни за что ни про что выругивал. Вы только что узнавали, что Ордовский весьма зло осуждал вас без всякого на то основания, но стоило вам с ним сейчас же после такой ругани где-нибудь встретиться, как он становился в отношении вас очень предупредительным, во всем с

Здание пермской Казенной палаты. Фото начала XX в. (ГАПО)

вами соглашался, в случаях спора выискивал такое решение, которое могло вас удовлетворить и т. п. Но, увы, эти приемы не могли уже вас с ним примирить, а лишь усугубляли в отношении его сдержанность, внушали вам неодолимое желание отойти от него подальше. Работал он хорошо и усердно, но того священного огня, который помогает людям выдвинуться из толпы и оставить своей работой заметный след, у него совсем не было. Подчиненные его любили, и он относился к ним мягко и в общем справедливо. Но я не могу этого поставить ему в заслугу, ибо в его семейной жизни были некоторые неправильности¹², широкая огласка которых могла бы очень повредить его служебному положению, так что ему волей-неволей приходилось стараться создавать вокруг себя атмосферу доброжелательства и тем парализовать враждебные выпады.

Вы понимаете поэтому, как трудно было при таких чертах характера добиться заметного положения по службе и как достигнутый им успех приводил меня в полное недоумение. Умел ли Николай Александрович культивировать некоторые нужные ему связи и влияния до тех пор, пока он не достигал через них поставленной себе сравнительно мелкой цели, а потом эти связи забрасывал? Я точно не знаю. Но только мне известно было из разговоров с Танаевским, что он всегда стоял как-то одиноко без друзей и знакомых, жил замкнутой семейной жизнью и даже производил впечатление, что общение с людьми ему в тягость. Мое только что сказанное предположение опирается на весьма скандальную историю с недоброй памяти Григорием Распутиным¹³. История эта служила темой для разговоров всей

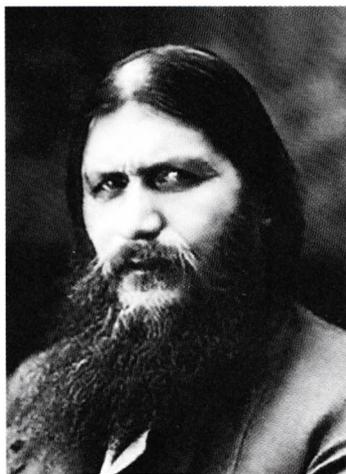
Пермской губернии, о ней упоминалось и в Государственной думе, и в газетах, так что я не делаю нескромности, говоря об этом в моих воспоминаниях.

Ордовский-Танаевский до Перми управлял палатой в Тобольске и там при неизвестных мне обстоятельствах познакомился с Распутиным¹⁴, крестьянином села Покровского этой губернии. В Тобольске пос-

*Дом Г. Е. Распутина в селе Покровском
Фото начала XX в.*

тоянно меняется состав губернаторов и вице-губернаторов, расстояния там колоссальные, так что объезд губернии требует много времени. Не мудрено поэтому, что управляющему Казенной палаты приходилось часто заменять собою губернатора. Когда значение Распутина обозначилось, Танаевский счел, вероятно, не лишним завести с ним знакомство, что, разумеется, было нетрудно при исполнении обязанности губернатора. Как бы то ни было, во время моей службы в Перми это знакомство уже вполне установилось и при частых проездах Распутина из Покровска в Петербург или при возвратном пути оттуда он всегда останавливался в Перми и жил у Ордовско-Танаевского¹⁵. Вначале, когда невероятная

*Григорий Ефимович
Распутин*

карьера Распутина только еще назревала, на это как-то никто не обращал внимания, и я даже хорошенько тогда и не знал, что такое этот Распутин, и, конечно, меня не занимало, с кем он тут ведет знакомство. Но когда этот тип достиг полного своего расцвета, его значение сделалось всероссийским и даже всемирным скандалом, Пермь была прямо возмущена ухаживаниями Танаевского и его стали преследовать ироническими расспросами и разговорами про Распутина. Танаевский делал вид, что не понимает намерений собеседников и совершенно свободно поддерживал такой разговор, усвоив себе в отзывах об этом проходимце добродушно-иронический тон. Может быть, и действительно легкое посмеивание над своим собственным позором было тут лучшей линией поведения, особенно если расчет повелевал не рывать с таким скандальным ухаживанием.

По мере неслыханного роста значения Распутина число его поклонников стало все более и более увеличиваться, ухаживания делались все беззастенчивее и открытее и приняли, наконец, размеры прямого нескрываемого поклонения. Распутина встречали и провожали с большой помпой, в которой принимали участие представители архиерейского дома, небезызвестный монах Белогорского монастыря¹⁶ Серафим¹⁷, начальник дивизии Пряслов¹⁸ с женой¹⁹ и, конечно, Ордовский-Танаевский. В это время высмеивать Распутина стало небезопасно, так что приставаания к Танаевскому оборвались, и он сам уже не смел над этим знакомством подтрунивать, а в своих

*Александр Александрович
Макаров*

разговорах со мной, которым без всякого с моей стороны повода вдруг стал придавать характер чисто сердечной, почти интимной откровенности, он мне вдруг поведал, что министр Макаров на днях предложил ему губернаторство²⁰. Так вот значит куда он метит и для чего так унижительно подлизывается! Я, разумеется, и в мыслях не допускал, чтобы такой уважаемый на мой взгляд человек, как Александр Александрович Макаров допустил вмешательство Распутина в дела назначения высших представителей власти и, по-видимому, я не ошибся: Макаров из министров ушел, а Танаевский продолжал управлять Казенной палатой. При Маклакове такие же рассказы со стороны Танаевского

продолжались, и он всем показывал какую-то бумагу, в которой вакансия управляющего Пермской казенной палатой уже называлась освободившейся, но даже Маклаков ушел, а Танаевскому губернии не давали. И вот уже при Штюмере²¹, когда министром внутренних дел был назначен член думы А. Н. Хвостов²², Танаевский получил телеграмму (о ней знал весь город и текст попал в газеты) следующего содержания: «Наконец, достиг тебе губернаторства, поздравляю Григорий»²³. Ордовский-Танаевский был назначен тобольским губернатором. Ухаживание Танаевского за Распутиным задело лично и меня, чуть не уронив в глазах порядочных людей и, во всяком случае, серьезно отозвавшись на моей судьбе. Хотя это все происходило уже в конце моей службы в Перми, но я скажу об этом здесь к слову.

В одну из поездок моих по делам службы в Петербург, когда отсутствовал и вице-губернатор, так что управление губернией перешло к Ордовскому-Танаевскому, проезжает через Пермь, направляясь к себе в Покровское, Распутин. Получив о проезде телеграмму, Ордовский выехал на вокзал навстречу и на время стоянки поезда распорядился открыть парадные комнаты, пригласив туда Распутина и всех встречавших его поклонников*. Это действительно происшествие послужило материалом для корреспонденции в газете «Речь»²⁴, где было сказано, что пермский губернатор И. Ф. Кошко выезжал на вокзал встречать Распутина и вел с последним продолжительную беседу. В Перми все знали, что я был в Петербурге и что имя мое

приведено всуе, а случай парадной встречи должен быть отнесен на счет усердия Ордовского, а потому я не особенно был обеспокоен такой напраслиной, хотя сейчас же по прочтению заметки из гостиницы «Селект», где я останавливался (хорошо это помню), послал в редакцию «Нового Времени»²⁵ надлежащее опровержение. Потому ли, что это письмо затерялось или газета почему-либо не захотела его поместить, но опровержение напечатано, к моей досаде, не было. У меня промелькнула была мысль повторить эту попытку, но дела как-то отвлекли мое внимание, и я не собрался этого сделать. В Перми по поводу этого пассажа немного поговорили и затем, конечно, о нем забыли. Через месяца два, должно быть, я был вызван в Петербург принять участие в совещании при Главном управлении по делам местного хозяйства и в свободное время отправился на прием к товарищу министра внутренних дел В. Ф. Джунковскому²⁶. Переговорив о делах, я хотел уже откланяться, как Владимир Федорович вдруг мне говорит: «Извините, что я задаю вам этот вопрос, но в Петербурге очень много говорят по этому поводу и мне хотелось бы знать, правда, как было дело. Верно ли, что вы выезжали будто бы в Перми на вокзал встречать Распутина?» Такой вопрос поразил меня, как громом. Так, значит, об этом здесь говорят, а следовательно, порядочные люди считают меня презренным лакеем, способным низкопоклонничать перед каким-то грязным хамом! Я был ужасно удручен таким известием, рассказал Джунковскому, как на самом деле происходило дело, и решил сейчас же послать опровержение в газеты, хотя оно и являлось тогда сильно запоздалым. Для этого я обратился к помощи сотрудника «Нового Времени» Александра Аркадьевича Столыпина²⁷, и опровержение было напечатано.

Опровержение это я сформулировал так: «В газете „Речь” была напечатана корреспонденция из Перми, в которой говорилось, что пермский

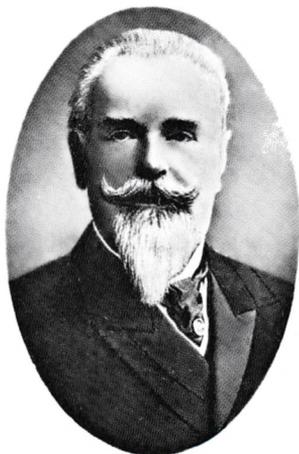

*Владимир Федорович
Джунковский*

* Подробнее об этой поездке Г. Е. Распутина и участии в ней Н. А. Ордовского-Танаевского см. биогр. очерк (с. ??) и комментарии № ?? к наст. главе (с. ??).

губернатор И. Ф. Кошко выезжал на вокзал встречать Распутина и вел с ним продолжительную беседу. Это ложь, Распутина я никогда в жизни не видел, никогда с ним сношений не имел, не имею и надеюсь, не буду иметь. Пермский губернатор Кошко».

Действительно, я никогда не видел Распутина, хотя однажды, как мне говорили, ехал с ним в одном поезде до Екатеринбурга. Мне удалось тогда видеть лишь нашу пермскую распутинскую свиту, которая его провожала, а сам Распутин из вагона не выходил. В Екатеринбурге я его тоже не видел, так как мой вагон прицеплен был в хвосте поезда, и я из него вышел, чтобы сесть в ожидавший меня экипаж лишь после того, как принял в вагоне встречавших меня чинов полиции и городского голову, а за это время приехавшая публика уже оставила вокзал. Я ужасно жалел, что мне не удалось своими глазами посмотреть на «святого». Мне все казалось, что должно же быть в этом мужике нечто необыкновенное, что приковывает к нему людей интеллигентных, с большим положением в обществе, не нуждающихся, видимо, в гнусном искательстве. Портреты его, которые мне приходилось видеть, рисовали лишь противный тип какого-то дегенерата с бессмысленно вытарашенными беловатыми глазами. Я имел однажды случай его повидать, и искушение воспользоваться таким случаем было очень велико. Мне пришлось как-то обедать у Б. В. Штюмера еще в то время, когда сын его Юрий²⁸ служил в Пензе под моим начальством. По окончании обеда хозяин

*Борис Владимирович
Штюмер*

предложил мне ехать вместе с ним к графине Игнатъевой²⁹, у которой была назначена духовная беседа. Должен был присутствовать на этой беседе и Распутин, тогда лишь начинавший входить в славу. Приходилось уже тогда слышать кое-что об этом «старце», и мое любопытство было очень задето также. Но с графиней Игнатъевой я знаком не был и появление мое там у нее могло быть истолковано как поползновение делать этим путем карьеру, а это было так противно, что я не захотел, чтобы на меня могло пасть такое подозрение и от поездки отказался.

Хотя я и избегал сталкиваться с Ордовским-Танаевским, но все-таки уберечься не удалось. У него была, как я уже упоминал, отвратительная манера ни с того ни с сего посвящать вас в самые

интимные стороны своей жизни, что делают обыкновенно люди лишь в отношении своих закадычных друзей. И вот однажды он мне поведал о своей привязанности к одной особе, муж которой служил под его непосредственным начальством, и о том, что он совершенно слился с этой семьей и совместно с ней живет³⁰. Обстоятельство это было известно всей Перми и, разумеется, дошло и до меня. Ордовский вовсе не делал из этого тайны и даже сам устраивал в своей палате всякие чуть ли не торжества официальные, на которых заставлял эту особу председательствовать. Однажды он даже решился на одно из таких торжеств пригласить меня и мою жену, но мы, конечно, от этого уклонились. Когда ему приходилось вступать в управление губернией, он сейчас же овладевал губернаторской ложей в театре и приводил туда эту особу, что чрезвычайно раздражало местное общество, усматривавшее в этом прямой в отношении себя вызов. На это пожаловались, и я принужден был вызвать Ордовского к себе и объяснить ему рискованность такого положения, прося не давать повода к ненужным пересудам. Он такому требованию подчинился и более в мое губернаторство ложей не овладевал, но, конечно, в душе затаил против меня неприязнь и при всяком случае ее исподтишка проявлял.

Когда его назначили губернатором, я был уже в отставке. И вот в один прекрасный день в Петрограде прислуга докладывает, что меня желает видеть тобольский губернатор. На приказание сказать, что меня нет дома, прислуга заявила, что она уже его впустила в гостиную и, делать было нечего, пришлось его принять. Ордовский очень развязно уселся, завязал ничего не значащий разговор, совершенно не указывая, что его привело ко мне, будто между нами уже существовали давнишние отношения хороших знакомых, чего никогда не было: он у меня появлялся лишь по делам службы. Просидев положенное для визита время, стал откланиваться и уронил в передней такую фразу: «Я очень доволен своим назначением в Тобольск, губернию хорошо знаю, но вот только меня ждет там крест — Распутин и Варнава³¹». Для чего это было сказано? Ведь не мог же он предположить, что я не знаю, кто его провел в губернаторы, а потому столь ироническое отношение к человеку, перед которым он только что униженно ползал и который стал ему теперь, должно быть, не нужен, не могло выставить его в моих глазах особенно в выгодном свете. Неужели же он был так, что ли, примитивен, что не понимал этого? На меня весь этот визит, странный и неуместный, произвел такое впечатление, что он был сделан только для того, чтобы уронить эту фразу. В этом я еще больше убедился, когда узнал, что

Ордовский был с таким же визитом (не прошенным) к Болотову, у которого до того никогда не бывал, а при прощании обронил такую же фразу. Выходит, следовательно, что ему нужно было, чтобы мы, два бывших пермских губернатора, сохранившие, конечно, кое-какие служебные связи и знакомства, знали, что вот он, Ордовский-Танаевский, вовсе теперь не поклонник Распутина. Должно быть, по своей умственной посредственности он рассчитывал, что эти слова мы приняли за чистую монету и своими рассказами об этом визите помогли ему очиститься от того всероссийского срама, который на него пал. Извиняюсь перед читателем за чересчур подробную характеристику г[осподина] Ордовского-Танаевского, но ведь этот господин служит яркой иллюстрацией того, что происходило в России в связи с влиянием на государственные дела всяких проходимцев³².

При вступлении моем в управление губернией обнаружилось, что весьма срочные вопросы по землеустройству, связанные с выработкой сметы для внесения в Государственную думу, не только не были разрешены, но к ним даже еще не приступали, несмотря на то, что сроки для представления их в министерство уже поистекали. Пришлось взяться за это дело в первую очередь. Первым таким вопросом являлось огнестойкое строительство. Известно, что в период чуть ли не 25 лет крестьянская деревянная Россия сгорает полностью. Таким образом каждое деревенское поколение роковым образом обречено по меньшей мере хоть раз в жизни начисто разорваться и долгие годы посвящать накоплению того самого примитивного мужицкого жилья и инвентаря, без которых невозможно самое физическое существование. Где уж при таких условиях ожидать какого-нибудь хозяйственного прогресса. Вот почему рациональная борьба с деревенской сгораемостью является важнейшим государственным вопросом, удачное разрешение которого может положить предел нашей постыдной экономической отсталости. Страховка от огня, снабжение деревни надлежащими огнегасительными средствами, огнеупорными крышами, наблюдение между строениями узаконенных интервалов — вот те немудреные меры, которыми до сих пор у нас ограничивались и земство, и правительство в борьбе с этим стихийным по размерам своим бедствием. Ясно, что это все меры характера паллиативного*.

Министерство земледелия, проводя земельную реформу, на началах отдельного хуторского хозяйства, не могло, конечно, не позаботиться о радикальном разрешении пожарного вопроса, а таким решением являлось лишь широкое развитие вполне огнеупорных построек. Россия так велика, обнимает собою территории с такими различными климатами, что невозможно остановиться на каком-либо одном типе построек. А потому и в области огнестойкого строительства не может быть одного шаблона, и каждый

* Паллиатив — мера, не обеспечивающая полного решения проблемы, полумера.

климатический пояс должен сам выработать свой особый тип, удовлетворяющий и требованиям наилучшего сохранения тепла, и основным условиям гигиены и соответствующий имеющемуся на месте дешевому строительному материалу. Хотя огнестойкое строительство в большом масштабе дело для России новое, тем не менее кое-какие опыты тут уже сделаны и было бы большой потерей для государства, если бы этот хотя и небольшой опыт не был использован. Вот, исходя из таких соображений, министерство предложило губернаторам собрать совещание из местных земских деятелей и других лиц, работавших в области огнестойкого строительства, и на этом совещании установить, какой тип несгораемых построек наиболее подходит для данной губернии, имеются ли тут уже известные указания опыта и со своей стороны предложило проведение такого рода мероприятий, как устройство черепичных и кирпичных заводов, постройка показательных строений, создания кадра рабочих и мастеров огнестойкого строительства.

Местное совещание должно было спроектировать, в каком размере следует осуществить в предстоящем году каждое из этих предложений, как нужно их разбросать по территории губернии и какие для осуществления таких мер потребуются сметные ассигнования. Министерство горячо призывало местное земство на такую совместную работу, предлагало взять на себя участие в материальных расходах по их осуществлению. Пермская губерния по своему положению и характеру разделяется на две отличные друг от друга части: уезды приуральские с характером смежной Вятской или Вологодской губерний и уезды зауральские с характером преимущественно степным, приближающим их к условиям Акмолинской области. Хозяйственная жизнь в этих 2-х половинах далеко не одинакова, а потому было целесообразно назначить 2 совещания: в Перми для приуральских и в Екатеринбурге для зауральских уездов.

Я приказал Екатеринбургское совещание созвать, как сейчас помню, на 1 апреля, сейчас же почти после моего вступления в должность, так что это было мое первое знакомство со столицей Урала, всегда соперничавшей с губернским городом и, на мой взгляд, не без серьезных оснований.

Я с первого же шага наткнулся на изумительную бездеятельность губернской землеустроительной комиссии. Такие важные в жизни губернии вопросы, как разрешение споров по аренде весьма многочисленных казенных оброчных статей, каковы споры должны были вырешиться непременно к началу весны, иначе крестьяне будут поставлены в безвыходное положение, не имея выгона для скота, затем организации совещаний по

огнестойкому строительству и оказанию агрономической помощи единоличному крестьянскому землепользованию ко времени вступления моего в должность оставались совсем еще нетронутыми, несмотря на то, что была полная возможность к этому времени их совершенно закончить, да это настоятельно требовалось и министерством.

На мой вопрос, чем вызвано такое замедление, непременный член губернской землеустроительной комиссии г[осподин] Песоченский¹ стал говорить мне всякий вздор о том, что у него не было времени изучить те циркуляры министерства, которыми требовалось сделать то, и другие. Я, губернатор, внимание которого расчленяется многосторонней работой по управлению губернией, успел с этими циркулярами не только познакомиться, но даже спроектировать подробный план действий по ним, а вот г[осподин] Песоченский, не отвлекаемый иными обязанностями, не успел даже их прочитать. Это меня заинтриговало, так как я привык считать, что к делу землеустройства привлекаются лучшие силы губернии и губернский непременный член должен быть лучшим украшением среди этой избранной корпорации.

Я стал подробно расспрашивать Песоченского о постановке в губернии землеустройства, и то, что я услышал, повергло меня в уныние. Оказывается, чуть ли не половина членов землеустроительных комиссий набрана совершенно случайно, из людей новых, не знающих местных условий, некоторые из них совсем не выезжали в свои угодья, и Песоченский говорит мне об этом совершенно спокойно, точно это до него совершенно не касается.

Когда я стал допытываться у него подробностей ведения отдельных дел, то он обнаружил такое полное незнакомство с законом и министерскими руководящими указаниями, такое очевидное неумение контролировать работу землеустроительных органов, что мне с первого же шага стала ясной полная невозможность оставить Песоченского во главе землеустройства.

На мое недоумение, как можно было назначать несведущего человека на такую ответственную должность, вице-губернатор Европеус рассказал мне следующее. Песоченский появился при А. В. Болотове, который взял его из податных инспекторов в одной из Привислинских губерний² и определил на должность непременного члена губернского присутствия. Крестьянского дела он совсем не знал и такового за свою службу не изучил. Песоченский когда-то состоял при Болотове в бытность его в правоведении репетитором, жил в доме его родителей, сумел снискать себе их расположение, и вот в память этого расположения Болотов согласился взять его к себе на службу в

тот момент, когда Песоченскому приходилось уйти из податных инспекторов не совсем по своей воле.

По словам общей молвы, Песоченский имел большое влияние на Болотова, прикидываясь преданным ему человеком, и осведомлял его о всем, что делалось и говорилось. Насколько он был правдив в этой роли, мнения расходились. Я очень люблю Болотова и считаю его умным человеком, но вполне допускаю возможность такого влияния, ибо слишком хорошо известно, что самые умные люди попадают на удочку грубейшей лести и аляповато подделанной преданности.

Никакого дела Песоченский толком не знал, а брал лишь апломбом и самоуверенностью. Его ревизии крестьянских учреждений сопровождались всегда большим треском и массой рассказней, но никогда не облекались в форму письменных отчетов, которых он так и не представил до самого оставления службы в Перми. Если бы он представил такой отчет, то не замедлил бы, я в том совершенно уверен, обнаружить свое колоссальное невежество. Загипнотизировав Болотова своей льстивой болтовней и тем, что он якобы священно чтит память его отца, Песоченский добивался своего назначения непременно членом губернской землеустроительной комиссии, так как эта должность была виднее и лучше оплачивалась. Директор Департамента земельных имуществ А. А. Ритгих³, державший в своих руках все землеустройство, очень возражал против этого назначения, он сам мне это говорил, но в конце концов уступил настояниям Болотова.

Лучшие из непререкаемых членов уездных землеустроительных комиссий мне впоследствии говорили, что Песоченский сам решительно ничего не зная, своими вмешательствами в дела только их путал, а потому они действовали вполне самостоятельно и всячески избегали вторжения этого господина. Так как дело землеустройства требовало напряжения всех сил, то я, убедившись в полной непригодности для этой работы губернского непременно члена, сейчас же без дальнейших колебаний предложил ему добровольно оставить должность в течение недели, предупредив, что если это не будет исполнено, то я напишу министру, прося Песоченского уволить.

Господин Песоченский был многосемейный человек. Жена его, кажется, весьма почтенная женщина, сама вела воспитание детей, репетировала с ними уроки и так хорошо это делала, что все дети блестяще учились. Один из мальчиков теперь состоит в университете.

Средств у этой семьи своих не было, и они жили на жалованье. Но у самого Песоченского были очень широкие привычки, в которых он не умел

и не хотел, должно быть, себя ограничивать. Как только появлялись деньги, сейчас же шли широкие приемы, а затем наступало крайнее безденежье, долги, неразборчивость в добывании средств.

Он отличался невиданной виртуозностью брать от казны деньги, на которые он не имел никакого права. Я нашел, например, начеты на него по всем тем должностям, которые он когда-либо занимал. И это, заметьте, получилось после того, как в последнее десятилетие ряд манифестов простил весьма многие начеты. Начальство настоятельно и многократно требовало уплаты этих начетов, ставило сроки для объяснений, но Песоченский стоически отмалчивался и ничего не платил. Так действовал он и в отношении моих требований, так что я должен был официально предложить губернской комиссии производить удержания из его жалованья. Но распорядительной властью в комиссии был он сам, а потому бумагу мою он положил под сукно и продолжал ничего не платить.

Числились за ним порядочные долги в губернскую типографию, из сумм которой часто выдавались пособия и ссуды чиновникам, и в кассу чиновников губернского правления и в оба эти учреждения также ни гроша не платил и не отвечал на мои требования об уплате долгов, и потому я предложил предъявить к нему судебные иски. При этом Песоченский пустил в ход обычные увертки затягивать дело, не являлся в суд, требовал нового разбора при постановлении заочного решения, просил предоставить рассрочки и т. п. И вот все мои усилия получить с него хоть что-либо не дали абсолютно ни малейшего результата.

Прошения об отставке он не подал в назначенный срок, и я исполнил свою угрозу, написав министру письмо с просьбой убрать г[осподина] Песоченского как человека, совершенно непригодного к службе.

К моему крайнему огорчению, все кончилось неожиданно. Из непрременных членов губернской землеустроительной комиссии его убрали, но назначили непрременным членом губернского присутствия на освободившуюся вакансию, на которую я просил назначить другое лицо.

В последней должности он пробыл, однако, недолго, указом по губернской землеустроительной комиссии было обнаружено некорректное расходование канцелярских сумм, о чем я написал министру внутренних дел, и г[осподин] Песоченский был, наконец, уволен в отставку. Моя борьба с этим типом продолжалась много месяцев. Песоченский меня, разумеется, совершенно заслуженно ненавидел и где только мог старался устраивать мне всякие пакости.

Говорят, что гнусные статьи, которые писались на мой счет в черносотенных газетах «Русском Знамени»⁴ и «Грозе»⁵, принадлежали его перу. Но еще в бытность пензенским губернатором с санкции П. А. Столыпина я принял за правило не считаться с инсинуациями этой прессы и никогда не помещал опровержений, что бы она ни выдумывала на мой счет. Так я и теперь поступил. Единственно, что я себе позволил, это при встрече с Песоченским иронически похвалил бойкость его пера, но, увы, эта насмешка не произвела впечатления и он очень хорошо разыграл полное недоумение и сделал вид, что совершенно не понимает, что я хочу сказать.

Он же постарался испортить и мои отношения к архиерею. Песоченский происходил из духовного звания и даже окончил курс духовной академии. В Перми он как-то пристроился к преосвященному Палладию, постоянно у него торчал и в конце концов так овладел этим слабохарактерным, поддающимся всякому влиянию человеком, что стал играть очень видную роль в епархии. Выезжая в губернию по делам службы, он непременно посещал встречавшиеся по пути монастыри, церкви и всюду совался с указаниями и критикой, которые духовенство проклинали, как будто бы они исходили от действительного начальства. В епархии такая узурпаторская роль Песоченского очень осуждалась, и это осуждение шло, конечно, прежде всего по адресу архиерея.

С воцарением в Синоде Саблера⁶ духовенство стало политиканствовать в самом узкочерносотенном направлении, что, очевидно, главою синода поощрялось. И когда в Петроград приезжали архиереи, то они, говорят, беседовали с Саблером не столько о духовных нуждах своих епархий, сколько осведомляли его о направлении деятельности местных властей и, главное, насколько эта деятельность соответствовала ожиданиям Дубровина⁷ и его присных. Если, скажем, губернатор не вступал в «Союз русского народа»⁸ и не соглашался быть председателем в местном отделе, его сейчас же зачисляли в разряд неблагонадежных и врагов православной церкви. Такое направление вещей было очень известно на местах и всякие карьеристы его учитывали.

Вот г[осподин] Песоченский и задался целью так обработать преосвященного Палладия, чтобы он стал в отношении меня на эту дорожку и портил бы мне репутацию в министерских кругах. Да не подумает читатель, что я передаю тут только свои необоснованные предположения. Увы, я говорю это все со слов самого преосвященного Палладия, который вскоре после ухода из Перми Песоченского, рассердившись за что-то на последнего и

желая, должно быть, дать мне доказательства, что намерен в будущем жить со мною в согласии, выдал Песоченского с головою, рассказав пренаивно, как тот его натравливал на вражду ко мне, как намеренно всякий пустяк обращал чуть ли не в кровное оскорбление для архиерея, Палладий при этом горько мне жаловался, что Песоченский такими наветами лишил его душевного покоя, сделал подозрительным и даже мнительным. Преосвященному, очевидно, не приходило в голову, как характеризовалась его личность в этой покаянной передо мной беседе.

А началось дело вот как. В день какого-то торжества, именин архиерея или какого-либо другого, не помню, я был у него с поздравлением. Через

*Пермь. Церковь святой Марии Магдалины
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)*

*Епископ Пермский и Соликамский
Палладий*

несколько дней архиерей собрался отдать мне визит и заехал около 5 ч. дня. Надо сказать, что утренние приемы, а затем дневные заседания так меня утомляли, что я должен был непременно отдыхать днем, иначе я делался неспособным на вечернюю и ночную работу. И этот отдых как раз упал на это время. Приезд архиерея к губернатору все-таки событие незаурядное, и люди, знавшие, что я отдыхаю, не посмели просто отказать в приеме, а побежали меня будить. Я приказал им доложить архиерею, что я отдыхаю и принять не могу и сделал я это прежде всего потому, что не хотел заставлять владыку одного ожидать в гостинице, пока я успею одеться и освежить лицо, моей жены не было дома. И вот Песоченский этот пустой случай раздул в

целое событие, крича на всех перекрестках о публичном оскорблении губернатором архипастыря. Сам Палладий тоже поверил в это оскорбление и всюду стал об этом так трезвонить, что, наконец, и я об этом узнал.

Мне и в голову не приходило, что тут можно усмотреть какую-либо обиду (о стараниях Песоченского я тогда еще ничего не знал), а потому мне было крайне все это неприятно, и я сейчас же приказал подать экипаж и поехал к архиерею уладить это пустое, как мне казалось, недоразумение. Откровенно рассказав, как было дело и почему я не решился его принять, я полагал, что покончу с этим вздором. Но не тут-то было. Хотя Палладий и говорил, что он видит теперь, что у меня не было дурных намерений, но тон его был такой кислый, взгляд такой жесткий, что мои объяснения, очевидно, его не удовлетворили. Я не понимал тогда, какая подкладка во всем этом плевом, извините за выражение, деле, а потому такое поведение архиерея меня взорвало, я сейчас же холодно раскланялся и уехал, твердо решив не предпринимать для примирения каких-либо дальнейших шагов.

И вот наши отношения стали официально холодными. Встречаясь, мы взаимно исполняли весь цикл церемониала, но далее такой официальной

*Пермь. Спасо-Преображенский кафедральный собор
Фото начала XX в. (ПКМ)*

стороны не шли. За глаз же друг друга поругивали и оба об этом отлично знали. Я не знаю, пытался ли Палладий портить мне в Петрограде. При министре А. А. Макарове эти попытки, если они были, не имели успеха. А что они, должно быть, были, заключаю из того, что одного моего пермского доброжелателя, имени которого я называть теперь не хочу, Саблер как-то спросил, правда ли, что я ярый враг православной церкви⁹ и на горячий протест моего приятеля ответил, что он очень рад слышать, что это не так.

Наши недружелюбные отношения вскоре, однако, перешли в нескрываемую со стороны Палладия враждебность из-за брата последнего, назначенного Лопухиным перед самым его уходом из Перми, неизменным членом Пермской уездной землеустроительной комиссии. Фамилия этого брата была, кажется, Благодравов¹⁰. Явился он в Пермь на службу так в начале апреля. До того он занимал должность губернского землемера в Чернигове. Это был молодой человек ужасно некрасивый, нескромного вида, с захлебывающейся речью. Производил он в общем какое-то жалкое и несимпатичное впечатление. Я рекомендовал ему как можно ближе познакомиться с условиями Пермского уезда, широко организовать пропаганду единоличного землепользования, так как дело это здесь совсем не шло и, как мне казалось, прежде всего из-за неудачного выбора неизменных членов. Господин Благодравов не внушал мне особых надежд на то, чтобы он сумел действовать удачнее, но нужно было все-таки попробовать.

Вдруг недели так через две является он ко мне и просится в отпуск. Я совершенно категорически в этом отказал, ссылаясь на то, что теперь настал уже полевой период работы и каждый час дорог. Благодравов, несмотря на категоричность отказа, продолжал настаивать, выставляя все новые и новые поводы и, наконец, указал на тяжкую болезнь сына, перед чем я уже не мог устоять и должен был с крайней неохотой дать согласие. Признаюсь, я не верил этой болезни и был убежден, что она была изобретена, лишь бы вырвать мое согласие. Я не скрывал своего крайнего неудовольствия и раздражения, но Благодравов несколько ими не смущался и беззастенчиво торжествовал, вынудив мое согласие.

Вернувшись из отпуска, он не старался наверстать упущенное время, а сидел в Перми и ровно ничего не делал. Это стало мне известно и когда я потребовал объяснения такого поведения, то оказывается, он все изучает землеустроительные законы и министерские циркуляры. Я еще раз понудил его работать и категорически объявил, что не потерплю подобного бездельничанья и если он не изменит своего отношения к службе, потребую

ухода в отставку. Прошло еще один или два месяца, подходила уже вторая половина лета, а Благодравов, оказывается, все-таки ни одного разу еще не выезжал в уезды. Чем он руководствовался, так дерзко игнорируя мои настоятельные требования, я сначала не понимал. Мне казалось, что он рассчитывает на заступничество брата архиерея, но впоследствии пришлось убедиться, что он был попросту лодырь, совершенно неспособный ни на какую работу.

Я вызвал его к себе и предложил сейчас же подать в отставку. Благодравов был убит этим требованием, видимо, совсем его не ожидал. Со слезами на глазах стал объяснять всю безвыходность положения своей семьи, лишенной иных средств к существованию, не скрыл от меня наделанных в Перми из-за переезда из Чернигова долгов и наконец так меня разжалобил, что, не решаясь ради жалости к нему, рисковать важным делом землеустройства, я все-таки решил не оставлять его без куска хлеба и предложил перейти на службу в земские начальники в один из уездов, где имеется вакансия. Он согласился и тут же у меня в кабинете подал о том докладную записку. Приказав немедленно откомандировать его в Верхотурский уезд для исполнения должности земского начальника, докладную его записку я направил в Министерство земледелия, прося освободить Благодравова от должности неременного члена.

Песоченский, еще не уехавший из Перми, злорадно убеждал Палладию, что я воздвиг гонения на его брата из-за вражды к нему, Палладию. Тот этому верил, везде на это жаловался и несколько уже не скрывал своего ко мне недоброжелательства. Благодравов уехал в Верхотурский уезд один, а семью свою бросил в Перми на руки Палладию и ни гроша ей не давал. Мало того, он наделал и на новом месте служения долгов и, вероятно, таких, каких не платить было нельзя, так что архиерей и долги его принужден был погасить, а это было сделать нелегко, так как у Палладию были очень и очень скромные средства.

И в роли земского начальника Благодравов продолжал бездельничать и отличился тут романтической историей, которая наделала много шуму. Он влюбился в свою прислугу и так был занят этой неожиданной страстью, что все забыл: и службу, и семью, и брата и из дому никуда не показывался. На его несчастье девушка эта заболела и умерла. Вот Благодравов решает труп ее похоронить на родине, где-то чуть ли не за 100 верст от его местожительства. Как это сделать без крупных денежных затрат? Недолго думая, он нанимает розвальни, укладывает на них гроб, сам садится тут же и без

шапки в трескучий мороз отправляется. При встречах требует, чтобы люди останавливались, снимали шапки и пропускали мимо себя эту странную погребальную процессию.

Судите, какое впечатление произвело на местное население такой трагикомический роман земского начальника, человека многосемейного, родного брата епархиального архиерея. По окончании похорон, предаваясь, должно быть, грустным воспоминаниям, он продолжает ровно ничего не делать. Ни одно требование губернского присутствия и съезда не исполняется, разборов дел не производится, поступает на него куча жалоб. Я решился с таким безобразием покончить; но чтобы не было со стороны преосвященного Палладия упреков в несправедливости и пристрастии, я предложил губернскому присутствию командировать на место одного из неперменных членов для производства ревизии.

Выбор пал на А. Н. Сергиевского, очень милого и спокойного человека, который жил в архиерейских домах и был с Палладием в хороших отношениях. Ревизия обнаружила такие невозможные вещи, что Сергиевский привез с собою прошение Благоднравова об отставке и он был сейчас же освобожден от исполнения должности. Ордовский-Танаевский, считавшийся близким к епископу Палладию человеком, взял его к себе в палату в качестве чиновника особых поручений, и с тех пор я уже более не интересовался судьбой этого неудачника.

Тем временем и Песоченский уехал из Перми, получив хорошее место при Синодальной типографии в Москве. Место это ему предоставил, говорят, Распутин, встретившийся с Песоченским в поезде. Начальник дивизии мне как-то передавал со слов самого Распутина, что Песоченский наговорил этому «пророку» кучу всяких мерзостей на мой счет, а тот этими материалами, должно быть, поделился со своими сумасшедшими поклонниками. Так по крайней мере меня заставляют думать некоторые факты, о которых я скажу позже.

Эта навязанная мне вражда с архиереем, с которым приходилось так часто всюду встречаться и иметь постоянные деловые сношения, была крайне неприятна, к тому же, судя по отношению к семье брата, так сильно его компрометировавшего своим несуразным поведением, архиерей был очевидно незлым человеком, а потому меня вдвойне тяготила основанная на каких-то гнусных сплетнях наша взаимная неприязнь.

Я делал тысячу попыток рассеять эту враждебность, оказывал владыке всегда глубочайшее внимание, стал остерегаться говорить на его счет что-

либо осуждающее, пробовал приглашать его к себе на обеды, устраивая ему пышные встречи с участием хора певчих-любителей, — все это помогало плохо, и если отношения наши становились как будто менее натянутыми, все-таки всегда чувствовалось отчуждение, заставлявшее нас быть постоянно настороже, и так это продолжалось до самого перехода архиерея на Саратовскую кафедру.

В последних числах марта я решил поехать в Екатеринбург с таким расчетом, чтобы иметь там два дня свободными до заседания 1 апреля и за это время успеть познакомиться с его представителями. От Перми до Екатеринбурга 500 верст, расстояние не маленькое. Ехать надо по горнозаводской дороге¹, перерезав весь массив Урала у водораздела между станциями Европейской и Азиатской. Названия эти показывают, что тут же и черта, разделяющая Европу и Азию. Екатеринбург лежит уже в Азии. В Пензе мне давали для путешествий по губернии обыкновенный пудмановский вагон 1-го класса. Удобство этого вагона заключается в том, что каждое из сопровождающих вас лиц, сколько бы их ни было, могло иметь особое купе, но не было салона с соответствующей обстановкой, где можно было бы в пути удобно заниматься, пить чай и закусывать.

В Перми мне предоставляли служебный вагон, который состоял из салона с стеклянной дверью в хвосте, через которую виден пройденный путь, если вагон идет последним, большого купе с письменным столом, диваном для сна и умывальником, 2 маленьких купе для сопровождающих, а во второй половине вагона — купе для прислуги и проводника, уборная и маленькая кухня. Салон обставлен был 2 диванами, большим круглым обеденным столом, карточным столом, несколькими стульями с креслами, зеркалами.

Все это было очень комфортабельно, и в таком вагоне мне приходилось жить по нескольку недель, когда я ездил по губернии с Управляющим тогда земским отделом Я. Я. Литвиновым², а второй раз с товарищем Министра Внутренних Дел А. И. Лыкошиным³, приезжавшими в губернию на очередную ревизию крестьянских учреждений и для ознакомления с состоянием дел наделения землей мастеровых заводов. Остановившись в разных местах, мы продолжали жить в этом вагоне, а человек мой Матвей, выучившийся в Пензе превкусно готовить, отлично кормил нас завтраками и обедами, приготовленными в вагонной кухне. Разумеется, еда была очень простой, без всякой изысканности, но свежая и вкусная. Я с удовольствием

вспоминаю мои путешествия в этом вагоне, столько я видел при этом интересного и время проходило обыкновенно в милом обществе симпатичных для меня людей.

Когда мне предстояло в первый раз переваливать в Азию через Урал, я приказал себя пораньше разбудить, рассчитывая увидеть величественную горную картину. Мне уже приходилось проезжать Уралом⁴ в южной его части на пути Уфа — Челябинск, и я восторгался разнообразием и красотой видов, очень напоминавших знаменитый Земмеринг в Австрии. Вы видите то светлую речку, извивающуюся в изумрудных берегах по долине, оставленной высокими горами, покрытыми лесом, и обрывающимися в эту долину разноцветными скалами; то поезд мчится коридором между двумя стенами скал, состоящих из слоистых глыб, неправильно выпертых из земли какой-то гигантской силой и оставшихся навсегда в таком полунаклонном положении, то глазам вашим представляются круто поднимающиеся в горы лощины, по которым бегут бурные горные ручьи, впадающие где-то там внизу за скалами в реку. На пути среди этих красот совершенно не видно жилья и люди группируются тут или по городам, или по большим селениям. Видно сибирские нравы, вечное скитание тут всяких людей, воюющих с государственным порядком, пугают мирных обывателей и заставляют их робко жаться к друг другу.

Я ожидал и теперь увидеть что-либо подобное, но только в более грандиозном масштабе, ибо мы ехали по центральной, самой могущественной толще Урала. Но разочарование было полное. Никаких скал с переливами разных цветов, никаких обрывов, никаких отдельных вершин, вроде Бештау на Кавказе, глаз не видит. Перед вами просто холмистая местность, но только откосы этих холмов тянутся временами на многие версты, вы поднимаетесь на огромную высоту, но не видите впереди гор, которые закрывали бы горизонт и у вас не остается впечатления, что вы

Граница Европа — Азия. Фото начала XX в.

*Горная долина (вверху). Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)
Южный Урал. Гора Вязовая и линия Самаро-Златоустовской
железной дороги (внизу). Фото В. Л. Метенкова. Начало XX в.*

едете величайшими горами Европейской России. И лишь в отдельных точках, когда открываются уклоны по обе стороны пути, видимые на десятки верст, вы понимаете, что находитесь в горной стране. Красивые, улыбающиеся места почти не попадаются: вид все время угрюмый, почти злоеющий, всюду мрачные еловые и пихтовые леса, в которых отдельные деревья высоко поднимаются над морем мрачно-зеленой массы какими-то фантастическими свечками. Когда вы видите эти свечки вблизи, они вас радуют яркой зеленью своих верхушек, издали же картина мрачная, мертвенная.

Лишь подъезжая к Екатеринбург, Урал утрачивает такой холмистый вид, являются обрывы, обрисовываются желтые массивы скал, и перед самым городом разворачивается обширная равнина, напоминающая видом наши новгородские болотистые низменности.

На вокзале меня встретил полицмейстер Г. И. Рупинский⁵ и объявил, что в парадных комнатах собрались представители местной власти, которые желают мне представиться. Отправляюсь туда, и при входе в зал навстречу мне двинулся Городской Глава Александр Евлампиевич Обухов⁶ с кратким приветствием и хлебом-солью на серебряном блюде. Вокруг зала стояли чиновники в мундирах с прокурором суда и его товарищами во главе и представители земства и города. Я всех явившихся обошел, с каждым немного поговорил, как это полагается по церемониалу. Из знакомых мне лиц

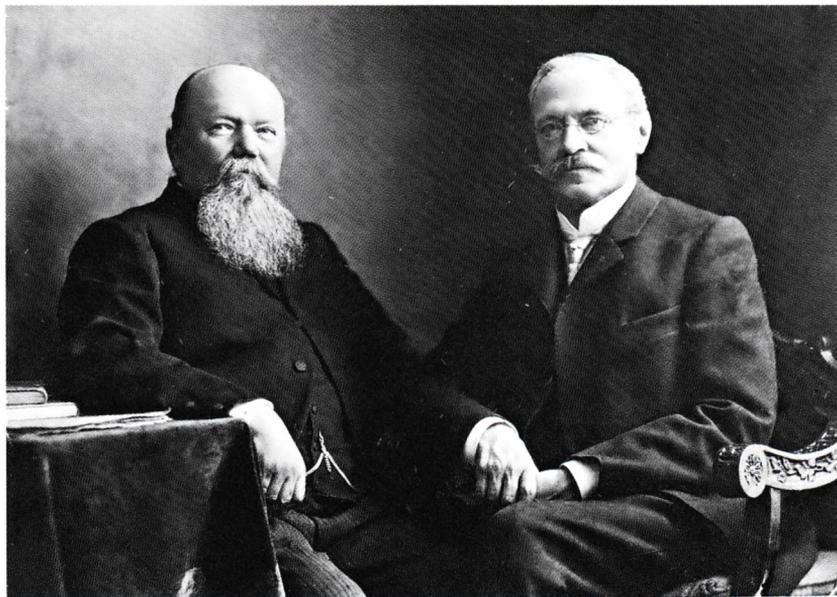

Екатеринбург. Вокзал. Фото начала XX в. (МИЭ)

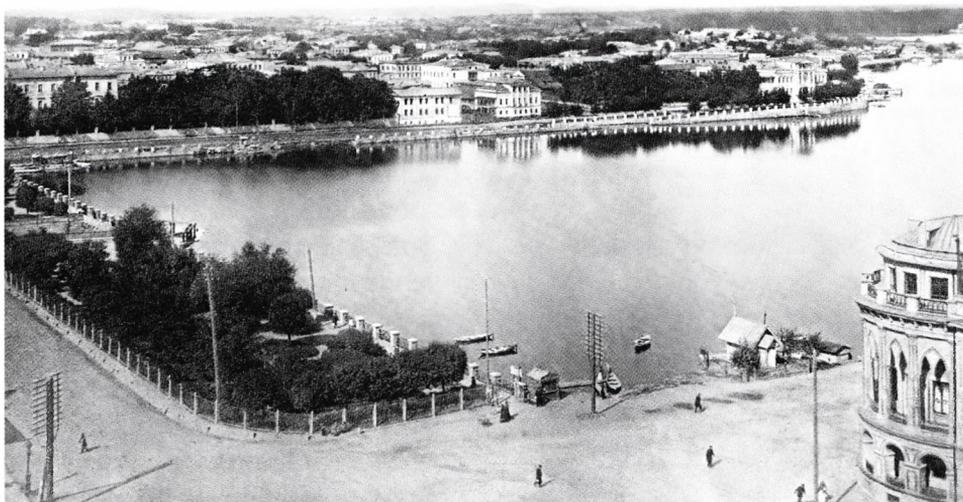
встретил лишь одного товарища прокурора Морочко⁷, о котором я говорил в своих Пензенских воспоминаниях.

В Екатеринбурге я нашел еще старого знакомого П. А. Коцебу, командира Оравайского полка⁸. Этот полк по новой дислокации был переведен из Пензы сюда и во главе его стоял тот же командир. С Коцебу у меня установились в Пензе прекрасные отношения, и я его считал выдающимся командиром полка. На моих глазах полк этот из крайне распушенной банды солдат с политиканствующими офицерами, об удалении которого из Пензы в интересах порядка я просил Столыпина, обратился под начальством Коцебу в образцовую часть, превосходно дисциплинированную. Об этой метаморфозе я свидетельствовал письмами и Министру, и Командующему войсками округа генералу Сандецкому⁹.

Не помню, был ли Коцебу в числе меня встретивших, кажется, нет. Мы с ним увиделись, должно быть, уж после в доме Поклевского-Козелл, куда меня пригласил выехавший мне навстречу на вокзал Осип Иванович Поклевский¹⁰, родственник и главноуправляющий делами Викентия и Станислава Альфонсовичей Поклевских¹¹.

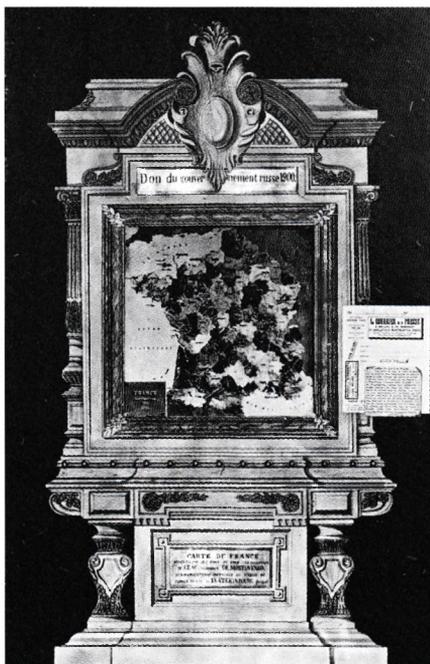
*Иосиф Иванович (слева) и Викентий Альфонсович
Поклевские-Козелл (СОКМ)*

Екатеринбург. Городской пруд с видом на дом главного начальника уральских горных заводов. Фото В. Л. Метенкова. Начало XX в.

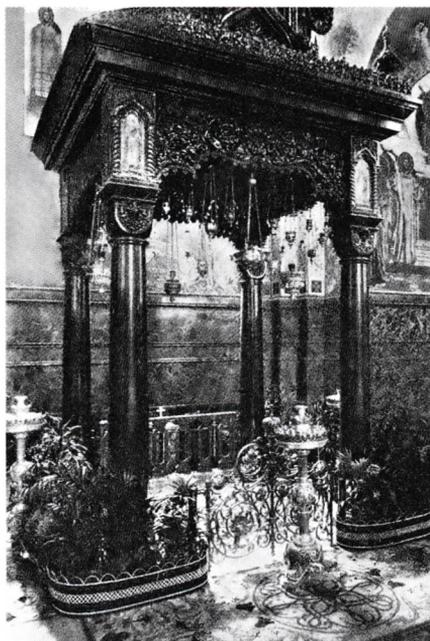
С вокзала мы поехали, как водится, в собор. В Екатеринбурге я уже бывал в 1905 году, так что город мне был знаком. Но теперь я мог его сравнить с Пермью, его исконной соперницей и, признаюсь, сравнение не в пользу губернского города. В Екатеринбурге вас поражает необыкновенная ширь и мощь во всем. Улицы там так широки, что кажутся какими-то площадями. В городе много монументальных построек в стиле русского ампира. Центр города, огромная запруда у казенной гранитной фабрики, основанной Петром Великим¹². Эта запруда имеет вид обширного озера, по берегам которого раскинулись лучшие постройки города. Ваш взор тут останавливается прежде всего на дворце главного начальника уральских горных заводов, в том же стиле ампир¹³. Это прелестное ярко-белое здание окружено садом, вокруг нет больших заслоняющих его построек, так что оно отлично видно во всех своих стройных линиях, а колоннада его царит над прудом-озером.

Когда-то тут жил знаменитый генерал Глинка¹⁴, считавший себя повластным распорядителем Урала и, кажется, самый этот дворец им построен. Впоследствии значение главного начальника стало не столь многообъемлющим и понемногу свелось к роли обыкновенного начальника губернского

учреждения, вроде Казенной палаты или Управления государственных имуществ с той только разницей, что он ведал всеми Уральскими заводами, а не только находящимися в пределах Пермской губернии¹⁵. К моему приезду эту должность занимал горный инженер П. П. Боклевский¹⁶, весьма красивый и симпатичный человек. Хотя и он, и его жена мне очень нравились, но наши отношения ограничились только визитами. Это вышло как-то случайно, а к концу второго года моего губернаторства Боклевский вышел в отставку, и я с ним снова встретился много позднее в Сочи, где у него была своя дача.

Казенная гранильная [фабрика] в мое время являлась учреждением крайне отсталым¹⁷. Говорят, что она и теперь работает теми же орудиями, что и при Екатерине Великой и в работах своих придерживается все тех же неизменяемых образцов, — словом, застой мертвящий. Из работ этой фабрики общеизвестны карта Франции¹⁸, подаренная Феликсу Фору¹⁹, где города

Работы мастеров екатеринбургской гранильной фабрики:

Рисунок карты Франции, изготовленной из уральских камней в 1900 г. для Всемирной выставки в Париже. Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)

Сень в храме Воскресения Христова (Спас на крови) в Санкт-Петербурге над местом гибели императора Александра II. Фото 1907 г.

обозначены разными уральскими драгоценными камнями, и затем чудесная сень из орлеца и змеевика над местом убийства императора Александра II в Воскресенском соборе²⁰ в Петрограде. Сень эта до сих пор еще, кажется, не готова, а в мое время я сам видел выделку орнаментов для нее из орлеца, что производится крайне медленно: рабочий не в состоянии сделать в день крошечного завитка. Положим, орлец, сорт очень красивой розовой яшмы с черными прожилками, необыкновенно тверд, но все-таки такая

*Екатеринбург. Императорская гранильная фабрика в начале XX в.
Вверху — Фото С. М. Прокудина-Горского
Внизу — Фото В. Л. Метенкова.*

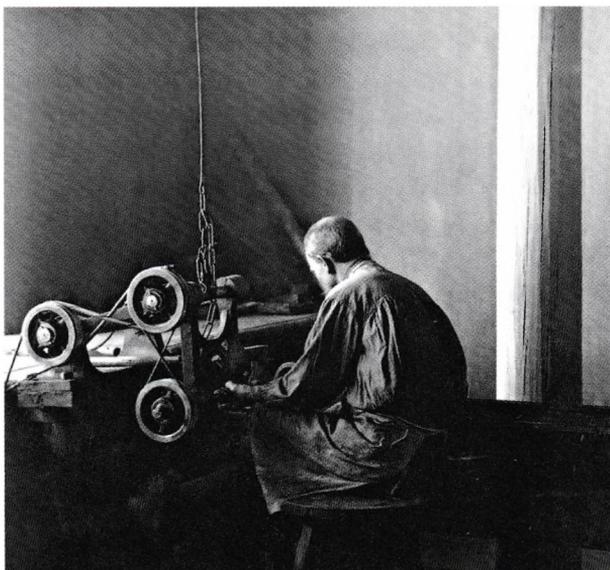
медленность свидетельствует вместе с тем об убожестве оборудования фабрики.

Обычная ее работа, ради которой она, кажется, и существует, это выделка для Императорского двора пасхальных яиц из разных горных пород. Из года в год это одно и то же, никакого проблеска разнообразия.

Я думаю, что если изделия из уральских камней так сравнительно мало распространены, несмотря на то, что даже при применяемой отделке камни эти дают удивительные, неподражаемые эффекты, то главная вина тут падает на косность гранильной фабрики. Она почти так же безбрежна, как и косность известных Каслинских заводов Кыштымского горного округа, производящих чугунное художественное литье: модели этого литья все те же, что были еще в раннем моем детстве, лет 50 тому назад.

Вред для краевой промышленности такого жалкого оборудования гранильной фабрики, такой же неподвижности в приемах, как и у заурядных частных гранильщиков, сознается Екатеринбургским уездным земством и несколько лет тому назад в председательствование Александра Максимова²¹, очень дельного и с широким кругозором человека и ныне председательствующего в Управе, оно основало в Екатеринбурге ремесленно-художественную школу²² при поддержке Министерства торговли и промышленности, а при деревне Мраморской, где издавна производилась

отделка местного мрамора, мраморную показательную мастерскую²³. Во главе этих учреждений земство старается иметь людей с художественным именем, так что со временем, когда это дело окончательно организуется (задерживается ассигнование необходи-

*Екатеринбургская
гранильная фабрика.
Полировка орлеца.
Фото С. М. Прокудина-
Горского. 1910 г. (БК)*

мых средств на постройку зданий, оборудование и т. п.), будет, наконец, сказано новое слово в гранильном деле и этот край зальет Россию и за границу художественными изделиями из уральских камней, в некоторых отношениях не имеющих себе соперников во всем свете.

Даже теперь, в еще не устроенном окончательно виде художественная школа делает замечательные вещи, дотоле не виданные на Урале. Я сам лично купил там стаканчики из цельного куска орлеца, на поверхности которого выгранена ветка акации, — это такая просто изящная и в то же время тонкая и благородная работа, что, увидя ее, нельзя не придти в восторг, а стоит она только 35 рублей.

Когда я уходил из Пермской губернии, мои сослуживцы, друзья и знакомые поднесли мне на память чудное плато из темно-серой николаевской яшмы с фигуркой сидящего медведя²⁴. Вещь эту школа делала полтора года, но я уверен, что для знатока и человека, чувствующего художественную красоту, она представляет собою произведение огромной художественной ценности.

Екатеринбург считается столицей Урала, ибо здесь центр для организации всяких горнопромышленных предприятий, сюда стекалось все добываемое на Урале и в Сибири золото, проходившее через местную Пробирную палату²⁵ и отправлявшееся в столицу. Тут же орудовали в большом масштабе всякие скупщики золота и драгоценных камней, украденных при добывании на рудниках и утаенных старателями. В настоящее время золото отошло на задний план как потому, что добыча его на Урале значительно уменьшилась, а сибирское золото сюда более не идет, так и потому, что появился спрос на платину, которой нет нигде в другом месте земного шара, кроме Урала, и цена на которую во много раз выше золота. Все бросились на это дело, и в него вложены огромные иностранные капиталы. Чуть не каждый день благодаря устремленным в эту сторону поискам находят все новые и новые россыпи платины и добыча ее увеличивается, а цены благодаря тому, что все дело находится в руках монопольной французской компании, не только не падают, а все продолжают расти.

В Екатеринбурге, как и вообще в России, нет фабрики для очистки платины или, как говорят, для ее рафинажа, и для этого добытый металл отправляется за границу, минуя Екатеринбург. Но все-таки город свою долю участия в этом деле получает: через его банки ведутся многомиллионные расходы по расчету рабочих, уплатам за металл, снабжению припасами мест разработки и т. д. Устройство рафинажа платины в Екатеринбурге

имеет государственное значение²⁶. Применение этого металла в технике становится с каждым днем все значительнее и русская промышленность несет огромные потери на том, что металл, добываемый исключительно в России, приходится покупать за границей. Если у нас будут свои очистительные заводы, не требующие к тому же, как говорят, для оборудования крупных затрат, положение, разумеется, много улучшится.

Один из управляющих отделением Государственного банка в Екатеринбурге подал Министерству финансов подробную записку об устройстве на Урале рафинажной фабрики. Я со своей стороны поддерживал проект этот в своем всеподданнейшем отчете. Но, конечно, с возникновением войны все отошло на задний план и, боюсь, как бы не было совсем забыто.

Как известно из романа Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы», Екатеринбург считался городом золотых королей. Здесь были сгруппированы чуть ли не самые крупные состояния России. В настоящее время положение во многом изменилось. Если уральские магнаты, как и прежде, сами

*Платинопромывальная фабрика на Урале в начале XX в.
Фото В. Л. Метенкова*

живут в столицах, а дела ведут их управляющие, то обращение этих управляющих в собственников нового своего дела уже почти не наблюдается. Происходит это не потому, что люди стали нравственнее и более заботливыми об интересах патрона, а потому, что оборудование нового предприятия в области горного дела, которое могло бы выдержать конкуренцию с существующими, требует таких капиталов, которые не под силу одному лицу, и горная промышленность теперь обслуживается коллективными средствами акционерных компаний, почти исключительно иностранными, и капиталы отдельных лиц тут тонут.

В Екатеринбурге и теперь много богатых людей, и между ними есть и миллионеры. Но состояния свои они приобрели на хлебной торговле, на мануфактуре, сапожном товаре и т. п. Я знаю там нескольких миллионеров-мукомолов, но не могу назвать ни одного сколько-нибудь значительного состояния среди постоянных жителей Екатеринбурга, которое бы шло от горного промысла. Единственное исключение, кажется, это один скупщик

*Платиновый прииск близ горы Качканар в начале XX в.
Фото В. Л. Метенкова*

058
В. И. Липин

Технико-Промышленное Товарищество.
Домъ Сибирскаго Банка. См. нижнюю обложку. Телефонъ № 425.

1912. Годъ издания III. 1912.

ВСЬ ЕКАТЕРИНБУРГЪ
и
Горнопромышленный Уралъ.
Торгово-Промышленный Справочникъ

Редакторъ-Издатель Л. Я. Френкель.
Венеженская № 22, телефонъ 447.

ЦѢНА 1 РУБ.

ЦѢНА 1 РУБ.

Ювелирная и золотая фабрика
В. И. Липина
Магистральная и магазинъ
В. И. Липина

Венеженский проспектъ № 24.

Ювелирная и золотая фабрика
В. И. Липина
Магистральная и магазинъ
В. И. Липина

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ
ИЗЪОБРЕТЕННЫЯ И СЪ СЪВѢТЪЮ МАГАЗИНУЮ КОМПАНИИ

Ручныя машины
отъ 25 РУБ.

Железные машины
отъ 1 РУБ.

МАШИНЫ ВО ВСѢХЪ
ПРОДАЖЪ ЗИНГЕРЪ

Остерегайтесь поддѣлокъ.
Магазинная вышка.

Французское Общество Страхованія Жизни.
L'Urbaine.

№ 18. См. стр. 134.

71087

старательской платины, но он скорее обыватель Тагильских заводов, чем города Екатеринбурга.

Горное дело питает теперь в Екатеринбурге средние или мелкие предприятия. Таковы торговля изделиями из уральских камней Липина²⁷ и Нурова²⁸, которых не обойдет ни один путешественник, приезжающий в Екатеринбург, и где можно получить великолепнейшие уральские камни, красоту которых не может даже убить грубая, аляповатая оправа и отделка, свойственная теперешним уральским ювелирам и гранильщикам. Если эти предприятия не создали своим владельцам крупных состояний, то виной здесь только отсутствие художественного вкуса, которым так страдают уральские поделки. Обе эти фирмы продают значительные партии уральских камней за границу, и я видел своими глазами, какие чудеса вкуса и изящества делают из этого материала пермские ювелиры.

Теперь позвольте сказать несколько слов относительно местного общества. Кто приезжает из Петербурга или Средней дво-

Реклама изделий из уральских камней в торгово-промышленном справочнике «Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал» за 1912 г. (вверху — обложка)

Уральские и Сибирские камни, золотая и бриллиантовая вещи.

Каменные кабинетные вещи, чугунное Каслинское художественное литье

ВЪ МАГАЗИНѢ

П. Е. НУРОВА.

Покровский проспектъ, противъ Американской Гостиницы
Телефонъ № 468.

Нижегородская ярмарка, Главный домъ № 8.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ.

Василий Иванович Липин с женой и детьми. Фото начала XX в. (СОКМ)

рянской России, того поражает прежде всего язык этого общества. Люди все образованные, а вы на каждом шагу встречаете чисто простонародные обороты и словечки, уже более не употребляемые в интеллигентных слоях. Получается то, что вы можете видеть у нас в купеческих семьях, ведущих замкнутый образ жизни: никакие гимназии и университеты не могут изгнать из употребления того языка, каким говорили тут необразованные маменьки

и тятеньки. Объясняется это явление тем, что огромное большинство екатеринбургского «общества» — это все преимущественно потомки сибирских кержаков, то есть раскольников, — всегда обособлявшихся от церковников и не допускавших в свою среду влияния пришлых интеллигентов-чиновников. Отсюда выработался и свой язык, смесь прадедовских оборотов с поправками, вынесенными из учебных заведений.

Екатеринбуржцы обыкновенно очень гордятся тем, что они настоящие кержаки, хотя это совсем не соответствует действительности, так как нигде, может быть, не процветает религиозный индеференцизм так, как здесь. О какой-либо фанатической замкнутости, приверженности к строго выдержанной в древнем стиле обрядности теперь и помину нет. Свободомыслие проникло в общий обиход.

Я понимаю этот культ «кержака» скорей в смысле преклонения перед цельностью характера предков, перед умением этих простых людей, часто

*Екатеринбург. Старообрядческая Никольская часовня. Начало XX в.
(Архив Н. А. Гончаровой)*

Зарисовки художника
В. А. Кузнецова,
сделанные во время посещения
Веселых гор — почитаемого
старообрядцами святого места
Июнь 1910 г.

Веселые горы — горный массив
на водоразделе рек Тагил, Сулем
и Межевая Утка

Инок отец Увар

Паломник Петр

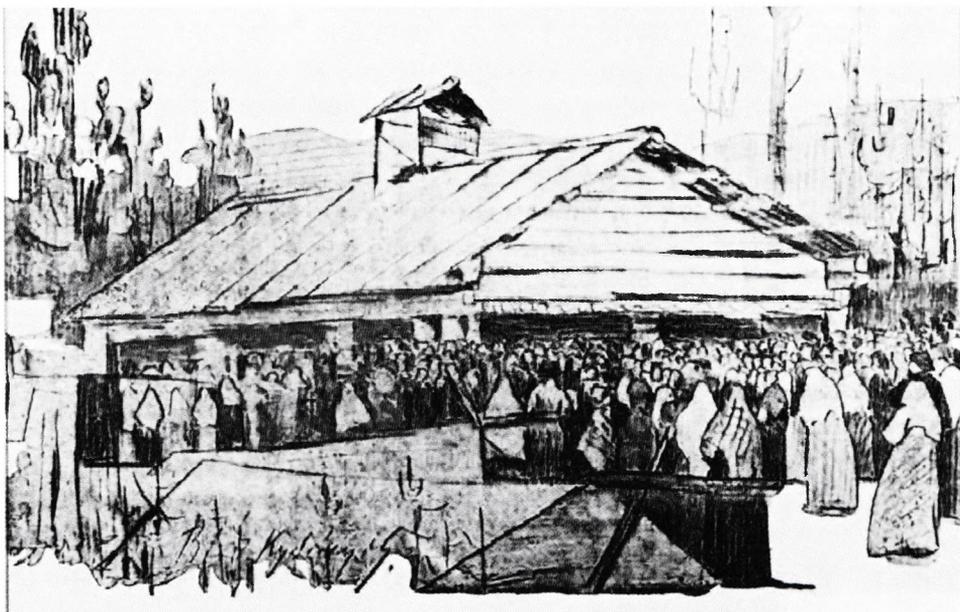
Молебн

Женщины-старообрядки

Житель скита

лишившихся гражданских прав там, в России, пробивать себе здесь дорогу и к богатству, и к общественному влиянию. Кержак, по представлению екатеринбуржца, это нечто мощное и стойкое, ведущее настойчиво свою линию и преодолевающее все препятствия. И, конечно, если в Зауралье и вообще в Сибири, этом царстве людей, когда-то порвавших с родиной не совсем добровольно и лишившихся туда возврата, при местной дикости и суровости и людей и природы, все-таки возникла культура, хотя несколько и своеобразная, но нисколько не уступающая Европейской России, то, конечно, это достигнуто могучим трудом кержака, не ослабленного алкогольным ядом в ряде поколений.

Екатеринбуржцы все чрезвычайно либеральны. Самая правая и наиболее многочисленная здесь политическая партия — кадеты; представители ее держат в своих руках все влияние как в городском, так и в земском управлении. Отношение к правительству всегда оппозиционное. Но в то же время нет тут непримиримого ригоризма, сказывающегося даже в частных отношениях. Может быть, никогда в жизни у меня не было столько добрых знакомых, обществом которых я очень дорожил, принадлежавших к партии народной свободы, как именно здесь, в Екатеринбурге.

О какой-нибудь острой нетерпимости, когда люди из-за разницы политических убеждений смотрят друг на друга волком, тут и следа нет. Меня, губернатора, здесь всегда встречали чрезвычайно приветливо и любезно, тут я пользовался изысканным гостеприимством во многих самых кадетских домах. И несмотря на то, мне никогда не приходило в голову воспользоваться этим широким радушием для того, чтобы провести при помощи его какие-либо мероприятия, идущие вразрез с господствующими здесь политическими течениями, так чувствовался тут известный предел, переступать который не следовало. Екатеринбургские приемы всегда отличались особым великолепием, тут виден был размах былых золотых королей, создавший моду. А между тем естественный уклад жизни отличался простотой, чуть ли не примитивностью. О последнем я говорю с чужих слов, так как самому наблюдать не приходилось.

Повторяю, екатеринбургское общество мне чрезвычайно нравилось, чувствовал я себя там как-то особенно приятно, несмотря на то, что эти люди принадлежали совершенно к другому политическому лагерю, враждебному тому правительству, к которому я сам принадлежал. У нас в России вообще плохо умеют делать разницу между отношениями официальными и общением простых знакомых.

Сплошной екатеринбургский оппозиционный облик вытекает, мне кажется, также из их прошлого: кержак не любил представителей власти, не доверял им и старательно их чуждался, хотя, если этого требовал ход дела, умел начальству и угодить.

Екатеринбургские дамы, вероятно, большие мотовки: шикарные парижские туалеты, ослепительные бриллианты охотно показываются при всяком удобном случае. Даже такие случаи в виде всяких благотворительных спектаклей, концертов и т. п. специально, кажется, создаются. Да и что же мудреного — все-таки и теперь в Екатеринбурге много так называемых бешеных денег, дающихся в руку без особого труда. Самые элегантные дамы при этом исповедывают чрезвычайно прогрессивные убеждения и в своей общественной деятельности были нисколько не правее присной памяти наших стриженных нигилисток. Так что в Екатеринбурге прогрессивность убеждений вовсе не сопутствовала неряшествам внешности.

Я знал мадам Конюхову²⁹, жену золотопромышленника, которая имела репутацию работницы на почве противуправительственной агитации. Об этой даме и об ее красоте я слышал отзывы от А. В. Болотова. Познакомился я с ней в доме почтенного С. А. Бибикова³⁰ и, если не нашел ее красивой, она была уже не так молода, то во всяком случае — интересной. Мадам Конюхова не только не имела того специфического облика, который присущ дамам, вкусившим от древа политики, а напротив того, обладала особенно выхоленной внешностью, отлично одевалась, тщательно следила за модой. В обращении она производила впечатление вполне воспитанной особы и в разговоре со мной, представителем той власти, против которой она будто бы сражалась, была так мила и любезна, что я счел долгом сделать ей визит, принятый как нечто должное с обычной вполне светской приветливостью.

В чем, собственно, заключалась противуправительственная деятельность этой дамы, я не имел случая убедиться, хотя при мне по требованию Тобольского жандармского управления она была даже однажды арестована и отправлена в Тобольск под конвоем. Но через несколько дней ее освободили, и она вернулась в Екатеринбург, вероятно, с лишним лавровым листочком в своем венке «идейного борца». Как я слышал от пермского начальника жандармского управления, арест находился в связи с задержанием какого-то скомпрометированного политически субъекта, которому она помогла денежно, а тот ее за это выдал.

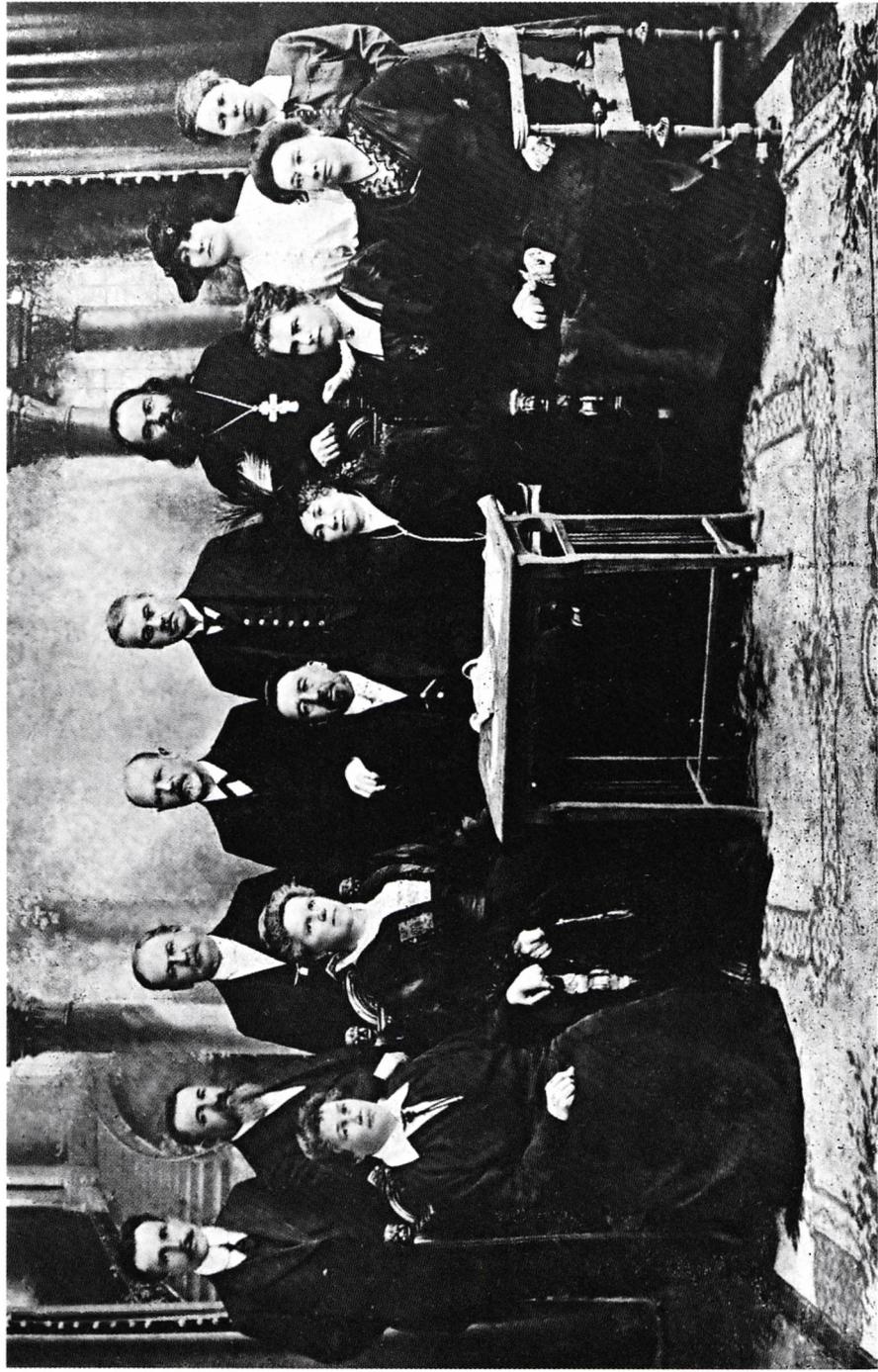
Когда был в Екатеринбургском уезде в 1912 году недород и организовались разные благотворительные комитеты под флагом Красного Креста,

мадам Конюхова принимала, конечно, в них участие и была избрана в число других лиц для объезда пострадавших местностей и организации волостных комитетов. Прежде чем допускать к такой деятельности, требовалось наводить в жандармском управлении справки о благонадежности. Данные о госпоже Конюховой были таковы, что я не мог допустить ее в уезд и просил ограничиться работой в городе. Позднее, присмотревшись ближе к этой даме, я находил все эти предосторожности в отношении ее совсем ненужными. Мне казалось, что всякие политические выступления имели тут значение лишнего способа проявления шарма, не более, и, пожалуй, в екатеринбургском обществе это достигало цели.

Когда открывался вновь выстроенный Екатеринбургский театр³¹, театральная комиссия организовала это торжество очень пышно, с приветствиями многочисленных общественных организаций, являвшихся на сцену перед заседавшей там за столом Комиссией. Помню, что фигурировала тут и мадам Конюхова в умопомрачительном парижском туалете, декольте и тоже поднесла адрес от какой-то организации и даже, сколько помню, читала на этот случай какие-то стихи.

Из других представительниц прекрасного пола в Екатеринбурге не могу не упомянуть о Л. В. Бибиковой. Она была женой местного лучшего адвоката, матерью многочисленного семейства и наиболее хлебосольной хозяйкой города, умевшей необыкновенно вкусно покормить своих гостей, но в самом процессе угощения проявлявшей тиранию Нерона и жестокость Иоанна Грозного. Мне на себе несколько раз приходилось переносить ее нестерпимые тиранства и робко умолкать перед свойственным ей командирским тоном, не допускавшим ни малейших возражений, когда она накладывала на вашу тарелку разных вкусных вещей в количестве как будто бы непреодолимом. Муж ее, добрейший Северг Александрович, питавшийся, кажется, только одними фруктами, молча смотрел на эти ее изуверства и лишь изредка бросал фразу: «Лидия, брось, не приставай». Но это не производило никакого впечатления. Много приятных минут провел я в этом всегда радушном доме, собиравшем в своих стенах людей разного общественного положения, разных взглядов и вкусов, но объединявшихся в симпатиях к милым хозяевам.

Этими беглыми строками я хочу сказать, что екатеринбургское общество, несмотря на всю свою прогрессивность, не утратило, однако, как видите, некоторых старинных свойств русского быта.

*Попечительный совет Сиротско-воспитательного дома имени С. А. Петрова. 1915 г.
Первый ряд, третья справа — Л. В. Бибикова. Второй ряд, вторая справа — А. А. Конюхова (ОМПУ)*

Проезжая с вокзала в Собор, вы едете мимо огромного белого дома, принадлежавшего когда-то знаменитому золотопромышленнику и заводчику Харитонову³², описанному в «Приваловских миллионах». Дом этот, копия с дома главного начальника заводов, или, может быть, наоборот, не знаю, который был построен раньше. Когда-то по роскоши внутреннего убранства, росписи потолков и отделки стен, говорят, это было что-то выдающееся. В доме этом в укромном месте помещалась

Екатеринбург. Домовая молельня в Харитоновской усадьбе. 1910-е гг. (Архив Н. А. Гончаровой)

Екатеринбург. Усадьба Харитонова и виды парка. Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)

раскольничья молельня и была по разным житейским соображениям вне досягаемости тогдашней полиции. Теперь этот дом запущен, принадлежит Кыштымским заводам и в нем предполагалось поместить вновь учреждаемый в Екатеринбурге Горный институт³³. Не знаю, осуществлено ли это предположение.

Городским Головою состоял, как я уже об этом упомянул, А. Е. Обухов. По специальности это был лесничий и заведывал прежде лесами Кыштымского горного округа, начальник которого Ф. А. Иванов приходился ему свояком. Обухов был неглупый человек, деловит, с инициативой, хотя, кажется, хозяйственность не стояла в числе его достоинств. По крайней мере за время своей службы в мое губернаторство финансовая сторона городского хозяйства была очень хаотична и не приведена в известность, текущая смета подкреплялась постоянно займами, ревизионные отчеты крайне запаздывали. Правда, что Обухов принял в таком виде хозяйство от своих предшественников, но за время своей службы он имел полную возможность водворить тут более строгий порядок.

Обухов задался широким планом улучшения Екатеринбурга: затеял устроить водопровод³⁴, заново перестроить Гостиный двор³⁵, выстроить театр и т. д. Он опирался на просвещенную часть городских гласных, и в частности на С. А. Бибикува, пользовавшегося в Городской думе большим авторитетом, мелкие же гласные из мещан вели с ним ожесточенную войну, вероятно, из-за опасения увеличения обложения. В этой войне принимала участие и одна из екатеринбургских газет по соображениям, должно быть, партийной розни и часто очень огорчала Обухова своими ядовитыми выпадами. При мне работы по изысканиям для водопровода еще не были кончены, Гостиный двор вчерне выстроен, городской театр открыт и в нем подвизалась прекрасная оперная труппа³⁶.

Театр получился на славу. Обширное очень импозантное здание, напоминающее несколько Мариинский театр в Петербурге, большой изящно отделанный зрительный зал в 4 яруса с комфортабельной мебелью, прекрасное

*Александр Евлампиевич
Обухов*

освещение, красивое фойе, хорошо оборудованная сцена — все это не уда-
рило бы лицом в грязь и в столице и явилось действительным украшением
города³⁷. Злые языки говорили, что театр следовало бы построить после ре-
монта и переустройства невозможных городских боен, предел функциони-
рования которых в тогдашнем виде ветеринарным управлением ограничен
был годом и предстояло их закрытие, но Обухов рассчитывал, что получит
еще отсрочку и с перестройкой не торопился.

Екатеринбург в отличие от других уездных городов губернии (мне даже
неловко называть этот крупный центр уездным городом) имел свое особое
городское полицейское управление во главе с полицеймейстером, которым
при мне состоял Г. И. Рупинский. В промежутке между Лопухиным и мною
он был сюда назначен вице-губернатором Европеусом из Красноуфимска,
где служил исправником.

Еще совсем молодой человек, Рупинский отличался внешней эlegant-
ностью, без той, однако, показной молодцеватости, которая так характери-
зовала пермского полицеймейстера Церешкевича, имел весьма приличные
манеры, так присущие всем воспитанным полякам, однако без всякой

Екатеринбург. Новый Гостиный двор. Фото начала XX в. (МИЕ)

аффектации и слащавости. В обращении с начальством был услужлив и почтителен, причем всегда сохранял некоторый тон собственного достоинства, не позволявший этой услужливости переходить в искательство. Службой он занимался рачительно, умел хорошо поставить уголовный розыск и пользовался расположением екатеринбуржцев, городской управы и городского головы. Последнее было ему очень полезно, так как городское управление давало из своих средств полицеймейстеру расходные и квартирные деньги, размер которых совершенно зависел от усмотрения Городской думы по представлению управы. Рупинский в этом отношении был обставлен прилично и мог жить, не прибегая к незаконным поборам. Я никогда ни от кого не слышал подобных на него нареканий. Он мне был очень симпатичен, и я дорожил его усердной службой и житейским тактом, столь необходимыми начальнику наружной полиции вообще, а в таком городе, как Екатеринбург, с его преобладающими оппозиционными тенденциями в особенности.

В первые дни моего пребывания в Екатеринбурге я делал всем властям и наиболее именитым гражданам города визиты по списку, составленному полицеймейстером. Начал я их с посещения екатеринбургского архиерея преосвященного Митрофана³⁸. Екатеринбург имел свою самостоятельную епархию, так что в Пермской губернии их было две³⁹. Преосвященный Митрофан до своего посвящения в сан архиерея принадлежал к белому духовенству и состоял в Орловском кадетском корпусе законоучителем. Екатеринбургскую епархию получил в губернаторство Лопухина, значит, около года тому назад. Архиерей постригся в монашество, потеряв жену, оставившую ему дочь и сына-кадета. Дети оставались жить в Орле, приезжая в Екатеринбург на каникулы.

Владыке было около 50 лет, выглядел он молодо, но на лице

*Епископ Екатеринбургский
и Ирбитский Митрофан (ОМПУ)*

были следы как бы усталости, что происходило, вероятно, от болезни сердца, которой он страдал. Внешность необычайно симпатичная, я сказал бы даже — влекущая к себе сердца: мягкие добрые глаза смотрели на вас как-то печально-участливо, без той подчеркнутой приветливости, какая является у воспитанных людей, когда им хочется человека привлечь, кроткая улыбка, необыкновенно красивые, почти женские руки, негромкий голос. Пригласив меня сесть, он приказал принести пепельницу и разрешил курить в своем присутствии — мелочь, свидетельствующая, что владыка жил прежде в миру и чуждался внешнего аскетизма.

Как я потом мог убедиться, это был прекраснейший человек, глубоко религиозный, без малейшей тени того противного фарисейства, которым отличаются святоши-фокусники. К людям он относился любовно, я никогда не слышал от него резкого осуждения, политикой совсем не занимался и расхождение во взглядах на государственные дела не служило ему поводом к неприязни. Эта черта была чрезвычайно драгоценна в Екатеринбурге

*Инок Макарий Актайский
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г.*

и снискала ему общую любовь и уважение. Во время выборов в 4-ю Государственную Думу⁴⁰ его имя называлось в числе вероятных выборщиков Екатеринбурга, и я не сомневаюсь в том, что он был бы избран, если бы не последовало воспреещение Синода выставлять свою кандидатуру в члены Думы для всех епархиальных архиереев.

В пределы епархии преосвященного Митрофана входил и Верхотурский уезд с его знаменитым мужским монастырем в Верхотурье⁴¹, где покоятся мощи Симеона Праведника⁴². В этот монастырь повадился лазить Распутин⁴³. Там был один схимник, которого многие почитали чуть ли не праведником⁴⁴. Я видел его. Он произвел на меня

*Скит Верхотурского монастыря на реке Актай, где жил инок Макарий
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)*

впечатление слабоумного, но, должно быть, очень по природе ласкового и доброго человека. Речь его была каким-то набором слов без смысла, в котором его поклонники находили что-то вещее. При этом отсутствие тени аффектации и кривляния: это было какое-то милое неосмысленное дитя. Любил он очень кур, развел их у себя в скиту⁴⁵ целый птичий двор и с птицей разговаривал, причем она, казалось, понимала его речь. Тут, конечно, нет ничего удивительного. Известно, что кротостью и близостью можно приручить к себе любое животное. Но поклонники схимника видели в этом доказательство его праведности.

Так вот Распутин вцепился в этого схимника и стал его эксплуатировать в каких-то своих темных целях. Он возил его даже однажды во дворец. Пресвященному Митрофану, вообще относившемуся к Распутину совершенно отрицательно и не пускавшему его на порог архиерейского дома, это очень не нравилось, и он приказал архимандриту монастыря прекратить ухаживание за Распутиным и постараться отвести его. Приказание было исполнено, но, видно, скрепя сердце. Я, например, никогда не видел в монастыре этого пройдоху, хотя бывал там на богослужении в знаменательные дни монастырской жизни, когда Распутин, наверное бы, явился, если бы ему не был воспрещен вход.

ВЕРХОТУРЬЕ
на фотографиях
С. М. Прокудина-Горского
1910 г. (БК)

Троицкий собор

Церковь Воскресения
Христова

*Ворота Свято-
Николаевского
монастыря*

*Вид на Свято-
Николаевский
монастырь*

*Великая княгиня
Елизавета Федоровна*

ве уважения к личности Преосвященного. Палладий показывал Распутину свой архиерейский хор, водил его лично в собор, правда, при закрытых наружных дверях, на вокзал посылал для встречи и проводов этого проходимца эконома своего дома и наиболее близко к нему стоящего священника. А публично он возмущенным, казалось, тоном отрицал сообщение какой-то газеты о том, что архиерей выезжал на вокзал для встречи «старца».

Такое отношение к этому роковому человеку, перед которым трепетали министры, лучше всего характеризует благородство преосвященного Митрофана. Для него вопросы карьеры, если они вообще что-либо значили в его глазах, стояли позади долга пастыря и достоинства порядочного человека.

Какая огромная разница с епископом пермским Палладием! Последний, не смея ухаживать за Распутиным открыто, принимал его в своих покоях, как ему казалось, келейно, однако это было известно всему городу и, конечно, не способствовало укреплению в паст-

Заменивший преосвященного Митрофана, после перевода его в Каменец-Подольск, епископ Серафим⁴⁶ рассказывал, как мне передавали, что перед приездом своим в епархию он был в Петербурге и посетил между прочим великую княгиню Анастасию Николаевну⁴⁷. Узнав, что Серафим едет в Екатеринбург, княгиня просила его непременно демонстративно выгонять вон Распутина и не позволять ему как бы то ни было вмешиваться в церковные дела. Когда этот свой разговор Серафим передал в Москве великой

*Епископ Екатеринбургский
и Ирбитский Серафим (ОМПУ)*

княгине Елизавете Федоровне, относившейся к Распутину тоже враждебно, то она будто бы советовала избегать всякого шума в связи с этим человеком, чтобы не давать лишнего повода осуждать высокие особы.

Председателем екатеринбургской уездной земской Управы уже несколько трехлетий состоял, как я уже упоминал, Александр Максимович Симанов. Происходил он из купеческой семьи старинного кержацкого рода, получил университетское образование и в дни молодости, кажется, отдал дань политическим волнениям, считался у начальства неблагонадежным и одно время не утверждался в земских должностях. С годами эта накипь прошла и хотя он по убеждениям все-таки примыкал к кадетской партии, но политикой не занимался и целиком отдался земской работе. Бюджет Екатеринбургского уездного земства достигал 1 ½ миллионов. Из этого видно, во главе какого большого дела стоял Симанов, так что для политики, если бы он и хотел ею заниматься, у него не было времени. Он поддерживал с пермскими губернаторами порядочные отношения, то есть принимал изредка их у себя в доме, появляясь в Перми, обязательно заходил к губернатору представиться, да кстати и поговорить о делах, которых всегда было достаточно, принимал участие в устраиваемых губернаторам екатеринбургским обществом обедах и т. п., словом, всегда держался в рамках строгой, но ни к чему не обязывающей любезности. Если бы какой-нибудь губернатор вздумал такой любезностью воспользоваться для проведения в земскую работу своих воззрений, не согласных со взглядом Александра Максимовича, или для воздействия через него на земские выборы, то я так твердо был уверен, что такие попытки встретили бы решительный, хотя и вежливый отпор, что мне лично никогда и в голову не приходило попробовать что-нибудь подобное, а между тем у меня с Симановым были прекрасные отношения и, смею думать, мы взаимно друг другу симпатизировали.

В бурные дни революции 1905—1907 гг. одна из екатеринбургских газет нападала на Симанова по поводу таких корректных отношений к губернатору и помещала на его

*Александр Максимович
Симанов*

счет ругательные памфлеты, но Симанов нисколько на них не реагировал и продолжал вести свою линию, которую он считал наилучшею для интересов земского дела. Работа Симанова основывалась на прекрасном знании не только своего уезда, но и всей губернии. Хозяйственные нужды, при очень широком их понимании, удовлетворялись им в строгом согласии с требованиями жизни и не страдали теоретичностью, а потому его деятельность никогда не впадала в сентиментальность. В губернском земском собрании его здравый ум и разумное понимание земского дела очень ценились и собрание с удовольствием дало бы ему свои голоса при желании занять должность председателя губернской управы, но Симанов не хотел расставаться с Екатеринбургом, где у него был свой дом и свои частные интересы.

Побывал я в эти дни с визитами у прокурора с его товарищами, председателя Окружного суда (в Екатеринбурге свой отдельный от Перми Окружной

Екатеринбург. Вид с городского пруда на Окружной суд и Екатерининский собор. Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)

суд), главного начальника горных заводов, у директоров банков и у многих представителей купечества, игравших ту или другую роль в обществе. Говорить теперь о каждом из них в отдельности я не буду. Может быть, я это сделаю позднее в связи с теми событиями моей пермской жизни, о которых буду писать.

Совещание по огнестойкому строительству оказалось очень людным. Вести его, не давая уклоняться в сторону, чем так страдают всякие наши собрания, было тем более трудно, что непосредственного опыта в этом деле в Зауральских уездах не существовало. Конечно, здесь было множество кирпичных построек с железными крышами, которые представляют, разумеется, лучшее решение огнестойкости, и постройки эти встречались вне городов в таком большом количестве, как нигде, может быть, в другом месте в России, но все-таки такой тип для крестьянского населения слишком дорог и может быть избираем в особо благоприятных случаях. Но так как кирпич нужен и для печей каждого дома, то совещание высказалось за всемерное удешевление и поощрение выделки кирпича. Оказалось при этом, что губернское земство же пришло к необходимости субсидировать мелкие кирпичные заводы и желающим заняться таким делом выдает на льготных условиях ссуды на оборудование, ставя непременно условием продажу из таких заводов кирпича по цене не дороже 10 р. за тысячу. Совещание высказалось как за возможное расширение такого субсидирования специальных ассигнований, так и за устройство инициативой землеустроительных комиссий казенных кирпичных заводов.

Так как какого-нибудь дешевого типа крестьянских огнестойких построек опытом самого населения в губернии не выработано, размеры же и значение опытов в других местах членам совещания точно не известны, а литературы по этому вопросу почти не существует, поэтому совещание не признало пока возможным рекомендовать землеустроительным комиссиям для распространения среди населения каких-либо определенных типов огнестойких построек и высказалось лишь за широкое производство в этом отношении опытов из разных материалов, имеющих на местах, причем эти опытные постройки должны производиться особо приглашенными на службу комиссией техниками с соблюдением основных требований строительного искусства. Членами совещания при этом указывалось, что так распространенные на юге саманные постройки⁴⁸, если они ведутся умелыми руками, оказываются прекрасными во всех отношениях, но если их делает человек неопытный и не подведет под них, например, сравнительно

солидного фундамента, стены весьма скоро трескаются, неровно оседают и дом становится негодным для жилья. Это не значит, конечно, что саман (большие кирпичи из прессованной глины с примесью соломы и коровьего навоза) не годен для постройки, но такой вывод из опыта совершенно естественен и часто в жизни встречается.

Не буду касаться здесь дальнейших подробностей этого совещания, укажу лишь вот на что. Министерство, как я уже говорил, приглашало земство к сотрудничеству в этом деле и готово было всю постановку огнестойкого строительства со всеми казенными на него ассигнованиями средств целиком передать земству, если последнее обяжется казенные ассигнования употреблять исключительно на нужды единоличных владельцев из крестьян. А если земство пожелало бы эту помощь распространить и на других плательщиков сборов и дало бы на это известную ассигновку, то министерство изъявляло согласие дать и от казны равную этому ассигнованию сумму, помимо средств для помощи единоличным владельцам.

В совещании хотя и участвовали представители губернской и уездных Управ и многие гласные, но они, конечно, не имели права давать какие-либо обязательства от имени земства, ибо такое право принадлежит только соответствующим земским собраниям и должно быть оформлено постановлением. Предвидя такое возражение, я указал, что настоящий вопрос будет мною поставлен на обсуждение очередных или чрезвычайных собраний присутствующих же здесь гласных, как хорошо знакомых с настроением и направлением деятельности своих уездов, прошу лишь высказаться предположительно, как, по их мнению, отнесутся к этому вопросу собрания. Единогласно было высказано, что земские собрания с охотой примут, вероятно, такое предложение. Увы, это предположение, как я скажу позже, не оправдалось.

Это [совещание] происходило в начале апреля, в городе снег сошел и ездили на колесах. В уезде же стояло полное бездорожье, а потому о выезде за город для осмотра важнейших заводов теперь не могло быть и речи.

Непосредственно за чертой города по продолжению главной улицы начинается территория и постройки Верх-Исетского железодельного завода⁴⁹. Сейчас же за заставой стоит Верх-Исетский деревянный театр⁵⁰, которым распоряжалось Попечительство о народной трезвости. Тут давались несколько раз в неделю спектакли драматической труппой, а в другие дни устраивались народные чтения с платой по 5 копеек, кажется, за вход.

*Вид на поселок Верхисетского завода
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)*

Верхисетский театр. Фото начала XX в. (ОМПУ)

*Екатеринбург. Кафедральный Богоявленский собор на Главной площади
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)*

Председатель Попечительства просил меня как-нибудь побывать на этих чтениях. Вот я вечером и собрался. Какой-то учитель читал о пчеловодстве, демонстрируя чтение картинами волшебного фонаря⁵¹. Театр оказался довольно большим с ярусами и просторным партером. Но выходов было мало, так что в пожарном отношении театр этот был небезопасен, и во время спектаклей обязательно дежурили тут члены пожарной команды. Прослушав чтение, я уже хотел уезжать, как меня предупредили, что сейчас в виде дивертисмента будет представление кинематографа, которое стоит посмотреть. Погасили огни, и на полотне вырисовывается Екатеринбург.

бургский собор⁵². На паперти стоит кучка народа, среди которого узнаю церковного старосту Макарова⁵³ и наряд полиции, на площади собрались любопытные: чего-то, очевидно, ждут. Вдруг проезжает экипаж и в нем полицеймейстер Рупинский, изображение выходит за пределы полотна; за ним едет другой экипаж парой, останавливается у самой паперти и, я своим глазам не верю, из экипажа выхожу я и смешной торопливой походкой, точно бегу, как изображается движение в кинематографе, вхожу по ступеням паперти, здороваюсь с Макаровым, снимаю шапку и вхожу в собор. Это был мне устроен сюрприз. Оказывается, что первого моего приезда в екатеринбургский собор поджидал аппарат кинематографа и запечатлел на ленте вышеописанный момент. Я совсем не заметил аппарата и не знаю даже, где он был установлен.

В провинции первое появление в городе нового губернатора всегда вызывает известную сенсацию, и каждому хочется посмотреть, какой он такой на вид. Вот владелец аппарата и уловил на ленту эту сенсацию, и, конечно, она была первые дни «аттракционом», как выражаются содержатели кинематографов.

Ограничившись беглым осмотром города, я должен был возвращаться в Пермь, где меня ожидали текущие дела, с которыми я не успел еще как следует ознакомиться, и второе совещание по организации огнестойкого строительства в приуральских уездах.

Последнее явилось точным повторением екатеринбургского, здесь также не оказалось своего опыта и также представители земства выразили уверенность, что земские собрания примут предложения министерства о со-трудничестве.

Правителем канцелярии губернатора состоял В. И. Воронцов-Вельяминов¹, приглашенный на эту должность моим предшественником Лопухиным. Он служил в Тульской, кажется, губернии земским начальником, когда Лопухин был там вице-губернатором. Это был совсем еще молодой человек, на вид очень скромный, чрезвычайно милый и воспитанный. Он мне очень понравился и по службе был старателен, так что я с удовольствием предложил ему оставаться на своем месте. Однако Воронцов-Вельяминов не мог дать мне решительного ответа, пока не спишется с Лопухиным о том, возьмет ли он его в Новгород или нет. Отношения у них были таковы, что В. Вельяминов не хотел принять решение вопреки желания своего прежнего принципала. Так прослужил он у меня около двух месяцев, и казалось, остался бы с удовольствием и совсем, если бы не было неловко перед Лопухиным. Как говорят, у него завелась в Перми сердечная привязанность, которая, вероятно, немало приковывала его к нашему городу.

Как бы то ни было, мне следовало присмотреть заранее преемника Воронцову-Вельяминову. По отзывам Европеуса и других лиц, знакомых с персоналом Губернской канцелярии, самым главным работником в ней являлся помощник правителя канцелярии Веньямин Тимофеевич Иванов². Это был человек лет 35 не более с весьма благообразным и даже, пожалуй, красивым лицом, очень похожим на бывшего министра и нижегородского губернатора А. Н. Хвостова³, с такой же непомерной толщины фигурой, но только много симпатичнее. Он служил прежде секретарем, кажется, Шадринской земской управы и в это время занимался, говорят, политикой, принадлежа к противуправительственной группировке. Это, однако, не имело заметного влияния на его службу, оставив на нем лишь некоторую тень подозрения.

Чиновник этот, говорили мне, отличается большой работоспособностью, знает законы и общий уклад службы, так что с успехом мог бы занять должность правителя канцелярии. На всякий случай я запросил о нем жандармского полковника Комиссарова, но сделал это не письменно через

канцелярию, а словесно при свидании, чтобы не обнаруживать вперед своих намерений. Ответ получился самый успокоительный, так что с этой стороны затруднений не оказалось. Когда, наконец, Воронцов-Вельяминов перешел в Новгород, я пригласил к себе Иванова и предложил ему принять должность правителя канцелярии и временно исполнять ее, предупредив, что я хочу сначала присмотреться к его работе и узнать его самого поближе ранее, чем окончательно порешить с этим назначением.

Иванов был, видимо, очень обрадован, дал торжественное обещание приложить все усилия к работе и к тому, чтобы я им остался доволен. Разумеется, для него, очень бедного человека, не имевшего образовательного ценза, такой поворот службы являлся сам по себе уже большой карьерой, ибо он давал в общей сложности до 4 тысяч рублей в год содержания и весьма заметное, а может быть, даже и влиятельное положение в служебной сфере, все ведь зависело от того, как он сумеет поставить себя у губернатора.

В. Т. Иванов был сыном сельского дьякона или псаломщика, учился в духовном училище и, кажется, немного в семинарии, был сельским учителем, служил в земской управе и, наконец, перешел в канцелярию губернатора. Молодость его проходила в большой нужде, пока он своим трудом и старанием не обратил на себя внимание и не добился сравнительно обеспеченного для бедного человека положения. Жена его происходила тоже, кажется, из духовного звания, образование получила, должно быть, весьма небольшое, судя по ее манерам и языку, хотя в Пермской губернии эти два признака не представляют собою ничего сколько-нибудь достоверного, как я уже говорил, обрисовывая екатеринбургское общество. Своей внешностью она производила впечатление заурядной мещаночки, которой платочек идет гораздо более самой скромной шляпки, а ситцевый сарафан предпочтительнее платья самой маленькой провинциальной портнихи. Господь Бог одарил эту женщину, в общем совсем некрасивую, таким юмором и тонким природным умом, что эти достоинства заставляли вас забывать об ее наружности и находить ее очень милой и даже интересной. Сам Иванов всю свою жизнь проводил до сих пор в кругу мелких канцеляристов, может быть, среднего купечества, низшего духовенства. Разумеется, у него, как и у жены, совсем не было никаких манер и знакомства с обычаями и приемами светского общества. Когда он стал правителем канцелярии губернатора, судьба перебросила его в совершенно иное общество, которое ему было совершенно чуждо и в котором он, как говорится, шагу не умел ступить.

Вид Перми. Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)

Всякий другой тут бы совсем сконфузился, заперся бы у себя в доме и показывался бы только на службе. Но Ивановы, и он, и жена, были людьми общительными, искали, должно быть, случая непременно попасть в так называемое порядочное общество и прятаться не пожелали. На первых порах сам Венямин Тимофеевич, получая в силу служебного положения приглашения на званые обеды и официальные торжества, непременно всюду являлся и зорко присматривался к тому, как следует одеваться, что говорить и как вообще надо себя держать. Как умный человек, он, разумеется, сразу же схватил главные черты <...>*, вероятно, проверяя себя незаметными расспросами чиновников для поручения, полицеймейстера, с которым сразу приятельски сошелся, и других лиц. Своими наблюдениями, оказывается, он тщательно делился с женой, давал ей уроки, так сказать, хорошего тона, сам водил ее к портнихе, в шляпный магазин, заказывал наряды по своему вкусу, руководствуясь тем, что он видел на дамах общества. Жена оказалась во всяком случае внимательной ученицей и слушалась своего просветителя безусловно. Сам Венямин Тимофеевич стал одеваться по моде, завел смокинг, фрак, которые не очень-то были в Перми в ходу, и являлся в общество во всяком случае не хуже других одетым и имел совершенно приличный

* Два слова неразборчиво.

вид, несмотря на свою неблагодарную фигуру. В петличке стал носить цветок, как делали наши франты, покупать модные рубашки, модную обувь с гетрами и т. п. Через полгода он совсем преобразился, хотя и сохранил свою мешковатость и некоторую небрежность костюма в часы занятий.

Когда мадам Иванова, наконец, усвоила себе уроки мужа и обзавелась туалетами, она пустилась в свет и приехала с визитом к моей жене. Туалет был отличный, шляпа поражающих модных размеров, открытые руки в длинных перчатках, ну словом — все как полагается. Вошла она в гостиную под руку с мужем. Такой светский вид ужасно не гармонировал с ее простонародной речью с сильным напиранием на «о», и, пожалуй, мог бы показаться несколько карикатурным, если бы не умная манера себя держать. Она с таким добродушным юмором сама посмеивалась над своим внешним перерождением, так смешно и откровенно рассказывала о трудах мужа обтесать ее на светский лад, что все прониклись к ней симпатиями, мило и добродушно на этот счет зубоскалили, а затем и привыкли к ней, не находя уже даже поводов для пересудов.

Таким образом, тот внешний лоск, который перенять будто бы так трудно не привыкшему к нему с детства, на самом деле оказалось вовсе не мудрено усвоить, если человек наделен наблюдательностью и к такому усвоению толкает его житейская необходимость. Я в этом много раз в жизни убеждался, наблюдая за прислугой, взятой прямо из деревни. Через каких-нибудь полгода деревенский парень или девушка, если у них есть способность подражать, принимают совершенно господский, так сказать, вид, точно они и всегда так ходили. Разумеется, иногда, несмотря на самое тщательное за собой наблюдение, человек прорывается и проявляет тут свою недоделанность. Так было часто и с Ивановым и иногда это выходило очень смешно.

Помню как-то раз в Пермском общественном собрании, кажется, на Новый год, был устроен завтрак по подписке, долженствовавший заменить собою визиты

*Здание Пермского благородного собрания
Фото начала XX в. (ГАПО)*

для взаимных поздравлений. Я со всей своей семьей принял в нем участие. Как всегда водится, с подачею шампанского начались тосты. Распорядитель клуба пил за мое здоровье, я отвечал. Через некоторое время кто-то провозгласил здоровье моей жены. Конечно, в этих тостах всегда восхваляются без всякой меры достоинства лиц, за которых они провозглашаются, но это уже так искони установилось и никому не кажется странным. Когда произнесено несколько таких восхвалений, репертуар хвалительных слов все суживается и суживается, и если нужно продолжать дальше в таком же роде, то мудрено обойтись без повторений, а этого каждый оратор боится больше всего. Когда имеешь практику в публичных выступлениях, то хотя при всяком произнесении речи непременно несколько волнуешься, но уже знаешь приемы, которые помогают тебе находить подходящие слова. Проще всего для этого замедлить темп речи. Пока льются одни выражения, подыскиваешь другие. Но когда у оратора нет опыта, темп его речи как-то сам собой ускоряется, вырываются первые пришедшие на язык слова, обыкновенно совсем не соответствующие тому, что хотелось бы сказать, и только и думается о том, чтобы не было в речи длительной паузы, наступление которой очень нервно переживается и оратором, и слушателями.

В. Т. Иванов решил, что и он должен принести нам крупницу заздравного фимиама, как это делали другие и предметом тоста избрал моих детей. Начал он более или менее как следует, но когда дошло до заключительных слов «предлагаю здоровье детей губернатора» и потребовалось этим детям дать какой-нибудь эпитет, он на мгновение замялся, а затем выпалил «гениальных детей», к общему конфузу и нас всех, и наших собеседников, и самого себя. Наступившую общую неловкость, несдержанные фырканыя все постарались замаять искусственным оживлением беседы. С тех пор эти «гениальные дети» стали у нас и в нашем кругу знакомых крылатыми словами.

В первый же год своего управительства В. Т. Иванов прикопил небольшую сумму и при помощи банка в одной из пригородных слобод купил маленький домик о 4-х комнатах. В этом домике Ивановы не раз принимали нас и целое общество наиболее нам близких по службе людей необыкновенно гостеприимно с широчайшим хлебосольством. В комнатах было тесно, жарко, но кормили нас очень вкусно, особенно щеголяя местными кушаньями, как пельмени, шаньги и т. п. Хозяева были так мило радушны, так бесискусственно просты, что все чувствовали себя отлично.

По службе Вениамин Тимофеевич оказался прекрасным правителем канцелярии, так что я его утвердил в должности, кажется, уже на третий

Вид Перми. Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)

месяц службы. Мало того, что Иванов прекрасно знал дело и умел сформировать небольшой, но работающий штат канцелярии, к довершению всех достоинств он оказался и недурным стилистом, к сожалению, однако, стиль этот давался ему, должно быть, кропотливой работой, так как когда у него было мало времени, составляемые им бумаги писались тяжелым, даже малоскладным языком и приходилось вводить столько поправок, что проще было их самому написать. Так что и здесь всю переписку с министром, главнейшие бумаги по управлению приходилось составлять мне самому.

Отношения наши были самые доверчивые. Но вот я узнаю как-то, что мадам Иванова стала постоянно бывать в клубе и вести довольно крупную карточную игру. Зная, как скромно живут Ивановы, я понимал, что они не могли проживать 4 тысячи в год и, конечно, прикапывали сбережения. Но кто этих подробностей не знал, того такая игра могла навести на всякие предположения о поборах и т.п. Хотя все знали, что я в управлении губернией действую вполне самостоятельно, обладаю для этого достаточным опытом и знаниями, тем не менее есть целая область делопроизводства, в которую я не мог входить просто по недостатку времени. Например, справки о благонамеренности, собираемые в огромном числе и для надобностей управления губернией, и по требованию властей разных мест России, я передал в ведение вице-губернатора и последний подписывает их, конечно, не всегда сверяясь с собранными документами, эта работа доверялась целиком

правителю канцелярии и тут возможны были вольные или невольные не-правильности.

Так что, как бы губернатор много ни работал, всегда у него будут недостатки, а следовательно, и возможность злоупотреблений. Поэтому я очень старался окружать себя людьми, пользовавшимися хорошей репутацией и эта репутация имела в моих глазах очень важное значение. Можете себе представить, как меня встревожили слухи о картежной игре. Я сейчас же пригласил к себе Иванова и выразил ему свое крайнее неудовольствие и требовал совершенного прекращения игры. Он был страшно огорчен этим замечанием и, как сам мне позже рассказывал, целую неделю не говорил с женой, чем она была до крайности удручена. Ивановы жили, как говорится, душа в душу, а потому размолвки, особенно продолжительные, переживались ими очень болезненно. Иванов оставался правителем канцелярии до самой моей отставки и служил при моем преемнике Лозина-Лозинском.

Вскоре после принятия мною губернии получаю телеграмму от бывшего своего чиновника особых поручений в Пензе Н. Д. Колвзана⁴ с просьбой взять его к себе на службу хотя бы в должности младшего чиновника. До этого я слышал от кого-то, что Лилиенфельд-Тоаль⁵ предложил Колвзану подать в отставку, но за какую провинность — мне было неизвестно. А потому раньше чем дать свое согласие, я написал прямо А. П. Лилиенфельду, прося его сообщить совершенно откровенно, какие причины понудили его уволить Колвзана. Ответ получился такой, что со стороны этого молодого человека не сделано ничего предосудительного, а он проявил лишь легкомыслие, неудобное на службе. Хотя это было довольно неопределенно, меня, однако, успокоило то, что не было прегрешений против порядочности. Я всегда был расположен к Колвзану, а потому принял его на службу и послал о том телеграмму. Вскоре после того он приехал в Пермь и стал нести те же обязанности, что и в Пензе и по-прежнему не поражал меня особой деловитостью или чрезмерным трудолюбием.

Распорядок моего служебного дня остался тот же: от 11 до 2 — прием должностных лиц и посетителей, от 3 до 5 — заседания, с 9 ч. вечера до глубокой ночи — рассмотрение текущей переписки и распоряжения по ней в форме подробных резолюций, не оставляющих ничего недоговоренного для исполнителей. Доклады правителя канцелярии продолжались обыкновенно несколько минут, и либо при этом давались мне потребованные справки, или разъяснялись какие-либо неясности в моих требованиях, или докладывались бумаги, требовавшие срочного исполнения.

Хотя в смысле политическом время было вполне спокойное, однако работы у меня накапливалось чрезвычайно много, столько, сколько бывало в Пензе в самые сложные моменты. Объясняется это, конечно, размерами губернии и сложностью ее экономического уклада. По величине Пермская губерния более Швеции и Норвегии, вместе взятых, от Перми через Екатеринбург к южной оконечности губернии более 800 верст, такое же расстояние, если не более через Чердынь до Северного конца. На такой огромной площади жило 3 миллиона человек, наиболее плотно группируясь в юго-восточной и западной полосе. Обширные территории на севере и востоке почти безлюдны, и в мое время вначале сюда еще направлялась струя переселенцев и существовала небольшая переселенческая организация. Переселенцы направлялись главным образом в Верхотурский уезд, где из них образовалось очень много небольших поселков. Шли сюда люди из Белорусских губерний и частью из Смоленской.

Мне приходилось близко наблюдать этих переселенцев, и я вынес впечатление, что направление их в Верхотурский уезд для существования земледельческим трудом было сплошной ошибкой, что отчасти признало и само переселенческое управление¹, в первый же год моего губернаторства уничтожив здесь свою организацию и передав ее функции отчасти земству, отчасти крестьянским учреждениям. Мне приходилось быть в переселенческих поселках в первой половине июня и видеть поля картофеля, уничтоженные морозом. Такая же участь постигла и все огородные насаждения. А недозревание овса — явление совсем обычное. Спрашивается, какой же смысл в таком климате насаждать земледельческий промысел? Разве можно ставить человека в такие условия, когда его тяжкий труд принесет плоды из 10 раз на хороший конец в 3—4 случаях, причем такая удача все-таки не в состоянии обеспечить человеку существование в течение всего года. Это какая-то азартная игра, где на карту ставится самое существование людей.

С тяжелым сердцем ходил я по таким поселкам. Меня не оставляла все время мысль о том, каково же жилось этим людям у себя на родине в

*Северный Урал. Вид на реке Шайтанке зимой
Фото В. Л. Метенкова. Начало XX в.*

благодатном ровном климате, где растут в садах отличные груши и сливы, если они бросают насиженные места и бредут в суровый край дремучих лесов, в комариное царство, где им предстоит тяжкая борьба за каждый клочок годной для культуры земли, который приходится с боем отвоевывать у этих бесконечных лесов, да еще все время опасаться, позволит ли тепло этой земли дать хоть скудный урожай.

А люди тем не менее сюда шли, хотя есть переселенческие районы во много раз лучше и где риск земледельческой культуры не превышает условий наших центральных губерний. Некоторое объяснение этому странному явлению можно усмотреть лишь в том, что люди тут гнались за количеством земли, а главное за ценным строевым лесом. Многие переселенцы, являясь сюда, первым делом сводили леса, продавая их то в город, то на железную дорогу, то заводам. Делается это якобы под флагом расчистки под пашню. Но когда лес уничтожен и деньги за него получены, участок бросался на произвол судьбы, а переселенец уходил куда-либо дальше

искать или лучших условий жизни, или новой случайной наживы. Такие проделки были так часты, так обычны, что переселенческие учреждения губернии принуждены были наконец прибегнуть к мере, законность которой являлась очень сомнительной. Они разрешали переселенцам продавать лес на сторону при том неременном условии, чтобы причитающиеся за него деньги вносились в казначейство в депозит переселенческого пункта и составляли бы собою запасной мирской капитал поселка, расходуемый на общих для таких капиталов основаниях по приговорам всего поселка. Я сомневаюсь в законности этой меры, так как казне нигде не предоставлено право так ограничивать переселенцев в распоряжении предоставляемыми им участками, но в целесообразности такой меры, несмотря на ее суровость, отказать нельзя.

Уничтожение Верхотурского переселенческого пункта и передача его обязанностей земству вызвали весьма неприятные осложнения с Верхо-

*Северный Урал. Берег реки Шайтанки
Фото В. Л. Метенкова. Начало XX в.*

*Ворота верхотурского кремля
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)*

турской городской думой. Когда переселенческий пункт задумал построить в Верхотурье свою особую больницу для переселенцев, отдельно от земства (для чего это было так сделано — понять мудро, ибо земская больница не страдала вовсе переполнением), он просил город дать для того бесплатно участок земли, что и было удовлетворено, но в заключенном условии оговорено, что в случае закрытия переселенческой организации и передачи больницы в другие руки земля городу должна быть возвращена. Теперь как раз наступил такой момент, и Дума потребовала возвращения земли. Но это значило, что переселенческая больница со всеми прекрасными вполне новыми постройками должна быть снесена и затраченный на нее капитал выброшен за окно. Министерство земледелия ввиду этого пошло на уступки, предложило городу уплатить за землю 3 тысячи, но Дума уперлась и стояла на своем требовании.

Между тем сама городская Дума уже около года ходатайствовала перед министерством о продаже примыкающей к черте города казенной оброчной статьи² около 80 десятин мерою. В пределах этой статьи находился земельный надел лесничего, пользованием которого улучшалось скудное содержание этого лесного чина. Нахождение надела близ самого города делало эксплуатацию его особенно выгодной, ибо город не мог уберечь городской скот от потравы и принужден был статью эту арендовать, чего бы это ни стоило. С другой стороны, город разрастался, и статья эта лежала как раз на пути расширения, так что она была городу до крайности необходима.

А. А. Дубенский, отстаивая интересы лесничего, высказывался против удовлетворения ходатайства города, я же его горячо поддерживал. Вот один из случаев, когда мои взгляды совершенно разошлись с Дубенским. Ведь

лесничего можно было удовлетворить наделом в другом месте обширных казенных владений, выдумать такую комбинацию отвода, которая вознаграждала бы его за счастливое положение нынешнего надела. Разве можно только из-за таких соображений тормозить развитие целого города и отдавать городское население чуть ли не в кабалу правительственному чиновнику? Я много уговаривал Дубенского отказаться от такой узковедомственной точки зрения, но мои усилия пропадали даром. А тут еще сама Государственная Дума своей несговорчивостью в вопросе о переселенческой больнице отбивала у министерства охоту идти на стеснение своих чинов ради удовлетворения требований города.

Вот в таком положении этого вопроса я нарочно приехал в Верхотурье и просил городского старосту собрать частное совещание из гласных Думы,

*Верхотурье. Троицкий собор и кремлевские ворота
Фото В. Л. Метенкова. Начало XX в.*

*Василий Александрович
Степанов*

чтобы уговорить их идти на уступки. В течение двух часов старался я всячески уломать гласных отказаться от платы за землю под переселенческой больницей или по крайней мере ограничиться 3 тысячами рублей, выставляя и соображения общественной пользы от сохранения прилично оборудованного лечебного заведения, и возможности удовлетворения министерством просьбы города о продаже оброчной статьи, — все напрасно.

Меня до крайности удивляло и возмущало такое явно несостоятельное упрямство, и стоило много усилий не потерять сдержанности и не наговорить, в сущности в заседании городской Думы, гласным таких любезностей, каких они заслужили своим несуразным поведением. Разгадку надо искать, как мне потом говорили, в задетом самолюбии Думы. Заведывавший переселенческим пунктом чиновник, видя бесплодность переговоров, потерял будто бы терпение и объявил, что, мол, все равно правительство сумеет вас заставить сделать по-своему. Так вот гласные и решились доказать, что этого никогда не будет и они от своих требований ни за что не отступятся. Этим только и можно объяснить такой случай, ведь вопросы мелкого самолюбия сплошь и рядом ставятся у нас выше общественной пользы.

Мое вмешательство потерпело полную неудачу. Тем временем Верхотурье обратилось за содействием к члену Государственной думы Степанову, который, как я говорил, пришел выборщиком от этого города. Степанов заехал ко мне переговорить, и я дал ему совет воздействовать на городскую думу в вопросе переселенческой больницы, так как, по моему мнению, лишь уладив его, можно было рассчитывать получить согласие министерства, да и свою дальнейшую поддержку я обусловил выполнением этого требования. Уж не знаю, уговорил ли гласных Степанов или они сами поняли неосновательность своего упрямства, но через месяц примерно приезжает ко мне городской староста и привозит одно постановление Думы об уступке земли под больницу без всякого вознаграждения (кажется, так, если память мне не изменяет), а другое с новым ходатайством о продаже оброчной статьи. Я, разумеется, обещал усиленно хлопотать и сейчас же вышел в министерство с представлением постановления Думы, высказываясь за

его удовлетворение, и написал письмо министру А. В. Кривошеину с подробным изложением этой истории и соображений о необходимости продать городу эту землю.

При таких колоссальных расстояниях и широком развитии фабричной промышленности в губернии пути сообщения играли чрезвычайно важную роль. Почтовые тракты, в том числе и знаменитая Владимирка³, содержались земством. Я не могу сказать, чтобы эта отрасль земского дела была поставлена удовлетворительно. Я проехал, например, от Кунгура до Красноуфимска и от Красноуфимска до Екатеринбурга на протяжении более 300 верст. Ехал я в рессорном экипаже, и поломок при этом не произошло, но я объясняю себе это обстоятельство удачной погодой. Дороги чинятся, но эта починка заключается в заваливании образовавшихся ухабов булыжником и вымощивании булыжником же особенно трудных участков по низинам, на крутой глине и т. п. И такие вымощенные участки называются тут шоссе, хотя на самом деле это просто булыжная мостовая. Настоящих шоссе с полотном из утрамбованного щебня в губернии совсем почему-то не делают, я по крайней мере их не видел, хотя много ездил на лошадях в разных сторонах губернии. Может быть, это происходит от того, что нечасто попадается годный на щебенку камень или тут вопрос в стоимости — не знаю. Как-то этот вопрос я себе не выяснил. Мосты выстроены основательно и последнее время делаются преимущественно бетонными.

Под самой Пермью Сибирский тракт осенью представляется плохо проезжаем. Местами здесь стоит такая грязь, что может посоперничать с черноземной. Я неоднократно указывал на это земству, оно чинило дорогу, но обычные починки не в силах помочь горю, и требуется такие участки заново перестроить. Все заводы, а их в губернии, считая только крупные, более 100, соединяются с магистральными дорогами, если заводы стоят в стороне от них, подъездными путями, устраиваемыми из шлаков. Это отличный материал для починки дорог, и все улицы Нижнего Тагила, Кыштыма и других заводов устроены из шлаков.

В общем, земство много тратит на дорожное дело, но увеличивающееся количество железных дорог отодвигает вопрос о грунтовых дорогах все более и более на задний план и ему уделяется, на мой взгляд, недостаточно внимания. Мне приходилось ездить по Ирбитскому тракту в разное время года до самого Ирбита. В мое губернаторство еще не была построена железная дорога до этого города, и приходилось ехать по железной дороге через Екатеринбург до Камышлова, а отсюда на лошадях 110 верст до

Ирбита. Первый раз я проделал этот путь зимой в феврале, отправляясь на знаменитую Ирбитскую ярмарку⁴.

Путешествие это один восторг. Тракт расчищается от снега укатыванием его особым треугольником из досок: в образуемый досками огромный треугольный ящик кладутся камни и ящик тащится лошадьми за одну из вершин и своей тяжестью плотно уминает снег, образуя чудную без всяких ухабов дорогу. Сани несутся по такой дороге легко и покойно, несмотря на огромное товарное движение. В самую снежную зиму тройку запрягают в ряд, а не гусем, как делается на других дорогах зимой, и лошади всю станцию несутся вскачь. Мне было ужасно жаль бедных лошадей, и я все упрашивал ямщиков не гнать их, а ехать умеренной рысью. Но когда я увидел по приезде на станцию окровавленный рот бедных лошадок, которых ямщику приходилось в угоду мне сильно сдерживать и к чему они, бедные, видимо, не привыкли и все время переходили вскачь, получая всякий раз удар железом по нижним тканям рта, я перестал вмешиваться в езду и предоставил волю ямщикам, не позволяя лишь хлестать лошадей кнутом. В сильные морозы от усиленного дыхания скачущих лошадей на мордах их образуются такие ледяные сосульки, что отверстия ноздрей закрываются и ямщик от времени до времени принужден останавливаться и рукой обтирать ноздри лошадей.

Говорят, что любители сумасшедшей езды делают путь до Ирбита в 5 часов. Я не позволял этой жестокости, а все-таки был в дороге не более 8½ часов, считая и остановки на станциях для перепряжки. Следующий раз я проезжал тут в начале лета. Стояли дожди, дорога стала чрезвычайно грязна, и значительную часть ее пришлось ехать шагом, употребив на путешествие более 12 часов. Это была сплошная мука, устал я до бесконечности и еле смог вылезти из экипажа.

Ко времени моего вступления в должность Пермская губерния была обстроена железными дорогами довольно бедно. Первая по времени постройки дорога Екатеринбург — Челябинск была уже продолжена до Перми — Вятки — Вологды — Петербурга и строилась ветвь Екатеринбург — Омск. От Перми отходила горнозаводская дорога через Кушву — Тагил до Екатеринбурга. От Кушвы отходила Богословская дорога, до Богословского железодельного завода. От Екатеринбурга шел путь на Богданович — Камышлов. Существовали еще небольшие заводские ветки на Лысьвенский завод Шуваловых, до Кизеловских угольных копей Абамелек-Лазарева, тагильская ветка к Авроринским платиновым приискам и к

Салдинскому заводу и ветка от Кыштымского завода до медноплавильного завода на Карабаше.

Вот, кажется, и все. Разумеется, по российскому масштабу это уже не так мало, но, приняв во внимание территорию губернии и большое развитие тут горного дела, количество железных путей являлось крайне недостаточным и ставило металлообрабатывающую промышленность в весьма трудное положение как в смысле вывоза изделий на рынок, так и получения сырых материалов и топлива, закрывавшего уральской промышленности всякую возможность конкурировать, например, с югом. Из уездных городов находились вне железнодорожного сообщения Оханск, Оса, Соликамск,

*Пермь. Управление уральских железных дорог
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1910 г. (БК)*

Чердынъ на Каме, Шадринск, Ирбит и Красноуфимск. Таким образом, из 12 уездных городов только 5 стояли на железной дороге.

За мое время положение это весьма существенно улучшилось. Строилась продольная линия Лысьва — Златоуст, которая проходила через многие Пермские заводы и должна была соединиться позднее с Оренбургом и Уфой. От Богдановича прошел путь на Шадринск — Синарская и на Ирбит с продолжением до Тавды — центра огромного лесного края с неисчислимыми запасами строевого и мачтового леса. От Екатеринбурга строился путь через Красноуфимск до Казани. Выстроена ветка до Нытвинского завода.

Из изложенного видно, каким важным железнодорожным узлом стал Екатеринбург. Сибирские экспрессы, ходившие прежде через Челябинск, теперь направлялись по линии Екатеринбург — Омск. Это значение Екатеринбурга должно было еще более возрасти и придать ему характер мирового города, если бы был осуществлен трансуральский канал.

Близость Камского и Обского бассейнов, разделенных отлогим и невысоким перевалом Урала вблизи этого города, уже давно породила мысль об искусственном соединении их каналом⁵. Важность такого соединения, хоть совершенно очевидна, но, на мой взгляд, недостаточно у нас оценена, и этим вопросом удивительно мало занималось общественное внимание, как в свое время проходило почти незаметным и разрешение аналогичной задачи — прокладки Сибирской великой магистрали. Грандиозность сооружения так поражала воображение, что [оно] казалось всем неосуществимым и даже очень образованные и сведущие люди считали такую затею какой-то утопией, которой могут заниматься только праздные умы. Припомните хотя бы, что писалось в газетах и что говорили весьма опытные железно-

Река Решётка, приток Исети. Вид по оси трансуральского канала. Фото С. М. Прокудина-Горского 1910 г. (БК)

дорожные строители, когда волею прозорливого императора Александра III было решено приступить к соединению Челябинска с Владивостоком непрерывным железнодорожным путем⁶. Общий вопль гласил, что убитые на это сооружение миллиарды будут не только непроизводительно брошены, но что расходы по эксплуатации такой линии как проходящей по малонаселенной местности, не имеющей ни культуры, ни сколько-нибудь развитой торговли, грозят казне такими убытками, которые без всякой пользы страшно обременят государственный бюджет. Действительность, как известно, посрамила таких скептиков.

В Северной Америке, представляющей большую аналогию с нашими русскими условиями, в железнодорожном строительстве придерживаются других принципов. Там не ждут с прокладкой железнодорожных линий, пока в крае народится культура, а действуют как раз наоборот: там, где предполагается насаждать культуру, прежде всего строят железные дороги, и опыт показал, что самая примитивная страна при этом условии цивилизуется с умопомрачительной скоростью, а помещенные в такое строительство капиталы приносят предприимчивым людям неслыханные барыши.

Казалось бы, опыт с Сибирской магистралью должен был научить нас многому, но, увы, он прошел как-то бесследно, и мы все-таки еще плохо понимаем, какое волшебное средство для развития страны представляют усовершенствованные и дешевые средства сообщения.

Когда было решено приступить к изысканиям по проведению трансуральского канала близ Екатеринбурга, следовало ожидать, что по крайней мере местные люди ухватятся за эту идею, осуществление которой обещало создать не только для ближайшего края, но для всей России новую экономическую эру. Но, увы, эта идея никого не захватила. Пермское земство, так отзывчиво реагирующее на все полезное, жертвующее миллионы на учреждение в губернии высших учебных заведений, умеющее для осуществления этой цели проявлять необыкновенную энергию и чуткость, находить для этого надлежащие ходы, осталось совершенно равнодушным в вопросе о канале и не обмолвилось о нем ни одним словом даже тогда, когда изыскания были закончены и показали, что осуществление канала вполне возможно и стоимость его сооружения не представит чрезвычайного [расхода] (около 200 миллионов, если не ошибаюсь). Изыскания были в министерстве рассмотрены, проверены, и вопрос о сооружении канала представлен на Высочайшее одобрение и получил таковое, а пермское земство, союзы местных инженеров, вся местная печать молчали или ограничивались пе-

РЕКИ УРАЛА

на фотографиях С. М. Прокудина-Горского 1910 г. (БК)

*Река Чусовая
(Камский бассейн)*

Камень Красный

Камень Столбы

*Река
Исеть
(Обский
бассейн)*

*Николай Васильевич
Мешков (ГАПО)*

репечатками отрывистых заметок из столичной прессы.

Как раз в это время был поднят вопрос о получении местным деятелем Мешковым⁷ концессии на продолжение данной ему постройки железной дороги, соединяющей Каму в пределах Пермской губернии с Оренбургом, каковое сооружение обещало открыть туркестанский рынок для пермского леса. Как зашевелилось земство! Сейчас избрали особую комиссию для поддержки этого ходатайства в Петербурге, выработали обширную записку, обрисовавшую все значение этой дороги для края, добились приглашения представителя земства в комиссию о новых железных дорогах, когда там рассматривалось дело о предоставлении Мешкову концессии.

Вот как действовало Пермское земство в вопросе, сулившем действительно значительные выгоды для края. Отсюда прямой вывод, что в сооружении канала, открывавшем дешевый и скорый способ сообщения обширной территории России, включавшей в себя и Пермскую губернию, соединявшем ее со всей Европейской Россией, с обеими столицами и двумя морями, земство не усматривало особых выгод. Такая непонятная близорукость не могла быть даже объяснена недоверием к осуществимости этого грандиозного сооружения из-за финансовых затруднений, ибо государство находило гораздо большие средства на выполнение задач, на мой взгляд, менее важных, как, например, постройка Амурской железной дороги, на которую государственная дума ассигновала, кажется, 500 миллионов.

В разговоре с местными людьми по этому поводу я слышал все одно и то же: канал особых выгод не даст, ибо им можно будет пользоваться только 5 месяцев в году. Такой поверхностный аргумент нет надобности опровергать, несостоятельность его так очевидна, что это в сущности и не аргумент, а просто нежелание подумать над вопросом и отмахивание от него первым попавшимся под руку соображением. В своем всеподданнейшем

отчете я подробно изложил, какие неисчислимы последствия повлечет за собой сооружение такого канала, а ведь человеческое предвидение может сознать лишь, может быть, малую часть этих последствий: так велик будет переворот в экономической и политической даже жизни России.

Мое воображение рисовало мне картину, когда Екатеринбург станет посредником между всею Европою и Азией в грандиозном товарообмене и получит значение важнейшего центра государства. И до сих пор я глубоко убежден, что это так и будет и что моя мечта не далека уже от осуществления.

Самая идея сооружения в общих чертах такова. Перевал Урала, разделяющий с одной стороны притоки реки Чусовой системы Камы от реки Исети системы Оби имеет протяжение всего несколько верст. Если прорыть этот перерыв между двумя речными системами сравнительно неглубоким каналом, соорудить резервуары воды, которая могла бы надлежаще подниматься, то получится непрерывное водяное сообщение определенной глубины. Все расчеты при изысканиях делались на пропуск больших судов, чтобы не повторить ошибки, допущенной при постройке Мариинской системы⁸, которую пришлось потом несколько раз расширять и углублять, расходуя на это значительно больше средств, чем сколько понадобилось бы для доведения ее сразу до нужных размеров.

По поводу сооружения этого канала мне приходилось лично говорить с Императором Николаем II во время одного из моих представлений. Здесь, к слову, расскажу кратко о своих впечатлениях, вынесенных во время этих представлений.

Вроли губернатора я представлялся государю, кажется, только 3 раза, два раза в Пензе и раз в Перми. Обыкновенно признается необходимым представляться ежегодно, но каких-либо прямых требований в этом отношении не существует и, я думаю, тут все дело или в стремлении губернаторов напомнить о себе на всякий случай, или в простом желании видеть особу государя и личным докладом способствовать тому или иному решению особенно интересующих вас вопросов. Конечно, ежегодные представления начальников губернии могли бы иметь значение в смысле осведомления государя о местных делах и настроениях, но тогда на аудиенцию каждого губернатора нужно было бы посвящать несколько часов, ибо только в течение такого времени возможно дать сколько-нибудь содержательный очерк того, что происходит в губернии, а такого времени в распоряжении государя быть не может, а потому все и сводится к нескольким малозначащим вопросам и ответам и представления могут дать государю в лучшем случае некоторое внешнее впечатление о личности самого губернатора, да и то к этим впечатлениям надо относиться осторожно, ибо человек в такую минуту бывает непременно смущен и может от этого показаться совсем иным, чем он есть на самом деле.

Губернаторам дана возможность докладывать императору о важнейших делах губернии в форме ежегодных всеподданнейших отчетов, для которых не установлено какой-либо ограниченной программы, и вы имеете возможность говорить там решительно о всем, что представляется важным для интересов вверенного вам края. Этим правом я всегда широко пользовался с тем большим интересом, что имел случай убедиться, что такие доклады государь читает и часто делает на них свои пометки. При наличии таковых канцелярия Совета министров извещает о них и министра внутренних дел, и автора-губернатора, сообщая текст пометки в точной передаче. Почти по поводу каждого из моих докладов канцелярия Совета присылала мне такие извещения, которые я храню в собрании своих документов.

Чтобы получить аудиенцию у императора, губернатор должен сообщить о своем желании представиться директору департамента общих дел, последний докладывает о том министру внутренних дел, представляя заранее заготовленный всеподданнейший доклад с испрошением такому-то губернатору приема. Государь на этом докладе помечает день и час аудиенции, о чем Министерство двора сообщает в Министерство внутренних дел и самому представляющемуся особым пригласительным билетом, который полагается на приеме иметь при себе.

Можно и прямо обращаться помимо Министерства внутренних дел к управляющему церемониальной частью г[осподину] Евреинову¹, который, вероятно, уже от себя сообщает потом вашему министру. Не помню, по чьему-то совету первый раз я так и сделал. Евреинов принял меня лично, записал в особую книгу и спросил, желаю ли я представиться только государю или также и императрице. Этот вопрос поставил меня в большое затруднение. Я императрице лично совершенно неизвестен, а потому очень опасался, что, испрашивая аудиенцию без каких бы то ни было деловых побуждений, я могу этим утруждать государыню, не представляя из себя для нее никакого интереса. Я объяснил свои затруднения Евреинову и просил дать мне совет. Узнав, что я еще никогда Царице не представлялся, Евреинов посоветовал это сделать.

Через неделю примерно получаю пригласительный билет с указанием часов приема² отдельно у государя и отдельно у императрицы. В билете имелось приглашение прибыть к определенному часу в царский павильон для следования в Царское Село особым поездом по царской ветке. К поезду в Царском высланы были придворные экипажи, а ливрейные лакеи ожидали на платформе и при выходе нашем из вагона называли фамилии лиц, для которых предназначалась каждая карета. Я ехал, сколько помню, с тогдашним уфимским губернатором Ключаревым³.

Но вот мы и во дворце. Камер-лакеи, стоявшие у каждой двери, указывают нам путь через целый ряд зал к царской библиотеке. Убранство этих зал не представляет ничего особенно бросающегося в глаза, приятно только было видеть густые группы растений, разбросанные близ окон и в углах. Хоть я и совершенно почти был не знаком с требованиями придворного церемониала и не знал, куда надо идти, к кому обращаться, но это меня мало смущало: я был не один, нас представлялось человек 10, в том числе 3 или 4 губернатора и оставалось поэтому делать то, что и другие. Между нами был

*Император
Николай II*

и Д. Б. Нейдгарт⁴, бывший одесский градоначальник, с которым я познакомился где-то, должно быть, у Столыпина. Нейдгарт, конечно, хорошо знал придворные обычаи, и потому мы могли безбоязненно следовать его примеру.

В библиотеке, великолепном большом зале, украшенном картинами, на столике лежали различные иллюстрированные издания, преимущественно иностранные. Встретил нас сидевший у стола дежурный флигель-адъютант, которому мы назвали свои фамилии. Он все смотрел в список и делал там какие-то отметки. Никто из нас не садился, а мы столпились у окон группами, тихо разговаривали, рассеянно осматри-

вая обстановку, картины, стоящие на столах статуэтки. Я лично чувствовал себя несколько оробевшим, все перебирал в голове, что я скажу государю и о чем он может меня спросить, как я войду в кабинет, как раскланяюсь и т. п. Обычная моя неуверенность в себе заставляла опасаться, как бы не переконфузиться и не растеряться. Государя еще нет в кабинете, который помещается сейчас же за библиотекой, он еще не выходил от завтрака.

Но вот в библиотеку входит, очевидно, лакей в вице-мундирном фраке и становится у дверей кабинета. Меня поражает, что на нем висит орден Станислава⁵. Значит, придворным лакеям дают не только медали, а и офицерские знаки отличия. Этого я, признаться, не ожидал и меня такое открытие несколько покорило.

Вскоре послышалось в прилегающем к библиотеке коридоре какое-то движение. Флигель-адъютант на минуту вышел, а затем, вернувшись, указал старшему из представлявшихся на дверь кабинета. Тот, на ходу оправляясь, направился к двери, которую перед ним открыл лакей. Аудиенции продолжались очень недолго, минут 5—6, не более. Вот и моя очередь. Похолодев, ужасно волнуясь, но всеми силами сдерживая проявление вол-

нения, вхожу в кабинет. Это совсем небольшая комната, ужасно заставленная мебелью. Прямо против двери небольшой письменный стол с многочисленными фотографиями, близ него небольшая оттоманка. Впечатления мои так смутны и мимолетны, что я ничего толком не успел рассмотреть. Не разглядел даже, чьи фотографии на столе. Все мое внимание на фигуре государя.

Он встретил меня стоя у маленького столика посередине комнаты. Одет в малиновую косоворотку 4 Стрелкового Императорской фамилии полка с погонами. Смотри на меня пристально, протянул руку после того, как я назвал себя и доложил о благополучии губернии. Я с глубоким поклоном

жму протянутую руку и жду вопросов. Государь, видимо, затрудняется, с чего начать разговор, но после секунды колебаний говорит: «У вас в Пензе (я тогда был пензенским губернатором), кажется, очень беспокожно в духовных учебных заведениях?» — Дело происходило вскоре после убийства ректора семинарии о[тца] Николая⁶. Я кратко рассказал, как было дело и что дало пока судебное следствие.

Выслушав этот доклад, государь предложил еще два или три вопроса, касающихся общественного порядка. «Я надеюсь, что Вашими трудами в губернии скоро восстановится спокойствие. Желаю Вам всего хорошего», — сказал затем он, протягивая мне руку и давая тем знать, что аудиенция кончена. Я откланялся и вышел. К сожалению, я не посмотрел на часы, когда входил в кабинет и от волнения совершенно не представляю себе, сколько времени длилось мое пребывание в кабинете. Судя по разговору, — не более 5 минут, должно быть.

Государь невысокого роста, строен, здоровый цвет лица, говорит довольно низким баритоном, который кажется при такой фигуре неожиданным, у него совершенно правильная русская речь, но ухо мое улавливает

*Императрица
Александра Федоровна*

маленький оттенок англизированнойности. Красивые большие глаза продолговатого разреза с небольшой косинкой смотрят приветливо. Говоря, покачивается станом, рукой вращая обручальное кольцо. Мне показалось, что государь затрудняется, о чем говорить, а потому на следующих приемах я сам старался дать незаметно предмет для разговора и когда был уже пермским губернатором, начал говорить о великом значении трансуральского канала и что решение приступить к его постройке составит эру в царствовании. Государь совершенно соглашался с таким взглядом и выразил надежду, что, Бог даст, удастся скоро осуществить это предположение.

В это же представление я докладывал о постройке часовни в Ныробе ко дню Романовского юбилея и жаловался на затруднения, чинимые археологической комиссией. Государь присоединился к моему взгляду на это дело, но, вероятно, забыл свои слова, так как Комиссия все-таки настояла на воспрещении трогать уже существующую часовню, не имеющую ни художественного, ни исторического значения.

Представлявшихся в тот же день императрице обер-церемониймейстер граф Гендриков⁷, с дочерью которого, вышедшей замуж за Балашова⁸, я познакомился в Пензе, пригласил в особый зал, где мы и стали ждать приема. Очередь представления указывал по списку сам Гендриков.

Вот зовут меня. Иду из залы в коридор, дорогу указывает придворный арап в красной шляпе с белыми страусовыми перьями. У одной из дверей арап останавливается и открывает мне дверь. Вхожу в кабинет императрицы. Это очень большая комната, но все же не зал. Как она была меблирована, я совсем не заметил. Бросилось лишь в глаза бюро красного дерева, у которого стояла императрица. До этого времени я видел императрицу лишь издали в экипаже и черты лица знал только по портретам. Особенно мне нравился один из них, где царица изображена с открытой шеей в черном газовом платье, тонкое, нежное личико необычайно красиво; казалось, это само олицетворение женственности. Каково же было мое изумление, когда я увидел высокую, ширококостную женщину, с красивым, но уже отцветающим лицом, особенно бросались в глаза <...>* жилки на нем, и очень приятная ободряющая улыбка. Ожидая своей очереди, я мысленно готовил те фразы по-французски, с которыми предполагал обратиться к царице, когда ей угодно будет со мной заговорить. Подхожу к руке, и императрица очень

* Повреждение страницы — одно слово не читается.

приятным голосом говорит мне чистым русским языком, без всякого иностранного акцента: «Вас судьба уже второй раз заставляет заменять убитых губернаторов. Скажите, вы, вероятно, с очень тяжелым чувством приняли должность?»

Я ответил, что действительно временами становилось тяжело. Но дела так много и оно требует столько внимания, что потом об этой стороне и не думаешь. Да по счастливой особенности человеческой природы ко всему в конце концов привыкаешь. Задав еще два-три вопроса, содержания которых не помню, императрица наклонила голову и протянула руку: аудиенция была кончена.

Всех представлявшихся пригласили завтракать и отвезли для этого в какое-то дворцовое здание. За хозяина был дежурный флигель-адъютант. После завтрака тот же экипаж отвез нас на вокзал, и мы вернулись в Петербург поездом по той же царской ветке.

КОММЕНТАРИИ

Публикация «Воспоминаний» осуществляется по рукописной копии, сделанной дочерью Ивана Францевича Кошко, Ольгой Ивановной, в конце 1950-х гг. Оригинал рукописи хранится в Колумбийском университете (США). Разрешение на публикацию дано правнуком автора мемуаров Дмитрием Борисовичем Кошко.

Текст воспроизводится с сохранением авторских языковых особенностей. Пропущенные слова и буквы вставлены в квадратных скобках. Комментарии составлены Н. Г. Павловским при участии А. В. Дмитриева.

Редакция выражает благодарность за предоставление иллюстраций и материалов государственным архивам Пермского края и Свердловской области, Свердловскому областному краеведческому музею, Пермскому краеведческому музею, Музею писателей Урала, Музею истории Екатеринбурга и Нижнетагильскому музею-заповеднику, а также персонально А. В. Берковичу, Н. А. Гончаровой, В. П. Микитюку, Т. П. Мосуновой, О. Ю. Сарафанову.

Предисловие

¹ **Первая часть «Воспоминаний губернатора»** — первая книга воспоминаний Ивана Францевича: *Кошко И. Ф.* Воспоминания губернатора (1905—1914). Новгород — Самара — Пенза. Пг., 1916. — 259 с.

² **«Московские ведомости»** — одна из старейших газет России. Издавалась с 1756 г. Принадлежала Московскому университету, но со второй половины XIX в. эта связь сохранялась номинально, а с 1909 г. официально прекращена. В первой половине XIX в. газета имела большое общественно-литературное значение.

Глава 1

¹ **...сын мой** — Борис Иванович Кошко (1889—1929).

² **меблированные комнаты Зарембо** — речь идет о доходном доме, квартиры которого сдавались внаем. Возможно, И. Ф. Кошко поселился в известном в Петербурге во второй

половине XIX — начале XX вв. так называемом «Доме Зарембы» (совр. адрес: ул. Пестеля, 11), где проживали в свое время П. И. Чайковский и Н. А. Римский-Корсаков. Известен также владелец доходных домов начала XX в. Вячеслав Фелицианович Заремба.

³ **...моя жена** — Мария Степановна, урожденная Крундышева (?—1917).

⁴ **...известный доктор-практик А. А. Нечаев...** — Александр Афанасьевич Нечаев (1845—1922), терапевт и организатор больничного дела. В 1870 г. окончил Медико-хирургическую академию. В 1882 г. — доктор медицины, в 1920 г. — почетный профессор. С 1890 г. — главный врач Обуховской больницы. С 1894 г. — председатель Совета главных врачей при Больничной комиссии Городской управы, один из основателей в 1921 г. и первый председатель Петроградского терапевтического общества им. С. П. Боткина.

⁵ **...Сальдо-Маджиоре в Италии** — здесь И. Ф. Кошко допустил какое-то искажение либо ошибку, так как географического названия Сальдо-Маджиоре в Италии нет. Возможно, имелись в виду климатические курорты на берегах озера Лаго-Маджоре (Lago Maggiore), расположенного в южных отрогах Альп, на границе Италии и Швейцарии.

⁶ **Ницца** — город на юге Франции, один из главных курортных центров Лазурного берега или Французской Ривьеры.

⁷ **Саки** — водогрязелечебный курорт в Крыму, в 20 км от Евпатории. Расположен на берегу Сакского озера (4 км от Черного моря). Недалеко от города находится источник с термальной водой, используемой для ванн и питья.

⁸ **А. В. Болотов** — Александр Владимирович Болотов (1866—1938), праправнук естествоиспытателя, историка и писателя Андрея Тимофеевича Болотова (1738—1833). Государственную службу начал в 1888 г. по ведомству Министерства юстиции (после окончания элитарного учебного заведения — Императорского училища правоведения). В 1897 г. избран членом Новгородской уездной земской управы. В 1899—1902 гг. — земский начальник 1-го участка Новгородской губернии, затем предводитель дворянства Новгородского уезда, действительный статский советник, камергер Высочайшего Двора.

Именно за годы совместной работы в Новгородской губернии между И. Ф. Кошко и А. В. Болотовым сложились дружеские отношения, сохранившиеся на всю жизнь. В 1905—1909 гг. А. В. Болотов занимал пост пермского губернатора. Активно проводил в жизнь столыпинскую аграрную реформу. В отставку вышел в декабре 1909 г. по состоянию здоровья. В 1911 г. пытался вернуться на службу, но в этом ему было отказано. Принимал участие в Первой мировой войне. После 1917 г. эмигрировал из России. Последние годы жизни — монах Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне под именем Амвросий.

В эмиграции издал несколько книг: *Болотов А. В. Святые и грешные: Воспоминания бывшего человека*. Париж, 1924. — 329 с. (Книга о роде Болотовых); *Он же*. Господин Великий Новгород: Воспоминания. Париж, 1925. — 247 с.; *Он же*. Страстные и светлые дни на Афоне. Варшава, 1931.

⁹ **Башилов** — Петр Петрович Башилов, действительный статский советник, новгородский губернатор, в 1912—1917 гг. — уфимский губернатор.

¹⁰ **В. А. Грамматчиков** — Владимир Александрович Грамматчиков (1823—1906), горный инженер. После окончания Горного института служил на Екатеринбургской механической фабрике и преподавал в Уральском горном училище, затем состоял управителем Баранчинского завода, а в 1865—1870 гг. служил горным начальником Гороблагодатских заводов. В 1870—1871 гг. исполнял обязанности главного начальника Уральских гор-

ных заводов. В 1872—1876 гг. — городской голова Екатеринбурга. Поступив на частную службу, занимал посты управляющего Холуницким (1877—1882 гг.) и Нижнетагильским (1882—1894 гг.) горными округами.

Последние годы В. А. Грамматчиков жил в Санкт-Петербурге, где И. Ф. Кошко и мог с ним встречаться. Впрочем, их встреча могла состояться и на Урале в конце 1905 г., когда И. Ф. Кошко побывал в Екатеринбурге в связи с поручением Министерства внутренних дел по заготовке хлеба для пострадавшей от неурожая Пензенской губернии.

¹¹**Столыпин** — Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911), государственный деятель. Начал службу в 1884 г. в Министерстве земледелия и государственных имуществ, затем перешел в Министерство внутренних дел. Избирался предводителем дворянства Ковенской губернии. В 1902 г. назначен гродненским губернатором, а в 1903 г. — саратовским. С 1906 г. — министр внутренних дел и председатель Совета министров. Проводил курс радикальных социально-экономических и политических реформ, в том числе аграрной.

¹²**В. А. Лопухин** — Виктор Александрович Лопухин (1868—?), с 1890 по 1894 гг. состоял на военной службе, в 1895—1899 гг. — чиновник особых поручений при генерал-губернаторах в Киеве и Вильно. В 1899 г. избран паневежским уездным предводителем дворянства. В ноябре 1904 г. назначен екатеринославским, а позже — тульским вице-губернатором. С января 1910 г. по февраль 1911 г. — пермский губернатор. В дальнейшем занимает посты губернатора в Новгороде (1911—1912), Туле (1912—1914) и Вологде (1914—1915). С 1916 г. — государственный советник. Расстрелян в годы революции.

¹³**В этом уезде у меня была небольшая усадьба...** — речь идет об имении Каменка, построенном И. Ф. Кошко в Новгородском уезде, когда он в 1890-х гг. служил земским начальником 6-го участка Новгородского уезда.

¹⁴**...второй раз Болотов является вестником серьезной перемены в моей жизни** — имеется в виду тот факт, что в мае 1906 г. А. В. Болотов (тогдашний пермский губернатор), был первым, кто сообщил И. Ф. Кошко о состоявшемся назначении Ивана Францевича самарским вице-губернатором.

¹⁵**...надежный человек Матвей** — Матвей Шурыгин, бывший матрос, участник Русско-японской войны, георгиевский кавалер. Служил на корабле «Адмирал Ушаков», потопленном в Цусимском сражении. Состоял на службе у И. Ф. Кошко с 1907 г.

¹⁶**...с женой...** — Болотова Стефанида Сергеевна, урожденная Толстая (родилась в 1863 г.), жена А. В. Болотова. Во время губернаторства мужа в Перми состояла попечительницей Надеждинской общины сестер милосердия Красного Креста и вице-председателем пермского отделения Мариинского попечительства о слепых.

¹⁷**Земмеринг** — горно-климатический курорт (с середины XIX в.) Австрии в Восточных Альпах.

¹⁸**...итальянской и французской Ривьеры** — Ривьера, полоса побережья Средиземного моря от г. Канн (Франция) до г. Специя (Италия). Делится на французскую (Лазурный берег) и итальянскую Ривьеры. Курорты Ривьеры во Франции — Канн, Антиб, Ницца и др.; в Италии — Сан-Ремо, Империя, Рапалло и др.

¹⁹**Сергей Александрович** (1857—1905) — великий князь, один из сыновей Александра II, дядя Николая II. Московский генерал-губернатор (1891—1905) и командующий Московским военным округом (с 1896 г.). Был женат на родной сестре императрицы — Елизавете Федоровне. Убит эсером-террористом И. П. Каляевым.

²⁰ **...м-ме Козелл-Поклевская, жена одного из пермских заводчиков** — Мария Михайловна Поклевская-Козелл, урожденная Готовская (1859—1849), жена Викентия Альфонсовича Поклевского-Козелл. Окончила Петербургскую Аннинскую школу. Принимала активное участие в общественно-благотворительной деятельности на Урале: почетная попечительница Екатеринбургской 1-й женской гимназии, Камышловской женской гимназии, Талицкого женского училища, почетный член Тобольского католического благотворительного общества, создатель и руководитель Талицкого благотворительного общества и Талицкого общества по борьбе с чахоткой.

²¹ **...столы для игры «в лошадки»** — речь идет об азартной игре «Пти шво», которая была очень популярна во Франции в XVIII в. и сохранилась до сих пор. Это игра рулеточного принципа с пронумерованными лошадками, которые закреплены на спицах колеса. Игрок, чья лошадка оказывалась к моменту остановки ближе к финишу, считался выигравшим и получал все ставки.

²² **Виктория** (1819—1901) — английская королева (1837—1901). С ее именем связывают так называемый «викторианский век», когда в Англии получили развитие политические свободы и укрепилась парламентская политическая система страны, происходил дальнейший рост экономического могущества, основанный на достижениях промышленной революции и на развитии капиталистических форм производства, а также за счет расширения колониальной экспансии Великобритании.

²³ **...как раз во время карнавала...** — упоминаемый здесь традиционный (с XIII в.) ежегодный карнавал в Ницце проходит в феврале. Он символизирует наступление весны и начало всего живого. Кульминацией карнавала является так называемая «Битва цветов» — театрализованное действо, своеобразный парад цветов, которые в сопровождении оркестра везут по городу в огромных корзинах и разбрасывают по улицам. После этого на площади Массена устраивается парад карнавалов чудищ, возглавляемых одним из них — Королем Карнавала.

Глава 2

¹ **Горчакова** — Сергей Дмитриевич Горчаков (1861—1927), князь. С 1895 г. состоял тарусским уездным (Калужская губерния) предводителем дворянства. В дальнейшем — архангельский (1898—1900), олонекский (1903—1904) и херсонский (1904—1906) вице-губернатор. В 1906—1909 гг. занимал пост вятского, а в 1909—1915 гг. калужского губернатора.

² **Катеринича** — Митрофан Кириллович Катеринич (1860—?). Окончил Николаевское кавалерийское училище. С 1880 по 1886 гг. состоял на военной службе. После увольнения в запас служил в выборных органах дворянских учреждений. В марте 1906 г. назначен полтавским вице-губернатором. В 1908—1915 гг. — харьковский губернатор.

³ **...со времени командировки моей в Херсонскую губернию** — И. Ф. Кошко довелось побывать в Херсонской губернии в начале 1906 г. Он был направлен туда Министерством внутренних дел для организации в губернии продовольственной помощи крестьянам, пострадавшим от неурожая. Князь С. Д. Горчаков состоял в то время в должности херсонского вице-губернатора.

4...как будто бы со стороны министра не было даже и тени повода к моей отставке — речь идет об обстоятельствах отставки И. Ф. Кошко с поста пензенского губернатора в 1910 г., когда П. А. Столыпин не пожелал выслушать объяснения Ивана Францевича (подробнее об этом см. очерк на с. 250—252 наст. изд.).

5...мастеровые... должны были получить много десятков тысяч десятин земли на население каждого завода — в соответствии с законодательством (Дополнительными правилами к Манифесту 19 февраля и Положением от 8 марта 1861 г.) раскрепощенное горнозаводское население делилось на две неравные по численности группы: на мастеровых и сельских работников. В число мастеровых было включено 80% заводских людей, так как их землепользование ограничивалось усадьбой, выгоном и одной десятиной покоса. Впрочем, недостаточен был и размер пахотных угодий, полученных сельскими работниками, что влекло массовый отказ от принятия уставных грамот.

Спад производства, закрытие десятков рудников и заводов негативно отразились на материальном положении людей, добивавшихся от властей увеличения земельных наделов. Однако заводладельцы, стремившиеся к сохранению топливной базы (лесных дач), всячески противодействовали требованиям мастеровых и сельских работников. На почве недовольства и взаимных претензий возникало множество конфликтов.

6...заводчики объединены своими периодическими съездами и... создали свой орган — Бюро съезда — Съезд горнопромышленников Урала — регионально-отраслевая представительная организация уральских горнозаводчиков, созданная с целью воздействия на экономическую политику государства в интересах крупной промышленности Урала и для координации деятельности горнозаводчиков. Первый съезд состоялся 18—22 ноября 1880 г. в Екатеринбурге, второй — в 1882 г., третий — в 1889 г., четвертый — в 1896 г., и в дальнейшем они созывались ежегодно. Последний состоялся в 1915 г.

Первоначально постоянного исполнительного органа, действующего между съездами, не существовало. Его прообраз наметился в 1894 г., когда на рабочем совещании ряда крупных горнопромышленников, проходившем в Санкт-Петербурге, роль постоянных представителей уральских заводчиков в правительственных учреждениях (главным образом для продвижения конкретных ходатайств) была поручена А. О. Жонесу (управляющему заводами Демидовых) и С. Е. Тупикову (главноуправляющему делами графини Н. А. Стенбок-Фермор). В 1898 г. было утверждено Положение о съездах горнопромышленников и образован постоянный исполнительный орган — Совет Съезда, находившийся сначала в Екатеринбурге, а с 1905 г. его перевели в Санкт-Петербург.

Именно о Совете Съезда и говорит И. Ф. Кошко, называя его — Бюро. Неточность эта, во-первых, несущественна, а во-вторых, не случайна, так как наряду со Съездом уральских горнозаводчиков существовали аналогичные съезды других отраслей и регионов (например, Съезд горнопромышленников Юга России, Съезд бакинских нефтепромышленников, Съезд представителей биржевой торговли, Съезд золото- и платинопромышленников и др.), постоянные исполнительные органы которых часто имели название — Бюро.

7...некий госп[один] Желватых — Вячеслав Васильевич Желватых, инженер. В годы, предшествующие мировой войне, был председателем Совета Съезда горнопромышленников Урала. В 1914—1916 гг. работал в составе группы специалистов по подготовке материалов предварительного обследования «О сооружении метрополитена и развитии

городских железных дорог в Петрограде», изданных в виде доклада в 1917 г. Согласно этому докладу первые линии метро планировалось пустить в Петербурге уже в 1925 г.

8 граф Строганов — Сергей Александрович Строганов (1852—1923 или 1931), граф, генерал от кавалерии и генерал-адъютант. Один из крупнейших заводо- и землевладельцев России, в 1882 г. унаследовал Пермское майоратное имение.

9 ...граф... пошел иной дорогой: постепенно стал закрывать наиболее убыточные заводы и освобождающиеся леса вырубать и сплавлять бревнами в Царицын — И. Ф. Кошко здесь совершенно точно зафиксировал и охарактеризовал состояние дел в строгановском горнозаводском хозяйстве. Технологическая отсталость производства, высокие транспортные и прочие расходы делали продукцию заводов очень дорогой при крайне низком ее качестве. В условиях экономического кризиса 1900—1903 гг. и последующей депрессии, когда цены и спрос на металл резко упали, заводское производство было более и более сокращалось. Одновременно, пользуясь правом собственника огромных территорий, С. А. Строганов расширяет требующую минимальных затрат лесоторговлю, и к 1910 г. выручка от нее становится главным доходом хозяйства. Поскольку заводская работа служила для рабочих основным источником существования, правительство пыталось предотвратить закрытие предприятий, освобождая их от налогов и размещая на них свои заказы (несмотря даже на низкое качество продукции), предоставляя государственные ссуды. Однако это не помогло. В 1909 г. закрывается Кувинский, а в 1911 г. — Очерский и Павловский заводы. Оставшиеся два завода (Билимбаевский и Добрянский) продолжали работу, но объем их производства сокращался. В 1917 г. Добрянский был сдан С. А. Строгановым в аренду Франко-русскому обществу.

10 Абамелек-Лазарев — Семен Семенович Абамелек-Лазарев (1857—1916), князь. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С 1884 г. служил в Министерстве народного просвещения. Член Горного совета Министерства торговли и промышленности, шталмейстер Высочайшего Двора. Увлекался литературой, искусством и археологией, автор ряда публикаций о политических проблемах России начала XX в., благотворитель, попечитель Лазаревского института восточных языков, член Французского института в Санкт-Петербурге. Известен тем, что в 1882 г. при раскопках в Пальмире (Сирия) обнаружил уникальный памятник — 15-тонный камень, на котором был высечен древний таможенный закон, датированный 137 г. н. э. Турецкий султан подарил памятник российскому послу, и в Петербург «тариф» прибыл в декабре 1901 г. В настоящее время хранится в Эрмитаже.

Кроме того, С. С. Абамелек-Лазарев проявил себя и как талантливый предприниматель. В 1902 г. он вступил в единоличное владение Чермозским горным округом. К этому времени хозяйство находилось в очень сложном положении — заводы были заложены в ипотечный банк. Несмотря на экономический кризис 1900—1903 гг., С. С. Абамелек-Лазарев сумел рассчитаться с банком и с бывшими сонаследниками, не прибегая к займам, а направляя прибыль на совершенствование производства и организовав выпуск качественной, востребованной рынком продукции (особенно кровельного железа). В целом в начале XX в. С. С. Абамелек-Лазарев осуществил масштабную модернизацию заводов, в ходе которой были свернуты нерентабельные производства, установлено новое оборудование и внедрены новые технологии. В составе округа действовало три металлургических завода

(Чермозский, Кизеловский, Полазнинский) и велась разработка каменноугольных месторождений.

¹¹ **...организовал у себя в имении разработку угля на Кизеловских коях** — Кизеловское каменноугольное месторождение — одно из крупнейших на Урале. Открыто в 1786 г., но его разработка Лазаревыми началась с 1797 г. С конца XIX в. угледобыча в Чермозском округе (благодаря деятельности С. С. Абаemelек-Лазарева) возрастает и становится самостоятельной доходной отраслью. В 1860 г. было добыто 400 тыс. пуд. угля, в 1885 г. — 1,9 млн пуд., в 1900 г. — уже 15 млн, а в 1903 г. — 20 млн пуд. Этот уголь употреблялся в основном на железных дорогах и на солеваренных заводах.

¹² **...в бытность мою губернатором Богословские заводы нашли у себя пласты угля огромной мощности** — открытие упомянутого здесь Богословского бурогоугольного месторождения состоялось значительно раньше, в 1849 г., но с 1911 г. началась его систематическая разработка.

¹³ **Я лично видел добычу этого угля экскаваторами прямо с поверхности** — в связи с поверхностным залеганием пластов на Богословском месторождении применялся открытый способ добычи угля — паровыми карьерными экскаваторами. Первый из них, экскаватор «Путиловец», с емкостью ковша 2,3 куб. м, начал работу в 1912 г., а в 1913—1914 гг. парк экскаваторов возрос до семи машин.

¹⁴ **...помещавшийся на Большой Морской** — Совет Съезда горнопромышленников Урала размещался в Санкт-Петербурге по адресу: Большая Морская, дом 29.

¹⁵ **Бардинцева** — Михаил Васильевич Бардинцев, заместитель управляющего главной конторой имений графа С. А. Строганова. С 1911 г. состоял одновременно и членом Совета Съезда горнопромышленников Урала, а в 1914—1915 гг. занимал пост товарища председателя Совета Съезда горнопромышленников Урала.

¹⁶ **Римского-Корсакова** — Сергей Александрович Римский-Корсаков, генерал-майор в отставке, до 1917 г. служил главноуправляющим Петербургской конторой графов Строгановых, являлся членом Совета Съезда горнопромышленников Урала.

¹⁷ **Фигнер** — Петр Николаевич Фигнер (? — 1916). Окончил Петербургский Горный институт (1880), горный инженер, статский советник. С 1880 г. работал в Богословском горном округе: был управителем Богословского завода (1885) и помощником управителя округа. Принимал активное участие в модернизации округа: первым в России ввел плавку купферштейна в бессемеровских ретортах системы А. А. Ауэрбаха, непосредственно руководил строительством цементного, химических (по производству хромпика и соляной кислоты) и Надеждинского чугуноплавильного и рельсового заводов. С 1896 г. — главноуправляющий Катав-Ивановским горным округом, участвовал в строительстве Усть-Катавского вагоностроительного завода. С 1901 г. — управляющий всеми горнозаводскими предприятиями В. А. Ратькова-Рожнова, с 1903 г. — главноуправляющий Ревдинским горнозаводским имением В. А. Ратькова-Рожнова. В 1906 г. направлен в распоряжение Богословского горнозаводского общества, вошел в состав правления фирмы, одновременно состоял членом правления акционерного общества «Магнезит» и был арендатором части Егоршинских каменноугольных копей. С 1913 г. — председатель правления Центрального акционерного общества: построил цементный завод близ Коломны.

Почетный член Уфимского губернского попечительства о детских приютах, гласный Верхотурского уездного и Пермского губернского земств, почетный мировой судья по

Верхотурскому уезду (1888–1891), участник 7-го съезда уральских горнопромышленников (1899), в 1910 г. состоял членом Совета Съезда горнопромышленников Урала.

Приходился внуком участнику войны 1812 г. А. С. Фигнеру, а также братом революционерки Веры Николаевны Фигнер и известному оперному солисту Мариинского театра Николаю Николаевичу Фигнеру.

¹⁸**Стембель-Фермор** — Сергей Александрович Стенбок-Фермор, граф, председатель правления акционерного общества Верх-Исетских горных и механических заводов.

¹⁹**Граббе** — Михаил Николаевич Граббе, граф, один из учредителей (с 1907 г.) и директор правления (с 1908 г.) Товарищества Алапаевских горных заводов, член Совета Съезда горнопромышленников Урала.

²⁰**...закрывшихся Павловского и Очерского заводов** — Очерский и Павловский железодельные заводы построены и пущены в действие Строгановыми соответственно в 1761 и 1816 гг. Остановлены в связи с нерентабельностью производства на них (см. выше ком. № 9, с. 167): Очерский — в мае, а Павловский — в сентябре 1911 г. Позднее С. А. Строганов продал Павловский завод Оханскому земству.

²¹**Доверенный мастеровых некий Жилинский...** — Николай Павлович Жилинский, титулярный советник. Состоял на службе земским начальником: в 1902 г. — 6-го участка Красноуфимского уезда (Бисертская, Киргишанская, Сылвинская, Уткинская и Шайтанская волости), а в 1903 г. — 10-го участка Верхотурского уезда (Кушвинская, Верхнетуринская, Нижнетуринская и Баранчинская волости). В 1905 г. — числился при Пермском управлении земледелия и государственных имуществ съемщиком по лесоустройству казенных дач. После этого в штатах государственных служащих Пермской губернии не значится.

²²у ... у «**Медведя**» — Ресторан «Медведь» (открыт в 1878 г. бельгийским предпринимателем Э. Игелем) размещался в здании гостиницы Демута (Набережная реки Мойки, 40). В вестибюле было установлено чучело медведя с подносом в лапах. Ресторан был крупным заведением, штат сотрудников составлял около 200 человек. В 1910-х гг. в «Медведе» часто бывали Ф. И. Шаляпин, князь Ф. Ф. Юсупов и др. В нач. 1910-х гг. владельцем ресторана стал А. А. Судаков.

²³**Он служил в девяностых годах земским начальником...** — здесь информация И. Ф. Кошко не совсем точна, так как Н. П. Жилинский служил земским начальником не в 1890-х, а в 1902—1903 гг.

²⁴**Савичем** — Георгий Георгиевич Савич (1861 — не ранее 1908), управляющий Земским отделом Министерства внутренних дел, помощник начальника главного управления по делам местного хозяйства МВД, член Совета министра внутренних дел.

Глава 3

¹**...стали мы приближаться к Перми** — поезд, в котором И. Ф. Кошко ехал заступать на должность губернатора, прибыл на станцию Пермь II 26 марта 1911 г. в 3 часа 14 минут дня.

²**Европеус** — Владимир Иванович Европеус, статский советник, с 30 июля 1907 г. пермский вице-губернатор. С этого поста в 1915 г. он, видимо, вышел в отставку, так как

в списках губернских чиновников более не встречается. С Европеусом И. Ф. Кошко был знаком с 1906 г., со времени своего непродолжительного вице-губернаторства в Самарской губернии, где Европеус служил тогда земским начальником.

³**Церешкевич** — Николай Николаевич Церешкевич, коллежский регистратор, полицеймейстер Перми, возглавлял Пермское городское полицейское управление.

⁴**Рухлов** — Сергей Васильевич Рухлов (1852—1918), товарищ главноуправляющего торговым мореплаванием и портами (1903—1905), министр путей сообщения (1909—1915), действительный статский советник, государственный секретарь, член Государственного совета.

⁵**Рябинин** — Павел Александрович Рябинин, купец второй гильдии. Неоднократно избирался гласным Городской думы, с 1905 по 1916 гг. — городской голова Перми. Коллежский регистратор. Активно занимался благоустройством и развитием города. Попечитель Ольгинского женского начального училища, член попечительского совета пермской Марининской женской гимназии, член Совета торговой школы и правления Вольного пожарного общества, почетный член Научно-промышленного музея.

⁶**Палладию** — епископ Палладий (1865—1922), в миру Благоданов. Окончил Московскую духовную семинарию (1887) и академию (1891). Пострижен в монахи в 1888 г. В 1890-е гг. служил смотрителем Коломенского и Звенигородского духовных училищ, преподавал в Вологодской, Могилевской и Тульской духовных семинариях. С 1897 г. — архимандрит. В 1899 г. назначен ректором Литовской духовной семинарии. С 1903 г. — епископ Вольский, с ноября 1908 по июль 1914 г. — епископ Пермский и Соликамский, затем — Саратовский и Царицынский (1914—1918), Сарапульский и Елабужский (1918—1919). В дальнейшем был уволен на покой и жил в Москве, являясь настоятелем Новоспасского монастыря.

⁷**...его покои, находящиеся рядом с собором** — резиденция главы Пермской епархии располагалась в комплексе зданий Спасо-Преображенского монастыря, главным храмом которого (а равно и главным храмом Перми) был упоминаемый здесь И. Ф. Кошко, Спасо-Преображенский кафедральный собор (построен по проекту М. Ф. Казакова или его учеников в 1798—1832 гг.). В настоящее время в здании собора размещается Пермская государственная художественная галерея, а в архиерейском доме — областной краеведческий музей.

⁸**...поехали в губернаторский дом** — речь идет о здании, построенном в конце 1780-х гг. председателем Пермского верхнего земского суда И. Д. Прянишниковым (принимавшим в этом доме А. Н. Радищева). В первой половине XIX в. здание несколько раз продавалось и к 1840 г. стало собственностью казны. В нем жили преподаватели мужской гимназии, а в 1841 г. часть помещений отвели для семьи доктора А. Д. Бланка (назначенного инспектором Пермской земской управы) — деда В. И. Ленина. В числе шести детей А. Д. Бланка здесь жила и Мария Александровна — будущая мать Ленина. В 1842 г. в здании разместились губернаторская канцелярия и с 1845 г. (при губернаторе И. И. Огареве) дом стал губернаторским. В дальнейшем здание неоднократно перестраивалось, но самую кардинальную его перестройку осуществил в 1908 г. предшественник на посту пермского губернатора и личный друг И. Ф. Кошко — А. В. Болотов.

⁹**...главной Сибирской улицы** — с 1918 г. и по 1998 г. Сибирская улица носила имя К. Маркса. В настоящее время ее историческое название восстановлено.

¹⁰...и **Екатериновской** — название улицы здесь приведено не совсем верно. Правильно — **Екатерининская**. Ныне — улица **Большевикская**.

¹¹...с **большим липовым садом** — сад при доме губернатора был в то время самым большим в Перми. Его заложил в конце XVIII в. еще первый владелец дома И. Д. Прянишников, устроив оранжереи и парники. Все губернаторы, проживавшие в доме на протяжении второй половины XIX — начала XX вв., внимательно следили за состоянием сада.

¹²**С. Е. Львова** — Сергей Евгеньевич Львов, князь (1859—1937). В молодости, заинтересовавшись предпринимательством, поехал во Францию, где изучал сельское хозяйство и промышленность этой страны. После возвращения в Россию прибыл на Урал в качестве управляющего хозяйством Всеволожских и поселился с семьей в Пожевском заводе. Приобрел репутацию энергичного предпринимателя. Сами Всеволожские средства в техническую реконструкцию производства не вкладывали и в конечном итоге свои горнозаводские имения распродали. В 1900 г. С. Е. Львов выкупил у них Пожевской округ в составе двух заводов (Пожевской и Елизавето-Пожевской) и более ста тысяч десятин земельных владений (из которых — более 70 тыс. дес. составляли лесные угодья). Львов попытался осуществить техническую перестройку заводов, но из-за дефицита средств шла она очень медленно. В 1912 г. для привлечения финансов на развитие округа С. Е. Львов осуществил его акционирование.

В кругах столичной аристократии С. Е. Львов получил прозвище — **Львов-делец**, отличавшее его от братьев: **Георгия** (1861—1925), прозванного **Львов-политик** (глава первого Временного правительства) и **Алексея** (1850—1937), ставшего **Львовым-художником**, так как в 1896—1917 гг. он был директором Московского училища живописи, ваяния и зодчества. После революции С. Е. Львов остался в России. В 1924 г. был арестован, но освобожден. В 1935 г. вместе с сыновьями выслан из Ленинграда в Куйбышев, где и умер в июне 1937 г. Три его сына — **Владимир** (во второй половине 1920-х гг. владел мастерской по производству фарфора в Гжели), **Юрий** (инженер-механик), **Сергей** (в 1919—1922 гг. служил по призыву в Красной армии) неоднократно арестовывались, высылались и в конце концов расстреляны в 1937—1938 гг.

¹³...из **хорошей дворянской семьи фамилии Анненковых...** — Анненковы, русский дворянский род, восходящий к середине XV в. и записанный в дворянских родословных книгах Курской, Нижегородской, Харьковской и Пензенской губерний. В XIX в. из Анненковых вышло немало известных государственных служащих, военных, деятелей культуры. Например: **Иван Александрович** (1802—1878) — декабрист; **Иван Васильевич** (1813—1887) — генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер; **Николай Николаевич** (1799—1865) — генерал от инфантерии, военный губернатор Киевской губернии; **Михаил Николаевич** (1835—1899) — генерал от инфантерии, член Военного совета; **Павел Васильевич** (1813—1887) — литературный критик, подготовивший первое научное издание сочинений А. С. Пушкина.

¹⁴...она писала **Столыпину письмо с выговорами, что тот не дает сыну достаточно скоро движения по службе** — вероятно, решимость матери В. И. Европеуса обратиться с вопросом о служебном росте ее сына непосредственно к П. А. Столыпину основывалась на том факте, что, будучи еще саратовским губернатором, Столыпин лично знал Европеуса и положительно оценивал его способности. Об этом свидетельствует эпизод встречи И. Ф. Кошко со Столыпиным накануне отъезда Ивана Францевича в Самару в 1906 г.

Напутствуя Кошко на самарское вице-губернаторство, министр охарактеризовал сначала губернатора И. Л. Блока, а затем отметил: «Мне также с очень хорошей стороны известен там в Покровской слободе земский начальник Европеус, который во время беспорядков держал себя отлично и восстановил там спокойствие. Покровская слобода лежит против Саратова на другой стороне Волги, и хотя это другая губерния, но Европеус совершенно правильно обратился ко мне за содействием, и я помог ему как мог. Имейте Европеуса в виду.» (цит. по: *Кошко И. Ф.* Воспоминания губернатора (1905—1914): Новгород — Самара — Пенза. Пг., 1916. С. 44).

¹⁵ **Ратьевым** — Михаил Дмитриевич Ратьев, князь — коллежский секретарь, старший чиновник особых поручений при Канцелярии губернатора.

¹⁶ **Групильоном** — Михаил Павлович Группильон, статский советник. В 1890-х гг. служил городским судьей в Кунгуре. С 1903 г. — товарищ прокурора, а в 1909—1916 гг. — прокурор Пермского окружного суда.

¹⁷ **Комиссаровым** — Михаил Степанович Комиссаров, полковник, начальник Пермского губернского жандармского управления.

¹⁸ **Сергиевским** — Александр Николаевич Сергиевский, действительный статский советник, непременный член Пермского губернского по крестьянским делам присутствия, член губернского Лесоохранительного комитета.

¹⁹ **Кукаретиним** — Михаил Васильевич Кукаретин, действительный статский советник, непременный член Пермского губернского по крестьянским делам присутствия. Почетный член губернского попечительства детских приютов.

Глава 4

¹ **...Окружном суде** — Окружные суды были созданы в ходе судебной реформы 1864 г. для рассмотрения общеуголовных и гражданских дел, кроме дел, подлежащих ведению мировых судов.

² **...Казенной палате** — Казенные палаты являлись в 1775—1918 гг. губернскими органами Министерства финансов. В конце XIX — начале XX вв. ведали счетоводством и отчетностью по приходу и расходу денег в подведомственных казначействах, наблюдали за поступлением государственных доходов (без права сбора), вели учет податного населения, занимались торгами на поставки в казну по подрядам, определяли ценность и доходность имуществ, подлежащих обложению налогами и сборами. Исполнительной власти не имели, требования их приводились в исполнение полицией.

³ **...Управлении государственных имуществ** — официальное название этого учреждения с 1866 по 1902 г. — Губернское управление государственными имуществами, а с 1902 г. — Губернское управление земледелия и государственных имуществ. В ведении управления состояли земли, леса и оброчные статьи, а задачей управления являлась охрана этой собственности государства и извлечение из нее возможно большего дохода. После реорганизации 1902 г. управление обязано было заниматься также усовершенствованием земледелия и других отраслей сельского хозяйства.

⁴ **...Губернском правлении** — Губернские правления (1775—1917) — местные административные учреждения, являвшиеся коллегиальным органом при губернаторе.

Правление осуществляло общее административное управление губернией, обнародование законов, указов и т. п., надзор за их исполнением, решение дел, не требующих судебного разбирательства, наложение ареста на имущество по приговорам суда, рассмотрение жалоб на подчиненные правлению учреждения и их должностных лиц и проч. Исполнительным органом Губернского правления являлась канцелярия.

⁵ **Дворянского представительства в Пермской губернии не существовало...** — говоря здесь о дворянском представительстве, Кошко имеет в виду корпоративную организацию российского дворянства, сложившуюся в последней трети XVIII в. и оформленную законодательно при Екатерине II «Учреждением о губерниях» (1775) и «Жалованной грамотой дворянству» (1785). Дворянское самоуправление имело погубернскую организацию (единого общероссийского органа самоуправления дворян не существовало).

Все дворяне губернии составляли отдельное губернское дворянское общество. Высшими органами обществ были губернские и уездные дворянские собрания, созывавшиеся с разрешения местного губернатора и с ведома Министерства внутренних дел раз в три года («обыкновенные»), либо по мере необходимости («чрезвычайные»). Собрания заслушивали отчеты об исполнении ранее принятых постановлений; обсуждали доклады и выступления по разным вопросам повестки дня, в том числе по вопросам, предложенным к обсуждению правительством; утверждали выборных должностных лиц: губернских и уездных предводителей, депутатов и секретарей дворянства, заседателей дворянских опеков, кандидатов для замещения государственных должностей по местному управлению и проч. Присутствовать на собраниях могли все дворяне, но правом голоса обладали только достигшие 21 года, владевшие недвижимостью и записанные в «родословные» книги данной губернии.

В ряде губерний и в том числе в Пермской (а также в Архангельской, Вятской, Олонецкой и др.) из-за малочисленности местного дворянства создание его корпоративных органов самоуправления не предусматривалось законодательно.

⁶ **Дворянские опеки** — местные сословные учреждения. Создавались в уездных городах с целью осуществления опекунского надзора за имениями личных и потомственных дворян. Инициаторами такого надзора могли выступать сами дворяне либо он устанавливался в предусмотренных законом случаях (надзор за имениями вдов и сирот, умалишенных, а также за имениями, реквизированными по взысканию). Кроме того, опеки производили опись имений, назначение опекунов и ревизию их отчетов, определяли дворянских детей, оставшихся без имения, в учебные заведения, а вдов — в учреждения Приказа общественного призрения, контролировали расчеты по долгам и проч.

⁷ **Подгурского** — Иван Гаврилович Подгурский, статский советник, председатель Красноуфимского, а затем Екатеринбургского уездного земского съезда.

⁸ **...в Губернском собрании** — Губернское земское собрание — выборный распорядительный орган местного самоуправления (созданы в 1864 г.). Выборы в него проходили раз в три года. Гласных в состав Губернского собрания избирали Уездные земские собрания. Собрания принимали постановления о строительстве местных больниц, школ, дорог, благотворительных заведений, вели земскую статистику, рассматривали и утверждали земские сметы, раскладку денежных и натуральных повинностей, приобретали недвижимость для земства и др. Постановления Губернских собраний утверждались губернатором или министром внутренних дел. Губернатор имел право приостановить исполнение

постановления Губернского собрания, если усматривал в нем нарушение существующего законодательства.

⁹**Лозина-Лозинский** — Михаил Александрович Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский. Родился в 1865 г., окончил Императорское училище правоведения. В 1885 г. поступил на государственную службу. С 1900 г. зачислен в Министерство внутренних дел. С 1907 по 1912 г. — тифлисский губернатор. В 1914 г. сменил И. Ф. Кошко на посту пермского губернатора, прослужив в этой должности до 6 марта 1917 г., когда, согласно распоряжению Временного правительства, передал свои полномочия председателю губернской земской управы Е. Д. Калугину.

¹⁰**Лихачев** — Илья Александрович Лихачев, отставной гвардейский поручик, титулярный советник, член Пермского губернского по крестьянским делам присутствия.

¹¹**Маклаков** — Николай Алексеевич Маклаков (1871—1918), гофмейстер. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. На службе с 1894 г. (чиновник московской казенной палаты, податной инспектор в Суздале, Тамбове и Полтаве). С 1900 г. — на службе в Министерстве финансов, с 1906 г. — управляющий полтавской казенной палатой, с 1909 г. — черниговский губернатор. В 1912—1915 гг. — министр внутренних дел, в 1915—1917 гг. — член Государственного совета. Расстрелян большевиками.

¹²**Губернской земской управы** — Губернская земская управа (1864—1918) — исполнительный орган Губернского земского собрания. Избиралась каждые три года Губернским собранием из числа депутатов — гласных. Состояла из председателя, утверждавшегося Министерством внутренних дел, и шести членов. Ведала имущественными делами земства, составлением губернской сметы, отчетов, контролировала поступление земских доходов. Надзор за деятельностью управы осуществлял губернатор.

¹³**А. И. Мухлынина** — Алексей Иванович Мухлынин (скончался в октябре 1914 г.) — коллежский советник, председательствовал в Верхотурской уездной управе, затем — председатель Губернской земской управы. Член попечительского совета женской Маринской гимназии, вице-председатель Совета отделения Попечительства о слепых.

¹⁴**Жена его, Н. И. Мухлынина...** — Надежда Ивановна Мухлынина. Принимала участие в благотворительной деятельности в Перми — состояла членом попечительского комитета Пермского дамского попечительства о бедных и попечительского совета женской гимназии А. И. Дрекслер-Голынец.

¹⁵**Е. Д. Калугине** — Егор Данилович Калугин, председатель Оханской уездной земской управы, в 1911 г. избран членом Пермской губернской земской управы, а с 1914 г. — ее председатель. В качестве представителя земского собрания входил в состав Пермского губернского комитета по делам мелкого кредита. Член попечительского совета Маринской женской гимназии.

¹⁶**Чердынец** — Владимир Алексеевич Чердынец, представитель купеческого рода города Оса, предприниматель, совладелец пивоваренного завода. С 1906 г. — издатель газеты «Камский край» и арендатор, а с 1912 г. — владелец пермской типографии. В 1909—1914 гг. состоял гласным Пермского губернского земского собрания от Осинского уезда. Попечитель Пермского Александровского начального училища, старшина Пермского Благородного собрания, товарищ председателя Пермского общества любителей охоты.

¹⁷...в тот день, когда я провожал Великую Княгиню... — здесь упоминается визит на Урал двух старших сестер императрицы Александры Федоровны, который состоялся с 12 по 20 июля 1914 г. Они вместе прибыли в Пермь, но далее по губернии путешествовали раздельно. Целью поездки Елизаветы Федоровны было посещение Белогорского монастыря, в котором она останавливалась 13—14 июля, и Верхотурья, где великая княгиня побывала 16—18 июля 1914 г. В поездках по губернии ее сопровождал И. Ф. Кошко. Визит же Виктории Федоровны Баттенбергской, имел более светский, ознакомительный характер. В сопровождении вице-губернатора В. И. Европеуса она посетила Кунгурскую пещеру, Нижнетагильские заводы, Екатеринбург, Верх-Исетский завод, осматривала добычу золота на Березовских промыслах, производство художественного литья на Каслинском заводе. 18 июля великие княгини встретились в Алапаевске (где Елизавете Федоровне будет суждено погибнуть в этот же самый день, правда, по новому стилю, ровно через четыре года). Далее они планировали следовать в Челябинск. Но 19 июля (по новому стилю — 1 августа) 1914 г. Германия объявила России войну. В связи с этим путешествие было прервано, и великие княгини выехали в Петербург.

¹⁸Елизавету Федоровну — великая княгиня Елизавета Федоровна (1864—1918), дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг IV, старшая сестра императрицы, супруга (с 1884 г.) великого князя Сергея Александровича. После убийства мужа эсерами (1905) посвятила свою жизнь заботе о больных и бедных. Основательница и настоятельница Марфо-Мариинской обители сестер милосердия. В годы Первой мировой войны активно занималась формированием санитарных поездов, организацией лазаретов. После Октябрьской революции 1917 г. арестована и вместе с другими Романовыми доставлена в Алапаевск, где в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. заживо сброшена в шахту рудника. Ее останки были вывезены из России в 1920 г. и захоронены в Святой Земле. В 1981 г. канонизирована русской православной церковью за границей, а в 1990 г. — и Русской православной церковью.

¹⁹...ее сестру принцессу Баттенбергскую — Виктория Федоровна Баттенбергская (1863—1950), урожденная герцогиня Гессенская, жена принца Людвиг Баттенберга, старшая сестра императрицы.

²⁰...мы выехали на Сибирскую улицу, только что миновав мужскую гимназию — классическая мужская гимназия имени императора Александра I размещалась в здании на перекрестке улиц Сибирской (с 1918 по 1998 гг. — К. Маркса) и Петропавловской (ныне — Коммунистической). В настоящее время здание используется в качестве одного из корпусов Пермской медицинской академии.

²¹...об Иване Григорьевиче Каменском — Иван Григорьевич Каменский (1857—1919), потомственный почетный гражданин, коллежский асессор. Учился в пермской гимназии, в 1879 г. с малой золотой медалью окончил Московскую Практическую академию коммерческих наук. Затем обучался в Боннском университете, где после защиты диссертации получил докторскую степень (по химии). В 1893 г. поселился в Суксуне и стал управлять купленными у Демидовых заводами.

Помимо предпринимательской деятельности, И. Г. Каменский активно участвовал в общественной жизни Пермской губернии. Избирался гласным Красноуфимского уездного земского собрания, а с 1903 г. — губернского земства, которое в 1906 г. избрало его своим представителем в Государственный совет.

Почетный попечитель пермского Алексеевского реального училища, почетный член губернского попечительства детских приютов, попечитель Русско-башкирской сельскохозяйственной школы (при ферме Красноуфимского училища), учредитель стипендий для несостоятельных студентов университета, открыл училище в Суксуне. Особую поддержку Иван Григорьевич (как и его старший брат, Александр) оказывал художникам, выделяя средства на их обучение, заказывая им работы. Гостями дома Каменских в Петербурге были И. К. Айвазовский и В. П. Верещагин. Иконостас построенного в Перми И. Г. Каменским храма Казанской Божьей матери был расписан Н. К. Рерихом.

²²...а отец с братом основал известную пароходную компанию «Братьев Каменских» — дед Ивана Григорьевича, житель деревни Данилихи Пермского уезда, Кузьма Филиппович Каменский (ок. 1771—1844), был крепостным крестьянином Голицыных. Занимался, по-видимому, торговлей. Сведения о его обширных земельных владениях относятся к области легенд, ходивших в пермском обществе по поводу истоков первоначального капитала Каменских. Сыновья Кузьмы, Федор (1810—1883) и Григорий (1814—1893), создали свое дело, организовав гужевые перевозки грузов от Москвы до Сибири и Дальнего Востока. Выкупившись из крепостной зависимости, братья поселились в Перми. В 1859 г. они приступили к речным перевозкам грузов, построив свой первый буксирный пароход. В 1862 г. — построили второй, а с 1865 г. — включились и в пассажирские перевозки, пустив еще четыре парохода. В 1871 г. была учреждена фирма — торговый дом «Товарищество пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. братья Каменские». В 1874 г. для строительства и ремонта пароходов запущен в действие литейно-механический завод. К 1889 г. из 27 пассажирских пароходов на Каме Каменским принадлежало — 10.

Дело братьев унаследовали и расширили их сыновья: дети Федора Кузьмича — Михаил (представлял фирму в Нижнем Новгороде) и Василий (руководил Петербургской конторой), сыновья Григория Кузьмича — Александр, Иван и Алексей. В родной Перми фирму возглавил Александр Григорьевич (1845—1905), являвшийся одновременно, с 1883 г. и до своей кончины, гласным пермской Городской думы. В 1893 г. Каменские купили у Демидовых Суксунские заводы). После кончины в 1905 г. Александра (а вскоре, в 1906 г., умер и Алексей Григорьевич) главой предприятия стал Иван Григорьевич.

В 1910 г. по Каме и Волге ходило 52 баржи, 10 грузовых и 12 пассажирских пароходов, принадлежавших Каменским. Их транспортные конторы были созданы в 34 городах, посредническая контора действовала в Риге. Кроме того, еще с 1890-х гг. Каменские владели хлопковой плантацией в окрестностях Ташкента, а в самом городе — предприятием по переработке хлопка. Между тем к 1910 г. финансово-экономическое состояние фирмы ухудшилось. Смерть братьев серьезно ослабила руководство компанией, росли долги, назревало банкротство. В 1914 г. Каменские продали фирму Н. В. Мешкову.

Все Каменские осуществляли очень широкую благотворительность в сфере образования и искусства, состояли членами попечительских советов многих благотворительных организаций.

²³...на некой г-же Ильиной — Лидия Николаевна Каменская, дочь штабс-капитана Ильина — жена И. Г. Каменского, состояла в родстве со Строгановыми. Вместе с супругом коллекционировала живопись и, увлекаясь ею сама, брала уроки у Н. К. Рериха. Попечительница Суксунского женского училища.

²⁴**Суксунского завода** — Суксунский медеплавильный завод построен в 20-х гг. XVIII в. Акинфием Демидовым, в 1740 г. перепрофилирован в железоделательный. Во второй половине XVIII в. сложился одноименный горный округ, включавший в себя восемь заводов. К концу XIX в. предприятия находились в упадке и в 1893 г. Суксунский округ был распродан по частям. Три завода (Суксунский, Тисовский, Молебский) и 117 тыс. десятин земли округа купили Каменские. И. Г. Каменский предпринял шаги по модернизации производства и запустил заводы в действие, подняв их производительность.

На базе заводских мощностей и сырьевых ресурсов земельных владений И. Г. Каменский старался расширить отраслевую структуру округа. Так, в Суксуне было организовано лесопильное производство, Тисовский завод попытались перепрофилировать в судостроительный, а недалеко от него построили первый в России завод по сухой перегонке древесины и производству ацетона и метилового спирта. Однако экономический кризис 1900—1903 гг. и последующая депрессия повлекли за собой спад производства и остановку предприятий — сначала Тисовского завода, а в 1913 г. — Молебского и Суксунского.

Уже с 1909 г. Каменские начали распродавать земельные владения округа. В 1914 г. Иван Григорьевич выкупил Суксунское имение (отделив его от остальной части округа) у родственников в единоличное владение. В этом же году фирма братьев Каменских была продана Н. В. Мешкову.

²⁵**Пивинский** — Николай Андреевич Пивинский (ум. в 1913 г.), горный инженер, действительный статский советник. В 1876 г. окончил Горный институт и направлен в распоряжение главного начальника уральских заводов. В 1877 г. командирован на заводы Абамелек–Лазаревых «для технических занятий», служил управляющим Кизеловским заводом, впоследствии занял пост главноуправляющего Пермским имением князя С. С. Абамелек–Лазарева. Член Пермского инженерно–технического товарищества, совладелец технической конторы (с 1900), участник 1–го чрезвычайного съезда уральских горнопромышленников (1899) и ряда других съездов, избирался в руководство их исполнительного органа — в Совет съезда. Почетный мировой судья Соликамского уезда, член губернского Лесоохранительного комитета, гласный губернского и соликамского земств.

²⁶**...он ежегодно проживал в Ницце, но это здоровье не восстановило, и он умер на второй год моего губернаторства** — после тяжелой и продолжительной болезни Николай Андреевич Пивинский скончался в Ницце 13 марта 1913 г.

²⁷**Василий Николаевич Грамматчиков** (1864 — ?) — горный инженер, в 1887 г. окончил Горный институт. Состоял при Главном горном правлении и в 1901 г. откомандирован на заводы Абамелек–Лазаревых «для технических занятий». С 1901 г. — коллежский советник. Управляющий Кизеловским горным округом князя С. С. Абамелек–Лазарева. Участник 7–го съезда уральских горнопромышленников (1899), член Екатеринбургского особого горнозаводского раскладочного присутствия (1901), член Пермского инженерно–технического товарищества, совладелец технической конторы (с 1900). Гласный Соликамской уездной земской управы.

²⁸**...в Выборгском воззвании** — так называемое «Выборгское воззвание» к народу России («Народу от народных представителей») — обращение депутатов Первой Государственной думы, принятое на совещании в Выборге 9—10 июля 1906 г. В нем, в знак протеста против роспуска думы, содержался призыв к гражданам отказаться от уплаты налогов и службы в армии (до созыва новой думы). По данному факту призыва к неповиновению

властям состоялось следствие и судебное разбирательство. Из 169 депутатов, подписавших воззвание, 167 были признаны виновными и осуждены на три месяца тюремного заключения. Это означало лишение осужденных избирательных прав при выборах в думу и на общественные должности.

Главной причиной роспуска Первой Государственной думы (дума работала с 27 апреля по 8 июля 1906 г.) явился ее конфликт с правительством по вопросу о судьбе помещичьего землевладения. Самой большой фракцией в ней были кадеты. Они внесли на рассмотрение законопроект аграрной реформы, предусматривавший принудительное отчуждение помещичьей земли «по справедливой оценке». Вторая по величине фракция трудящихся пошла еще дальше, предлагая отчуждение всех помещичьих и прочих частновладельческих земель, превышавших «трудовую норму» (допуская возможность компенсации за счет государства), создание «общенародного земельного фонда» и введение уравнительного землепользования по «трудовой норме», которая определялась бы на местах выборными земельными комитетами. Правительство же еще накануне созыва Государственной думы приняло решение распустить ее, если будет поставлен вопрос о принудительном отчуждении земель. 9 июля 1906 г. в соответствии с полномочиями императора был опубликован царский манифест о роспуске думы.

²⁹ **Женат он был на Демидовой княжне Сан-Дonato...** — Мария Павловна Абамелек-Лазарева (1877—1955), дочь Павла Павловича Демидова, князя Сан-Дonato (1839—1885). В 1897 г. вышла замуж за князя С. С. Абамелек-Лазарева. Увлекалась искусством. По отзывам современников, была хорошей балериной. Танцевала в балетах, которые ставились на римской вилле Лазаревых. После кончины супруга жила в фамильном имении Демидовых Пратолино, около Флоренции. После 1917 г. на проценты с банковских вкладов, оставленных в Европе покойным супругом, оказывала благотворительную поддержку русским эмигрантским организациям, православным храмам в Италии и отдельным эмигрантам. Умерла бездетной и ее имущество по завещанию перешло к ее племяннику — сербскому принцу Павлу Карагеоргиевичу, который продал имение Пратолино в 1969 г.

³⁰ **...постоянно жила в Риме в роскошной вилле в ближайших окрестностях города** — речь идет о вилле, площадью около тридцати гектаров, расположенной в центре современного Рима, по соседству с Ватиканом. Она была куплена С. С. Абамелек-Лазаревым в 1907 г. в очень запущенном состоянии и реконструирована им с привлечением талантливых итальянских архитекторов. На вилле была собрана богатейшая коллекция картин, гобеленов, античной мозаики и других произведений искусства, обустроен великолепный парк с фонтанами и древнеримскими скульптурами. В одном из зданий виллы, в восстановленном дворце «Театр Жиро» (переименованном князем в «Театр муз»), устраивались приемы и балы, давались балетные спектакли с участием жены князя, Марии Павловны. На спектакли съезжалась итальянская и русская знать. Вилла Абамелек-Лазарева стала одним из видных центров русской культуры в Риме. После смерти мужа Мария Павловна продолжала следить за состоянием виллы и осуществляла реставрационные работы. В 1947 г. вилла стала резиденцией советского посла в Италии, и сейчас в ней размещается посольство Российской Федерации.

³¹ **Н. Н. Курмаков** — Николай Николаевич Курмаков, действительный статский советник, способный инженер и организатор. В 1876 г. окончил Горный институт в Санкт-Петербурге. Служил на частных заводах Урала. После перехода на государственную службу

был послан на Кавказ окружным инспектором, затем переведен на эту же должность в Донецкий бассейн. В 1891—1899 г. принимал участие в двух экспедициях в Персию. В 1903 г. руководил геологической экспедицией по разведке золота в Абиссинии (Эфиопии). В 1905 г. назначен начальником Иркутского горного управления, в марте 1908 г. — директором Горного департамента Министерства финансов. На этом посту выступал за то, чтобы оставить в собственности казны только наиболее крупные оборонные заводы, а остальные передать в частные руки. С 1913 г., после ухода с государственной службы, стал главноуправляющим Пермским имением князя С. С. Абамелек-Лазарева.

³²...**особняк Абамелек-Лазарева на Миллионной...** — речь идет о здании по адресу: Миллионная улица, дом 22. Добавим, что в 1913—1914 гг. С. С. Абамелек-Лазарев построил в Санкт-Петербурге для себя новый особняк на Мойке (№ 23) по проекту И. А. Фомина.

³³...**принадлежал Бирону, очевидно, не самому временщику, а его брату** — Эрнст Иоганн Бирон (1690—1772), граф (с 1730 г.), фаворит императрицы Анны Иоанновны. Прибыл в Россию вместе с ее двором из Курляндии в 1730 г. Имел большое влияние на императрицу. Его политика (так называемая бироновщина) привела к засилью иностранцев во всех областях государственной и общественной жизни, к разграблению богатств страны и преследованиям недовольных режимом. После смерти императрицы (17 октября 1740 г.), согласно ее завещанию, стал регентом несовершеннолетнего императора Ивана VI Антоновича. В результате дворцового переворота 9 ноября 1740 г. был арестован и сослан в Пелым, а с 1742 г. — в Ярославль. В 1762 г. помилован императором Петром III. У Э. И. Бирона было два брата: старший — Карл (1684—1746) и младший — Густав (1700—1746). Оба состояли на службе в польских войсках. В Россию прибыли в 1730 г., быстро достигли генеральских чинов, принимали участие в русско-турецкой войне. В 1740 г. — арестованы одновременно со своим братом-регентом и сосланы. В 1744 г. — освобождены с возвращением им прежних чинов. Густав Бирон был женат на дочери князя А. Д. Меншикова, княжне Александре Александровне.

³⁴...**к 300-летию юбилею царствования династии Романовых** — этот юбилей Дома Романовых отмечался в 1913 г.

³⁵**Борис Годунов** — Борис Федорович Годунов (1552—1605), брат жены царя Федора Ивановича (1557—1598) и фактический правитель государства при нем (Федор Иванович царствовал с 1584 г.). Избран царем на Земском соборе в 1598 г. Проводил политику укрепления самодержавия.

³⁶...**схватил всех братьев, заковал их в оковы и разослал в ссылку...** — речь идет о пяти братьях, сыновьях боярина Никиты Романовича Юрьева-Захарына (умер в 1586 г.), приходившегося братом Анастасии Романовне, жене Ивана Грозного. Именно за братьями Никитичами закрепилась фамилия Романовы — по имени их деда Романа Юрьевича. Братья были дружны и могли составить серьезную силу против Годунова в борьбе за престол. В 1600 г. все братья были схвачены и в 1601 г. сосланы. Старшего из них, Федора Никитича (около 1554/1555—1633) постригли в монахи под именем Филарета. Впоследствии он стал патриархом, а на Земском соборе 21 февраля 1613 г. его сын (сам Филарет в это время находился в польском плену), Михаил Федорович (1596—1645), был избран на царство и стал родоначальником династии Романовых. Из остальных братьев Никитичей опалу пережил только один — Иван (ум. в 1640 г.), а трое (Александр, Михаил, Василий) погибли в ссылке в 1602 г.

³⁷ **Михаил Никитич** — Романов Михаил Никитич, боярин, окольничий, третий сын Никиты Романовича Юрьева-Захарьина. В 1601 г. сослан в село Ныроб и скованным содержался в темнице, врытой в землю, где и умер в 1602 г., возможно, насильственно, однако точных свидетельств причины смерти нет.

³⁸ **На месте этой ямы один из ныробских крестьян соорудил часовню...** — первоначально, еще в XVII в., часовня была построена деревянной. В 1793 г. на месте темницы-землянки, в которой томился Михаил Никитич Романов, ныробцы, «тщанием и коштом здешней волости крестьян и усердным старанием крестьянина Максима Пономарева», поставили каменную часовню во имя Архангела Михаила. Разрушена в 1930-х гг.

³⁹ **Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл** (1853—1929) — действительный статский советник, депутат I Государственной думы, член Государственного совета (1907—1912). Крупный предприниматель Урала и Сибири, совладелец и глава учрежденного после смерти отца в 1890 г. Торгового дома «Наследники А. Ф. Поклевского-Козелл». Фирма владела пивоваренными, винокуренными, водочными, а также стекольными, лесопильными и конными заводами, мукомольными мельницами, золотыми приисками, занималась разработкой месторождений асбеста, поставлявшегося главным образом на экспорт. Кроме того, Поклевские являлись акционерами и состояли в руководстве Волжско-Камского и Сибирского торговых банков.

Попытка же вложения в горнозаводскую промышленность для Поклевских оказалась неудачной. Приобретенные отцом Викентия, Альфонсом Фомичом (1810—1890), металлургические заводы Холуницкого (1874) и Залазнинского (1886) округов после некоторой модернизации увеличили объем продукции, но основное оборудование оставалось технически отсталым, и в условиях кризиса 1900—1903 гг. заводы не устояли. Видимо, предвидя грозящую неприятность, Поклевские, еще в 1898 г., оформили заводы в собственность Ивана Альфонсовича (младшего брата Викентия), отделив их от торгового дома. В 1902 г. Иван был объявлен банкротом и уехал за границу (умер в Кракове в 1925 г.). Заводы были переданы конкурсному управлению, которое безуспешно пыталось продать их в частные руки. В январе 1907 г. по решению Совета министров заводы взяты в казну, а в 1909 г. окончательно остановлены.

В. А. Поклевский-Козелл осуществлял широкую благотворительную деятельность. Состоял попечителем многих уездных учебных заведений, Пермского губернского попечительства детских приютов, екатеринбургской мужской классической гимназии. Почетный член Уральского общества любителей естествознания. С 1919 г. в эмиграции.

⁴⁰ **Его имение Талицы...** — В. А. Поклевский-Козелл унаследовал Талицкое имение от отца, который обосновался здесь в 1860-х гг., приобретя в окрестностях Талицы убыточные казенные винокуренные заводы.

⁴¹ **...станции Поклевской...** — железнодорожная станция Поклевская находилась в семи верстах от Талицкого имения Поклевских-Козелл.

⁴² **У них в Екатеринбурге был отлично обставленный дом** — дом Поклевских построен в последней четверти XIX в. В 1906 г. стоимость здания оценивалась в 17 тыс. рублей. В настоящее время в нем размещается Областной краеведческий музей (Мальшева, 46). Здание перестроено и соединено более поздней вставкой с соседним домом. Собственно дом Поклевских в современном здании составляет только его левую часть, выходящую боковым фасадом (с главным входом в музей) на улицу Добролюбова. Правая

часть дома, примыкающая к улице Чернышевского, была отдельным зданием Городской думы (архитектор М. П. Малахов).

⁴³...**в гостинице Пале-Рояль** — гостиница Пале-Рояль размещалась в здании на углу Главного проспекта и улицы Колобовской (ныне соответственно — проспект Ленина и улица Толмачева). Собственно гостиница занимала второй этаж здания. При гостинице действовала небольшая электростанция, которая обслуживала квартиру владельца, ресторан, варьете и номера. На первом этаже здания располагались торговые заведения: «Детский мир», «Китайский чайный магазин», «Книжная торговля Куренщикова». Ныне на месте этого дома стоит здание «Свердловэнерго», унаследовав от своего предшественника порядковый номер 38.

⁴⁴...**товарищу по корпусу В. М. Имшенецкому** — Владимир Михайлович Имшенецкий (ок. 1859 – ?), потомственный дворянин Казанской губернии, поручик артиллерии в отставке. С 1895 г. проживал в Екатеринбурге. Доверенный ряда предпринимателей: по доверенности управлял асбестовыми рудниками А. М. Имшенецкого, барона Б. А. Кусова, фирмы «Уралит». С середины 1890–х гг. начал разведку, а затем и разработку золотых и платиновых приисков в Верхотурском уезде. Участник Кушвинских съездов золотопромышленников 1897 и 1903 гг., а также 2–го Съезда уральских золотопромышленников (1898), избирался в состав руководящих органов этих съездов. Член Комиссии по ограждению платинопромышленности от хищничества. Состоял действительным членом Екатеринбургского общества поощрения коннозаводства, Общества попечения о начальном образовании в городе Екатеринбурге и его уезде, Екатеринбургского комитета Красного Креста. В Екатеринбурге, по данным 1906 г., В. М. Имшенецкий владел домом и торговым предприятием II разряда, оцененными в 15 тыс. рублей. Здесь же проживал, по-видимому, и его брат, Михаил Михайлович, надворный советник, владевший домом стоимостью в три тысячи рублей.

И. Ф. Кошко называет В. М. Имшенецкого товарищем по корпусу, имея в виду то, что они были однокашниками по учебе во 2-й Петербургской военной гимназии. Кошко окончил ее в 1875 г., а в 1882 г. военные гимназии были переименованы в кадетские корпуса и оставались таковыми до конца их существования. Поэтому ошибки в том, что И. Ф. Кошко называет гимназию корпусом, нет.

⁴⁵...**предстояли новые выборы** — выборы в Государственный совет, упоминаемые здесь И. Ф. Кошко, проходили в 1912 г.

⁴⁶**Филипп Антонович Иванов** (Стихарев) — родился в 1871 г., выходец из крестьян, коллежский секретарь, талантливый горный инженер и организатор крупного промышленного производства. В 1901 г. с отличием окончил Фрейбергскую горную академию в Германии (где ему было предложено остаться работать преподавателем). Недолго работал на Катав-Ивановских горных заводах. С 1907 г. — главноуправляющий Кыштымским горным округом; с 1912 г. — директор-распорядитель Акционерного общества Кыштымских заводов, член Совета директоров Сибирского торгового банка, один из учредителей Риддерского и Киргизского акционерных обществ; входил в правление синдиката «Медь». С 1912 г. — член Государственного совета. В 1915 г. — председатель государственного комитета «Металлоснабжение», контролировавшего обеспечение заводов металлами иностранного производства. В 1915—1917 гг. — член Особого совещания по обороне государства. Выступал противником бесконтрольного проникновения в промышленность

России иностранного капитала, стремясь ограничить сферу его деятельности участием только в крупных предприятиях. После 1917 г. — в эмиграции, жил во Франции и в Англии. Умер 20 июля 1957 г. в Лондоне.

⁴⁷...школу горных техников — имеется в виду Уральское горное училище.

⁴⁸...Фрейбергскую горную академию — Горная академия во Фрейберге (Германия) — одно из старейших высших учебных заведений Европы (с середины XVIII в.) по подготовке специалистов для горной и металлургической промышленности.

⁴⁹...Кыштымского горного округа... большого предприятия по добыче меди, которое находилось в руках англичан и работало на английские деньги — в 1900 г. Кыштымский горный округ был акционирован наследниками Л. И. Расторгуева. Акционерное общество получило ссуду (3473 тыс. руб.) на переоборудование заводов, но в условиях экономического кризиса 1900—1903 гг. реконструкция затянулась, а себестоимость продукции возросла, прибыль оказалась ниже запланированной, появились финансовые трудности и долги. В 1908 г. выплавка чугуна была остановлена. Назревающее банкротство Кыштымского округа предотвратила британская Англо-Сибирская корпорация, выкупившая округ с погашением долгов кредиторам. В ходе дальнейшей реорганизации предприятия, в 1908 г., был создан российско-англо-американский холдинг («Кыштымская корпорация» в Лондоне и «Кыштымское акционерное общество» в Санкт-Петербурге). Основное внимание новые владельцы сосредоточили на развитии медного производства, химической промышленности и на добыче драгоценных металлов. Постройка крупнейшего электролизного завода обеспечила Кыштымскому округу лидерство в выплавке меди дореволюционной России. В состав нового руководства Кыштымских заводов входил тогда горный инженер Г. К. Гувер (1874—1964) — будущий президент США (1929—1932).

Глава 5

¹ В Государственной думе... — речь идет о Третьей Государственной думе, работавшей с 1 ноября 1907 г. по 9 июня 1912 г.

² Степанов — Василий Александрович Степанов (1871—1920). Поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, но, проучившись три курса, перевелся в Горный институт и окончил его в 1897 г. Работал горным инженером на каменноугольных копях Донецкого бассейна и на рудниках Кривого Рога. В 1906 г. перешел на Урал директором рудников Богословского горного округа. В 1907 г. избран в Третью Государственную думу от Верхотурского уезда Пермской губернии, а в 1912 г. переизбран и в Четвертую. После Февральской революции работал в составе Временного правительства сначала товарищем министра торговли и промышленности, а после отставки министра А. И. Коновалова, с 27 мая по 4 июля 1917 г., исполнял обязанности управляющего министерством. Член партии кадетов, с 1916 г. — входил в ее ЦК. После октября 1917 г. — один из руководителей антибольшевистского подполья. В 1918—1920 гг. — состоял при А. И. Деникине и П. Н. Врангеле.

³...священник Титов — Иван Васильевич Титов, родился в 1879 г. в семье заводского служащего. Окончил духовное училище и Пермскую духовную семинарию. Получив один из приходов Пермской губернии, работал одновременно в нескольких деревенских и

городских школах. В Третью Государственную думу был избран от города Кунгура, состоял во фракции «прогрессистов».

⁴**Бабянский** — Александр Фомич Бабянский (родился в 1853 г.), помещик Красноуфимского уезда, владелец Саранинской и Иргинской лесных дач. Окончил Полоцкий кадетский корпус и военное Константиновское училище (1872), служил в лейб-гвардии Московском полку. В 1876 г. вышел в отставку и уехал добровольцем в Сербию. Отличился в сражениях с турками, был ранен. В 1878 г. вернулся в полк и в его составе участвовал в сражениях завершающего этапа русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1881 г. окончил военно-юридическую академию. В дальнейшем служил по военно-судебному ведомству. В 1905 г. в звании генерал-лейтенанта вышел в отставку и вступил в состав присяжных поверенных Санкт-Петербурга. В 1906 г. избран гласным Санкт-Петербургской Городской думы, а в 1907 г. — депутатом Третьей Государственной думы от Пермской губернии.

⁵**В наше время...** — имеется в виду период после Февральской революции (весна — лето) 1917 г. Именно в это время И. Ф. Кошко завершал работу над мемуарами.

⁶**...входил в состав первого коалиционного правительства...** — первое коалиционное правительство было сформировано 5 мая (как следствие апрельского правительственного кризиса) и функционировало до июля 1917 г. Это был компромисс, на который в условиях двоевластия пошли, с одной стороны — Временное правительство, а с другой — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Представители последнего (где большинство принадлежало эсерам и меньшевикам) вошли в состав Временного правительства: от эсеров — А. Ф. Керенский и В. М. Чернов, от меньшевиков — И. Г. Церетели и М. И. Скобелев.

⁷**Коновалова** — Александр Иванович Коновалов (1875—1948), представитель династии текстильных фабрикантов. Окончил Московский университет, обучался за границей. С 1905 г. включился в политическую деятельность, вместе с П. П. Рябушинским участвовал в организации Торгово-промышленной партии. В 1912 г. — основатель и лидер партии прогрессистов, избран в Четвертую Государственную думу от Костромской губернии и занял пост товарища председателя думы. В годы войны (1915—1917) был заместителем председателя Центрального военно-промышленного комитета. В марте — мае 1917 г. возглавлял Министерство торговли и промышленности Временного правительства, а в сентябре — октябре 1917 г. — заместитель председателя Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции.

⁸**Егоров** — Николай Максимович Егоров (родился в 1871 г.). Образование — «низшее», крестьянин. Депутат Третьей Государственной думы от Пермской губернии. Входил в социал-демократическую фракцию. Первоначально тяготел к большевикам, а впоследствии примкнул к меньшевикам. В думе состоял членом финансовой комиссии.

⁹**Кондратьев Ф. Ф.** — депутат Третьей Государственной думы от Пермской губернии, входил во фракцию трудовиков.

¹⁰**Петров** — Константин Матвеевич Петров (родился в 1877 г.), образование «низшее», мещанин г. Шадринска, типографский наборщик. Депутат Третьей Государственной думы от Пермской губернии; исполнял обязанности секретаря фракции трудовиков и состоял членом трех думских комиссий: городской, по рабочему вопросу и бюджетной.

¹¹**...дело добычи платины было отдано в аренду особой французской комиссии, которая захватила на всем свете в свои руки торговлю этим металлом и по своему**

усмотрению устанавливала на него цену, с каждым днем ее повышая — говоря здесь о «Платино-промышленной компании Анонимного общества» (ППАК), И. Ф. Кошко ошибочно преувеличивает ее роль и значение на мировом рынке. Серьезными конкурентами ППАК являлись британская фирма «Джонсон Маттей», германская «Гереус» и ряд других. Во избежание конкуренции продавцы рафинированного металла объединились в начале XX в. в синдикат. ППАК то выходила из него, то возвращалась обратно, ибо противостоять сплоченному альянсу соперников она не могла, несмотря даже на то, что являлась крупнейшим разработчиком платиновых месторождений Урала.

¹² **Компания эта... взяла на себя оборудовать своим счетом добычу платины новейшими дорогостоящими техническими приемами, выговорив за то для себя право целиком покупать от Демидовых всю добытую платину по той цене, какая будет стоять на рынке** — Нижнетагильские заводы получили в 1909 г. от Платино-промышленной компании кредит, расчеты по которому администрация округа компенсировала сдачей иностранцам в аренду нескольких золото-платиновых приисков. Заключенный с французским акционерным обществом договор, впрочем, действовал недолго. Между тем лидировавшая в платинодобыче компания действительно широко использовала на Урале драги.

¹³ **Демидовы владели на Урале заводами и на праве личной собственности, как например, Салдинским...** — здесь автор «Воспоминаний» ошибается. На праве личной собственности Демидовы владели не Салдинскими заводами, а приобретенным в конце 1880-х гг. Луньевским округом, присоединенным к Нижнетагильскому. Само же демидовское родовое владение (Нижнетагильский округ, в который входил Салдинский завод) являлось по юридическому статусу не вотчинным, а посессионным, то есть передававшимся в долговременную аренду при условии его непрерывной горнопромышленной эксплуатации.

¹⁴ **...на праве посессионном** — посессионное право представляло из себя первоначально условное владение людьми или землями, предоставленное уральским горнозаводчикам-недворянам в XVIII в. для того, чтобы обеспечить их металлургические заводы рабочими руками и природными ресурсами. После отмены крепостного права посессионное владение рабочей силой было аннулировано, однако земля в посессионных горных округах оставалась собственностью государства. Складывалась ситуация, когда купля-продажа рудников и заводов (являвшихся собственностью промышленников) допускалась лишь вместе с огромными земельными угодьями — лесными дачами (остававшимися собственностью казны). Устаревший правовой институт существенно тормозил акционирование горнозаводской промышленности и неизбежную при этом ломку окружных границ. Poleмика вокруг посессионного права тянулась до 1917 г. Защищавшие интересы посессионеров юристы настаивали либо на выкупе лесных дач у государства по символической цене, либо на продаже ему заводов по завышенной стоимости. Попытки посессионеров развернуть незаконную торговлю лесом (так как лес — не их собственность и дан им лишь для обеспечения заводского производства) вызвали резкий протест общественности и большинства депутатов Государственной думы.

¹⁵ **Урал представляет собой почти единственное месторождение платины во всем мире, и эти богатства... вывозятся ими за границу, там подвергаются рафинаду (очистке) и тогда только поступают на рынок** — действительно, на рубеже XIX—XX вв. в недрах Урала (Нижнетагильский, Гороблагодатский, Лысьвенский округа) добывалось

свыше 90 % платины. Почти вся она экспортировалась за рубеж в необработанном виде (рудный концентрат), отчего Россия терпела немалый ущерб.

¹⁶...за последние годы чуть не половина Уральских заводов попали в лапы иностранцев — в данном случае И. Ф. Кошко высказывает распространенную для того времени, но не объективную точку зрения. Иностраный капитал был представлен на Урале действительно широко, но не настолько, чтобы можно было констатировать его «засилье». Зарубежных компаний функционировало сравнительно немного (Камское акционерное общество, Южно-Уральское металлургическое и ряд других). По незнанию современники зачастую подразумевали под иностранными смешанные акционерные общества (как, например, Кыштымское, Сысертское и др.), в которых было значительным участие и российских акционеров.

¹⁷**Александр Александрович Макаров** (1857—1919) — из купеческой семьи, окончил Петербургский университет. Государственную службу начал по ведомству Министерства юстиции, состоя на разных должностях в Москве, Нижнем Новгороде и других городах. Член Государственного совета, товарищ министра внутренних дел, директор департамента полиции (1906—1909), с 1907 г. — сенатор, затем — государственный секретарь (1909—1911), министр внутренних дел и шеф жандармов (1911—1912), член Государственной думы (1912—1916), министр юстиции (1916). Расстрелян большевиками.

¹⁸**Пуришкевич** — Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870—1920), крупный бессарабский помещик, русский политический деятель, монархист. С 1901 г. служил в Министерстве внутренних дел, в 1904—1906 гг. состоял в должности чиновника особых поручений при министре. Депутат Государственной думы второго — четвертого созывов (1907—1917). Один из основателей «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Участник убийства Г.Е. Распутина. В ноябре 1917 г. арестован большевиками за попытку организации переворота, осужден на четыре года принудительных работ, но в мае 1918 г. амнистирован. Уехал на юг России, сотрудничал с белым движением, умер в Новороссийске от тифа.

¹⁹**К. Н. Тимирев** — Константин Николаевич Тимирев (родился в 1871 г.), знакомый и коллега И. Ф. Кошко по службе в Новгородской губернии. В 1894 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1896 г. поступил на государственную службу и по 1906 г. состоял земским начальником 4-го участка Новгородской губернии. В 1907 г. избран депутатом Второй, а после ее роспуска и Третьей Государственной думы. По политическим убеждениям принадлежал к «Союзу 17-го октября».

²⁰**С роспуском думы 3-го созыва...** — имеется в виду прекращение деятельности Третьей Государственной думы в связи с истечением ее пятилетних полномочий. Это была единственная из четырех дореволюционных дум, которая не была распущена досрочно и отработала весь положенный срок.

²¹**...торговый дом Второва** — крупные предприниматели Второвы владели к 1914 г. широкой сетью торговых заведений, в центральной России, в городах Урала (в частности, в Екатеринбурге) и в Сибири. Главой предпринимательской династии в это время был Николай Александрович Второв (1866—1918). Помимо торговых, он владел текстильными предприятиями, золотопромышленными компаниями, имел участие в банковском капитале и военно-промышленном комплексе.

Глава 6

¹...**Казенной палаты** — губернская казенная палата (см. коммент. 2 к гл. 4 на с. 172).

²...**Управления земледелия и государственных имуществ** — губернское управление земледелия и государственных имуществ (см. коммент. 3 к гл. 4 на с. 172).

³ **Александр Александрович Дубенский** — надворный советник, начальник Пермского губернского управления земледелия и государственных имуществ. Председатель попечительского совета женской Марининской гимназии, член Пермского епархиального училищного совета.

⁴ **Б. А. Васильчиков** — Борис Александрович Васильчиков (1863—1931), князь. Шталмейстер, действительный тайный советник. В 1890—1900 гг. — новгородский губернский предводитель дворянства (И. Ф. Кошко был хорошо знаком с Б. А. Васильчиковым по работе в Новгородской губернии и бывал иногда у него в доме). С 1900 по 1903 гг. — псковский губернатор. В 1904—1905 гг. — уполномоченный Российского общества Красного Креста в действующей армии (во время русско-японской войны). С 1906 г. — член Государственного совета. В 1906—1908 гг. — главноуправляющий землеустройством и земледелием, активный проводник столыпинской аграрной реформы. С 1906 г. председатель Главного управления Российского общества Красного Креста. Член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну. После 1917 г. некоторое время был арестован, после освобождения эмигрировал.

⁵...**видно, и в самом деле Дубенский считался только с интересами казны** — здесь автор, очевидно, имеет в виду повышение начальником Пермского управления земледелием и государственных имуществ А. А. Дубенским лесных такс, «чрезмерность» которых вызвала недовольство лесопромышленников и горнозаводчиков-посессионеров, желавших заняться лесоторговлей. Используя связи в правительственных кругах, они добились отмены повышенных такс на товарную древесину.

⁶ **Озеров** — Иосиф Христофорович Озеров (1869—1942), выходец из крестьян Костромской губернии. Ученый, профессор Московского университета, автор фундаментальных трудов по экономике и финансовому праву (в 1900 г. получил степень доктора финансового права). Преподавал в Петербургском и Московском университетах, в Московском коммерческом институте и на Бестужевских женских курсах.

И. Х. Озеров успешно сочетал научную карьеру с предпринимательством и общественной деятельностью. С 1911 г. состоял членом совета Русско-Азиатского банка, одновременно входил в правления ряда акционерных компаний (в том числе — в правление Николае-Павдинского горного округа), в 1913 г. — председатель правления Центрального банка обществ взаимного кредита. С 1909 г. — член Государственного совета от университетов и Академии наук. Член партии «Союз 17 октября».

⁷...**в Министерстве земледелия** — то время, о котором здесь пишет И. Ф. Кошко, Министерства земледелия не существовало, а действовало Главное управление землеустройства и земледелия, реорганизованное в Министерство земледелия в октябре 1915 г.

⁸ **А. В. Кривошеин** — Александр Васильевич Кривошеин (1858—1921), гофмейстер, государственный секретарь, действительный тайный советник. Окончил Петербургский университет. Некоторое время занимался частной деятельностью. В 1884 г. поступил на службу в Министерство внутренних дел. В 1896 г. назначен помощником начальника

переселенческого управления. Одновременно, в 1898—1905 гг., являлся представителем Министерства внутренних дел в Совете Крестьянского поземельного банка. С 1902 г. служил начальником Переселенческого управления Министерства внутренних дел. В 1905—1906 гг. — товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием, в 1906—1908 гг. товарищ министра финансов с одновременным исполнением обязанностей по заведованию Дворянским земельным и крестьянским поземельным банками. В 1908—1915 гг. — главноуправляющий землеустройством и земледелием. Активный сторонник аграрной политики П. А. Столыпина. Член Государственного совета (с 1906 г.). В 1920 г. занял пост премьер-министра Правительства Юга России. После разгрома П. Н. Врангеля — в эмиграции. Умер в Берлине.

⁹**Николай Александрович Ордовский-Танаевский** (1863—1950) — действительный статский советник. Окончил 3-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию. В 1876 г., будучи гимназистом, во время проводов на вокзале старшего брата Дмитрия (артиллерийского офицера) добровольцем в Сербию, спрятался в этом же поезде и прибыл таким образом на Балканы, чтобы принять участие в освободительной войне славян против турок. В боях не участвовал, состоял при лазаретах и перевязочных пунктах. Вскоре Дмитрий был ранен, и вместе с ним Николай вернулся в Россию. После гимназии окончил 1-е военное Павловское училище и через несколько лет армейской службы вышел в отставку. Состоял на разных должностях в Эстляндской казенной палате (Ревель). В 1900 г. назначен управляющим Казенной палатой в Тобольске, а с января 1907 г. занял пост управляющего Казенной палатой в Перми. В 1915—1917 гг. — тобольский губернатор. Был арестован большевиками, но сумел бежать. Эмигрировал в Сербию. Впоследствии принял священнический сан и монашеский постриг под именем Никодима. Умер в Германии.

¹⁰**Происходя, судя по фамилии, из духовного звания...** — отец Николая Александровича, Александр Дмитриевич Ордовский-Танаевский (1824—1887), служил чиновником Министерства финансов, а семейные предания Ордовских-Танаевских хранят две версии о начале рода: 1) от бежавшего в Россию польского шляхтича Казимира Танаевского, потомок которого, сотник Демьян, отличился в Азовских походах (1695—1696 гг.) и получил от Петра I прозвище «Ордовский» за победу над татарской ордой; 2) за военные заслуги против «татар» потомственное дворянство, вместе с наименованием «Ордовский», было пожаловано императрицей Елизаветой Петровной казаку из гетманского рода Ивану Танаеве, один из потомков которого испросил впоследствии высочайшего разрешения на изменение фамилии с Танава на Танаевский. Духовного сана никто из Ордовских-Танаевских в XVIII—XIX вв. не имел.

¹¹**...вышел в офицеры в какой-то скромный армейский полк...** — после окончания 1-го военного Павловского училища, с сентября 1883 по сентябрь 1888 гг., Н. А. Ордовский-Танаевский служил в 113-м пехотном Старорусском полку и вышел в запас в звании поручика. Полк вел свою историю от Рыльского мушкетерского полка, учрежденного Павлом I в 1796 г. В 1833 г. Рыльский полк был преобразован в Черниговский пехотный полк, в 1863 г. — в Старорусский пехотный полк (в честь города Старой Руссы), а в марте 1864 г. получил наименование — 113-й пехотный Старорусский полк. Под этим названием полк существовал и в начале XX в., в составе 29-й пехотной дивизии принимал участие в Первой мировой войне. В наследство от своих предшественников полк получил Георгиевское знамя с надписью: «За Севастополь в 1855 и 1856 годах».

¹²**...в его семейной жизни были некоторые неправильности...** — здесь имеется в виду то, что у Н. А. Ордовского-Танаевского не сложились отношения с супругой, Елизаветой Павловной. От этого брака у них было три сына и дочь. Не оформляя развода с женой, Ордовский состоял фактически в гражданском браке с другой замужней женщиной (см. коммент. 30 к данной главе на с. 193).

¹³**Григорием Распутиным** — Распутин (Новых) Григорий Ефимович. Год рождения по одним данным — 1864 или 1865, по другим — 1872, убит в декабре 1916 г. Крестьянин, уроженец села Покровского Туринского уезда Тобольской губернии. Оказывая помощь больному наследнику российского престола царевичу Алексею, приобрел большое доверие императрицы Александры Федоровны и Николая II. Убит заговорщиками, считавшими влияние Распутина губительным для монархии.

¹⁴**Ордовский-Танаевский до Перми управлял палатой в Тобольске и там при неизвестных мне обстоятельствах познакомился с Распутиным...** — сам Н. А. Ордовский-Танаевский в своих «Воспоминаниях» рассказывает о первой встрече с Распутиным, которая состоялась в 1900 г. По пути в Тобольск, куда Ордовский ехал тогда заступать на должность управляющего Казенной палатой, он остановился и переночевал на земской квартире в селе Покровском, а содержанием этой квартиры был Распутин. Следующая и, как пишет Ордовский, случайная его встреча с Распутиным произошла в попутном поезде уже в конце 1912 г. (см.: *Ордовский-Танаевский Н. А.* Воспоминания. Жизнеописание мое. М., 1993. С. 303—304).

¹⁵**...при частых поездках Распутина из Покровска в Петербург или при возвратном пути оттуда он всегда останавливался в Перми и жил у Ордовского-Танаевского** — эти слова И. Ф. Кошко подтверждаются показаниями С. П. Белецкого (бывшего директора Департамента полиции, а позже товарища Министра внутренних дел), опубликованными в 1924—1927 гг. в «Стенографических отчетах допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства» (созданной в марте 1917 г. по предложению А. Ф. Керенского «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц»). Белецкий сообщает, что в свое время он имел секретные корреспонденции со сведениями «по поводу торжественных встреч», устраивавшихся Распутину в Перми Ордовским «в качестве заместителя губернатора» (см.: *Ордовский-Танаевский Н. А.* Воспоминания... С. 582).

¹⁶**...Белогорского монастыря...** — Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь основан миссионером Пермской епархии протоиереем Стефаном Луканиным на Белой горе в Осинском уезде Пермской губернии (ныне — Кунгурский район Пермского края, в 12 км от поселка Калинино). Датой основания монастыря считается 1890 г., когда С. Луканин побывал на Белой горе и, восхищенный красотой места, воздвиг на нем крест в знак того, что здесь будет монастырь. Непосредственное же строительство монастыря началось в 1893 г. Настоятелем монастыря стал отец Варлаам (Коноплев Василий Ефимович, родился в 1858 г.), бывший старообрядец австрийского согласия, перешедший в православие. В 1910 г. в монастыре проживало свыше 400 человек. При монастыре были организованы пекарня, ремесленные мастерские (том числе — иконописная), велось хлебопашество и скотоводство, а в прудах разводилась рыба. Ежегодно обитель, получившую прозвание «Уральского Афона», посещало до 70 тыс. паломников. В 1919 г. монастырь закрыт большевиками, монахи подверг-

лись репрессиям. В 1990 г. монастырь возвращен Православной церкви, осуществляющей его возрождение.

¹⁷**Серафим** — в миру — Георгий Михайлович Кузнецов, родился в 1875 или 1876 г. в купеческой семье, в Чердыни. В 1897 г. поступил послушником в Белогорский монастырь, исполнял должности письмоводителя и заведующего канцелярией. В 1902 г. в пяти километрах от монастыря основал скит и постригся в монашество под именем Серафим. В 1905 г. — возведен в сан иеромонаха и стал настоятелем скита. В 1908 г. осуществил паломничество на Афон и в Иерусалим. С 1912 г. — игумен. Активно занимался проповеднической и миссионерской деятельностью. Автор ряда опубликованных работ. В политических убеждениях смыкался с «Союзом русского народа». В 1912 г. организовал на Белой горе издание журнала «Голос Долга». Был духовником великой княгини Елизаветы Федоровны, посетившей Белогорский монастырь и скит Серафима в июле 1914 г. Весной 1919 г., вместе с отступающими колчаковскими войсками, сопровождал гробы с останками Елизаветы Федоровны и всех членов семьи Дома Романовых, убитых в Алапаевске, в Читу, где они были временно погребены в Покровском женском монастыре. В феврале 1920 г. вновь участвовал в перевозке тел — уже в Китай. Там они были захоронены на территории русской миссии в Пекине. В дальнейшем миссия стала территорией советского посольства, и на ней была проведена капитальная перепланировка, уничтожившая не только могилы Романовых, но и все русское кладбище при миссии. Однако останки Елизаветы Федоровны и монахини-послушницы Варвары Серафим вывез из Пекина в Иерусалим (по одним данным, в 1920 г., по другим — в 1922 г.), где великая княгиня завещала себя похоронить. Погребена она была у церкви святой Марии Магдалины (в 1888 г. Елизавета Федоровна вместе с мужем присутствовала на освящении этого храма). Серафим же остался жить в келье при резиденции Иерусалимского патриарха и умер в 1959 или 1960 г.

¹⁸**...начальник дивизии Пряслов** — Михаил Андреевич Пряслов, генерал-лейтенант, командир 49-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся на территории Пермской и Вятской губерний. В состав дивизии входило четыре пехотных полка: 193-й Свияжский (Вятка), 194-й Троицко-Сергиевский (Пермь), 195-й Оровайский (Екатеринбург), 196-й Инсарский (Златоуст).

¹⁹**...с женой...** — Елизавета Николаевна Пряслова, принимала участие в общественной жизни Перми, состояла в правлении Общества вспомоществования учащимся мужской гимназии.

²⁰**...он мне вдруг поведал, что министр Макаров на днях предложил ему губернаторство** — историю этого предложения губернаторства описал в своих мемуарах сам Н. А. Ордовский-Танаевский. Происходило все, с его слов, так. Весной 1912 г. В. А. Поклевский-Козелл предложил ему должность управляющего отделением Волжско-Камского банка в Екатеринбурге. В силу материальной выгоды предложения Ордовский был склонен принять его и оставить государственную службу. Для решения вопроса он выехал в Петербург. Однако в столице в дело вмешались двое членов Государственного совета и один сенатор (пофамильно Ордовский их не называет). Встретившись с Ордовским, они заявили, что приняли решение продвигать его в губернаторы, а переговоры с Поклевским (состоявшим в то время членом Государственного совета), убедили его отказаться от сделанного Ордовскому предложения, мотивируя тем, что государство не должно лишаться такого работника. На следующий день после разговора со «старцами-звездоносцами»

(так именует их автор мемуаров), по инициативе Министра внутренних дел А. А. Макарова, состоялась его встреча с Н. А. Ордовским-Танаевским (с Макаровым Ордовский был знаком лично еще во время службы в Ревеле). На аудиенции министр заявил, что после осенних выборов в Государственную думу «будет убрано... на покой» до 30 губернаторов и потребуются новые люди, поэтому он и просит Ордовского пренебречь материальной стороной и согласиться на пост губернатора. Ордовский-Танаевский согласие дал, но попросил назначение в одну из трех губерний — в Тобольскую, Астраханскую или Пермскую. Макаров сразу же внес фамилию Ордовского в свой «Список кандидатов в губернаторы», отметив названные губернии. В октябре 1912 г., пишет далее Н. А. Ордовский-Танаевский, А. А. Макаров вызвал его в Петербург для окончательного решения вопроса о том, в какую губернию осуществлять назначение, однако оно так и не состоялось, поскольку в день приезда Ордовского в Петербург Макаров оказался освобожденным от должности Министра внутренних дел (см.: *Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания... С. 291—300.*)

Уточним, что А. А. Макаров был удален в отставку 16 декабря 1912 г. В связи с этим не ясно, почему Ордовский так долго, почти два месяца, не являлся на его вызов? Либо вызов Макарова состоялся не в октябре, а позже и по прошествии лет Н. А. Ордовский-Танаевский немного спутал даты? Между тем возникают и другие вопросы. С кем Ордовский обсуждал в Санкт-Петербурге возможность своей отставки после получения предложения от Поклевского? Ведь официального прошения об отставке Министру финансов, под началом которого состоял Ордовский, он не подавал. Кто подключил к делу «сенаторов-звездоносцев»? Почему Ордовский не назвал их фамилии даже спустя тридцать лет, в 1948 г., когда писал свои мемуары? Таким образом, даже после знакомства со столь подробным, казалось бы, рассказом Н. А. Ордовского-Танаевского, данная история с его выдвижением в губернаторы из-за многих недоговоренностей так и остается неясной, причем в той же степени, как неясна она была и для И. Ф. Кошко.

²¹ **Штюмере** — Борис Владимирович Штюмер (1848—1917). Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1870-х гг. — чиновник Министерства юстиции. С 1888 г. — камергер, с 1896 г. — гофмейстер, с 1916 г. — обер-камергер Высочайшего двора. В 1892 г. — председатель Тверской губернской земской управы. Далее — ярославский губернатор (1896—1902), директор департамента общих дел Министерства внутренних дел (1902—1904), член Государственного совета (с 1904 г.). При поддержке Г. Е. Распутина назначен председателем Совета министров (с 20 января по 10 ноября 1916 г.), одновременно — министр внутренних дел (март—июль) и министр иностранных дел (июль—ноябрь). Почетный член Императорского Санкт-Петербургского археологического института и Императорского Православного Палестинского общества. После февральской революции арестован, умер в Петропавловской крепости в августе 1917 г.

²² **А. Н. Хвостов** — Алексей Николаевич Хвостов (1872—1918), камергер, действительный статский советник. Служил товарищем прокурора Московского окружного суда, тульским вице-губернатором, затем — вологодский (1906—1910) и нижегородский (1910—1912) губернатор. С 1912 г. депутат Четвертой Государственной думы. С 26 сентября 1915 г. по 3 марта 1916 г. — министр внутренних дел. Расстрелян большевиками.

Говоря, что А. Н. Хвостов получил назначение при Б. В. Штюмере, И. Ф. Кошко, возможно, имел в виду то, что Штюмер в это время занимал пост председателя Совета министров и содействовал назначению Хвостова. Но здесь Кошко немного ошибся, так как

Штюрмер возглавил Совет министров спустя четыре месяца после назначения Хвостова Министром внутренних дел. Впрочем, ошибка эта несущественна, если иметь в виду главное — выдвижение обеих кандидатур, как Хвостова (в сентябре 1915 г.), так и Штюрмера (в январе 1916 г.), поддерживалось Г. Е. Распутиным.

²³ **Танаевский получил телеграмму... «Наконец, достиг тебе губернаторства, поздравляю Григорий»** — об этой телеграмме Распутина пишет и Н. А. Ордовский-Танаевский, приводя ее текст (в такой редакции: «Доспел тебя губернатором. Григорий»). Сообщает Ордовский и о своей реакции на телеграмму: «Ну вот, еще не хватало. Дурак. Ты-то при чем?!» (см.: *Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания... С. 329*). Иеще один факт по по этому поводу. В воспоминаниях дочери Г. Е. Распутина, Матрены, которые она писала в эмиграции в 1946—1960 гг., сказано: «Прямых ходатайств со стороны Распутина о предоставлении кому-либо ответственных должностей, однако, не поступало. Известен лишь один случай, когда, по просьбе Распутина, покровительствуемый им управляющий пермской Казенной палатой Ордовский-Танаевский был назначен губернатором, и притом в его родную Тобольскую губернию, о чем Распутин известил его облетевшей всю Россию столь характерной для него телеграммой: „Доспел тебя губернатором“» (*Распутина М. Распутин. Почему? М., 2000*).

А в показаниях С. П. Белецкого, данных им Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г., история с назначением Н. А. Ордовского-Танаевского губернатором выглядела так. Вопрос о тобольском губернаторстве обсуждался на встрече Белецкого (состоявшего тогда в должности товарища Министра внутренних дел) с Распутиным, который заявил, что хочет «у себя в губернии иметь своего человека и тут же мне, — сообщает Белецкий, — впервые назвал своего кандидата, управляющего пермской Казенной палатой Ордовского-Танаевского, который с давних пор, по словам Распутина, сердечно к нему расположен и у которого он бывал неоднократно при своих поездках на родину». Белецкий ответил, что требуется согласование с фрейлиной императрицы А. А. Вырубовой. Распутин же заявил, что она хорошо знает Ордовского и возражать не станет. Тогда Белецкий и Распутин тут же явились к самому министру внутренних дел А. Н. Хвостову. Распутин повторил министру все сказанное и попросил «уважить» его назначением Ордовского в Тобольск. «Когда я, — продолжает Белецкий, — ...добавил, что Ордовского-Танаевского знает А. А. Вырубова и будет его также просить об этом», Хвостов «немедленно и предупредительно изъявил согласие, чем очень обрадовал Распутина, искренне его обнявшего и поблагодарившего». На следующий день Хвостов и Белецкий явились к Вырубовой и проинформировали ее обо всем. Та поблагодарила их за Ордовского и сказала, что «знает его с лучшей стороны, что этот человек охранит Гр. Еф. от всяких в губернии неприятностей...» Далее, непосредственно о самом Ордовском, Белецкий, говорит: «Впечатление он произвел человека выдержанного, наблюдательного и очень сдержанного. Он отнюдь не скрывал своего расположения к Распутину; но указал на сдерживающее свое влияние на Распутина, что знала и ценила в нем А. А. Вырубова». (см.: *Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания... С. 329, 581—582*).

Историками доказано, что показания С. П. Белецкого Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства содержат много неточностей и даже искажений реальных событий. Однако, несмотря на это, факт согласования с Распутиным кандидатуры Н. А. Ордовского-Танаевского на должность тобольского губернатора подвергать

сомнению оснований нет. Допустимо, что несколько иначе могли выглядеть форма и последовательность такого согласования, но не состояться оно не могло в силу двух факторов. Во-первых, в ноябре 1915 г., когда произошло назначение Ордовского, Распутин уже вззошел на пик своего влияния. Во-вторых, именно поэтому он никак не мог оставить без внимания пост руководителя не какой-то отдаленной, а своей родной губернии.

²⁴ **«Речь»** — газета, печатный орган партии кадетов. Выходила в 1906—1917 гг. в Санкт-Петербурге. Главный редактор — политик, историк и публицист П. Н. Милюков.

²⁵ **«Нового Времени»** — одна из крупнейших газет. Выходила в 1868—1917 гг. в Санкт-Петербурге. Первоначально — либеральная, с 1876 г. (когда редактором стал А. С. Суворин) — консервативная.

²⁶ **В. Ф. Джунковскому** — Владимир Федорович Джунковский (1865—1938), генерал-майор свиты Его императорского величества, московский губернатор (1905—1913 гг.), товарищ министра внутренних дел и одновременно командир корпуса жандармов (1913—1915 гг.). Отказался от услуг агентов-provokаторов, запретил иметь секретных сотрудников в учебных заведениях, в армии и на флоте. Противодействовал влиянию Г. Е. Распутина и добивался его удаления. В результате в августе 1915 г. смещен с должности и направлен в действующую армию. Командовал бригадой, дивизией, а затем — 3-м Сибирским армейским корпусом, с 1917 г. — генерал-лейтенант. Оставшись после 1917 года в России, неоднократно подвергался арестам, работал в Москве учителем физкультуры. В феврале 1938 года расстрелян.

²⁷ **Александр Аркадьевич Столыпин** (1864—1920-е гг.) — журналист, деятель «Союза 17 октября», сотрудник газеты «Новое Время». Младший брат министра внутренних дел П. А. Столыпина.

К помощи А. А. Столыпина, для публикации текста опровержения, И. Ф. Кошко обратился не случайно, так как был знаком с ним лично со времени своего губернаторства в Пензе. В этой губернии находилось родовое имение Столыпиных. Сам Петр Аркадьевич, за время пребывания Кошко в Пензе, имения не посещал, но несколько раз в Пензенскую губернию приезжал на лето со своей семьей Александр Аркадьевич. Кошко несколько раз встречался с ним на приемах и вечерах в имениях местных помещиков, среди которых у них было немало общих знакомых.

²⁸ **...сын его Юрий...** — Георгий (Юрий) Борисович Штюрмер (родился в 1880 г.), старший сын Б. В. Штюрмера (будущего председателя Совета министров), надворный советник, состоял на службе по ведомству Министерства внутренних дел, с 1916 г. — курский вице-губернатор.

²⁹ **...графине Игнатъевой** — Софья Сергеевна Игнатьева (урожденная княжна Мещерская, 1850—1944), графиня — вдова бывшего иркутского и киевского генерал-губернатора графа Игнатьева Алексея Павловича (1842—1906), убитого эсерами. В ее петербургском доме собирался религиозно-политический кружок, участником которого был Г. Е. Распутин, благодаря чему С. С. Игнатьева имела определенное влияние в Синоде и при императорском дворе. Состояла попечительницей Санкт-Петербургского подворья Александровского женского монастыря. После 1917 г. эмигрировала, умерла в Париже.

Ее старший сын, Игнатьев Алексей Алексеевич (1877—1954), в 1908—1917 гг. был российским военным атташе в скандинавских странах и во Франции, в 1917 г. — генерал-майор. Перешел на сторону Советской власти. Во второй половине 1920-х гг. работал в

советском торгпредстве в Париже. С 1937 г. — в Красной армии. С 1943 г. — генерал-лейтенант. Автор неоднократно переизданных мемуаров «Пятьдесят лет в строю».

³⁰...он мне поведал о своей привязанности к одной особе, муж которой служил под его непосредственным начальством, и о том, что он совершенно слился с этой семьей и совместно с ней живет — секрета из своей личной жизни Н. А. Ордовский-Танаевский действительно не делал и сам очень подробно описал ее в мемуарах. Речь идет о семье Берггрюн. В 1907 г. только что прибывший в Пермь Ордовский искал удобное жилье. Начальник 2-го отделения Пермской казенной палаты, Александр Алексеевич Берггрюн, предложил Ордовскому внаем часть своей квартиры. Условия были выгодными, и тот согласился. Самому А. А. Берггрюну было тогда уже 56 лет, а его супруге, Александре Ивановне — 28. Несмотря на разницу в возрасте, брак их был заключен, подчеркивает Ордовский, по любви. Вскоре между хозяевами и постояльцем установились дружеские и даже теплые отношения: «Семья Берггрюн дала мне, — поясняет автор мемуаров, — не только семейный уют и покой, но помогает мне во всем. Я отдыхаю душой». Это, наверное, сыграло решающую роль в дальнейшем развитии событий, так как отношения с собственной женой у Ордовского постоянно были конфликтными. «Совместная жизнь моя с ними, — то есть с супругами Берггрюн, вспоминает далее Ордовский, — общность поразительная, взглядов всех нас троих, особенно в вопросах воспитания 3-х моих и 2-х их детей и забота об общем приемыше, Ларисе, а также явное влечение душ между нами, привели к тому, что Александр Алексеевич в одну из ночей убедил меня не ждать его кончины, не добиваться развода с Елизаветой Павловной (женой Ордовского. — Н. П.), если она этого не потребует сама, а сойтись с Александрой Ивановной. При этом он высказал глубокую уверенность в том, что я, пока жив, не оставлю ни ее, ни их двоих детей и заменю им отца в случае его кончины, а также не оставлю и его, если он тяжело захворает». Произошло это в 1911 г., а в январе 1913-го А. А. Берггрюн скончался. Смерть эта была тяжелой, но тем не менее она «внесла полную ясность в нашу семью», — заключает Н. А. Ордовский-Танаевский (см.: *Ордовский-Танаевский Н. А.* Воспоминания... С. 261—263, 290—291, 311).

³¹ **Варнава** — в миру Накропин Василий Александрович (1859—1924, по другим данным: 1861—1921). Родом из крестьян Олонецкой губернии. В 1897 г. постригся в монахи. С 1911 г. — епископ каргопольский. С 1913 г. — епископ, а с октября 1916 г. — архиепископ тобольский и сибирский. Входил в число особо приближенных Г. Е. Распутина.

³²...этот господин служит яркой иллюстрацией того, что происходило в России в связи с влиянием на государственные дела всяких проходимцев — данные слова, как и весь рассказ о визите Н. А. Ордовского-Танаевского в Санкт-Петербурге к И. Ф. Кошко и А. В. Болотову, противоречат версии об отношениях с Кошко, изложенной самим Ордовским в его воспоминаниях, где он сообщает, как Кошко, подав в отставку и уезжая из Перми, стал якобы просить у Ордовского извинений: «Мучает меня совесть, должен покаяться перед Вами, дорогой Николай Александрович, лишил Вас места губернатора... Узнал о предложении назначить Вас и в последнюю поездку в Петербург не удержался и... расказал о ночлеге у Вас Распутина, а хлопотах Ваших по преследованию вагона с ним и дамами, о поездке Вашей с ними до Кунгура, о пребывании в Верхотурье и следовании с ними до Перми... Ваше назначение, почти что решенное, не состоялось. Еще раз простите» (см.: *Ордовский-Танаевский Н. А.* Воспоминания... С. 322). Сопоставляя данную

цитату с позицией И. Ф. Кошко в отношении Н. А. Ордовского-Танаевского, которую губернатор четко обозначил в заключительном абзаце шестой главы своих воспоминаний, можно определенно сказать следующее. Оба мемуариста ни о содержании воспоминаний друг друга, ни о том, что они вообще будут созданы и изданы, ничего не знали. Однако Кошко предполагал опубликовать свою книгу в России в 1917 г., зная, что ее прочтут и сам Ордовский, и многие, еще здравствующие свидетели тех событий. Ордовский же излагал свое жизнеописание уже в эмиграции, в 1948—1950 гг., спустя тридцать с лишним лет, когда после всех революций и войн, вероятность попадания книги в руки осведомленного свидетеля была ничтожна и вопрос об ответственности за правдивость практически отпал полностью. Следовательно, если сознательно оставить в стороне личные интересы и моральные качества каждого автора, доверия заслуживают, конечно, воспоминания Ивана Францевича.

Глава 7

¹**Песоченский** — Николай Иванович Песоченский, статский советник, непреходящий член Пермского губернского по крестьянским делам присутствия. Принимал участие в работе ряда попечительских органов: член Пермского епархиального училищного совета и правления Общества пособия нуждающимся ученицам епархиального училища, член пермского Комитета православного миссионерского общества.

²**...Привислинских губерний...** — Привислинские губернии (или Привислинский край) — общее название в Российской империи губерний Царства Польского в 1867—1917 гг.

³**А. А. Риттих** — Александр Александрович Риттих (1868—1930). Окончил с золотой медалью Александровский лицей. С 1888 г. работал в земском отделе Министерства внутренних дел, затем служил на Дальнем Востоке по переселенческому управлению. С 1903 г. — в Министерстве финансов. Автор нескольких работ по аграрному вопросу. В 1905 — 1912 гг. директор Департамента государственных земельных имуществ и управляющий делами Комитета по землеустроительным делам. Активный сторонник и проводник столыпинской аграрной реформы. В 1912—1916 гг. — товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. С 1916 г. — сенатор, с сентября 1916 г. по февраль 1917 г. — управляющий министерством земледелия. После октября 1917 г. выехал в Одессу, а затем эмигрировал.

⁴**«Русском знамени»** — печатный орган «Союза русского народа», главный редактор — А. И. Дубровин (один из основателей и лидеров Союза). Выходила в 1905—1917 гг. в Санкт-Петербурге. Закрыта в марте 1917 г.

⁵**«Гроза»** — черносотенная газета, издававшаяся правой монархической группой «Святая Россия», главный редактор — Н. Н. Жеденев (публицист и политический деятель консервативно-монархической ориентации). Выходила в Санкт-Петербурге. В марте 1917 г. газета была закрыта, но вскоре стала выходить вновь и издавалась некоторое время даже после октября 1917 г.

⁶**Саблера** — Владимир Карлович Саблер (Десятовский, 1845—1918). Действительный тайный советник. С 1896 г. — сенатор. Член Государственного совета. В знак протеста

вышел в отставку после принятия Манифеста 17 октября 1905 г. В 1911—1915 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода. (В 1915 г. поменял свою фамилию на вторую фамилию супруги О. А. Заболоцкой-Десятковской).

⁷**Дубровина** — Александр Иванович Дубровин (1855—1918 или 1921), тайный советник. Окончил Медико-хирургическую академию, служил военным врачом, затем работал в детском приюте. В октябре 1905 г. стал одним из основателей монархической партии «Союз русского народа» и председателем ее Совета. В 1910 г. организовал «Всероссийский дубровинский союз русского народа». Являлся редактором партийной газеты «Русское знамя». Политический оппонент сначала С. Ю. Витте, а затем и П. А. Столыпина, черносотенец. Арестован в феврале 1917 г., а 14 октября освобожден под денежный залог. Впоследствии арестован уже большевиками и то ли расстрелян, то ли покончил жизнь самоубийством в 1918 или 1921 г. (обстоятельства его гибели до сих пор не выяснены).

⁸**«Союз русского народа»** — политическая организация, создана в ноябре 1905 г. (руководители: А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков), имела более пятисот отделений в городах России. Союз вел бескомпромиссную борьбу с революционным движением (вплоть до организации экстремистских акций), критикуя одновременно и многих должностных лиц государственного аппарата за непоследовательность и нерешительность в противостоянии революционному лагерю. Кроме того, программа Союза содержала требования улучшить положение трудящихся и избавиться от засилия бюрократии. В 1908 г. из Союза выделился «Союз Михаила Архангела», а в 1910—1912 гг. произошел еще один распад на две самостоятельные организации: «Союз русского народа» и «Всероссийский дубровинский союз русского народа». После Февральской революции 1917 г. деятельность всех этих союзов была запрещена.

⁹**...правда ли, что я рыжий враг православной церкви...** — эти попытки представить И. Ф. Кошко противником православия основывались, вероятно, на том факте, что по своему вероисповеданию Иван Францевич официально принадлежал к лютеранской протестантской церкви.

¹⁰**Благодеров** — Захарий Михайлович Благодеров, действительный статский советник, непреходящий член губернского по земским и городским делам присутствия. Состоял членом попечительских органов целого ряда религиозно-благотворительных организаций: товарищ председателя совета Пермского епархиального братства во имя святителя Стефана, член комитета Общества вспомоществования недостаточным воспитанникам Пермской духовной семинарии, член пермского епархиального училищного совета и др.

Глава 8

¹**...по горнозаводской дороге...** — Горнозаводская железная дорога: Пермь — Кушва — Нижний Тагил — Екатеринбург (построена в 1874—1878 гг.).

²**Я. Я. Литвиновым** — Литвинов Я. Я., управляющий земским отделом Министерства внутренних дел. И. Ф. Кошко сопровождал его в поездке по губернии в июле 1912 г.

³**А. И. Лыкошин** — Александр Иванович Лыкошин, товарищ министра внутренних дел (был назначен на этот пост не позже 1908 г.), объехал горные заводы Урала с И. Ф. Кошко летом 1913 г. В феврале 1914 г. назначен членом Государственного совета.

⁴ **Мне уже приходилось проезжать Уралом...** — И. Ф. Кошко побывал на Урале осенью 1905 г., исполняя поручение Министерства внутренних дел по организации закупки хлеба для Пензенской губернии, пострадавшей от неурожая. Получив информацию о выгодных ценах на овес в Камышловском, Ирбитском и Шадринском уездах, И. Ф. Кошко незамедлительно выехал в Екатеринбург и договорился с тогдашним городским головой И. К. Анфиногеновым о поставках овса в Пензу.

⁵ **Г. И. Рупинский** — Генрих Иванович Рупинский (? — 1918), коллежский секретарь, в 1908—1914 гг. — полицеймейстер Екатеринбургa, возглавлявший городское полицейское управление. Расстрелян большевиками летом 1918 г.

⁶ **Александр Евлампиевич Обухов** — родился 8 августа 1864 г. в семье канцелярского служителя. Окончил Лисинское училище. В 1884 г. по ведомству Министерства государственных имуществ направлен в распоряжение главного начальника горных заводов Уральского хребта и причислен к Екатеринбургским заводам. В 1885 г. поступил вольноопределяющимся в армию и направлен в Казанское юнкерское училище. В 1887 г. произведен в подпоручики с зачислением в запас и вновь направлен на Урал. С 1887 по 1908 гг. служил последовательно подлесничим, помощником лесничего, лесничим и главным лесничим на казенных (Пермских, Гороблагодатских, Златоустовских) и частных (Кыштымских, Сергинско-Уфалейских) заводах. С 1906 г. — титулярный советник. В 1897—1899 гг. состоял гласным Красноуфимского уездного земского собрания, в 1906 г. избран гласным Екатеринбургской городской думы, а в 1908 г. — городским головой Екатеринбургa и занимал этот пост до 1917 г.

⁷ **Морочко** — Сергей Софронович Морочко, коллежский асессор, товарищ прокурора Екатеринбургского окружного суда по Верхотурскому участку, в 1911 г. — коллежский асессор, в 1914 г. — надворный советник. До назначения на Урал С. С. Морочко служил следователем в одном из уездов Пензенской губернии. Он обратил на себя внимание Кошко успешным расследованием ряда грабежей и разбоев. Эти преступления приобрели тогда очень широкий размах, и, организуя борьбу с ними, губернатор пришел к выводу о необходимости сосредоточить руководство следствием по данным преступлениям в одних руках. Необходимость такой меры диктовалась тем, что почерк многих грабежей был одинаков, то есть совершали их в большинстве случаев одни и те же люди, но действовали они в разных уездах, поэтому делами занимались разные следователи, и полезная информация, добытая одним, оставалась неизвестной другому. Свои соображения по этому вопросу И. Ф. Кошко послал П. А. Столыпину, прося его о содействии в том, чтобы Министерство юстиции (в его подчинении состояли следователи) освободило Морочко от исполнения участковых обязанностей и поручило ему производство всех дел, связанных с грабежом и разбоем. Однако министерство решило послать в губернию другого человека и Кошко пришлось повторно писать Столыпину, чтобы добиться все-таки назначения именно Морочко, уже зарекомендовавшего себя и прекрасно ориентирующегося в местных делах. Результат его работы был положительным, но местное чиновничество из ведомства Министерства юстиции расценило действия губернатора как административное давление и самому Морочко, как замечает Иван Францевич, на этой почве пришлось «пережить много неприятных минут».

⁸ **...нашел еще старого знакомого П. А. Коцебу, командира Оровайского полка** — Павел Аристович Коцебу, потомственный дворянин Эстляндской губернии. Окончил

Перновскую гимназию, Тверское кавалерийское училище и Академию Генерального штаба, полковник Генерального штаба, участник Русско-японской войны 1904—1905 гг.

С 1905 г. — командир Оровайского полка. Полк ведет начало от сформированного в 1811 г. Витебского внутреннего губернского полубатальона, который в 1874 г. был преобразован в батальон, а в 1899 г. получил наименование Оровайского резервного батальона. В 1906 г. батальон был развернут в полк, в 1910 г. получил свое окончательное наименование — 195-й пехотный Оровайский полк. Переведен в Екатеринбург из Пензы. Первоначально, из-за отсутствия помещений, в Екатеринбурге размещались только три батальона полка, а четвертый по договору с заводской администрацией стоял в Нижнем Тагиле. В 1913 г. Екатеринбургская городская управа предоставила необходимые помещения, и батальон из Тагила был выведен.

⁹**Санецкому** — Александр Генрихович Санецкий, генерал-лейтенант, командующий Казанским военным округом, в который входили как Пензенская, так и Пермская губернии. В Казань Санецкий был переведен из Москвы, где командовал гренадерским корпусом. И. Ф. Кошко в своих воспоминаниях о Пензе отмечал строгость и резкий характер генерала, но подчеркивал его заботливое отношение к подчиненным, его смелость и стойкость в борьбе с революционным движением (эсеры неоднократно приговаривали генерала к смерти и пытались исполнить задуманное). После службы в Казани А. Г. Санецкий состоял некоторое время членом Совета Военного министерства в Петербурге, а затем назначен командующим Московским военным округом. В 1915 г. в звании генерала от инфантерии А. Г. Санецкого повторно назначили командовать Казанским округом (это было должностным понижением, вызванным интригами недоброжелателей генерала при дворе). После февральской революции и до октября 1917 г. А. Г. Санецкий дважды арестовывался. Дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁰**Осип Иванович Поклевский** — Иосиф Иванович Поклевский-Козелл (1845—1915), родился в Польше, потомственный дворянин. Участвовал в польском восстании 1863 г., попал в плен и по приговору военно-следственной комиссии направлен в Омск для прохождения службы в линейном батальоне, в составе которого на протяжении полутора лет принимал участие в боевых действиях в Туркестане. При содействии своего влиятельного родственника, Альфонса Фомича Поклевского-Козелл, Иосиф Иванович был переведен на гражданскую службу и вскоре вышел в отставку. По приглашению Альфонса Фомича поселился в его имении Талица, заняв должность управляющего главной конторой Торгового дома, называвшегося в 1914 г.: «Наследники А. Ф. Поклевского-Козелл». Состоял гласным Камышловского уездного и Пермского губернского земств, являлся почетным попечителем Пермского губернского попечительства детских приютов, почетным мировым судьей по Камышловскому уезду.

¹¹**...Викентия и Станислава Альфонсовичей Поклевских** — братья. Старший — Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл (см. коммент. 39 к гл. 4. на с. 180). Младший — Станислав Альфонсович Поклевский-Козелл (1868—1939), действительный статский советник. Окончил Царскосельский Александровский лицей. Совладелец Торгового дома «Наследники А. Ф. Поклевского-Козелл», но хозяйством не занимался. С 1887 г. состоял на государственной службе в Министерстве иностранных дел. Занимал посты секретаря дипломатической миссии в Токио (1897—1901) и посольства в Лондоне (1901—1906), советника посольства в Лондоне (1906—1908), посланника в Тегеране (1908—1913), а

затем — в Румынии (1913—1917). Характеризуя С. А. Поклевского, С. Ю. Витте подчеркивал, что это был «умный и дельный» дипломат. Состоял также почетным попечителем Пермской мужской гимназии и почетным мировым судьей по Шадринскому уезду. После 1917 г. в Россию из Румынии уже не вернулся.

¹²...**Казенной Гранильной фабрики, основанной Петром Великим...** — в литературе до сих пор встречаются разные датировки основания Екатеринбургской гранильной фабрики. Петр I действительно уделял внимание развитию гранильного промысла, но при нем, в 1725 г. (по другим данным — между 1721 и 1723 гг.), была основана Петергофская гранильная фабрика, работавшая на привозном сырье, в том числе на уральском. Становление гранильного производства в Екатеринбурге исследователи связывают с именем В. Н. Татищева, который уже после смерти Петра I, в октябре 1725 г., будучи в Швеции, нанял для работы в России гранильщика поручика Кристиана Рефа. После прибытия в Петербург К. Реф был направлен на Урал к В. И. Геннину. В июле 1726 г. в одном из зданий Екатеринбургского завода была устроена небольшая мастерская по производству мелких изделий из мурзинского белого и черного топаза, сердолика, горного хрусталя и яшмы. К Рефу прикрепили русских учеников, которых он по условию договора обязывался обучать своему мастерству. Контракт со шведским мастером, заключенный на пять лет, более не продлевался. С 1730-х гг. началось производство мраморных столов, половых плит, ступеней. Обработка камня осуществлялась вручную. С 1747 г. начали применять машины для резки мрамора. Наконец, в 1751 г. вместо мастерской Екатеринбургского завода была построена самостоятельная гранильная фабрика с вододействующими станками для обработки твердых цветных камней. Именно этот год принимается большинством исследователей за дату основания фабрики (сегодня ее преемником является ОАО «Русские самоцветы»). Здание фабрики находилось в центре Екатеринбурга, в юго-восточной части городской плотины, неоднократно перестраивалось (в том числе архитектором М. П. Малаховым). В настоящее время не сохранилось, снесено в 1963 г.

¹³...**на дворце главного начальника уральских горных заводов, в том же стиле ампира** — речь идет о здании по адресу: Набережная Рабочей молодежи, дом 3 (в начале XX в. — Тимофеевская набережная). Построено в 1817—1829 гг. и достраивалось с учетом проектных корректировок до 1838 г. Архитектор — М. П. Малахов. Здание является одним из значительных архитектурных памятников классицизма на Урале (стиль ампира, которым И. Ф. Кошко охарактеризовал дом, завершил развитие классицизма и характерен для архитектуры первой трети XIX в.). Здание служило резиденцией горного начальника уральских заводов, в настоящее время в нем размещается областная больница № 2.

¹⁴...**знаменитый генерал Глинка** — Владимир Андреевич Глинка (1790—1862), генерал от артиллерии. В 1837—1856 гг. занимал должность главного начальника горных заводов хребта Уральского. До назначения на Урал служил в армии, участник войн с Францией (1806—1807 и 1812 гг.), Швецией (1808—1809 гг.) и Турцией (1806—1812 и 1828—1829 гг.). Состоял членом декабристской организации «Союз благоденствия». На Урале В. А. Глинка много внимания уделял реорганизации системы управления казенными и частными заводами, содействовал введению технологических новшеств в горнозаводской промышленности, развитию профессионального образования (основал Уральское горное училище). При его содействии в 1843 г. в Екатеринбурге был открыт первый профессиональный театр. В 1856 г. — сенатор, в 1857 г. — член Государственного совета.

¹⁵...он ведал всеми Уральскими заводами, а не только находящимися в пределах Пермской губернии — главному начальнику уральских горных заводов как главе Уральского горного правления были подведомственны все частные и казенные предприятия горнозаводской промышленности (металлургические заводы, прииски, рудники и др., включая лесные дачи горных округов) на территории Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний.

¹⁶**П. П. Боклевский** — Павел Петрович Боклевский (родился около 1851 г.), горный инженер, тайный советник. Окончил два института: Константиновский межевой (1872) и Горный (1876). Занимался межеванием, служил горным инженером на уральских заводах. С 1896 по 1912 г. — главный начальник уральских горных заводов. Руководил модернизацией казенных предприятий и много внимания уделял совершенствованию отношений государства с частным предпринимательством (упростил систему расчетов с золотопромышленниками, организовал продажу казенной руды частным заводам и др.). Принимал участие в работе Съезда уральских горнопромышленников. Избирался президентом Уральского общества любителей естествознания (1897—1899), являлся председателем Екатеринбургского горного попечительства детских приютов и почетным членом Екатеринбургского епархиального училищного совета. С 1912 г. — в отставке.

¹⁷**Казенная гранильная [фабрика] в мое время являлась учреждением крайне отсталым** — данная оценка состояния дел на Екатеринбургской гранильной фабрике того времени вполне справедлива. Морально и физически устаревшее оборудование было маломощным и изношенным. По сведениям на 1913 г., фабрика имела много станков и машин, пусть не екатерининского времени, но произведенных в 1840-х гг., плюс к этому 25 единиц оборудования работали на фабрике еще до 1880 г., 6 станков относились к 1886 г., 3 — к 1887 — 1898 гг. и только несколько — к началу XX в. Требовалось коренное техническое перевооружение фабрики. Однако Кабинет Его императорского величества, в ведении которого она состояла, средств на реконструкцию не выделял и не позволял фабрике зарабатывать их самостоятельно, работая на широкий рынок по контрактам. Правда, в 1912—1913 гг. был сделан заказ немецкой фирме на изготовление для фабрики трех электрических станков и одного шлифовального прибора, но до начала Мировой войны получить их в Екатеринбурге не успели. В декабре 1917 г. фабрика была национализирована.

¹⁸...**карта Франции** — здесь упоминается карта Франции из цветных камней, изготовленная Екатеринбургской гранильной фабрикой для Всемирной выставки в Париже 1900 г. Это выдающееся произведение гранильного искусства из уральских камней: 86 департаментов Франции набраны в виде мозаики яшмой разных цветов, агатом, нефритом и др., 106 городов обозначены самоцветами (турмалин, берилл, изумруд, хризолит, сапфир, аметист, топаз и др.), реки и озера — из платины, названия — золотые. Размер карты — один квадратный метр, работа по ее изготовлению продолжалась два года. Карта получила высокую награду Всемирной выставки. Командорским крестом Почетного легиона был награжден и автор проекта — директор гранильной фабрики В. В. Мостовенко.

¹⁹...**подаренная Феликсу Фору** — Феликс Франсуа Фор (1841—1899), президент Франции в 1895—1899 гг. Проводил активную колониальную внешнюю политику. Сторонник укрепления союза с Россией. В 1896 г. состоялся официальный визит во Францию Николая II, а в 1897 г. Ф. Фор с ответным визитом посетил Россию. Говоря, что карта была подарена Ф. Фору, И. Ф. Кошко несколько ошибается, так как Фор скоропостижно

скончался за год до открытия в Париже Всемирной выставки. Однако ясно, что Кошко имеет в виду факт дара этого произведения искусства Франции в знак дружбы и союза двух стран. В настоящее время карта Франции из уральских камней хранится в Лувре.

²⁰...чудесная сень из орлеца и змеевика над местом убиения императора Александра II в Воскресенском соборе — храм Воскресения Христова, широко известный как «Спас на крови», построен в 1883—1907 гг. на месте убийства террористами в 1881 г. императора Александра II. Внутри собора сохранен участок мостовой, где пролилась кровь императора. Над этим местом и была сооружена сень — шатер на колоннах. Согласно проекту сень следовало богато украсить каменной мозаикой и резьбой, однако работа продвигалась очень медленно. К концу 1906 г. были готовы только колонны с капителями. Поэтому для церемонии освящения храма, состоявшейся 19 августа 1907 г., шатер отлили из гипса и раскрасили его в цвета родонита (иначе — орлеца) и яшмы. В дальнейшем срок изготовления сени неоднократно переносился. Последний раз (в 1913 г.) его передвинули на 1920 г. В связи с этим И. Ф. Кошко и констатирует в 1917 г., когда пишет свои мемуары, что сень еще не готова. А в 1918 г. все работы по ней были свернуты. Шатер остается гипсовым до сих пор. В ходе реставрационных работ храма, длившихся с 1970 по 1991 гг., был изготовлен крест, венчающий шатер. Однако для уменьшения веса креста, поскольку крепить его предстояло на гипс (а также с целью сокращения затрат) вместо горного хрусталя, как предполагалось первоначальным проектом, крест ограничили из тонированного стекла.

²¹ Александр Максимович Симанов (1858—?) — родился в Екатеринбурге, сын купца. В 1877 г. окончил екатеринбургскую мужскую гимназию, в 1877—1883 гг. учился в московском Высшем техническом училище, но полного курса не окончил. Состоял управляющим «Ивановской» мукомольной мельницей, принадлежавшей его двоюродному брату И. И. Симанову — предпринимателю и общественному деятелю, занимавшему пост городского головы Екатеринбурга в 1884—1894 гг. С 1886 г. А. М. Симанов владел первой частной городской газетой «Екатеринбургская неделя» (выходила в 1879—1896 гг.).

Являлся уполномоченным Московского страхового от огня общества (с 1895 г.) и агентом страхового общества «Якорь». На протяжении 1884—1917 гг. — бессменный гласный Екатеринбургской городской думы, кроме того — гласный Екатеринбургского уездного земства (1888—1917) и член земской управы в должности ее председателя (1898—1903), с 1904 г. — председатель Екатеринбургской земской управы. Возглавлял попечительский совет Екатеринбургской художественно-промышленной школы и состоял казначеем правления Общества вспомоществования недостаточным ученицам Екатеринбургской 1-й женской гимназии. После окончания Гражданской войны вернулся в Екатеринбург и некоторое время (с 8 февраля по 4 июля 1922 г.) работал сотрудником Губфинотдела как специалист по бюджету.

²²...ремесленно-художественную школу — благодаря настойчивым усилиям земских учреждений 6 декабря 1902 г. была открыта Екатеринбургская художественно-промышленная школа, рассчитанная на 180 учащихся. Она считалась филиалом Петербургского училища технического рисования А. Л. Штигица. Задачей школы стала подготовка мастеров по прикладному искусству, особенно по тем его видам, которые были представлены местными кустарными промыслами. При школе действовали мастерские: камнерезная, ювелирная, столярная, бронзолитейная и др. С 1914 г., когда был введен курс педагогики и методики, школа стала готовить учителей рисования. Из числа учащихся школы начала

XX в. вышли известные деятели искусств: скульптор И. Д. Шадр (1887—1941), художник И. К. Слюсарев (1886—1962), художник-камнерез, поработавший после окончания школы некоторое время у К. Г. Фаберже, И. А. Семиряков (1886—1963). В 1918 г. школа была преобразована в училище, называющееся сегодня Екатеринбургским художественным училищем им. И. Д. Шадра.

²³...при деревне Мраморской, где издавна производилась отделка местного мрамора, мраморную показательную мастерскую — село Мраморское основано в 1738 г. в 20 км от Полевского завода. Месторождение мрамора известно здесь с XVIII в., и многие жители села занимались обработкой поделочных камней. На рубеже XIX—XX вв. в Мраморском насчитывалось до 116 домов кустарей-гранильщиков и 33 гранильных мастерских с использованием наемного труда. Устроенная в Мраморском учебно-показательная мастерская для подготовки резчиков поделочных камней сыграла видную роль в подготовке кадров для художественных промыслов региона. Впрочем, из-за недостатка финансирования мастерская действовала нерегулярно.

²⁴...сослуживцы... поднесли мне на память чудное плато из темно-серой николаевской яшмы с фигуркой сидящего медведя — этот медведь упоминается дочерью И. Ф. Кошко, Ольгой Ивановной. Он находился при ней в Царском Селе, где Ольга жила с мужем летом 1917 г. Оттуда супруги, оставив вещи в снимаемой квартире, уехали в имение Подольно (Новгородская губерния), принадлежавшее А. Ф. Кошко. В Царское Село они уже не вернулись, и все имущество, оставшееся там, пропало.

²⁵...местную Пробринную палату... — пробирные палаты — местные учреждения, ведавшие установлением пробы золота и серебра, а также клеймением изделий из них и взимавшие за это деньги. Кроме того, осуществляли надзор за заведениями, в которых производились или продавались золотые и серебряные изделия.

²⁶Устройство рафинажа платины в Екатеринбурге имеет государственное значение — вскоре, в 1916 г., эта действительно очень важная проблема была решена — в Екатеринбурге построили аффинажный завод для очистки шлиховой платины и золота, добываемых на уральских приисках. Сегодня это — ОАО «Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов».

²⁷Липина — Василий Иванович Липин (1856—1920), мещанин, с 1902 г. — купец второй гильдии, владелец гранильно-ювелирной мастерской и магазина «Уральские камни». В 1902 г. изделия мастерской В. И. Липина выставлялись в Санкт-Петербурге на Всероссийской кустарной выставке. Гласный Екатеринбургской городской думы (1910—1913 гг.). Член Уральского общества любителей естествознания (с 1899 г.). Мecenат и благотворитель: член попечительского совета Екатеринбургской городской больницы, член Совета Екатеринбургской Художественно-промышленной школы.

²⁸Нурова — Петр Емельянович Нуров, владелец крупного магазина в Екатеринбурге по продаже ограненных камней, ювелирных изделий и каслинского художественного литья. Имел свое представительство в Нижнем Новгороде.

²⁹...мадам Конюхову... — Александра Александровна Конюхова (ок. 1875 — ?), дочь екатеринбургского купца А. М. Соколова, жена предпринимателя П. А. Конюхова, активный общественный деятель. Член-учредитель и пожизненный действительный член Общества попечения о начальном образовании в городе Екатеринбурге и его уезде; попечительница Верхисетского сиротско-воспитательного дома (с 1905); действительный член Екатерин-

бургского благотворительного общества и член его исполкома (с 1904); действительный член Попечительского общества о доме трудолюбия; член совета Общества милосердия имени святого Николая; член правления Общества вспомоществования недостаточным ученицам 1-й женской гимназии; член Екатеринбургского дамского кружка; член распорядительного совета Екатеринбургского общества дешевых столовых для учащихся, одна из организаторов бесплатных чайных для запасных воинов. Кроме того — член Екатеринбургского музыкального кружка. В декабре 1918 г. — учредитель и член временного исполкома литературно-художественного кружка «Синь-Камень».

³⁰ **...почтенного С. А. Бибикова...** — Северг (Савел) Александрович Бибиков, потомственный дворянин, губернский секретарь. Известный и авторитетный в Екатеринбурге адвокат, занимавшийся адвокатской практикой с начала 1880-х гг. Присяжный поверенный Екатеринбургского окружного суда и Верхисетских заводов. Избирался депутатом Екатеринбургской городской думы и состоял членом различных думских комиссий (юридической, железнодорожной, финансовой). Являлся членом попечительского совета Екатеринбургской 1-й женской гимназии и членом Верхисетского благотворительного общества. С 1884 г. — действительный член Уральского общества любителей естествознания.

³¹ **...вновь выстроенный Екатеринбургский театр** — речь идет об открытии оперного театра в Екатеринбурге, состоявшемся 29 сентября 1912 г. И. Ф. Кошко присутствовал на церемонии открытия вместе с супругой и дочерью. Первой постановкой стала опера М. И. Глинки «Жизнь за царя».

³² **...мимо огромного белого дома, принадлежавшего когда-то знаменитому золотопромышленнику и заводчику Харитонову** — усадьба Расторгуева-Харитоновая в стиле классицизма — крупнейший усадебно-парковый ансамбль Екатеринбурга. Строился в несколько этапов — с 1794 по 1799 гг. и до 1824 г. Архитектор неизвестен. На завершающих этапах (после 1815 г.) в строительстве принимал участие архитектор М. П. Малахов. Именно в этом усадебном комплексе впервые проявились черты, которые в дальнейшем определяют своеобразие екатеринбургской архитектурной школы. Строил усадьбу и был первым ее владельцем купец первой гильдии Лев Иванович Расторгуев (1769—1823), горнозаводчик (в 1809 г. купил у П. Г. Демидова Кыштымские заводы) и золотопромышленник. Сыновей у него не было, поэтому все огромное состояние перешло к дочерям, одна из которых вышла замуж за Петра Яковлевича Харитонов (1794—1838). По его фамилии особняк и стал называться харитоновским. Сам П. Я. Харитонов, купец и золотопромышленник, в 1826—1829 гг. занимал выборный пост городского головы. В 1824 г., во время поездки по Уралу, в доме Харитоновых останавливался император Александр I. В 1837 г. оба зятя Л. И. Расторгуева, П. Я. Харитонов и Г. Ф. Зотов, были обвинены в жестоком отношении к рабочим, в «лиходействе» и сосланы в Кексгольм (Финляндия), где и умерли. С тех пор владельцы усадьбы в ней не жили. В начале XX в. она принадлежала Акционерному обществу Кыштымских горных заводов, часть помещений сдавалась в аренду под жилье, а часть пустовала, в саду было открыто кафе-шантан. После 1917 г. в доме размещался Урало-Сибирский коммунистический университет, а в 1937 г. здание отдало под Дворец пионеров, именующийся сейчас городским Дворцом творчества учащихся.

³³ **...вновь учреждаемый в Екатеринбурге Горный Институт** — вопрос о необходимости создания на Урале высшего учебного заведения инициировался и обсуждался общественностью с середины 1890-х гг. Долго шли дискуссии о том, где учреждать вуз — в

Перми или Екатеринбурге, об источниках финансирования и др. Только в 1910—1911 гг. к решению проблемы подключились горнозаводчики. Совет съездов горнопромышленников Урала согласился выделить часть средств на открытие института и стал оказывать организационную поддержку. В начале 1912 г. было принято постановление Совета министров об открытии Горного института в Екатеринбурге. Во исполнение данного решения Министерству торговли и промышленности поручалось подготовить специальный законопроект, который был принят только в июне 1914 г.

Между тем проблема размещения Горного института обсуждалась начиная с 1909 г., когда городской голова А. Е. Обухов предложил приобрести или арендовать для института (до постройки специального здания) усадьбу Расторгуева — Харитонова. Заводууправление Кыштымского округа, понимая значимость открытия на Урале вуза, соглашалось пойти навстречу городским властям и продать усадьбу за 100 тыс. руб. (при тогдашней ее рыночной стоимости в 250—300 тыс. руб.). Дальнейшее решение вопроса затянулось, так как требовалось согласование с иностранными акционерами Кыштымских заводов. В местной печати тем временем появились высказывания, что дом слишком ветхий, а доход, который он может приносить городу, в случае его покупки, слишком мал и собственники усадьбы, продавая ее, ставят городу западню. Обиженная администрация Кыштымских заводов ответила на это отказом от дальнейшего обсуждения сделки. Однако в 1913 г. к варианту временной аренды харитоновской усадьбы вновь вернулись, но обследование показало, что она все же не соответствует требованиям, предъявляемым к помещениям будущего института.

К этому времени местное земство собрало уже более миллиона рублей, а Городская управа добилась, чтобы Екатеринбургу разрешили взять на открытие института трехмиллионный кредит. В «пробивании» этого разрешения через Министерство внутренних дел, через особое Межведомственное совещание и через Совет министров принимал участие и пермский губернатор И. Ф. Кошко.

Начало Мировой войны серьезно осложнило, но не остановило работу по открытию института. В 1915 г. в Екатеринбурге была создана Строительная комиссия во главе с назначенным к исполнению обязанностей ректора, профессором петербургского Горного института П. П. Веймарном. Комиссия одобрила проект института, по которому его предполагалось строить на восточной окраине города (на территории нынешнего комплекса Уральского политехнического института) как целый городок из учебных корпусов, домов преподавателей и студенческих общежитий. Строительство, начавшееся весной 1916 г., было остановлено в середине 1918 г. К этому времени построили только треть главного корпуса и провели земляные работы для фундаментов остальных зданий. Когда в 1928 г. был объявлен Всесоюзный конкурс на составление проекта здания Уральского политехнического института, условия конкурса рекомендовали использовать в проекте и недостроенное здание Горного института, но архитекторы, победившие в конкурсе, данную рекомендацию проигнорировали. Недостроенные руины простояли еще более десяти лет. Во второй половине 1941 г. их взорвали.

А тогда, в 1916—1917 гг. Строительная комиссия, не дожидаясь завершения стройки, занялась и другими вопросами. Комплектовалась библиотека института, в которой к октябрю 1917 г. насчитывалось уже более девяти тысяч томов, был сформирован преподавательский состав, включавший в себя 17 профессоров, решались бытовые проблемы по

размещению студентов и проч. Прием в институт был объявлен в августе 1917 г., в комиссию поступило более 600 прошений, на первый курс зачислили 306 человек. 10 октября 1917 г. состоялась первая лекция — Горный институт, первый вуз Екатеринбурга, начал работу. За неимением пока собственного здания занятия проходили в помещениях мужской гимназии, второй женской гимназии, в Вознесенской школе и других местах.

³⁴**...затеял устроить водопровод...** — со строительством водопровода Екатеринбург задержался очень сильно. До 1861 г. водопровод уже существовал в Москве, Саратове, Вильно, Ставрополе, в 1860-х гг. он появился в Санкт-Петербурге и еще семи губернских городах, а к 1900 г. водопроводом обзавелось еще 40 городов России. В Екатеринбурге проект первого городского водопровода мощностью в 150 тысяч ведер воды в сутки рассматривался в 1884 г., но был отклонен из-за нехватки финансов. В первой половине 1910-х гг. проводились проектно-изыскательские работы, но последовавшие вскоре войны и революция отодвинули решение проблемы. Только в декабре 1925 г. была пущена в действие первая ветка водопровода. Она подавала воду в Верх-Исетский поселок, а собственно в город (тогда уже Свердловск) вода пришла в ноябре 1926 г.

³⁵**...заново перестроить Гостиный двор...** — первый деревянный Гостиный двор существовал в Екатеринбурге уже в 1725 г. В 30-х гг. XVIII в. был выстроен каменный Гостиный двор, простоявший до начала XX в. В октябре 1902 г. значительную часть торговых помещений уничтожил пожар. Городские власти решили не восстанавливать старый, а выстроить новый Гостиный двор (поэтому И. Ф. Кошко и говорит о перестройке). Однако строительство шло очень медленно и к 1917 г. осталось незавершенным, хотя часть двора уже функционировала до революции и использовалась после нее. В настоящее время фрагмент Гостиного двора оказался встроенным в здание, возведенное в 1926—1928 гг., но основная часть снесена и на месте двора построено здание городской администрации Екатеринбурга.

³⁶**...в нем подвизалась прекрасная оперная труппа** — оперный театр Екатеринбурга с самого начала отличался высоким уровнем исполнительского мастерства. В числе артистов, выступавших на сцене оперного, в первом сезоне были Э. Боброва-Перейфер, М. Ростовская-Ковалевская и др., оркестром дирижировал итальянец С. Барбини. Театр очень быстро приобрел репутацию творческой мастерской, что отмечалось многими гостями города и прессой. Например, о постановке оперы Эжена д'Альбера «Долина» газета «Уральская жизнь» в ноябре 1912 г. писала: «Опера слушалась с захватывающим интересом... Оркестр звучал полно, красиво. Вся опера шла гладко. Нужно отдать справедливость всем исполнителям: был ансамбль, опера проведена дружно и уверенно». А в 1913 г. «Рампа и жизнь» отметила: «Среди общего застоя в оперных делах за последние два года яркими солнечными пятнами блеснули на печальном фоне сумерек оперного неустройства и разлуки два интересных предприятия — Петербургская музыкальная драма и Екатеринбургская музыкальная дирекция...»

³⁷**Театр получился на славу... все это не ударило бы лицом в грязь и в столице и явилось действительным украшением города** — идея строительства нового театра в Екатеринбурге родилась еще в конце XIX в. Деньги на это стали собирать с 1892 г. В 1898 г. архитектор Ю. О. Дютель подготовил проект, который, однако, не был принят. В 1903 г. состоялся Всероссийский конкурс, и из 16 представленных работ победил проект В. Н. Семенова. Затем проект дорабатывался группой уральских инженеров и архитекто-

ров во главе с К. Т. Бабыкиным. Строительство здания велось в 1910—1912 г. Это было первое в Екатеринбурге сооружение с применением железобетона для изготовления свода и отдельных конструкций зала.

³⁸...**преосвященного Митрофана** — Митрофан, в миру Афонский (1861—1920), сын священника. В 1886 г. окончил Московскую духовную академию. Служил преподавателем Орловской частной женской гимназии (с 1887 г.) и Орловского духовного училища (с 1888 г.). В 1892 г. рукоположен в сан священника. С 1905 г. — законоучитель Орловского кадетского корпуса. В 1906 г. принял монашество и возведен в сан архимандрита. С 1906 г. — епископ Елецкий, викарий Орловской епархии, с апреля 1910 г. — епископ Екатеринбургский и Ирбитский. В марте 1914 г. назначен епископом Подольским и Брацлавским. С конца 1917 г. — на покое.

³⁹**Екатеринбург имел свою самостоятельную епархию, так что в Пермской губернии их было две** — Пермская епархия учреждена в 1799 г. В связи с обширностью губернии в 1833 г. в рамках Пермской епархии было учреждено викариатство с присвоением викарному епископу титула «Епископа Екатеринбургского». В 1885 г. викариатство преобразовано в самостоятельную епархию с кафедрой в Екатеринбурге и присвоением ее епископу титула «Екатеринбургский и Ирбитский». На момент создания епархии в ней насчитывалось 446 церквей и 450 часовен.

⁴⁰**Во время выборов в 4-ю Государственную Думу...** — эти выборы проходили в 1912 г.

⁴¹**Верхотурский уезд с его знаменитым мужским монастырем в Верхотурье...** — Свято-Николаевский мужской монастырь в Верхотурье — духовно-религиозный центр Урала и России, является самым древним монастырем в крае. Основан иеромонахом Ионой в 1604 г. Особую известность монастырь стал приобретать после обретения мощей Симеона Чудотворца, перенесенных в обитель из села Меркушино 12 сентября 1704 г. К началу XX в. монастырь имел общероссийскую известность и стал одним из самых крупных и процветающих на Урале. В сентябре 1913 г. в монастыре был освящен вновь построенный Крестовоздвиженский храм (второй в России по величине и вместимости), в который перенесли мощи Симеона Верхотурского. Братия занималась хлебопашеством, огородничеством, садоводством, при монастыре существовали мастерские (портняжная, сапожная, столярная, токарная, переплетная и др.), библиотека, школа, больница. Накануне Первой мировой войны число паломников в Верхотурье достигало 90—120 тыс. человек в год. После 1917 г. монахи подвергались репрессиям, несколько раз вскрывалась (но не изымалась) рака с мощами Симеона Верхотурского, монастырь лишился большей части имущества и помещений, но продолжал функционировать до окончательного закрытия в 1925 г. В 1929 г. мощи Симеона Верхотурского были изъяты из еще действующего Крестовоздвиженского собора, который был закрыт в 1930 г. В дальнейшем, до 1989 г., в монастыре размещалась колония для несовершеннолетних преступников. Мощи Симеона демонстрировались в экспозиции Нижнетагильского музея, а затем хранились в Свердловском областном краеведческом музее. В 1989 г. рака с мощами возвращена церкви, а в 1990 г. церкви передали и монастырский комплекс Верхотурья. При помощи правительства Свердловской области обитель сегодня возрождена.

⁴²...**мощи Симеона Праведника** — Симеон Верхотурский (конец XVI — середина XVII вв.), праведник и чудотворец. Согласно официальному житию родился в боярской

семе. После смерти родителей, в Смутное время ушел из родных мест, поселился в селе Меркушино (50 верст от Верхотурья) и вел жизнь праведника. Летом рыбачил, а зимой зарабатывал портняжным ремеслом. Похоронен в Меркушино. В 1692 г. гроб с нетленными останками Симеона вышел из земли, и начались чудеса исцеления. В 1704 г. мощи Симеона были перенесены в Верхотурский Свято-Николаевский монастырь, и с этого времени праведника стали именовать Верхотурским, а в память перенесения мощей было установлено совершать 12—20 сентября ежегодное церковное празднование. В 1825 г. состоялась канонизация. К началу XX в. Симеон Верхотурский стал одним из самых почитаемых в России святых.

⁴³ **В этот монастырь повадился лазить Распутин** — Верхотурский монастырь был для Г. Е. Распутина очень авторитетным духовным центром православия и он посещал эту обитель многократно. Первое паломничество Распутина в Верхотурье состоялось еще в 1884 или 1885 г.

⁴⁴ **...схимник, которого многие почитали чуть ли не праведником** — Макарий Актайский (в миру — Михаил Васильевич Поликарпов), родился в 1856 или 1857 гг. в деревне Новая Починка Чебоксарского уезда Казанской губернии. С детства был очень набожен и хотел поступить послушником в монастырь, но до тридцати лет был вынужден заботиться о младших сестрах, так как отец его умер очень рано. Только выдав сестер замуж, поступил в Верхотурский Свято-Николаевский монастырь. Отличался смирением и трудолюбием. В течение десяти лет был послушником и пас монастырский скот. В 1900 г. — пострижен в монахи. Ведя отшельническую жизнь, стал известен своим благочестием, аскетизмом и как провидец. Многие паломники обращались к нему за благословением. Распутин почитал Макария как своего духовного отца и дважды организовал его поездки в Санкт-Петербург (в 1908 и 1909 гг.), где Макарий был представлен царской семье.

⁴⁵ **Любил он очень кур, развел их у себя в скиту...** — Макарий действительно развел до сотни кур, за что именовался иногда «птичьим святым». Однако жил он не в скиту, а на монастырской заимке, которая находилась в восьми верстах от Верхотурья, на берегу реки Актай. Основана заимка была еще в середине XIX в. для охраны сенокосных и лесных участков, принадлежавших Свято-Николаевскому монастырю. В начале XX в. на заимке было построено уже несколько домов, в том числе два каменных, и часовня.

⁴⁶ **...епископ Серафим** — Серафим, в миру Сергей Георгиевич Голубятников, родился в 1856 г., сын священника. Окончил Воронежскую духовную семинарию, в 1879—1880 гг. служил учителем в народных училищах. В 1881 г. рукоположен в сан священника. По окончании в 1899 г. Московской духовной академии принял монашество и назначен казначеем московского кафедрального Чудова монастыря. В 1900 г. — настоятель Московского Высоко-Петровского монастыря и возведен в сан архимандрита. В 1905 г. — епископ Можайский, четвертый викарий Московской епархии. С 1906 г. — третий викарий и настоятель Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря. В 1908—1914 гг. — епископ Подольский и Брацлавский. На этом посту приобрел известность тем, что в 1911 г. организовал массовое паломничество верующих в Почаевскую лавру и сам прошел с ними пешком двести верст. С марта 1914 г. назначен епископом Екатеринбургским и Ирбитским. Осудил февральскую революцию, за что отозван с кафедры и с мая 1917 г. — на покое в Ново-Спасском монастыре. После превращения монастыря в 1918 г. в тюрьму оказался заключенным Новоспасского лагеря, где, по некоторым данным, расстрелян в 1921 г.

⁴⁷ **Анастасию Николаевну** — Анастасия Николаевна (1867—1935), великая княгиня Стана (Анастасия) Черногорская, дочь короля Николая Черногорского. После развода с первым мужем, князем Георгием Романовским, в 1906 г. вышла замуж за великого князя Николая Николаевича.

⁴⁸ **...саманные постройки** — саман — сушеный кирпич из жирной необожженной глины с примесью соломенной сечки, мякины и навоза. Саманные постройки требовали прочного фундамента из камня высотой не менее полуметра над землей. Такие постройки были широко распространены в Средней Азии и Южной России.

⁴⁹ **Непосредственно за чертой города... начинается территория и постройки Верх-Исетского железодельательного завода** — Верх-Исетский завод, один из старейших уральских заводов, пущен в действие в 1726 г. Построен в 2,7 верстах от тогдашнего Екатеринбурга. С конца XVIII в. стал административно-производственным центром горного округа, и в начале XX в. завод с его поселком еще сохранял свою административно-территориальную самостоятельность (до 1927 г.), не входя в городскую черту Екатеринбурга, завершавшуюся там, где сейчас стоит Дворец молодежи.

⁵⁰ **Верх-Исетский деревянный театр...** — здание Верх-Исетского народного театра (известного также под названием «Народный дом»), построено Обществом попечительства о народной трезвости. Театр, рассчитанный на 900 мест, был открыт в сентябре 1900 г. и стал одним из значимых культурных центров. В нем выступали любительские и профессиональные коллективы города, давались гастроли приезжих артистов. На сцене Народного дома выступали В. Ф. Комиссаржевская, М. В. Дальский, Л. В. Собинов и др. В 1915 г. здание театра использовалось под жилье для военнопленных. После революции — клуб-кинотеатр. В 1925 г. Народный дом был закрыт и вскоре снесен.

⁵¹ **...картинами волшебного фонаря** — речь идет о диапроекторе. Этот аппарат имеет давнюю историю. Изобрел его, именно для сопровождения лекций картинками, в 1659 г. французский физик Христиан Гюйгенс. Прибор состоял из параболического отражателя, яркой лампы, конденсирующей линзы, стекла для прикладывания к нему картинки и регулируемого объектива из двух выпуклых линз. Свое изобретение Х. Гюйгенс назвал «Laterna magica» — «волшебный фонарь». В XVIII в. волшебный фонарь, в качестве технического средства обучения, получил очень широкое распространение в Европе. Во время поездки в Голландию с ним познакомился и Петр I. В начале XX в. источником света была уже, конечно, электрическая лампа, но название свое, данное изобретателем, аппарат еще сохранял.

⁵² **Екатеринбургский собор** — Екатеринбургский Богоявленский кафедральный собор располагался на Главной площади (ныне — площадь 1905 года). Первоначально на месте собора была построена деревянная Богоявленская церковь, разобранная впоследствии из-за ветхости. Каменный храм был заложен в 1771 г. и освящен в 1774 г. В дальнейшем собор достраивался до 1795 г., неоднократно реконструировался и обновлялся на протяжении XIX в. Высота колокольни храма достигала 60 метров. С 1833 г., когда в Екатеринбурге была учреждена викариная епископская кафедра, собор стал называться кафедральным. В начале XX в. при нем существовала церковно-приходская благотворительная касса и действовала женская школа грамоты. После 1917 г. собор был лишен кафедрального статуса, но оставался действующим до закрытия в апреле 1930 г. Вскоре после этого храм был взорван.

⁵³...старосту Макарова — Иван Андреевич Макаров, купец первой гильдии. С 1885 г. член товарищества «Братья Макаровы», совладелец ряда торговых заведений в Екатеринбурге, Ирбите, Нижнем Тагиле, Томске, льнопрядильной и ткацкой фабрики и «Ивановской» мукомольной мельницы. Гласный Екатеринбургской городской думы (в 1888—1906 и 1910—1917 гг.). Активный общественный деятель и благотворитель: попечитель Тихвинского городского начального училища (1910—1917), действительный член Общества попечения о начальном образовании в Екатеринбурге и его уезде, член попечительского совета частной женской гимназии Румянцевой, действительный член Благотворительного общества и Попечительского общества о доме трудолюбия, пожизненный член—жертвователю и почетный член Вольного пожарного общества, член церковно-приходского попечительства при кафедральном Богоявленском соборе, староста кафедрального собора (до 31 октября 1916 г.), помощник старшины Общества хоругвеносцев (с 1910 г.), попечитель Богоявленской церковно-приходской школы.

Глава 9

¹ **В. И. Воронцов-Вельяминов** — Владимир Иванович Воронцов-Вельяминов, подпоручик запаса гвардии, управляющий канцелярией губернатора. В 1911 г. уехал из Перми на новое место службы.

²...**Веньямин Тимофеевич Иванов** — Вениамин Тимофеевич Иванов, губернский секретарь, с 1911 г. занимал пост управляющего канцелярией губернатора.

³...**на бывшего министра и нижегородского губернатора А. Н. Хвостова...** — в описываемое здесь время А. Н. Хвостов был действующим нижегородским губернатором, а министром внутренних дел он станет позже, в 1916 г. В данном случае И. Ф. Кошко называет Хвостова бывшим министром относительно первой половины 1917 г., когда Иван Францевич, уже сам будучи в отставке, работал над рукописью «Воспоминаний».

⁴ **Н. Д. Колвзана** — Николай Дмитриевич Колвзан, коллежский регистратор, младший чиновник особых поручений в канцелярии губернатора. Перешел под начало И. Ф. Кошко в Пермскую губернию не ранее 1912 г.

⁵ **Лилиенфельд-Тоаль** — Анатолий Павлович фон Лилиенфельд-Тоаль — преемник И. Ф. Кошко на посту пензенского губернатора, управлявший губернией в 1910—1914 гг., действительный статский советник, камергер.

Глава 10

¹...**переселенческое управление** — действовало в 1896—1905 гг. в составе Министерства внутренних дел, в 1905—1915 гг. — в структуре Главного управления землеустройства и земледелия, а с 1915 г. — при Министерстве земледелия. Руководило выдачей разрешений на переселение, осуществляло отвод земель для переселенцев, контролировало ход переселения и обустройство крестьян на новом месте.

²...**примыкающей к черте города казенной оброчной статьи** — казенная оброчная статья — казенное недвижимое имущество (в данном случае — земельный участок),

сдаваемое в аренду. Предоставление в аренду могло происходить как с торгов, так и без них. Заведование оброчными статьями осуществляло Главное управление землеустройства и земледелия (называвшееся до 1905 г. Министерством земледелия и государственных имуществ, а с конца 1915 г. — Министерством земледелия).

3...Владимирка — название дороги из Москвы через Владимир в Сибирь, по которой отправлялись на каторгу осужденные.

4...на знаменитую Ирбитскую ярмарку — Ирбитская ярмарка — одна из старейших ярмарок России и самая продолжительная по времени существования — с 1643 по 1929 гг. Ее возникновение в Ирбите было обусловлено удобным географическим положением города. Ярмарка имела важное значение в торговле Европейской России с Сибирью, Средней Азией, Китаем. Проходила ежегодно в феврале. В конце XIX — начале XX вв. в ярмарочные дни в Ирбит съезжалось до ста тысяч человек, в городе действовали отделения Государственного, Волжско-Камского, Сибирского, Тюменского и др. банков, представители десятков зарубежных компаний.

5 Близость Камского и Обского бассейнов... уже давно породила мысль об искусственном соединении их каналом — проект трансуральской водной магистрали для соединения бассейнов Волги и Оби был выдвинут еще в начале 1890-х гг. начальником Пермского отделения Казанского округа путей сообщения инженером Н. В. Поповым. По этому проекту предполагалось сооружение небольшого канала между реками Решеткой и Чусовой, недалеко от Екатеринбурга и устройство системы шлюзов на реках: Чусовая, Исеть, Тура. Существовал и другой проект — бывшего нижегородского губернатора (ставшего впоследствии министром внутренних дел) А. Н. Хвостова, по которому предлагался более северный вариант прокладки водного пути из Европы в Азию. Оба проекта рассматривала «Межведомственная комиссия для улучшения и создания новых водных путей сообщения», решившая реализовать предложение Н. В. Попова как менее сложное технически и менее затратное финансово (от 100 до 180 млн руб.). Однако дело продвигалось очень медленно (Межведомственную комиссию, выполнявшую функции координационного центра, упразднили в 1911 г.). Была проведена серия изыскательских работ, материалы которых публиковались в 1913—1915 гг. Начать строительные работы предполагалось не позднее 1916 г., а завершить к 1924 г. В условиях Мировой войны, а затем и революции проект был заброшен. В советское время к нему попытались вернуться, причем содержание проекта предполагалось расширить, сделав его комплексным: планировалось запроектировать гидроэлектростанции, учесть проблемы защиты от наводнений, водоснабжения и т. п. Работы по созданию трансуральского водного пути фигурировали в планах второй пятилетки 1933—1937 гг., однако были прекращены.

6...волею... Александра III было решено приступить к соединению Челябинска с Владивостоком непрерывным железнодорожным путем — Александр III (1845—1894), с 1881 г. — российский император. При нем, в 1891 г., началось упоминаемое здесь строительство Транссибирской магистрали (Челябинск — Омск — Иркутск — Хабаровск — Владивосток), соединившей Европейскую Россию с Сибирью и Дальним Востоком. Это грандиозное строительство, имевшее огромную экономическую и стратегическую значимость, продолжалось до 1916 г.

7...местным деятелем Мешковым — Николай Васильевич Мешков (1851—1933), крупный уральский предприниматель, пароходовладелец и заводчик, талантливый

организатор. Совладелец пароходного общества «Самолёт», акционерного общества Оренбург-Уфимской железной дороги. В 1915 г. приобрел у Каменских Торговый дом вместе с их долгами и реорганизовал его, возглавив «Товарищество пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. Каменских и Н. Мешкова». Совладелец Глуздорского цементного завода, член правления Пермского отделения Крестьянского поземельного банка, владелец издательства Ф. Ф. Павленкова (с 1911 г.), почетный член Уральского общества любителей естествознания (с 1897 г.), гласный Пермского губернского земского собрания (1893—1901). Один из инициаторов и организаторов учреждения Пермского университета. Меценат, оказывал финансовую поддержку прогрессивным изданиям, библиотекам, малоимущим студентам. В 1920—1931 гг. — консультант транспортно-планового отдела Наркомата путей сообщения.

⁸**...Мариинской системы...** — Мариинская водная система — искусственный водный путь, соединяющий Волгу с Балтийским морем. Идея создания такого пути принадлежала еще Петру I, однако строительные работы начались только в 1799 г. и продолжались одиннадцать лет. Сквозное движение судов открылось в 1810 г. Часть денег на сооружение канала в качестве благотворительности выделила императрица Мария, поэтому система и получила название Мариинской. Ее протяженность около 1100 км. Для своего времени Мариинская водная система была выдающимся гидротехническим сооружением и имела большое экономическое значение — это был главный «хлебный путь» в столицу и магистраль для доставки в Петербург уральского металла. Однако к началу XX в. Мариинская система уже не соответствовала транспортным потребностям страны, несмотря на проведенную в 1890—1893 гг. реконструкцию (стоившую 13 млн руб.). Суда с большой осадкой пройти через нее не могли, требовалась перегрузка.

Глава 11

¹**Евреинову** — В. В. Евреинов, правитель дел церемониальной части при императорском дворе.

²**...получаю пригласительный билет с указанием часов приема...** — представления императору и императрице, о которых пишет здесь И. Ф. Кошко, состоялись в один день — 7 февраля 1912 г.

³**Ключаревым** — Александр Степанович Ключарев, с 1905 по 1911 гг. служил уфимским губернатором. Много внимания уделял развитию культуры и образования. Благодаря его стараниям в Уфе был построен Аксаковский народный дом — ныне Башкирский театр оперы и балета. В 1910 г. на собранные губернатором благотворительные взносы открылась «Практическая школа огородничества и пчеловодства», носившая до 1920 г. имя А. С. Ключарева (ныне — Юматовский аграрный техникум). С 1911 по 1916 гг. А. С. Ключарев занимал пост симбирского губернатора.

⁴**Д. Б. Нейдгарт...** с которым я познакомился где-то, должно быть, у Столыпина — Дмитрий Борисович Нейдгарт (1861—1942), тайный советник, гофмейстер, сенатор, член Государственного совета. В 1903—1905 гг. занимал пост одесского градоначальника. После 1917 г. эмигрировал, скончался в Париже. Предполагая здесь, что знакомство с Д. Б. Нейдгартом состоялось скорее всего в доме П. А. Столыпина, И. Ф. Кошко основыва-

ется на общеизвестном тогда факте — жена П. А. Столыпина, Ольга Борисовна, урожденная Нейдгарт (1859—1944), приходилась старшей сестрой Д. Б. Нейдгарту. До замужества Ольга Борисовна была невестой старшего брата П. А. Столыпина — Михаила Аркадьевича (1859—1882), убитого на дуэли. С убийцей брата после этого стрелялся Петр Аркадьевич и был ранен в руку.

⁵...**орден Станислава** — орден святого Станислава по своему статусу являлся самым младшим из российских орденов. Имеет польское происхождение (учрежден в 1765 г. польским королем Станиславом Августом Понятовским), в состав российских орденов включен в 1831 г., имел три степени.

В конце XIX — начале XX вв. орден мог даваться не только за отличие в военной или гражданской службе, но и за благотворительную деятельность, за «учреждение значительных и полезных для страны мануфактур», за «полезные открытия в земледелии, торговле, науках, искусствах и ремеслах», а также «за сочинение и обнародование творений, признанных общепользовными». Согласно статуту ордена, право награждения им распространялось как на духовные чины, «так и на все чины военные, сухопутные и морские, и гражданские, на дворян чиновных и бесчиновых, на почетных граждан и купцов, вообще служащих и не служащих». Поэтому И. Ф. Кошко здесь не прав, говоря об ордене святого Станислава как об офицерской награде. Однако насколько заслуги лакея соответствовали условиям получения ордена — это уже другой вопрос.

⁶**Дело происходило вскоре после убийства ректора семинарии о[тца] Николая** — речь идет о событиях 1907 г. В первой части своих мемуаров, опубликованной в 1916 г., И. Ф. Кошко сообщает, что Пензенская духовная семинария занимала в то время второе место (после Рисовального училища) из всех учебных заведений города по числу уголовных преступлений, совершенных ее воспитанниками. Кроме того, созданный ее учащимися Семинарский союз выступал периодически с требованиями изменения программ преподавания и ослабления режима жизни и учебы в семинарии. Порой дело доходило до столкновений с полицией. Весной 1907 г. ректором семинарии был назначен отец Николай, который активно взялся за наведение порядка, в том числе пятнадцать семинаристов были отчислены им за неуспеваемость по итогам учебного года. В начале июня 1907 г. отца Николая убили, застрелив среди белого дня на улице, перед воротами семинарии. И. Ф. Кошко полагал, что к этому убийству был причастен Семинарский союз.

⁷**Гендриков** — Василий Александрович Гендриков (1857—1912), граф. Служил в армии, в 1884 г. штаб-ротмистром вышел в отставку. С 1885 г. — волчанский уездный (Харьковская губерния) предводитель дворянства, с 1900 г. — обер-церемониймейстер Высочайшего двора. Являлся членом Совета Съезда горнопромышленников Урала.

⁸...**с дочерью которого, вышедшей замуж за Балашова...** — Александра Васильевна Балашова, урожденная графиня Гендрикова, жена А. Н. Балашова, фрейлина. Именно о ней здесь идет речь, но у В. А. Гендрикова была еще одна дочь, тоже фрейлина — Анастасия Васильевна, которая последовала в ссылку вместе с царской семьей и была расстреляна в Перми.

ИВАН ФРАНЦЕВИЧ КОШКО (Жизненный путь)

Наше прошлое, так же как и сегодняшний день, многомерно. Никогда историки, как бы они того ни желали, не смогут получить в свое распоряжение такой источник, который сразу и полно раскроет все многообразие событий минувших лет. Поэтому люди, интересующиеся прошлым, обращаются к самым различным его свидетельствам. В их ряду особое место принадлежит мемуарам. Исключительная ценность воспоминаний заключена в том, что этот источник позволяет взглянуть на события глазами их современника, как бы изнутри, и, оказавшись таким образом в прошлом, ощутить на себе его живое дыхание.

Одним из таких свидетельств жизни России начала XX века являются воспоминания Ивана Францевича Кошко — государственного чиновника, прошедшего за двадцать четыре года гражданской службы путь от земского начальника до губернатора. Первая часть «Воспоминаний», охватывающая 1905—1910 гг., увидела свет еще при жизни автора, в 1916 г.¹ Вторая же часть, полностью посвященная уральскому периоду службы И. Ф. Кошко, так и осталась неизданной. Мысли, чувства и заботы Ивана Францевича, события и дела, в которых ему довелось участвовать, — все это, как фотографический отпечаток фрагмента нашей истории, долгое время бережно хранилось в семейном архиве за рубежом. И только сейчас рукопись «Воспоминаний», переданная Демидовскому институту правнуком Ивана Францевича, Дмитрием Борисовичем Кошко, вернулась в Отечество, которому верно и достойно служил ее автор.

Примечательно, что фамилия Кошко представлена как в истории России, так и в ее мемуарном наследии еще одним членом этой семьи — младшим братом Ивана Францевича, Аркадием Кошко (1867—1928), служившим в

уголовном розыске. Начав в 1894 г. с должности инспектора рижской полиции, в 1908 г. он возглавил уголовный розыск Москвы. На этом посту талантливый следователь и организатор Аркадий Францевич добился впечатляющих успехов. Достаточно отметить лишь один факт: в 1913 г. на Международном конгрессе криминалистов в Швейцарии Московская сыскная полиция заняла первое место по раскрываемости преступлений (более 90%)². Вершиной карьеры А. Ф. Кошко стало его назначение в 1914 г. на должность главы всей сыскной полиции России. Три тома воспоминаний А. Ф. Кошко были написаны уже в эмиграции³, но изданным он успел увидеть только первый из них.

Как бы то ни было, но время всегда расставляет все по своим местам. И вполне естественно, что интерес к фамилии Кошко в России пробудился в 1990-е годы. Однако в большей степени это коснулось младшего из братьев. Его «Очерки уголовного мира царской России» переизданы на сегодняшний день не менее восьми раз⁴ общим тиражом более двухсот тысяч экземпляров. К сожалению, издательская культура большинства этих книг невысока, так как при их подготовке к печати издатели не затруднили себя обращением к специалистам-историкам. В лучшем случае публикации сопровождаются скупым и, как правило, анонимным предисловием, не дающим должного представления о личности автора, отсутствует научно-справочный аппарат, примечания, комментарии, указатели. Помимо переизданий, в 1996 г. по сюжетам очерков режиссером В. М. Алениковым был снят сериал «Короли российского сыска», прошедший по нескольким телеканалам. Роль А. Ф. Кошко в нем исполнил А. Б. Джигарханян. Попытку первого обобщения биографического материала об Аркадии Францевиче предпринял в 1999 г. П. И. Руднев, опубликовав в журнале «Вопросы истории» статью «Начальник Московской сыскной полиции А. Ф. Кошко»⁵.

Иван Францевич известен меньше. Некоторые факты из его мемуаров, в том числе из «Воспоминаний» пермского периода (экземпляр которых хранится в Колумбийском университете, США), использовались американским историком Ричардом Роббинсом в исследовании о месте и роли российских губернаторов в системе государственного управления России конца XIX — начала XX вв., изданном в 1987 г.⁶ Одну главу этой книги в переводе на русский язык в 1993 г. опубликовал журнал «Отечественная история»⁷. Подчеркивая, что на рубеже XIX—XX вв. возросшие требования к кандидатам на должность губернаторов способствовали улучшению качества губернского управления, Р. Роббинс относит И. Ф. Кошко к числу

губернаторов «новой модели», характерными чертами деятельности которых становятся компетентность и самостоятельность⁸.

Основываясь на архивных материалах, Р. Роббинс сделал ряд интересных наблюдений и выводов о непростом и противоречивом положении губернаторов в структуре российской власти. С одной стороны, они представляли в регионах высшую власть и назначались императором. Это возлагало на них огромную ответственность за состояние дел на местах и ставило вне обычной министерской иерархии, что создавало видимость относительной независимости от центральной бюрократии. Но, с другой стороны, вся деятельность губернаторов контролировалась и направлялась Министерством внутренних дел, склонным относиться к ним как к своим представителям, управляющим определенной территорией, то есть как к подчиненным. Такая позиция министерства основывалась на том, что именно оно подбирало и продвигало по службе кандидатуры губернаторов. В то же время, когда начальники губерний ставили перед министерством свои вопросы, надеясь на помощь в их разрешении, министерство зачастую предпочитало оставаться в стороне, предоставив губернаторам разбираться во всем самостоятельно. В результате, даже действуя во имя закона и порядка, губернатор не всегда мог рассчитывать на поддержку министерства. Более того, когда губернатору удавалось заручиться прямой поддержкой царя в каком-либо вопросе, любое предложение все равно могло «не пройти», после того как дело попадало в сферу столичной бюрократии⁹.

Данные наблюдения американского исследователя свидетельствуют о том, в каком сложном положении находились губернаторы. Особенно это касалось тех, кто был инициативным и деятельным управителем губернии и рассматривал свою должность как служение России.

В отечественной историографии первое обращение к личности И. Ф. Кошко связано со стремлением общественности и предпринимателей в регионах России к возрождению традиций земских историко-краеведческих изданий. В одном из таких журналов, «Земство: Архив провинциальной истории России» (г. Пенза), в 1994 г. был воспроизведен фрагмент из первой книги «Воспоминаний» И. Ф. Кошко (по изданию 1916 г.) о его службе на посту пензенского губернатора¹⁰. Публикацию сопровождает краткая биографическая справка. Ее составитель, Т. А. Евневич, использовал сведения из экземпляра формулярного списка И. Ф. Кошко, хранящегося в Государственном архиве Пензенской области, и впервые привел основные даты продвижения Ивана Францевича по службе с 1890 по 1910 гг.

Реформирование государственного устройства России в последнее десятилетие XX в., в частности введение должности губернатора, оживило интерес к истории этого института, причем главным образом на местах — в субъектах Российской Федерации. Начиная с середины 1990-х гг. вышло более десятка изданий (преимущественно историко-краеведческого характера), объединяющих в себе биографические очерки о губернаторах отдельных регионов на протяжении XVIII—XX вв.¹¹ В их числе есть издания, посвященные уральским губерниям — Оренбургской¹² и Пермской. Кроме того, биографии губернаторов освещались историками и в многочисленных статьях¹³. А в последние годы биографии и деятельность видных представителей губернаторского корпуса все чаще становятся предметом уже диссертационных и монографических исследований¹⁴.

В 1996 г. Государственный архив Пермской области выпустил брошюру «Пермские губернаторы», где в двухстраничной заметке, посвященной Ивану Францевичу, отмечая его деятельную натуру, очень сжато упомянуты факты строительства новых зданий в Перми, благоустройства города и открытия в нем новых учреждений за время губернаторства И. Ф. Кошко¹⁵.

В следующем, 1997 г. в издательстве Пермского государственного университета вышел уже целый сборник «Пермские губернаторы: традиции и современность». Его вводная статья посвящена рассмотрению эволюции института губернаторства в России с петровских времен до конца XX в. Выделяя содержательные этапы эволюции, авторы (И. К. Кирьянов, П. Ю. Рахмиров) отмечают устойчивость системы губернского управления в России до 1917 г. Эта устойчивость, по их мнению, была заложена во второй половине XVIII столетия тщательно подготовленными и отвечавшими национальным интересам России реформами Екатерины II¹⁶. Приведены также интересные данные об изменениях в образовательном, возрастном, профессиональном и т. п. составе пермских губернаторов до и после реформы 1861 г.¹⁷

Небольшая статья об Иване Францевиче Кошко¹⁸ (автор — Т. И. Быстрых), помещенная в данном сборнике, написана с использованием материалов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург). Главным образом это сведения формулярного списка о прохождении И. Ф. Кошко службы в «допермский» период. О деятельности Ивана Францевича на Урале говорится только в связи с забастовочным движением, которое, по мнению автора, жестоко подавлялось (о реалиях этих событий см. очерк «На Урале» в наст. изд.), и в связи с организацией

выборов в IV Государственную думу. Упоминается также несколько фактов из жизни Пермской губернии, отраженных в местной периодике того времени (юбилейные торжества по случаю 100-летия Бородинского сражения и 300-летия Дома Романовых, визит на Урал великой княгини Елизаветы Федоровны и др.). Исследовательской задачи — дать в статье хотя бы некий абрис личности Ивана Францевича как человека и государственного служащего — автор перед собой не ставила. Поэтому, несмотря на использование архивных документов и первой части «Воспоминаний» самого И. Ф. Кошко (опубликованной в 1916 г.), статья не вышла за рамки фрагментарно-формальной констатации основных вех служебной карьеры губернатора.

Позже, возвращаясь к биографии Ивана Францевича уже в газетных публикациях, Т. И. Быстрых сообщила, что после революции он, вместе с братом Аркадием, эмигрировал во Францию, где и умер в 1927 г.¹⁹ А в заметках пермского журналиста В. Гладышева отмечалось активное содействие И. Ф. Кошко развитию Белогорского монастыря (Уральского Афона) и подчеркивалось, что, по отзывам современников, Иван Францевич был одним «из самых сильных руководителей обширной губернии, сыгравших заметную роль в ее экономическом и духовно-нравственном развитии»²⁰.

Из серьезных научных исследований последних лет, где наконец появляется имя И. Ф. Кошко, следует назвать книгу О. Н. Богатыревой об эволюции местной системы управления на Урале в 1861—1917 гг. Привлекая архивные материалы, автор, помимо фиксации основных этапов карьеры Ивана Францевича, неоднократно цитирует его губернаторский отчет, приводя высказывания о географическом своеобразии Пермской губернии; об особенностях развития и состоянии сельского хозяйства в ней; о значимости промыслов и работ на металлургических заводах для крестьянского населения края; о проблеме землеустройства горнозаводских рабочих, решение которой после 1861 г. растянулось на многие десятилетия, и др.²¹ В целом, солидаризируясь с Р. Роббинсом, О. Н. Богатырева заключает, что уральские материалы опровергают ставший привычным для советской историографии «взгляд на губернаторов как на надменных и невежественных чиновников»²². Документы убеждают, продолжает автор, «что губернаторский корпус (речь идет непосредственно о вятских и пермских губернаторах. — *Н. П.*) состоял из вполне квалифицированных, компетентных и принципиальных чиновников, честно выполнявших свой профессиональный долг... Однако им приходилось возглавлять нерационально сконструированный губернский бюрократический механизм»²³.

Вот, пожалуй, и все, что можно отметить в историографии. Печально, но фамилия пермского губернатора И. Ф. Кошко ни разу даже не упомянута в академическом труде «История Урала в период капитализма», опубликованном в 1990 г.²⁴ Отсутствует статья об Иване Францевиче и в не менее солидном издании — в Уральской исторической энциклопедии, увидевшей свет уже дважды, в 1998 и 2000 годах²⁵.

Углубленное изучение истории административно-государственного управления в России и места губернаторов в нем, несмотря на все чаще появляющиеся статьи, монографии и диссертационные исследования²⁶, сдерживается, по признанию специалистов, узостью источниковой базы, введенной в научный оборот. При этом особо подчеркивается, что «количество известных мемуаров губернаторов, к сожалению, исчисляется единицами»²⁷. В связи с этим публикация пермских «Воспоминаний» И. Ф. Кошко приобретает особую ценность и будет способствовать ликвидации столь существенного пробела в дальнейших исследованиях по крайне актуальной тематике.

Задача же настоящего очерка — осветить жизненный путь Ивана Францевича и, по возможности, судьбу его семьи, попытаться понять характер этого человека, его отношение к службе, побудительные мотивы действий, нравственные принципы, чтобы читатель мемуаров при знакомстве с ними имел возможность представить себе образ автора — государственного служащего той эпохи. В результате освещение жизни и деятельности отдельной личности будет способствовать более глубокому осмыслению опыта функционирования государственной системы в сложный период социального противостояния и реформ начала XX столетия.

Основными источниками для биографического очерка послужили в первую очередь две публикации, вышедшие из-под пера самого И. Ф. Кошко. Одна из них — уже не раз упомянутая первая часть «Воспоминаний», изданная в 1916 г. Хронологические рамки книги ограничиваются периодом 1905—1910 гг., но автор, к счастью, позволяет себе вспоминать иногда события и факты более раннего времени. Существенный дополнительный материал о службе И. Ф. Кошко в 1890-х гг. дает другая публикация — брошюра «Мелкий народный кредит как могучее средство борьбы с обеднением нашего крестьянина»²⁸, изданная в 1899 г. В ней И. Ф. Кошко, на основе анализа состояния дел в Новгородской губернии, ставит вопрос о необходимости кардинальной реорганизации, а по существу — о создании на иных, более действенных, принципах системы мелкого кредитования крестьян

для предотвращения их обнищания и разорения. Эта книжечка особенно интересна тем, что позволяет посмотреть на Ивана Францевича, что называется, в деле, когда наглядно проявляются некоторые черты его характера и его жизненная позиция. Поэтому текст брошюры, ставшей сегодня уже недоступной широкому читателю, воспроизводится нами в приложении.

Неопубликованные материалы, использованные в очерке, хранятся в семейном архиве Д. Б. Кошко. Их можно разделить на две группы. Первая — документы о прохождении службы Иваном Францевичем. Это его формулярный список, составленный по 14 апреля 1911 г., и аттестат о службе (переложение формулярного списка), датированный 6 декабря 1915 г., то есть включающий в себя всю официальную информацию (даты назначений на должности, присвоения чинов, наградений, сведения об отпусках, командировках и т. п.) о служебной карьере И. Ф. Кошко до назначения ему пенсии при выходе в отставку в 1914 г.

Вторая группа документов — воспоминания родственников Ивана Францевича. Они очень ценны фактами, дополняющими мемуары И. Ф. Кошко, и позволяют проследить судьбу его семьи после 1917 г. Особенно интересны записки дочери, Ольги Ивановны, составленные ею в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. Их первая тетрадь посвящена воспоминаниям, начиная с детских лет и до момента эмиграции из России в 1920 г. При этом некоторые сюжеты записей, относящиеся к концу XIX в. и первому десятилетию XX столетия, фиксируют, без сомнения, более поздние рассказы родителей и родственников, поскольку она в то время была еще слишком мала, чтобы помнить либо понимать эти события так, как они изложены в воспоминаниях (например, рассказ о семейном конфликте родителей в 1890 г., когда ей было всего несколько месяцев от роду). Во второй тетради Ольга Ивановна описывает жизнь семьи Кошко в эмиграции в 1920-х гг. Далее следует упомянуть краткий рассказ Бориса Ивановича Кошко (внука Ивана Францевича), записанный с его слов сыном, Дмитрием Борисовичем. По объему это всего одна страница убористого рукописного текста, но ценность ее в том, что здесь фиксируются отсутствующие в других источниках факты о судьбе И. Ф. Кошко и его сына Бориса в 1917—1922 гг., когда они оказались оторванными от родственников и оставались в Советской России.

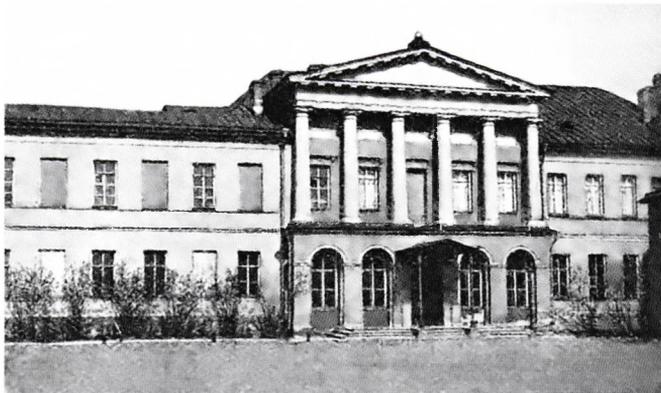
Нет сомнений, неординарная личность Ивана Францевича и его мемуары заслуживают внимания. Выпуская в свет его книгу, написанную девяносто лет назад, мы не только воздаем дань уважения автору за труды на благо нашей Родины, но уверены и в том, что вводимый в оборот материал

послужит специалистам в их дальнейших исследованиях, а любознательным читателям позволит расширить свои представления об Урале кануна Первой мировой войны.

* * *

Иван-Мячеслав Францевич Кошко (таково его полное имя) родился 20 февраля 1859 г. в семье потомственного дворянина, записанного в родословную дворянскую книгу Могилевской губернии, Франца Казимировича Кошко (1815 — ок. 1872) и Констанции Карловны Кошко (1833—1905), урожденной Бучинской. Отец был человеком штатским и состоял на службе в Могилевской палате гражданского суда²⁹ — апелляционной губернской инстанции по гражданским делам, ведавшей одновременно и регистрацией всех сделок с недвижимостью на территории губернии. Судя по всему, стезя государственного чиновника Франца Казимировича не привлекала, и он рано вышел в отставку, так как выслужил лишь невысокий чин коллежского секретаря (X класс по Табели о рангах). Финансовой основой существования семьи являлись, по-видимому, доходы с имений, по крайней мере с одного из них, о котором есть достоверные сведения — имение Брожка в Бобруйском уезде Минской губернии³⁰, но могли существовать и другие имения, в том числе принадлежавшие супруге. Семья же была многодетной. Кроме двух сыновей в ней росли и три дочери: Антуанетта, Наталья (родилась в 1856 г.), Мария (1861—1946).

Формулярный список Ивана Францевича Кошко, составленный в 1911 г., фиксирует, что какого-либо унаследованного родового имения у него нет³¹. Отсюда можно предположить, что родители не могли обеспечить экономическую самостоятельность всех детей и недвижимость, которой они владели, предназначалась, по-видимому, в приданое дочерям. Поэтому для мальчиков оставался один путь — государственная служба. Родительское предпочтение, судя по всему, было отдано военной карьере, хотя, по признанию И. Ф. Кошко, сам он пристрастия к армии никогда не испытывал³². Однако, как бы то ни было, для получения среднего образования десятилетнего Ваню определили во 2-ю Петербургскую военную гимназию. Заметим, что военные гимназии в то время давали очень хорошее образование. Их программы, ориентированные на общеобразовательные предметы, превосходили по количеству часов программы соответствующих гражданских заведений, причем главным образом в предметах гуманитарного цикла: по

*Санкт-Петербург
2-я военная гимназия
Начало XX в.*

русскому языку и литературе — на 27%, по истории и географии — на 9%, а по иностранным языкам — в два раза!³³ Думается, что это обстоятельство тоже

учитывалось родителями при выборе учебного заведения, должного послужить для сына трамплином в самостоятельную жизнь.

После окончания гимназии, в 1875 г., И. Ф. Кошко поступил в высшее военное учебное заведение, остановив свой выбор на Николаевском инженерном училище в Санкт-Петербурге. Такое решение юноши может служить еще одним свидетельством того, что, предпочтя специальное военно-техническое образование более «классическому» военному, молодой человек не связывал жестко свое будущее исключительно с армейской карьерой. В июне 1878 г., произведенный в первый офицерский чин, девятнадцатилетний прапорщик Кошко начал военную службу в саперных частях, а в феврале 1880 г. был переведен в состав 4-го железнодорожного батальона, дислоцированного в Санкт-Петербурге. За первые три года И. Ф. Кошко продвинулся по службе на два звания, но дальнейший рост замедлился. Возможно, по этой причине, а с другой стороны, прекрасно понимая безусловную ценность образования вообще, в 1884 г. поручик Кошко поступил в Николаевскую академию Генерального штаба и в 1887 г. окончил ее. Производство в штабс-капитаны состоялось через год после выпуска из академии, в июле 1888 г.³⁴

В целом армейская служба Ивана Францевича протекала спокойно, и поскольку пришлась она на мирный период в истории России, то в каких-либо военных действиях участвовать ему не довелось. Под занавес военной карьеры, в течение одного года, Ивану Францевичу пришлось испробовать себя и на педагогическом поприще. В ноябре 1888 г. его прикомандировали к Первому кадетскому корпусу «для исполнения должности воспитателя». К этому времени он уже женился на дочери почетного гражданина, Марии

Степановне Крундышевой (?—1917) и 1 ноября 1889 г. стал отцом двух близнецов — дочери Ольги и сына Бориса. Через две недели после рождения детей И. Ф. Кошко «согласно желанию» был отчислен из Кадетского корпуса обратно в железнодорожный батальон, где и подал прошение об отставке³⁵.

Конечно, такое решение не могло быть скоропалительным и легким. Начинать службу уже тридцатилетнему мужчине, обремененному семьей, на каком бы то ни было новом месте, с нуля, без опыта работы в данной сфере, без сильных покровителей, кардинально изменить весь устоявшийся к этому времени жизненный уклад — смелый и трудный шаг. Решился на него Иван Францевич лишь после того, как пришел к суровому для себя заключению: «Я убедился, что у меня нет никакого пристрастия к военному делу, что оно меня не удовлетворяет и не дает ни тени энтузиазма, что я могу быть в этой сфере деятельности лишь жалким ремесленником, более или менее добросовестно зарабатывающим свой кусок хлеба»³⁶. Итак, 26 января 1890 г. штабс-капитан Кошко вышел в отставку и был зачислен в запас полевых инженерных войск, а 1 сентября 1890 г. распоряжением министра внутренних дел назначен земским начальником 6-го участка Новгородского уезда³⁷.

Эта перемена вызвала разлад в семье*, так как не была одобрена родственниками жены и самой супругой, рассчитывавшей на военную карьеру мужа, «а тут, видите, надо ехать в глушь, чуть не в деревню, когда она родилась и прожила все молодые годы в столице, в богатой обстановке» отцовского дома³⁸. Семейные разговоры приобретали порой резкий характер. Во время одного из них брат Марии Степановны очень «компетентным тоном» поинтересовался у Ивана Францевича: «„Куда Вас может повести

*Нагрудный знак выпускника
Николаевской академии
Генерального штаба*

* Заметим, что аналогичная конфликтная ситуация возникла позже и у младшего брата, Аркадия Францевича, когда, увольняясь из армии, он переходил на службу в полицию. Тогда все члены семьи (за исключением Ивана Францевича) порвали с ним всякие отношения (см.: Руднев П. И. Начальник Московской сысковой полиции А. Ф. Кошко // Вопросы истории. М., 1999. № 4/5. С. 137).

эта новая неизвестная должность земского начальника в каком-то захолустном Новгороде?» Мой отец, — пишет дочь И. Ф. Кошко, Ольга Ивановна, — окинув его холодным взглядом, отвечал: „До министра внутренних дел...” и демонстративно вышел из комнаты. Никакие возражения, никакие просьбы не подействовали. Отец вышел в запас, к мамину ужасу одел штатское платье и укатил один в Новгород Великий... что бедной маме казалось на краю света. Мои родители из-за этого чуть не разошлись»³⁹.

Интересно обратить внимание на слова брата Марии Степановны о «новой неизвестной должности земского начальника». Не случайно и даже показательно, что прозвучали они именно так. Смысл сказанного отнюдь не сводился к тому, что предстоящая служба являлась неведомым полем деятельности лично для И. Ф. Кошко. Дело в том, что институт земских начальников, ранее не существовавший, был только-только учрежден соответствующим законом от 12 июля 1889 г. Статус должности, а вместе с ним и возможные виды на служебный рост еще не были осознаны в обществе. Между тем на первый план выходила необходимость жить в провинции. Перспектива же «подняться» из глуши оставалась весьма неопределенной. Прекрасно понимая все это, Иван Францевич как никто осознавал, что начинает с чистого листа, и в случае неудачи жизнь вряд ли предоставит еще один шанс достичь успеха. Тем большего уважения заслуживают как твердость и последовательность И. Ф. Кошко в отстаивании своего права на выбор, так и сам выбор, состоявший не в подыскании спокойного «теплого» места в столичном учреждении, а в решимости взвалить на себя массу самых обыденных дел с постоянными и многоверстными разъездами по ухабам и хляби деревенских дорог.

Что же представляла собой должность земского начальника? В советской историографии принятие закона о земских начальниках 1889 г. рассматривалось в качестве одного из завершающих актов в череде так называемых контрреформ 1881—1892 гг. Данная оценка вытекала из утверждений о том, что введением должности земского начальника государственная власть ограничивала крестьянство в личных правах и устанавливала контроль над мирским общественным управлением. Особо и неизменно историки подчеркивали, что земский начальник наделялся очень широкими административными, полицейскими и судебными полномочиями. Он должен был контролировать деятельность местных выборных органов самоуправления и утверждать избранных ими должностных лиц, наблюдать за ходом взис-сания сборов и исполнением повинностей, рассматривать приносимые ему

*Иван Францевич Кошко с матерью, Констанцией Карловной (в центре),
и сестрами Марией (справа) и Натальей (слева)
1890-е гг. (Архив Д. Б. Кошко)*

жалобы крестьян, в том числе улаживать их спорные отношения с помещиками; контролировать деятельность волостных судов и самостоятельно рассматривать уголовные и гражданские дела, подлежащие его ведению⁴⁰.

Однако текст «Положения о земских участковых начальниках» от 1889 г. при непредвзятом прочтении обращает на себя внимание двумя принципиальными моментами.

Во-первых, введение должности земского начальника не сопровождалось никаким изъятием, либо ограничением личных прав крестьян, которые были предоставлены им реформой 1861 г. Не только все эти права, но и все функции органов крестьянского самоуправления сохранялись в полном объеме. Земские же начальники обязывались осуществлять надзор за тем, чтобы решения и действия местного самоуправления не выходили за рамки существующих законодательных норм. Полномочия земских начальников на приостановку (но отнюдь не на отмену!) решений крестьянского схода включались в действие (как и прочие полномочия «пресекающего» характера) только в том случае, когда требовалось устранить нарушение законности, когда ущемлялись права и интересы как всего сельского общества, так и отдельных крестьян⁴¹. Следовательно, институт земских начальников можно охарактеризовать, в первом приближении, как надзирающий орган, призванный одновременно осуществлять (здесь следует согласиться с А. Н. Бохановым) эффективное оперативное управление на местах с целью укрепления государственной вертикали власти⁴².

Второй принципиальный момент, не отмеченный в советской историографии, заключается в наличии, условно выражаясь, экономической составляющей в функциях земского начальника. Он обязывался надзирать за законностью и эффективностью расходования мирских средств, за деятельностью ссудо-сберегательных и иных кредитных учреждений в деревне, за опекунами и вообще должен был иметь «попечение о хозяйственном благоустройстве» крестьян⁴³.

Таким образом, можно утверждать, что законом от 12 июля 1889 г. в функции земских начальников было заложено не надзирательно-карательное, а контрольно-организационное содержание. Современные исследователи, затрагивающие данную тему, приходят к выводу об оптимальности и исторической оправданности введения института земских начальников, которые были призваны «помочь крестьянскому социуму адаптироваться к условиям пореформенной России, переживавшей форсированную модернизацию»⁴⁴.

Однако, следует заметить, широкие полномочия земских начальников в условиях их относительной должностной самостоятельности могли порождать соблазнительную возможность такого формального исполнения обязанностей, когда лишь видимость деятельности прикрывала фактический уход от нее. Иначе говоря, многое зависело от самого человека, который мог заботиться только о составлении делопроизводственных бумаг, а мог, исполняя должность в рамках закона, проявлять инициативу и, руководствуясь общегосударственной пользой, брать на себя ответственность в решении поставленных жизнью вопросов. Именно вторая поведенческая модель чиновника была заложена в характере И. Ф. Кошко.

Заступив на новую должность, Иван Францевич сразу окунулся в очень сложные проблемы российской деревни. Взаимоотношения с крестьянским миром он старался выстраивать без использования грубых командных окриков представителя коронной администрации, имеющего право приостановить приговор сельского и волостного схода либо решение волостного суда. «Как везде, так и в области отношений к самоуправлениям известная чуткость и такт великое дело... Органы самоуправления в этом отношении особенно щепетильны. Влияние администрации здесь всегда трактуется, как утрата независимости. Это надо всегда помнить и с этим считаться»⁴⁵, — писал Иван Францевич уже в отставке, но нет сомнений, что формировалась такая позиция именно в новгородский период его деятельности.

Будучи не только ответственным человеком, но и равнодушным к судьбам людей, оказавшихся под его началом, И. Ф. Кошко исходил из того, что сама должность обязывает его изучить крестьянскую жизнь и предпринять все от него зависящее для ее переустройства к лучшему. Об этом свидетельствует изданная им в 1899 г. брошюра «Мелкий народный кредит как могучее средство борьбы с обеднением нашего крестьянина»⁴⁶. За ее строками мы видим активно действующего, умного и, что очень важно, ищущего решений чиновника. Он осознает, что нерешенность аграрного вопроса, одним из следствий чего становится обеднение массы крестьян, а также медлительность преобразований в этой сфере «может привести государство к тяжелым и опасным потрясениям»⁴⁷. Само название брошюры говорит о том, какое большое значение И. Ф. Кошко придавал организации дешевого кредита для крестьян.

За десять лет он хорошо изучил Новгородскую губернию, где из-за неблагоприятных природно-климатических условий даже в самые урожайные годы крестьяне могли обеспечить свои потребности лишь наполовину от

необходимого. В силу этого, подчеркивал Кошко, безденежье неизбежно заставляло их одалживаться у кулака, так как официальные кредитные учреждения для крестьян — ссудо-сберегательные товарищества, созданные земствами, фактически бездействовали⁴⁸ (известно, что из 442-х товариществ, учрежденных земствами в 1870—1887 гг., больше половины в 1890-х гг. было уже ликвидировано⁴⁹). Проиллюстрировав конкретными расчетами ростовщическую сущность кулацкого кредита, И. Ф. Кошко заключает: «...каждый двор ежегодно наполовину уменьшает свой актив против тех норм, какие были бы возможны при условии существования доступного дешевого кредита. Процветание кулачества и прогрессирующее обеднение крестьян — явление в России повсеместное»⁵⁰.

Как человек действия, И. Ф. Кошко не мирился со сложившейся ситуацией, не ждал указаний сверху. Используя должностные возможности, он по собственной инициативе произвел на протяжении нескольких лет «целый ряд опытов», итогом которых стало получение крестьянами его участ-

ка дешевых ссуд на очень солидную сумму — до восьмидесяти тысяч рублей⁵¹. Обобщив наработанный опыт и сформулировав основные подходы к решению вопроса, Иван Францевич пошел дальше — он стал будоражить общественное мнение и правительственные инстанции, поскольку разработка и принятие соответствующего законодательства могли состояться в общероссийском масштабе только на высшем уровне. С этой целью он выступил с докладом в Императорском обществе для содействия промышленности и торговли, а затем подготовил и издал уже известную нам брошюру. Безусловным показателем настойчивого желания И. Ф. Кошко сдвинуть с мертвой точки столь важный вопрос и донести свои предложения по нему до возможно большего числа людей

МЕЛКИЙ НАРОДНЫЙ КРЕДИТЪ

КАКЪ МОГУЧЕЕ СРЕДСТВО

БОРЬБЫ СЪ ОБЪДНЕНІЕМЪ

НАШЕГО КРЕСТЬЯНИНА.

Земскій Начальникъ 6-го участка Новгородской губерніи И. Ф. КОШКО.

Высылается желающимъ бесплатно.

НОВГОРОДЪ.
Губернская Типография.
1899.

*Титульный лист брошюры
И. Ф. Кошко. Новгород, 1899*

является еще один маленький штрих — помета, оттиснутая на титульном листе издания: «Высылается желающим бесплатно».

При всем внимании Ивана Францевича к организации кредитной системы он прекрасно понимал, что ее развитие — не единственная, а всего-навсего первоочередная мера, позволяющая достичь относительно скорого эффекта. Поэтому с не меньшей отдачей он активно действовал еще в одном направлении — содействовал развитию кустарных промыслов, дававших крестьянам дополнительный и существенный доход. В частности, он выступил инициатором и непосредственным организатором заключения подряда кустарей своего участка с Тульским оружейным заводом. И в течение пяти лет кустари, с немалой выгодой для себя, поставляли в Тулу банки для изготовления ружейных лож⁵². Активность и результативность работы Ивана Францевича в этой сфере была несколько не меньшей, чем в работе по проблемам кредита. Подтверждение тому — факт «всемилощивейшего пожалования» И. Ф. Кошко в 1897 г. золотыми часами с изображением государственного герба «за труды в деле развития местной кустарной промышленности»⁵³. Занимался он и обеспечением помощи крестьянам в неурожайные годы, организуя снабжение продовольствием и семенным хлебом крестьян не только своего участка, а всей Новгородской губернии⁵⁴.

Восприятие и познание жизни крестьянства Иваном Францевичем не черпывалось знакомством лишь с текущими экономическими проблемами новгородской деревни. Земский начальник Кошко проявил интерес и к истории края, в котором ему довелось служить. В Санкт-Петербурге, в фондах рукописного отдела Российской национальной библиотеки, сохранились два письма Ивана Францевича редактору журнала «Исторический вестник» С. Н. Шубинскому⁵⁵. Эти небольшие по объему документы (см. прил., с. 312—314) освещают еще одну грань его личности.

В первой половине 1892 г. служебная обязанность по разъяснению крестьянам необходимости соблюдения строгих мер, направленных на борьбу с эпидемией холеры, привела И. Ф. Кошко в деревню Рускино. Здесь в беседе с крестьянами речь зашла о холерных бунтах 1831 г.* Зная, что эти траги-

* Холерные бунты — стихийные волнения во время эпидемии холеры 1830—1831 гг., охватившие горожан, крестьян и военные поселения. Поводом для них послужили жесткие правительственные меры (карантины, вооруженные кордоны, запреты на передвижение), а также распространившиеся слухи о намеренном отравлении людей чиновниками и лекарями. Особенно острый характер с большим количеством человеческих жертв холерные бунты имели в военных поселениях Новгородской губернии.

ческие события захватили тогда территорию его участка, Иван Францевич стал расспрашивать о них подробней, и крестьяне сообщили, что в деревне живет свидетель бунта — Петр Павлов. При встрече крестьянин показал Кошко, а затем и передал ему для публикации рукопись своих воспоминаний о бунте. Ко времени этой встречи Иван Францевич уже был знаком с некоторыми появившимися в печати материалами о холерных бунтах и сразу отметил содержательную ценность нового источника, состоящую в том, что воспоминания Павлова описывали менее известные современникам события, происходившие в поселениях Прусского полка. Особую значимость воспоминаний Иван Францевич справедливо усмотрел и в том, что принадлежали они не стороннему наблюдателю, не должностному лицу, представляющему власть, а человеку из среды самих бунтарей. И хотя Павлов, будучи кантонистом (то есть еще подростком, причисленным к военному ведомству), активным участником событий шестидесятилетней давности

Новгород. Памятник Тысячелетия России. Фото конца XIX в.

не являлся, его повествование, как подчеркнул Кошко, давало «картину ощущений, переживавшихся народной массой». Отметил Иван Францевич и «оригинальность языка» воспоминаний крестьянина.

Кошко был уверен в необходимости публикации рукописи и передал ее в редакцию газеты «Новое время». Однако издатель газеты, известный публицист А. С. Суворин, решил, вероятно, что столь объемный и не совсем профильный для газеты материал правильнее будет опубликовать в другом его же издании — в журнале «Исторический вестник», поэтому и переправил рукопись редактору журнала С. Н. Шубинскому. Последовательно представляя интересы автора перед редакцией, И. Ф. Кошко не упустил из виду и вопрос о гонораре, высказав в сентябре 1892 г. пожелание, «чтобы бедному крестьянину досталось побольше», а через год, в ноябре 1893 г., еще до выхода в свет воспоминаний, Иван Францевич попросил С. Н. Шубинского поскорее выслать денежное вознаграждение П. Павлову в связи с его болезнью. Увидел ли старик свои воспоминания напечатанными, неизвестно. Их публикация, предваряемая кратким предисловием И. Ф. Кошко (см. прил., с. 314—315), состоялась весной 1894 г.⁵⁶

Итак, исполняя должность земского начальника, Иван Францевич выступил в, казалось бы, сторонней и далекой от своих повседневных обязанностей сфере — в качестве археографа, выявившего, подготовившего к изданию и опубликовавшего исторический источник. Этот эпизод, на наш взгляд, показателен тем, что свидетельствует о высоком уровне культуры личности И. Ф. Кошко. К сожалению, далеко не каждый государственный чиновник в состоянии осознать важность и необходимость публикации исторических источников да еще взяться за это дело и довести его до конца. На это способен человек, ощущающий свое духовное единство с культурой страны и сопричастный ее истории. Кошко, несомненно, понимал значимость сохранения исторической памяти народа как связующей основы поколений, как базиса для упрочения российской государственности. Именно поэтому Иван Францевич не посчитал заботу о публикации воспоминаний крестьянина Петра Павлова сторонним для себя делом.

* * *

Семейная размолвка, вызванная переходом Ивана Францевича на гражданскую службу, была достаточно серьезной. Более года жена с детьми оставалась в Санкт-Петербурге. Арбитром и посредником в отношениях

*Мария Степановна Кошко
1914 г. (Архив Д. Б. Кошко)*

между супругами выступила сестра И. Ф. Кошко — Мария Францевна. Живя в Санкт-Петербурге, она часто навещала Марию Степановну и убеждала ее поехать в Новгород. Из дневниковых записей Ольги Ивановны, фиксирующих рассказы матери и Марии Францевны о том времени, эти уговоры звучали примерно так: характер Ивана Францевича, «конечно, очень замкнутый, не нежный, но зато сколько высших качеств имеет этот человек в наш век нечестный и продажный!»⁵⁷ В конце концов жизнь взяла свое, и Мария Степановна переехала к мужу. Первое время она еще часто посещала столицу, но постепенно ностальгия прошла. В Новгороде у нее появились друзья и знакомые. Через несколько лет Иван Францевич купил земельный участок — 45 десятин в тридцати верстах от Новгорода

и занялся строительством имения, назвав его Каменка, — «в виду каменистой почвы». Построил дом, завел пасеку и разбил «громадный сад с фруктами, розами, клумбами и прочими прелестями деревенской жизни»⁵⁸. Свойственное характеру И. Ф. Кошко желание поделиться с людьми своим опытом проявилось и здесь. В 1900 г. он издал двухстраничную листовку-памятку о правилах посадки фруктовых деревьев и ухода за ними, которые апробировал лично при обустройстве сада⁵⁹.

Годы работы в Новгородской губернии дали И. Ф. Кошко глубокое знание и понимание различных сторон жизни русской деревни, позволили приобрести большой опыт административно-управленческой деятельности. Еще раз подчеркнем, что он не боялся браться за дела, казалось бы, не входившие в круг его прямых обязанностей, но в необходимости которых Иван Францевич был твердо убежден.

Однако продвижение по службе шло медленно. Первые пять лет И. Ф. Кошко вообще не имел гражданского чина. Только в 1895 г. он стал титулярным советником. Но это не было ростом, поскольку данный чин

IX класса по Табели о рангах соответствовал воинскому званию штабс-капитана, присвоенному ему еще в 1887 г. Заметное продвижение началось лишь спустя семь лет: в 1897 г. — надворный советник, в 1900 г. — коллежский советник, и наконец в 1903 г. И. Ф. Кошко получил производство в статские советники, достигнув тем V класса — уровня, соответствовавшего должности вице-губернатора. К этому времени, с 1901 г., он уже занимал пост неперменного члена Новгородского губернского присутствия⁶⁰.

Нельзя сказать, что начальство совсем не замечало и не ценило своего чиновника. Благодаря многолетнему добросовестному труду, И. Ф. Кошко приобрел в глазах не только губернского начальства, но и в Министерстве внутренних дел авторитет способного организатора и рачительного хозяйственника. Последнее неоднократно избирало именно И. Ф. Кошко для выполнения своих особых поручений, в том числе за пределами Новгородской губернии. Например, ему дважды поручалось организовать поставку хлеба для помощи крестьянам в пострадавших от неурожая губерниях — сначала в Пензенской (сентябрь — декабрь 1905 г.), а затем в Херсонской (начало 1906 г.). Местные власти там не справлялись с данной задачей, производя лишь бессистемные закупки по очень высоким расценкам, что взвинчивало цены на хлеб еще больше⁶¹. Обратим внимание, что это был конец 1905 — начало 1906 гг. — время кульминационных событий, вошедших в нашу историю под названием первой русской революции. И весьма показательно, что именно на И. Ф. Кошко министерством были возложены такие поручения, когда в условиях нарастающего брожения в деревне, усугубляемого неурожаем, бестолковостью и нерасторопностью местной администрации, требовалось принятие активных и действенных мер. Его продолжительные командировки сопровождались не только выездами в соответствующие губернские центры и кропотливой работой по анализу конъюнктуры хлебного рынка, но и разъездами по стране, вплоть до Урала (Екатеринбург) и Сибири (Омск), с массой деловых переговоров по заключению контрактов. С выполнением заданий министерства И. Ф. Кошко справился блестяще. Он действовал оперативно, грамотно, расчетливо и нашел поставщиков по минимальным ценам. Одновременно содействовал наведению порядка и контроля в системе распределения продовольственной помощи на местах⁶².

Эти командировки и прочие задания Министерства внутренних дел позволили Ивану Францевичу познакомиться с состоянием дел в других регионах России, что, несомненно, расширило его кругозор, обогатило знания и опыт, дало возможность проверить свои силы. Губернское начальство Ива-

на Францевича признавало, что он уже вполне подготовлен к исполнению должности вице-губернатора и заслужил такое повышение⁶³. Но чтобы оно состоялось, не хватало одной малости — протекции. Осознавать это человеку, не лишенному честолюбия, было нелегко. Вот что сдержанно, рассудительно, однако не без досады писал по данному поводу сам Кошко: «Конечно, протекция вполне естественное, неизбежное явление, которое существует и будет существовать при всяком государственном строе, а при представительном, вероятно, тем более. Ведь высшая власть, выбирая себе сотрудников, редко может лично знать претендентов, и силою вещей принуждена считаться с рекомендациями людей, которым она или доверяет, или с которыми принуждена считаться. Как не естественно значение связей, оно не может уменьшить все-таки в вас чувства горькой обиды, когда вас обходят»⁶⁴.

Поняв, что ожидание повышения по службе может продлиться бесконечно долго, И. Ф. Кошко решил возбудить ходатайство о своем назначении вице-губернатором. «Признаться, мне было ужасно стыдно выступать с таким ходатайством, — писал он. — Ведь предъявление такового, в сущности, хотело сказать, что я так уверен в своих служебных достоинствах, что считаю себя вправе претендовать на столь видное повышение, то есть что я сам себе делаю весьма лестную оценку. Такая самоуверенность совсем не в

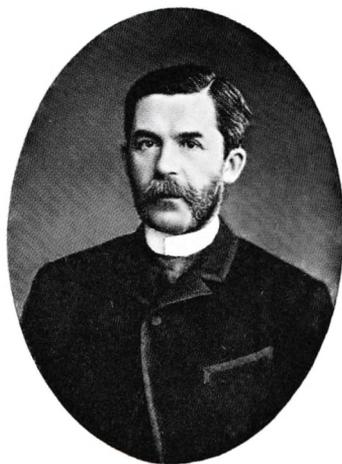
Санкт-Петербург. Министерство внутренних дел. 1903 г.

моем характере, и я пошел на нее только потому, что, как мне все говорили, это был единственно возможный и всеми практикуемый путь»⁶⁵.

Действительно, такой путь, наравне с продвижением по протекции, был нормой. Порядок назначения на губернаторские и вице-губернаторские должности сложился во второй половине XIX в. Происходило все следующим образом. В Министерство внутренних дел постоянно поступали рекомендательные письма сановников и личные ходатайства соискателей. Все они брались на учет в Департаменте общих дел, чиновники которого собирали из разных источников необходимые сведения и материалы о претендентах, оформляли эту информацию в виде справок и представляли их министру внутренних дел, который, если считал нужным, давал распоряжение о занесении того или иного лица в списки кандидатов на соответствующую должность. Эти списки содержали информацию о прохождении государственной службы, наградах, образовании и т. п., а в отдельной графе фиксировалось, по чьей рекомендации человек включен в список⁶⁶. Когда открывалась вакансия, министр выбирал из списка кандидатуру для представления ее к назначению императором. То, какие факторы определяли результат выбора, зависело от конкретных обстоятельств в каждом отдельном случае, и немалую роль в этом играла протекция, так как министру приходилось учитывать наряду с деловыми качествами претендентов и степень влияния их покровителей⁶⁷. Вот почему продвижение И. Ф. Кошко по служебной лестнице при отсутствии протекции было затруднено.

Заручившись поддержкой ряда чиновников министерства, в конце декабря 1905 г. И. Ф. Кошко попал на прием к самому министру внутренних дел, П. Н. Дурново. Итогом непродолжительной беседы стала скупая фраза министра: «Я много слышал хорошего о вашей деятельности и, надеюсь, найду случай это припомнить»⁶⁸. Окрыленный Кошко вернулся в Новгород и стал ждать. А через четыре месяца П. Н. Дурново ушел в отставку. Министром внутренних дел стал П. А. Столыпин.

Обеспокоенный судьбой ходатайства, И. Ф. Кошко поехал в Петербург и явился к директору Департамента общих дел А. Д. Арбузову, который несколькими месяцами ранее

Петр Николаевич Дурново

был в числе тех, кто обнадеживал Ивана Францевича возможностью его назначения вице-губернатором. Теперь же А. Д. Арбузов отрезал жестко и холодно: «Ваше дело пропало. У нас новый министр и совсем новые веяния. Думаю, что вам следует бросить надежду получить назначение»⁶⁹. Каково было услышать о полном крушении надежд гордому человеку, честно исполнявшему свои служебные обязанности?! В «мрачном настроении» вернулся И. Ф. Кошко в Новгород «тянуть снова прежнюю ляжку»⁷⁰.

Между тем события как в стране, так и в судьбе Ивана Францевича развивались стремительно. Проследим немного за их хронологией.

22 апреля 1906 г. — отставка С. Ю. Витте с поста председателя Совета министров и П. Н. Дурново, с должности министра внутренних дел.

23 апреля 1906 г. — утверждена новая редакция Основных государственных законов, содержание которых соответствовало фактически принятию конституции, так как в них было дано конституционное понятие закона; установлены пределы власти императора; зафиксированы личные права граждан: неприкосновенность личности, жилища, собственности, свобода выбора местожительства и занятий, свобода слова, печати, союзов, собраний, вероисповедания и проч.; определены устройство и функции Государственной думы и Государственного совета⁷¹.

26 апреля 1906 г. — министром внутренних дел назначен Петр Аркадьевич Столыпин (позже, с 8 июля 1906 г., он стал еще и председателем Совета министров).

27 апреля 1906 г. — одновременно с публикацией и вступлением в силу Основных законов собралась первая Государственная дума. Этот день, по мнению Б. Н. Миронова, можно считать днем перехода России от самодержавного строя к конституционному, когда был сделан решающий шаг в сторону правового государства⁷².

Таким образом, в начале мая 1906 г., когда И. Ф. Кошко ездил в Петербург узнавать о судьбе своего ходатайства, в стране происходили очень серьезные перемены. Столь кардинальное преобразование основ политической системы государства потребовало дальнейшего и неотложного реформирования всех социально-политических и экономических сфер общественной жизни. Эта миссия и была возложена на П. А. Столыпина. Вот как охарактеризовал его политическую позицию великий русский мыслитель И. А. Ильин: «Столыпин выступил как настоящий *деловой воспитатель* русского лояльного конституционализма: он стремился *огосударствить политическое брожение*, оформить его и влить его энергию на колесо национального

строительства. И в этом он выступал и поступал, как настоящий *борец за свободу*, отстаивая ее и от реакции справа, и от грядущего революционного деспотизма слева. Но он отстаивал не ту меру свободы, которой добивались левые, а ту, которая была *нужна России*, сочетая, таким образом, глубокий культурный консерватизм с умеренным политическим либерализмом»⁷³ (курсив автора. — Н.П.).

Вектор реформаторского курса Столыпин определил четко: «Отечество наше должно превратиться в государство правовое»⁷⁴. Важнейшей составляющей преобразований становилась, конечно, аграрная реформа, но программа П. А. Столыпина, остававшаяся основой правительственной политики вплоть до 1917 г., предусматривала развитие гражданского общества и по другим направлениям: уравнивание прав всех сословий в отношении к государственной службе, в получении образования и т. д. (фактически это было уже осуществлено указом от 5 октября 1906 г.); принятие законов, гарантирующих неприкосновенность личности (арест только на основании судебного постановления и проверка судом законности ареста в течение 24-х часов, допуск адвокатов к подзащитному во время предварительного следствия* и т. п.); расширение функций и полномочий земств — органов местного самоуправления; создание министерств социального обеспечения, здоровья и труда⁷⁵.

Особая сложность ситуации на начальном этапе реформ заключалась в том, что разработку и первые практические шаги по реализации задуманных преобразований приходилось осуществлять под аккомпанемент погромов и террористических актов, в условиях борьбы с революцией и противостояния правительства с Государственной думой. Столыпин прекрасно понимал, что для успокоения страны и проведения реформ в жизнь ему необходима опора на места в лице управленцев-профессионалов, разделяющих идеологию преобразований и, что не менее важно, обладающих особым качеством — способностью к инициативной работе в сложных условиях меняющейся политической системы. Поэтому в первые же недели пребывания П. А. Столыпина на новом посту начинается подбор кандидатур для назначения на губернаторские и вице-губернаторские должности. При этом, просматривая имеющиеся списки кандидатов, министр менее всего

* Как известно, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации ввел эти нормы в действие только с 1 июля 2002 г., установив срок проверки судом законности ареста в 48 часов.

Алексей Дмитриевич Арбузов

руководствовался информацией о том, чьим протезе был тот или иной человек, а обращал внимание в первую очередь на его способности и подготовленность к занятию высокой государственной должности.

В числе таких людей оказался и Иван Францевич Кошко. Вот как напишет об этом его дочь Ольга спустя много лет: «...Столыпину понадобились дельные и мужественные люди. Одним из первых в Новгороде был выбран мой отец, репутация которого, как дельного и честного человека, была блестящей. Его назначили самарским вице-губернатором»⁷⁶. Решение о назначении было принято П. А. Столыпиным в конце мая⁷⁷, то есть спустя две-три недели после визита И. Ф. Кошко к А. Д. Арбузову. Следовательно, «дело» Ивана Фран-

цевича никуда не «пропадало». И теперь, когда он вновь явился в министерство для оформления своего назначения, А. Д. Арбузов встретил его уже с улыбкой, а поздравляя, неуклюже пояснил: «Я знал, что вы будете назначены, но не считал себя вправе вам это сообщить»⁷⁸. Оставим на совести чиновника его «право» на бездушное отношение к человеку. Заметим лишь: очень сомнительно, чтобы все обстояло именно так, потому что столь грубо и цинично карьеристы подобного рода могут разговаривать только с людьми, которых считают беззащитными. Если бы Арбузов угадал предстоящее решение П. А. Столыпина или хотя бы допускал его вероятность, то, конечно, навряд ли пожелал так сконфузиться.

Итак, Ивану Францевичу предстояло занять высокий пост в Самарской губернии. Мечты сбывались, но эйфории не было. Вспоминая момент, когда он получил внезапное известие о назначении, Кошко пишет: «Я так и обмер. Мною овладело весьма сложное чувство. С одной стороны — потрясающая радость, что наконец мечты мои осуществились, а с другой — со- сущая тревога. Дело в том, что Самарская губерния, как это было видно из

газет, стала ареной особенно сильных беспорядков. Тут происходили и убийства, и крестьянские погромы, объявлена была где-то республика, а в самой Самаре революция создала себе целую цитадель в Пушкинском народном доме, с которой очень долго приходилось носиться бывшему губернатору Засядко и все-таки кончить осадой ее войсками. Сам Засядко, как говорили, за свою нерешительность должен был подать в отставку. Еще так недавно, может быть месяц или два тому назад, туда был назначен вице-губернатором некто г. Михайлов. И вот, значит, и он оставил уже службу, если меня туда назначили. Я не знал, какие причины были этой последней отставки, но было очевидно, что она явилась результатом трудности положения, так как по доброй воле место так скоро после назначения не оставляют <...>

Итак, по-видимому, судьба меня бросает в самое жерло беспорядков. Тут была и опасность для жизни, и опасность для служебной карьеры. А если я не найду в себе достаточно мужества бороться с революцией и позорно струшу и спасую? Кто же может предсказать, как будешь держать себя, когда встанет вопрос о собственной шкуре... Я только внутренне чувствовал, что если бы мне пришлось смалодушествовать и осрамиться, то все равно такого позора я не вынесу»⁷⁹.

Эти тревожные мысли были вполне обоснованны, тем паче что Иван Францевич тогда не знал многое, что сегодня известно нам. Самарская губерния была действительно очень сложным регионом. На протяжении 1905-го — первой половины 1906 гг. местная администрация, от губернатора до урядника, практически ничего не предпринимала для пресечения беспорядков. Стачки стали привычным явлением. Из политических партий в Самарском крае особенно популярны и активны были эсеры, убежденные в правоммерности насилия для свержения существующего строя. Засыпая губернию прокламациями с призывом к вооруженной борьбе, эсеры сформировали боевые дружины в Самаре, во всех уездных городах и даже в некоторых деревнях и крупных селах⁸⁰. В декабре 1905 г. они дважды совершали покушение на начальника самарского гарнизона, генерала Сергеева⁸¹. Прочие же политические партии, представленные в губернии (Союз русского народа, октябристы, кадеты, социал-демократы), были настроены на жесткую конфронтацию друг с другом, и, разумеется, ни одна организация даже не задумывалась об оказании помощи губернским властям в обуздании политических страстей⁸². В декабре 1905 г. оба первых лица Самарского края, губернатор Д. И. Засядко и вице-губернатор В. Г. Кондоиди, были отстранены от своих должностей. А вновь назначенный губернатор

Н. М. Родионов «продержался» лишь полтора месяца, и уже 3 февраля 1906 г. на его место заступил И. Л. Блок (дядя поэта А. А. Блока). Только после этого положение дел в Самаре стало меняться, но до успокоения, к моменту назначения в губернию И. Ф. Кошко (вместо прослужившего полгода Н. Н. Михайлова), было еще далеко.

Прибытие в Самару и вступление И. Ф. Кошко в должность вице-губернатора (26 июня 1906 г.) хронологически совпало с очередным всплеском активности эсеров. К этому времени они смогли распространить свое влияние на войска самарского гарнизона. Во второй половине июня в некоторых частях произошли волнения. Дошло до того, что губернатор И. Л. Блок, деятельный и далеко не робкого десятка человек, был вынужден 23 июня 1906 г. телеграфировать П. А. Столыпину о необходимости «освежения войск частями незапятнанной репутации в скорейшем времени»⁸³. В это же время IV съезд эсеров Поволжской области принимает решение об упразднении мирной работы и о подготовке к восстанию, для чего разрабатывается особая программа действий, включающая партизанскую войну, покушения и взрывы правительственных учреждений. Самарский комитет эсеров незамедлительно приступил к практической реализации партийного курса, предоставив для вооружения своих дружин 800 винтовок и револьверов с большим количеством боеприпасов к ним⁸⁴.

Вот в таком водовороте событий оказался Иван Францевич. И первое серьезное испытание не заставило себя ждать. Уже через три дня, вечером 29 июня, поступило известие о беспорядках в крупном селе Кинель-Черкассы, расположенном от Самары в двух-трех часах езды по железной дороге. Дело там дошло до избияния стражников, что вынудило их применить оружие против пятитысячной толпы. Разобраться в ситуации и «водворить порядок» в мятежном селе губернатор поручил Кошко. Ночью в Кинель-Черкассы была отправлена рота солдат, а сам Иван Францевич выехал туда утренним поездом⁸⁵. Предстоящая миссия вызывала у И. Ф. Кошко тревожные мысли. Больше всего он опасался необходимости применения открытой силы: «Боже мой, как должно сделаться тяжело на душе, какое неизгладимое на всю жизнь содрогающее воспоминание должно оставить это ваше распоряжение, за которым последует гибель людей, уже ничем и никогда не вознаграждаемая!... Сидя в вагоне и переживая эти думы, я, конечно, не знал, как придется действовать, все ведь зависит от обстоятельств. Я давал себе лишь слово быть спокойным, заглушать немедленно всякое увлечение, всякую звинченность, строго обдумывать каждый свой поступок, но действовать

непреклонно, во что бы то ни стало водворить порядок, если он продолжает нарушаться»⁸⁶.

Для полноты картины добавим еще немного из того, чего не знал сам И. Ф. Кошко. Кинель-Черкассы по степени активности эсеров были вторым, после Самары, населенным пунктом губернии. Достаточно сказать, что летом 1906 г. их боевая дружина здесь насчитывала до двухсот человек (случай исключительный)⁸⁷, и именно сюда, как раз в это время, было направлено 100 винтовок из 800 упомянутых выше единиц огнестрельного оружия, которым вооружались эсеровские группы в ходе подготовки к восстанию⁸⁸. Не зная таких деталей, Кошко был, безусловно, прав в своих ощущениях — ситуация имела все шансы на развитие в самом неблагоприятном направлении.

Скажем сразу, не вдаваясь в подробности: эта трудная миссия была выполнена. В ходе трехдневного следствия вице-губернатор выяснил картину событий*, выявил и, арестовав, отправил в Самару пятнадцать наиболее активных участников беспорядков⁸⁹. Можно было возвращаться домой, но Иван Францевич не спешил восвояси под прикрытием роты солдат, а счел необходимым собрать сельский сход. Местный жандармский ротмистр пытался отговорить его от этой затеи, так как опасался, что столь большое

* Беспорядки в Кинель-Черкасах были спровоцированы эсерами. Играя на проблемах, порожденных нерешенностью аграрного вопроса, в частности на крестьянском малоземелье, эсеры призывали своими прокламациями крестьян к восстанию, изгнанию властей и помещиков, к захвату земли. Непосредственно события 29 июня разворачивались следующим образом. После окончания церковной службы (был Петров день) какие-то люди стали созывать выходящих из церкви крестьян на сход. Собралось около 500 человек, и перед ними выступил оратор. Он говорил, что Государственная дума якобы рассматривает закон, по которому все казенные и помещичьи земли вместе с растущим на них урожаем будут отданы крестьянам, что обнародование закона вот-вот состоится, и он немедленно вступит в силу. В связи с этим находящийся в полях урожай крестьяне уже могут считать своим. Однако местные власти станут саботировать проведение закона в жизнь, поэтому следует вооружаться, чтобы быть готовыми устранить местную администрацию, когда это потребуется, заменив ее выборными от крестьян. Это была откровенная провокация. После таких слов полицейский исправник попытался задержать оратора, но толпа не позволила этого сделать, разоружив и избив исправника и нескольких стражников. Подоспевшие на помощь полицейские (10 человек) отбили своих сослуживцев, но в это время кто-то ударил в набат, толпа стала расти, забрасывая полицейских камнями. В ответ был дан залп. Один человек погиб, остальные разбежались, однако полицейские оставались в полусадном положении и обстановка в селе сохранялась крайне напряженной. (См.: *Кошко И. Ф.* Воспоминания губернатора (1905—1914): Новгород — Самара — Пенза. Пг., 1916. С. 59 — 60.)

скопление людей может вновь взорвать ситуацию, вплоть до попытки покушения на вице-губернатора⁹⁰. Однако Иван Францевич остался непреклонным, поскольку считал себя обязанным разъяснить людям всю пагубность (в конечном итоге для них самих) насилия по отношению к законной власти. В этом он видел свой долг, исполнение которого потребовало немало самообладания. Меры безопасности, конечно, приняли, но солдат на сходе не было. Их разместили неподалеку, в здании школы. Однако будет ли время хотя бы осознать, что совершается?! Этого не знал никто. «Признаюсь, было ужасно страшно», — пишет И. Ф. Кошко о моменте, когда ему пришлось идти сквозь толпу собравшихся крестьян⁹¹. Однако сход прошел без эксцессов, и ночным поездом Кошко вернулся в Самару, но в дальнейшем эсеровская организация Кинель-Черкасс еще не раз напоминала о себе вооруженными стычками с ротой солдат, которую И. Ф. Кошко оставил в селе⁹².

Губерния же продолжала бурлить. После роспуска Первой Государственной думы, состоявшегося 9 июля 1906 г.*, наряду с эсерами, к вооруженному восстанию в своих прокламациях вновь стали призывать и социал-демократы, отказавшиеся было от насильственных методов борьбы после декабрьского поражения 1905 г. Буквально на следующий день после роспуска думы революционеры предприняли очередную неудачную попытку восстания в частях Самарского гарнизона⁹³. А через десять дней, 21 июля, эсеры попытались захватить целый город — Ставрополь**. Накануне туда из боевых дружин было стянуто около двухсот человек. Однако власти, узнав об этом заранее, перебросили в город дополнительные силы, что заставило боевиков отказаться от своих намерений, но без вооруженного столкновения все равно не обошлось⁹⁴.

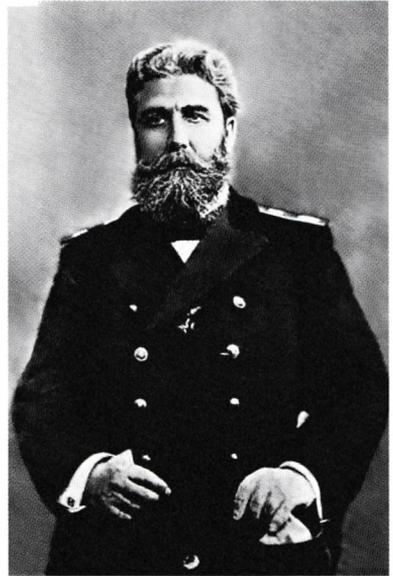
* С самого начала своей деятельности, оппозиционно настроенное думское большинство выдвинуло требование принудительного отчуждения частновладельческих земель. Для правительства это было неприемлемо. Конфронтация по данному вопросу и послужила в конечном итоге главной причиной роспуска думы, так как в накаленной обстановке того времени подобные призывы могли стать запалом нового массового революционного насилия, искоркой которого и блеснули упомянутые выше события в Кинель-Черкассах. Что же касается экономической целесообразности отчуждения помещичьих земель, то после его осуществления в 1918 г. большевики признали: эта мера серьезного экономического значения не имела, являясь лишь «средством революционизирования деревни» (см.: *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. М., 1991. С. 353 — 354, 357).

** Город Ставрополь бывшей Самарской губернии (ныне области), основанный в 1737 г. В. Н. Татищевым, был переименован в 1964 г. в Тольятти.

Между тем в памяти И. Ф. Кошко этот день запечатлелся другим трагическим событием. С утра он доложил губернатору И. Л. Блоку о результатах своей (уже третьей за месяц) поездки в Кинель-Черкассы, затем они вместе участвовали в заседании Губернского правления, а после него отправились домой к Ивану Францевичу, где за обедом завершили обсуждение текущих дел, и И. Л. Блок уехал домой. А через несколько минут пришло известие: в трех кварталах от дома И. Ф. Кошко в губернаторского брошена бомба, и он убит⁹⁵. Добежав до места происшествия, Иван Францевич с трудом протиснулся через собравшуюся толпу и замер, увидев «что-то черное, окровавленное, лежащее в огромной луже крови... Голова была оторвана так, что осталась лишь часть нижней челюсти с клоком бороды. Вокруг не видно было кусков костей или мозга, все было разнесено в воздухе, обращено в брызги, усеявшие соседние крыши и верхние этажи домов... Кисть руки и ступня одной ноги оторваны и тоже исчезли бесследно»⁹⁶.

О чем думал Иван Францевич в ту минуту, и что творилось в его душе?! Пусть он скажет об этом сам: «Я был глубоко потрясен этой ужасной картиной: во мне все как-то сжалось и онемело, одна мысль работала особенно ярко. Я все не мог отогнать от себя какого-то странного сомнения, что тут лежит тело бедного Ивана Львовича, только что со мной беседовавшего, и в то же время сознавал нелепость такого сомнения. Внезапность глубокой перемены как-то не усваивалась сознанием, и все казалось, что это что-то не настоящее, кошмарное... Ну, вот Ивана Львовича убили, теперь очередь за мной. Может быть, в этой самой окружающей нас сплошным кольцом толпе притаился и мой убийца... Мысль об опасности меня несколько не волновала, было как-то совершенно безразлично. Проносится в голове соображение, что смерть Ивана Львовича была, очевидно, совершенно безболезненна: мгновение и орган сознания обратился в брызги»⁹⁷.

И. Ф. Кошко и И. Л. Блок оказались очень близкими людьми не только по своим политическим убеждениям, но и духовно, и даже по характеру.

Иван Львович Блок

Поэтому, несмотря на очень краткий срок совместной работы, Иван Францевич успел проникнуться к И. Л. Блоку искренним уважением. Характеризуя погибшего губернатора, он отмечал, что все распоряжения Ивана Львовича «в области революционного движения были строго законны и спокойны. Какой-либо жестокости, неуместного для представителя власти издевательства он никогда не проявлял. Будучи лично мужественным человеком, честно исполнявшим свой долг, он требовал того же от подчиненных и глубоко презирал всякое влияние. „Если ты не одобряешь действия правительства, — говорил он всегда, — так выходи в отставку и делай, и думай, что тебе угодно. А состоя на службе, получая жалованье и перекидываясь на сторону врагов, человек совершает гнусную измену, которая претит всякому сколько-нибудь порядочному человеку”»⁹⁸.

Гибель И. Л. Блока стала, конечно, по-человечески тяжелой утратой для И. Ф. Кошко. Но особая тяжесть от последствий совершенного убийства состояла в том, что, пробыв лишь месяц вице-губернатором, он оказался ответственным за весь беспокойный Самарский край. Террор эсеров продолжался. Через неделю после убийства И. Л. Блока, 29 июля, брошена (но не взорвалась) бомба в губернское жандармское управление⁹⁹. Через день, в ночь на 31 июля, раздались взрывы бомб за Волгой — на территории соседней Симбирской губернии. Еще через день, 2 августа, в сражение со

стражниками и солдатами вступила боевая дружина все тех же Кинель-Черкасс. Это выступление задумывалось эсерами как первый этап вооруженного восстания: по сигналу отсюда предполагалось выступление дружин в Бузулуке и Ново-Сергиевске, после чего, объединившись, они должны были взять Бугуруслан, где находился большой оружейный арсенал¹⁰⁰. Но из-за поражения в Черкассах «поход» не состоялся. Не зря И. Ф. Кошко ездил в это село! А в сентябре Иван Францевич узнал, что от взрыва бомбы ранен и вскоре скончался его «сосед» — симбирский губернатор К. С. Старынкевич, с которым он был знаком по Академии Генерального штаба¹⁰¹. О крайней сложности ситуации свидетель-

*Константин Сократович
Старынкевич*

ствует и то, что в дополнение к терактам на июль — август (то есть на время фактического губернаторства И. Ф. Кошко) в Самарской губернии пришлось 73 крестьянских выступления — большинство всех выступлений 1906 года¹⁰².

Все эти события требовали самых энергичных и решительных мер по удержанию порядка в крае. И вице-губернатор их принял. Ответ не заставил себя ждать. На следующий день после разгона казаками одного из эсеровских митингов (без жертв с чьей-либо стороны) на улицах города появились листовки Поволжского комитета эсеров о вынесении И. Ф. Кошко смертного приговора¹⁰³.

Тяжесть ответственности за происходящее в губернии, напряженность работы, постоянно висящая угроза собственной жизни — все это не могло не сказаться на морально-психологическом состоянии Ивана Францевича. И пусть об этом он тоже расскажет сам: «Управление Самарской губернией в моем сознании было все время тяжким, угнетающим бременем. Я человек вообще жизнерадостный, до сих пор умел находить в себе утешающие мысли, твердую надежду на благополучный исход в самых трудных минутах своей жизни... Теперь эта способность подбадривать себя как-то совершенно меня оставила. Мне все казалось таким серым, безнадежным, унылым. Мне было 47 лет, физически я был совершенно здоров, и это отсутствие жизнерадостности было тем невыносимее, чем меньше его было в предшествовавшей моей жизни. Чувство страха находило на меня иногда, но даже оно казалось лучше унылого равнодушия; все-таки это чувство волновало, заставляло с собою бороться. Да я и нашел скоро вполне действительное средство для безошибочного его подавления.

Когда ужас мною овладевал и воображение видело опасность даже там, где ее быть не могло, я заставлял себя надевать форменное платье, отправлялся пешком гулять в самые людные места, заранее назначая себе место, до которого я непременно дойду. Я постоянно прибегал к этому способу и здесь, и (позже. — *Н. П.*) в Пензе...»¹⁰⁴ Вот так нес свой крест сильный и честный человек!

В сентябре 1906 г. на место убитого И. Л. Блока прибыл новый губернатор В. В. Якунин. Обеспечив управляемость территорией в течение полутора самых сложных месяцев, И. Ф. Кошко сдал ему дела и вернулся к исполнению своих обязанностей. Митинговые страсти непосредственно в губернском центре к этому времени, благодаря усилиям Ивана Францевича, улеглись, но периферия оставалась еще беспокойной, хотя революционная

волна пошла на спад и там. Однако, помимо борьбы с терроризмом, руководство краем требовало каждодневного решения и массы других административных, хозяйственно-экономических и прочих текущих вопросов. И в этой сфере И. Ф. Кошко оказался на высоте. Опираясь на личный опыт предшествующей службы, он быстро разобрался в местных проблемах¹⁰⁵ и как опытный управленец принимал грамотные решения.

В начале ноября 1906 г., оказавшись в Санкт-Петербурге, Иван Францевич побывал на приеме у П. А. Столыпина. Министр встретил его словами: «Я очень рад, что не ошибся, назначив вас вице-губернатором. Вы отлично справились в трудных обстоятельствах и держали себя достойно. Все ваши распоряжения были правильны, продуманны, без вредной горячности. Благодарю вас очень». А в завершение беседы, уже прощаясь, П. А. Столыпин добавил: «Еще раз благодарю вас. Я вам дам дальнейшее движение»¹⁰⁶. Спустя месяц, 6 декабря 1906 г., высочайшим приказом по гражданскому ведомству И. Ф. Кошко был «произведен, за отличие, в действительные статские советники»¹⁰⁷ — в чин IV класса, соответствовавший армейскому званию генерал-майора. Конечно, похвальные слова министра и производство в чин были приятны и заслужены им. Но на должностное повышение, зная обычную практику назначений, И. Ф. Кошко ранее чем через два-три года не рассчитывал, даже при самых благоприятных обстоятельствах¹⁰⁸. Между тем жизнь опять распорядилась по-своему, и вновь обстоятельства резкой перемены в судьбе Ивана Францевича были вызваны трагедией. В результате очередного теракта, совершенного эсером А. Э. Гиттерманом, 25 января 1907 г. погиб пензенский губернатор С. В. Александровский¹⁰⁹.

Сюда П. А. Столыпин и выдвинул И. Ф. Кошко. Всего через семь с половиной месяцев своего вице-губернаторства (случай исключительный, особенно если учесть отсутствие протекций) Ивану Францевичу предстояло вновь замкнуть строй на месте павшего от рук убийц, но теперь уже в статусе полноценного губернатора. Это должностное повышение еще сильнее увеличивало реальную опасность разделить судьбу своих предшественников. Россия первого десятилетия XX в. переживала разгул терроризма, особенно в 1905—1907 гг., когда жертвами так называемого революционного террора стало более 9 тыс. человек¹¹⁰. Великий князь Александр Михайлович, вспоминая 1905 год, писал: «Вся Россия была в огне... Из всех губерний неслись вопли о помощи и просьбы прислать гвардейские части или казаков. Было убито так много губернаторов, что назначение на этот пост было равносильно смертному приговору»¹¹¹. Всего же за 1901—1911 гг. от

рук террористов «пострадало около 17 тыс. человек, среди них около половины были государственными служащими»¹¹².

Безусловно, выбор П. А. Столыпина при назначении И. Ф. Кошко в Пензу определялся тем, что за короткий самарский период Иван Францевич на деле доказал свою способность управлять губернией, проявив умение реально, без паники оценивать ситуацию, верно реагировать на ее изменения в условиях быстротекущих и сложных событий, в условиях, требующих решительности, мужества и вместе с тем мудрой осторожности и дальновидности.

Назначение И. Ф. Кошко в Пензенскую губернию из-за серьезности положения в ней было крайне срочным. Специальной телеграммой П. А. Столыпин распорядился даже, чтобы И. Ф. Кошко, не дожидаясь высочайшего указа о своем назначении (так как на это требовалось время, и указ вышел лишь 10 февраля 1907 г.), немедленно сдал дела в Самаре «и возможно скорее ехал в Пензу»¹¹³. Так, в начале февраля 1907 г. Иван Францевич приступил к исполнению обязанностей пензенского губернатора. Времени на «раскачку» не было. Кроме эсеров, террор в Пензе осуществляла еще и группа анархистов в количестве до тридцати человек, руководимая неким Германом Великопольским¹¹⁴. Губерния буквально полыхала: поджоги и погромы помещичьих усадеб, убийства должностных лиц, просто уголовные разбои и грабежи — всегдашний спутник любого смутного времени. Без восстановления порядка и управляемости на местах проведение в жизнь реформ было невозможно.

Помимо отдачи соответствующих распоряжений подчиненным ему полицейским и армейским подразделениям, и не ограничиваясь лишь «кабинетным» контролем за их исполнением, И. Ф. Кошко неоднократно сам выезжал в «горячие точки» губернии, туда, где особая напряженность ситуации, по его мнению, требовала личного участия. Но это были не карательные экспедиции. Выступая на сельских сходах, губернатор терпеливо и доходчиво разъяснял крестьянам суть правительственной политики, растолковывал содержание конкретных мер, подлежащих осуществлению в рамках аграрной реформы.

В то же время не было заискивания и перед революционно-оппозиционным лагерем. При необходимости решения принимались достаточно жесткие, но всегда соответствующие закону. Как и в Самаре, по улицам Пензы стали разбрасываться листовки «против „сумасшедшего сатрапа“» с призывами «к нещадной борьбе с правительством, имеющим таких аген-

*Губернаторский дом
в Пензе. Начало XX в.*

здесь еще чаще, чем в Самаре, — вспоминает Иван Францевич, — я выходил из дому пешком, в форменном платье и гулял нарочно по видным улицам. Конечно, я не могу сказать, чтобы во время этих прогулок я очень наслаждался моционом, но это нужно было и приносило мне по возвращении домой полное успокоение. Смешно было наблюдать, как неохотно беседовали со мной встречавшиеся на прогулке знакомые и как пристально они оглядывались по сторонам, торопясь поскорее уйти»¹¹⁵.

Параллельно с водворением порядка (хотя военное положение в Пензенской губернии, введенное в 1905 г., продолжало действовать до 1910 г.¹¹⁷) на первое место по значимости выходили другие заботы. Главная из них — проведение в жизнь самой радикальной после отмены крепостного права столыпинской аграрной реформы. Цель ее — подъем товарности сельского хозяйства путем разрушения общины и создания в деревне экономически самостоятельных крестьянских хозяйств на основе частной собственности на землю.

Обосновывая необходимость ликвидации ограничительных пут общины, лишаящих крестьян экономической свободы, П. А. Столыпин говорил: «Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, то есть труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей»¹¹⁸. И еще одно высказывание, адресованное сторонникам сохранения общины, представлявшим как левые, так и правые политические партии: «Много у нас говорят о свободах, но глашатаи отвлеченных свобод не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина»¹¹⁹. Радикальное последовательное решение аграрного вопроса являлось и важнейшей политической задачей, так как устранить саму первопричину смуты, по справед-

ливому убеждению П. А. Столыпина, можно было, лишь «дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения»¹²⁰. Экономически независимый крестьянин-собственник укрепил бы социальную базу русского либерализма¹²¹.

Проведение реформы на местах осуществлялось землеустроительными комиссиями под руководством губернаторов. Однако Иван Францевич активно включился в эту работу не только по должностной обязанности, но и по своему искреннему убеждению в насущности таких преобразований. Имея огромный практический опыт работы в деревне и глубоко зная ее, И. Ф. Кошко аргументированно возражал противникам реформы, которые «упорно продолжали гипнотизироваться пущенной в оборот фразой, будто бы община спасет Россию от пролетариата. Если у нас, — пишет он далее, — как будто бы и действительно не было пролетариата, так как миллионы фабричных и отсутствующих на заработки крестьян все-таки владели землей, то это было лишь явлением кажущимся. Что такое пролетариат? Это такой класс людей, у которого есть только рабочие руки, но нет ни капитала, ни орудий обработки и существование которого целиком зависит поэтому от чужой воли работодателя. Чем, спрашивается, лучше положение крестьянина, хотя и владеющего клочком богатейшей черноземной земли, но не умеющего, а часто и не могущего добыть на нем себе и своей семье даже нищенского пропитания и принужденного ходить на сторонние заработки? Если это еще не пролетариат в полном значении этого слова, то нечто очень к нему приближающееся и отличающееся от него не столько по существу, сколько формально внешними второстепенного значения признаками»¹²². Заметим, что практически аналогичную оценку ситуации в деревне давали и большевики. Но в отличие от них, И. Ф. Кошко, опираясь на свое понимание жизни народа, разделял иной стратегический выбор — концепцию столыпинской реформы.

Главное препятствие на пути аграрных преобразований в Пензенской губернии И. Ф. Кошко увидел сразу — это малоземелье крестьян, вынужденных компенсировать ничтожность своих наделов арендой помещичьей земли¹²³. По указу от 9 ноября 1906 г. (превратившемся в закон после принятия Государственной думой 14 июня 1910 г.) за выходцами из общины закреплялась земля, находящаяся в их пользовании со времени последнего передела, независимо от числа душ в семье. Это означало, что те семьи, чьи общинные наделы подлежали уменьшению (при ближайшем переделе) из-за сокращения в них числа мужских душ, получали возможность закрепить

за собой в частную собственность всю землю, фактически имеющуюся у них на момент выхода из общины. Важно и другое: там, где переделов не было в течение 24 лет, вся земля укреплялась в собственность безвозмездно, а где таковые производились, подлежали оплате только излишки земли сверх причитавшейся на наличные души, причем по цене ниже рыночной¹²⁴. Вот эти-то семьи, где в случае передела «ожидалось уменьшение земли, и явились первыми пионерами в деле насаждения личной собственности» на территории Пензенской губернии¹²⁵.

Однако, чтобы выход из общины стал массовым, требовалось заинтересовать в нем и малоземельные хозяйства. Поэтому И. Ф. Кошко установил тесный контакт землеустроительных комиссий с губернским отделением Крестьянского банка для выработки наиболее льготных условий покупки помещичьей земли крестьянами, решившимися порвать с общиной. В результате банк распродал им свой земельный фонд* либо на условиях внесения минимальных задатков с постепенным погашением остальной суммы, либо в форме аренды земли с включением ее оплаты в счет покупной суммы. Многие крестьяне, в том числе далеко не самые зажиточные, воспользовались такой возможностью и за два с небольшим года Пензенское отделение Крестьянского банка полностью распродало свой земельный фонд — 200 тыс. десятин¹²⁶.

Губернской землеустроительной комиссии, руководимой И. Ф. Кошко, пришлось полностью взять на себя и организацию агротехнической помощи крестьянам (распространение агрономических знаний, выделение ссуд и пособий на мелиорацию, устройство опытных полей и др.), так как местное земство совершенно отстранилось от этой работы под предлогом того, что оно является учреждением всесословным и не может заниматься нуждами лишь одной части плательщиков земских сборов — выходцев из общины. Иван Францевич прекрасно понимал, что эта позиция пензенского земства явилась результатом преобладания в его составе оппозиционно (в основном прокадетски) настроенных по отношению к правительственной политике

* Государственный Крестьянский поземельный банк с 1895 г. был уполномоченным банком правительства по перепродаже помещичьих земель. Скупая имения и сразу рассчитываясь за них с владельцами, банк формировал свой земельный фонд, который по частям распродался крестьянам. Особенно большое количество земель помещики продали банку во время крестьянских волнений 1905 — 1906 гг., опасаясь при этом не только всплеска погромов усадеб, но и возможной перспективы принудительного отчуждения помещичьих земель.

людей, которые не разделяли главной цели аграрной реформы — разрушения общины. Сам И. Ф. Кошко был убежден, что отработанные в ходе реформы положительные результаты агротехнической помощи выходцам из общины не только укрепят экономическое положение последних, но неизбежно получат распространение и среди остального крестьянства¹²⁷. Поэтому губернатор не стал ввязываться в бесплодные дискуссии с земством, а просто делал то, что считал должным.

Контроль центральных учреждений за ходом аграрной реформы на местах был довольно пристальным. В частности, Пензенскую губернию с этой целью неоднократно посещали сенаторы и представители Министерства внутренних дел. «Кажется, все находили, что дело идет успешно», — резюмировал И. Ф. Кошко итоги высоких визитов¹²⁸.

В отличие от Новгорода, в Самаре и Пензе Ивану Францевичу пришлось погрузиться еще в одну сферу служебных отношений — в специфическую систему чиновной среды. Конечно, и ранее он находился не в вакууме, и сам являлся частью структуры государственного аппарата, но круг прямых обязанностей земского начальника позволял оставаться ему на периферии этой системы. С переходом же на вице-губернаторскую должность, а затем и губернаторский пост, И. Ф. Кошко оказался в эпицентре непростых межчиновных отношений, имевших двустороннюю направленность: как вниз — в сторону подчиненных, так и вверх — в сторону центральных ведомств. В ряду последних Министерству внутренних дел принадлежало, безусловно, ведущее место. Практически все действия руководителей губерний, как показал Р. Роббинс, внимательно отслеживались с обеих сторон¹²⁹. В отношениях с обеими сторонами нередко приходилось проявлять упорство и волю, дабы достичь исполнения задуманного. И если по линии министерства это понятно и объяснимо, то в отношениях с нижестоящим чиновничьим аппаратом это может показаться парадоксальным. Однако данный факт остается, увы, фактом не только начала XX века. Даже формальное соблюдение должной субординации со стороны подчиненных еще не означает, что каждое поступающее к ним распоряжение будет исполнено подобающим образом. С этим И. Ф. Кошко столкнулся уже в первые дни вице-губернаторства, когда сотрудники канцелярии полагали возможным отложить исполнение поручений «до другого раза» и Ивану Францевичу приходилось «любезно, но твердо» настаивать на своем¹³⁰.

Высокий служебный статус, обязывающий постоянно делать ответственный и порой очень трудный выбор, не диссонировал с внутренним «Я»

Ивана Францевича. Его кредо — честное исполнение долга, основанное на совести и законе. Для него эти два понятия не взаимоисключали друг друга, не противоречили одно другому, а составляли неразрывное единство. Их гармоничный симбиоз, свойственный натуре И. Ф. Кошко, определял направленность всех его действий. Поэтому естественное стремление сделать карьеру не аннулировало в нем принципиальности и честности, не затмевало собой нравственность. Отсюда и проистекала, например, его искренняя убежденность в своей не должностной, а человеческой обязанности содействовать налаживанию жизни крестьян в Новгородском уезде, что заставляло активно работать и добиваться результата. Отсюда его решимость и мужество в борьбе с терроризмом. Отсюда его последовательная деятельность по проведению в жизнь аграрной реформы в Пензенском крае. В этом же истоки взлетов и... обрывов его карьеры.

В сентябре 1909 г. И. Ф. Кошко отстранил от должности и уволил со службы полицейского исправника, который препятствовал раскрытию двух грабежей, совершенных на территории подведомственного ему Нижне-Ломовского уезда. Оба грабежа сопровождались убийствами: в первом случае — управляющего одного из имений, а во втором — зажиточного крестьянина-пасечника. Исправник запрещал своим подчиненным ставным приставам делиться сведениями с сотрудниками сыскной (то есть уголовной) полиции, присланными из Пензы по приказу И. Ф. Кошко специально для расследования этих дел, оказывалось давление на свидетелей и т. п. Причина конфликта заключалась в том, что работа губернских следователей воспринималась исправником как покушение на его авторитет профессионала, хотя первоначальное расследование, проведенное им самим, направилось по ложному следу и зашло в тупик.

Возмущенный поступком подчиненного, и дабы наглядно показать каждому «чиновнику, ставящему свое мелкое самолюбие выше обязанностей службы», что может постигнуть провинившегося в случае подобных действий, И. Ф. Кошко распорядился опубликовать приказ об увольнении исправника в губернских ведомостях¹³¹. Иван Францевич полагал необходимым предать эту историю гласности еще по одной причине — ради укрепления авторитета самой государственной власти. «Ведь никто же не воображает, — поясняет он мотивы своего решения, — что русские чиновники какие-то ангелы, которым не свойственны человеческие слабости и недостатки. Они такие же грешные люди, как и мы все, и было бы нелепостью отрицать это. Но правильно поставленная служба требует лишь одного, чтобы обна-

ржившаяся служебная вина была тем серьезнее покарана, чем значительнее последствия проступка. Если по этому общество будет узнавать, что правительственная власть не мирволит своим агентам, что преступления их караются, то ведь тем самым общество будет убеждаться лишь в достоинстве самой власти и правильном ее функционировании»¹³².

Однако исправник оказался искусным стратегом закулисных интриг. С помощью влиятельных покровителей в Санкт-Петербурге он добился наконец того, что спустя почти год, в начале августа 1910 г., И. Ф. Кошко в письме от вице-директора Департамента полиции Министерства внутренних дел С. П. Белецкого, получил рекомендацию (со ссылкой на устное распоряжение П. А. Столыпина) особым приказом реабилитировать «служебную честь» исправника¹³³. Такой оборот дела шокировал Ивана Францевича. Он понял, что это результат, мягко говоря, необъективного доклада С. П. Белецкого министру*. Как раз в это время П. А. Столыпин совершал поездку по губерниям и через два дня его поезд ожидался в Пензе. На предстоящей встрече И. Ф. Кошко, естественно, решил лично доложить министру все обстоятельства конфликта. Но как только речь зашла об исправнике, «Столыпин весь вспыхнул и резко сказал:

*Степан Петрович
Белецкий*

* К месту будет добавить, что лично-предвзятое и недоброжелательное отношение С. П. Белецкого к фамилии Кошко испытал на себе и младший брат Ивана Францевича — Аркадий, который в это время служил по ведомству Департамента полиции и возглавлял уголовный розыск Москвы. Уже позже, в 1914 г., после увольнения С. П. Белецкого, Аркадию Францевичу стало известно, что его бывший начальник, получив (а может быть, организовав) донос о том, что А. Ф. Кошко на занятиях со студентами критикует политический сыск России, наложил на извет резолюцию: «Установить за Кошко негласный надзор и подвергнуть перлюстрации его частную корреспонденцию». При этом Белецкий прекрасно знал, что просьба вести занятия по методике уголовного розыска со студентами юридического факультета исходила от профессоров Московского университета и Аркадий Францевич согласился на нее только после того, как было получено личное разрешение П. А. Столыпина: «Предоставляю это дело на усмотрение Кошко, которому всецело доверяю» (см.: Руднев П. И. Начальник Московской сысковой полиции А. Ф. Кошко // Вопросы истории. М., 1999. № 4/5. С. 138, 141—142).

„Однако Ваш приказ об устранении от должности исправника — верх бестактности”. При этих словах я замолк, — вспоминает Иван Францевич, — и несколько секунд мы молча смотрели друг на друга»¹³⁴. Далее Столыпин перешел на другие темы. Объяснение не состоялось.

Встал вопрос, как быть дальше. Не сомневаясь в правильности своего решения в отношении преступившего закон и мораль чиновника, Иван Францевич с горечью размышлял: «Меня упрекают в какой-то бестактности, действия мои признаются подлежащими отмене... то какая же гарантия в том, что такая же оценка не постигнет и всякое иное мое действие. Получается, таким образом, положение, что распоряжения мои должны считаться не с сущностью вызывающих их обстоятельств, а с тем, какое впечатление могут они произвести в Петрограде. Так служить я не умею и не хочу... Ну, а если губернатор не пользуется доверием своего министра, ему нельзя ни минуты продолжать службу... Я всю свою жизнь привык много работать и остаться теперь без дела, когда силы еще имеются, разумеется, страшно»¹³⁵. Но другого пути для себя Иван Францевич представить не мог.

Официальное прошение об отставке он мотивировал «расслабленным здоровьем», но П. А. Столыпин, конечно же, понял, что суть не в этом. Сдав все дела, 26 августа 1910 г. И. Ф. Кошко оставил Пензу и выехал в новгородское имение¹³⁶. Хлопоты с переездом и наведение порядка в имении еще как-то отвлекали от мрачных дум, но по мере налаживания быта появившееся свободное время все больше и больше становилось невыносимым. Вынужденное бездействие, вызванное несправедливостью, угнетало. При этом, несмотря ни на что, Иван Францевич не осуждал Столыпина, «так как продолжал глубоко его уважать и свою историю приписывал прежде всего недосугу лично ознакомиться с делом и необходимости полагаться на доклады подчиненных»¹³⁷. Этот сохранившийся резерв доверия к министру подтолкнул к решению послать Столыпину письмо, в котором И. Ф. Кошко, не касаясь причин отставки, откровенно признался, что «его бесконечно тяготит» бездеятельность, и попросил вновь назначить его на службу¹³⁸.

Довольно скоро, в декабре 1910 г., все тот же бессменный директор Департамента общих дел А. Д. Арбузов проинформировал Ивана Францевича: «...имея в виду, что Вы были отличным губернатором, министр согласился снова дать Вам губернию»¹³⁹. К чести Столыпина — порядочными людьми он не разбрасывался. Назначение состоялось через два месяца. Высочайший указ от 28 февраля 1911 г. повелевал И. Ф. Кошко «быть Пермским губернатором»¹⁴⁰.

Доверие Столыпина Иван Францевич оправдал полностью. Со свойственной ему энергией Кошко с головой погрузился в работу, которой, не смотря на политически спокойное время, «накапливалось, — по его признанию, — чрезвычайно много, столько, сколько бывало в Пензе в самые сложные моменты. Объясняется это, конечно, размерами губернии и сложностью ее экономического уклада»¹⁴¹. Три года и пять месяцев Иван Францевич тянул воз управления одной из самых сложных и больших промышленных губерний России. Поэтому уральскому этапу в его службе посвящен отдельный ниже следующий очерк. А здесь мы коснемся только одного вопроса — отставки.

Скупые официальные строки аттестата о службе фиксируют, что «в 11-й день августа 1914 года» И. Ф. Кошко был «всемилодивейше уволен от службы, согласно прошению, с мундиром должности губернатора присвоенным»¹⁴². Никакой формальной причины, как это было при первой отставке, не указано. Нет прямых объяснений и в пермских мемуарах Ивана Францевича. Лишь в недавно изданной и уже упоминавшейся выше брошюре «Пермские губернаторы» цитируется свидетельство В. Н. Трапезникова о том, что увольнение произошло «в связи с незаконными действиями при подавлении бунта рабочих в г. Лысьва»¹⁴³. Однако состоятельность данной версии крайне сомнительна даже без знакомства с фактической стороной событий. Во-первых, кто такой В. Н. Трапезников? Это один из руководителей пермских социал-демократов меньшевистского толка и публицист¹⁴⁴. Разумеется, он не мог обладать авторитетной осведомленностью в вопросах кадровых решений, принимаемых на высшем уровне, и его не подтвержденное документами голословное мнение, высказанное с определенной политической целью, серьезным признать нельзя. Во-вторых, непосредственный анализ хода и содержания лысьвенских событий показал, что никакой незаконности Иван Францевич тогда не допустил, и его действия никак не могли послужить причиной отставки (подробнее см. очерк «На Урале»). Наконец, в-третьих, в силу уже известных нам человеческих и деловых качеств Ивана Францевича просто невозможно представить, что он был способен пойти на нарушение закона.

Поэтому в поисках ответа на вопрос о действительной причине пермской отставки заглянем повнимательней в публикуемые нами мемуары. В шестой главе И. Ф. Кошко рассказывает о службе и судьбе одного из своих подчиненных, чиновника высокого ранга губернской администрации — об управляющем Пермской казенной палатой Николае Александровиче

Ордовском-Танаевском, который имел близкое знакомство с Г. Е. Распутиным. Когда царский фаворит проезжал через Пермь по пути в Сибирь либо обратно в столицу, Ордовский-Танаевский иногда принимал его в своем доме. Поначалу пермское общество высказывало «возмущение» этим, но со временем, когда Распутин вошел в силу, умолкло. И вот однажды, «уже в конце моей службы в Перми», — уточняет И. Ф. Кошко, то есть в 1914 г., во время очередного визита Распутина в Пермь, Ордовский оказался исполняющим обязанности губернатора, поскольку сам Иван Францевич и вице-губернатор В. И. Европеус в тот момент находились в отъезде. Воспользовавшись губернаторскими полномочиями, Н. А. Ордовский-Танаевский приказал открыть парадные залы вокзала, предназначенные для официальных приемов высоких особ, и устроил там пышную встречу Распутину, А. А. Вырубовой и другим сопровождавшим его лицам*. Информация об этом пошла в газеты, но не разобравшиеся в происшествии (а может, и намеренно дезинформированные) столичные журналисты сообщили, что встречу Распутина организовал сам пермский губернатор. Иван Францевич послал в газету опровержение, но его по какой-то причине не напечатали. На том все и кончилось. А через пару месяцев он узнал, что в Петербурге продолжают много говорить по этому поводу. Допустить, чтобы порядочные люди считали его «презренным лакеем» Распутина, Иван Францевич, конечно, не мог и добился публикации опровержения, сформулировав его так: «В газете „Речь” была напечатана корреспонденция из Перми, в которой говорилось, что пермский губернатор И. Ф. Кошко выезжал на вокзал встречать Распутина и вел с ним продолжительную беседу. Это ложь, Распутину я никогда в жизни не видел, никогда с ним отношений не имел,

* Данный визит Г. Е. Распутина состоялся во второй половине марта 1914 г. (так как из формулярного списка Н. А. Ордовского-Танаевского известно, что он исполнял обязанности пермского губернатора в 1914 г. с 18 по 20 и с 23 по 26 марта). Это был не совсем обычный проезд Распутина мимо Перми. О нем в своих мемуарах подробно пишет сам Ордовский. Визиту предшествовало письмо А. А. Вырубовой, фрейлины и близкой подруги императрицы, с просьбой, чтобы Н. А. Ордовский-Танаевский «неофициально и совершенно без оглашения» организовал беспрепятственный проезд вагона Распутина по территории Пермской губернии до Тюмени, оттуда — на два-три дня в Верхотурье и затем — через Пермь обратно в Царское Село. Ордовский не только устроил все это, но и лично присоединился к свите Распутина, прибыв в Верхотурье, где «поговеть» вместе с ними его «упросила», как пишет Н. А. Ордовский-Танаевский, сама А. А. Вырубова. Обратно в Пермь Ордовский возвращался в вагоне Распутина (см.: *Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания (Жизнеописание мое)*. М.; СПб., 1993. С. 319 — 320, 322, 532).

не имею и, надеюсь, не буду иметь. Пермский губернатор Кошко»¹⁴⁵.

Зная о достигнутом к этому времени могуществе Распутина, И. Ф. Кошко, публикуя данный текст, не мог не спрогнозировать ответную реакцию и понимал, на что шел. Но в вопросах чести никаких компромиссов и недоговоренностей он допустить не мог. И еще одна деталь. Описание событий, связанных с этим скандальным визитом Распутина, автор мемуаров предваряет фразой: «Ухаживание Та-наевского за Распутиным задело лично и меня, чуть не уронив в глазах порядочных людей и, во всяком случае, серьезно отозвавшись на моей судьбе»¹⁴⁶ (курсив наш. — Н. П.). Таким образом, с учетом заключительной оговорки есть все основания полагать, что непосредственно сам Г. Е. Распутин, вкупе с другими недоброжелателями Ивана Францевича, содействовал его увольнению со службы. Как конкретно сработал отточенный в лабиринтах бюрократии механизм интриги, вынудившей И. Ф. Кошко подать прошение об отставке, уже не столь важно. Главное в ином — Иван Францевич до конца оставался верен своим твердым нравственным принципам.

Получив отставку, он покинул Пермь 25 августа 1914 г. Вся семья переехала в Санкт-Петербург.

Анна Александровна Вырубова

* * *

Ко времени окончательного ухода Ивана Францевича со службы дети уже выросли и выучились. Сын Борис окончил кадетский корпус, а затем Петербургский университет*. Однако в 1910 г. он тяжело заболел, и в дальнейшем ему требовались постоянный уход и лечение. Дочь же Ольга,

* Этот заключительный раздел очерка написан главным образом по «Воспоминаниям» дочери Ивана Францевича — Ольги Ивановны, рукопись которых хранится в семейном архиве Д. Б. Кошко. Поскольку рукопись не имеет пагинации (мы пользовались микрофильмированной копией), оформление ссылок на конкретные страницы не представляется возможным. Поэтому далее в очерке фактические данные и цитаты из

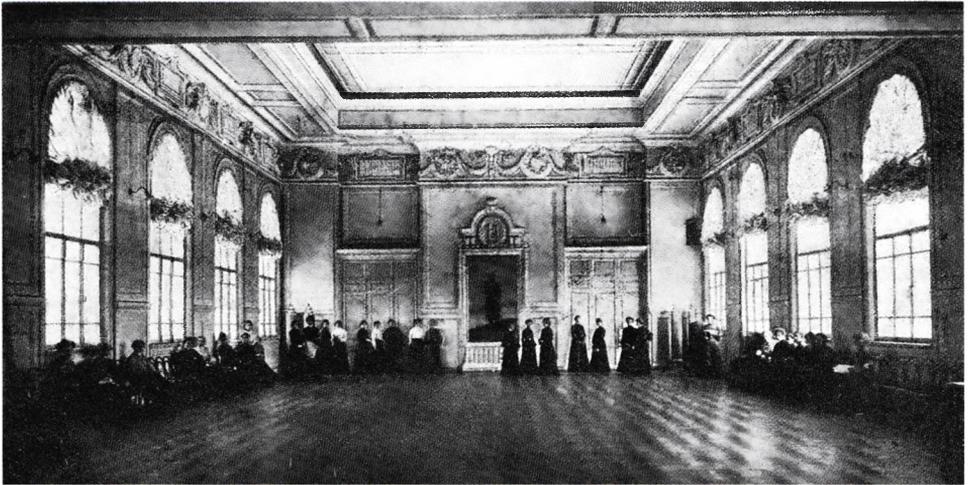
*Борис Иванович Кошко
1911—1914 гг. (Архив Д. Б. Кошко)*

окончившая в 1907 г.* гимназию, особых хлопот родителям сначала не доставляла. Но романтическую девушку тяготила вынужденная жизнь «в золотой клетке» отчего дома. Ольга мечтала обрести самостоятельность и поехать «развиваться» в Петербург, однако мать и слышать не хотела об институте для дочери. Тогда в 1908 г., проявив отцовский характер, она сбежала из дома, отправив с дороги объяснительное письмо родителям. Побег был тщательно подготовлен заранее, вплоть до приобретения подложного паспорта, так как получить законный документ до совершеннолетия (то есть до 21-го года) без согласия родителей она не могла. Реакция отца была, конечно, бурной, но он понял, что настаивать на возвращении нельзя и следует

уступить. Заявив, что дочь для него умерла и видеть ее он не желает, Иван Францевич разрешил матери посылать Ольге по пятьдесят рублей в месяц. Впрочем, рассерженность отца на дочь вскоре прошла, и он сам жаждал ее «воскресения из мертвых», но обе стороны еще выдерживали некоторую паузу. Окончательное примирение состоялось весной 1909 г., когда И. Ф. Кошко приехал из Пензы в Петербург по служебным делам. После завершения учебы на историко-литературном факультете Высших женских (Бестужевских) курсов Н. П. Раева Ольга вернулась к родителям, и более размолвок в семье не возникало.

«Воспоминаний» Ольги Ивановны приводятся без сносок. Во всех остальных случаях, когда факты заимствованы из других источников или публикаций, сноски оформлены в общем порядке.

* К сожалению, в «Воспоминаниях» Ольги Ивановны Кошко, поскольку писались они спустя много лет, датировка часто слишком приблизительна, порой явно ошибочна, а иногда отсутствует вовсе. Поэтому здесь и далее мы реконструировали датировку на основании содержащихся в воспоминаниях косвенных данных, позволяющих соотнести их с событиями того времени, известными из литературы.

Актальный зал Высших женских курсов. Фото В. Полонского. 1903 г.

Начавшаяся Первая мировая война очень скоро ворвалась в семью Кошко трагедией. Сын Ивана Францевича по состоянию здоровья к военной службе был непригоден, но на фронт ушли его племянники — два сына Аркадия Францевича. Осенью 1914 г. они пропали без вести. Через два месяца стало известно, что младший, Дмитрий, погиб, а старший, Иван, тяжело раненным попал в плен. Деятельное сопереживание несчастьям и боли втянутых в войну людей и судьба двоюродных братьев подтолкнули Ольгу Кошко к решению поступить на службу в Бюро для розысков военнопленных, пропавших без вести и раненых воинов. Здесь она работала, отказавшись от жалованья, ежедневно с двух до шести часов, а по утрам и вечерам посещала курсы сестер милосердия в клинике великой княжны Елены Павловны. После получения диплома военной сестры Ольга выбрала местом работы (также без жалованья) Таврический лазарет для солдат, так как ухаживать за офицерами и, возможно, знакомыми ее «стесняло». В Бюро и лазарете она продолжала работу более двух лет, до своего замужества в феврале 1917 г.

В 1915 г. вернулся из плена Иван Аркадьевич Кошко. Его обменяли на немецкого офицера, барона Притвица. Процедура обмена была очень длительной, стоила немалых сил и нервов. Притвиц находился во Владивостоке. Для доставки его в Петербург требовалось время, поэтому немцы разрешили поручику Кошко уехать в нейтральную Данию и жить в Копен-

*Ольга Ивановна Кошко
1914—1916 гг. (Архив Д. Б. Кошко)*

гагене до приезда Притвица в Берлин, но взяли с Ивана честное слово, что он вернется в плен, если барон по какой-либо причине не сможет прибыть из России. Супруга Аркадия Францевича, Зинаида Александровна, выехала к сыну в Копенгаген, а Притвица, вместе с еще одним немецким офицером, повезли в Петербург. На одной из станций они пожелали выйти из вагона на прогулку и затеяли драку с преградившим путь часовым, который в возникшей потасовке заколол спутника барона штыком. Самого Притвица за это происшествие предали военному суду и приговорили к двадцати годам каторги. Как ни близка была легкодостижимая свобода, Иван остался верен данному слову и послал телеграмму в Берлин о своем возвращении. Зинаиде Александровне, еще носившей траур по одному сыну, предстояло повторно

расстаться и со вторым, только что вновь обретенным. Но накануне отъезда пришел ответ из Берлина, в котором сообщалось, что император Вильгельм освобождает поручика Кошко от честного слова, позволяя ему вернуться в Россию. А вскоре и Николай II ответным жестом помиловал Притвица.

На первый взгляд вся эта история, вероятно, может быть воспринята как нечто срежиссированное, похожее на мелодраму. Но это была жизнь, настоящая драма жизни, происходившая не в декорациях сцены, а в жестокой действительности с настоящей смертью, с настоящими чувствами горечи и страха всех главных участников. Ясно — не сам Вильгельм и Николай II следили за ходом обмена. Конечно, братья Кошко в России и бароны Притвицы в Берлине включили в дело все свои связи, но гарантий благополучного исхода не было никаких. И нет сомнений, что Иван вернулся бы в Германию, так как следует принять во внимание одну мимолетную оговорку из воспоминаний Ольги Ивановны — это был чуть ли не самый первый обмен пленными офицерами. Значит, отказ от слова, кроме

личного бесчестия, мог повлечь за собой осложнения в последующих обменах и стать препятствием для возвращения на Родину товарищей Ивана по оружию, которым не повезло быть первыми, которые оставались в плену. Таким образом, намерение вернуться в Германию — не показное театрализованное упрямство, а сознательная готовность к самопожертвованию, заложенная в сына воспитанием и традициями семьи.

Отсюда же становится ясным и не вызывает особого удивления, почему двоюродные брат и сестра, встретившиеся после возвращения Ивана из плена, оказались настолько близки духовно, что очень скоро Ольга «сделалась его невестой». Однако создание семьи несколько затянулось, так как по причине близкого родства пришлось испрашивать и дожидаться высочайшего соизволения на заключение брака. Свадьбу сыграли 3 февраля 1917 г., а через двадцать дней всколыхнулась лавина революции, закрутившая в себе семьи Кошко, как и миллионы других людей, ломая жизнь, калеча судьбы.

Весной или в начале лета 1917 г. резко ухудшилось здоровье жены Ивана Францевича, и при очередном приступе болезни Мария Степановна скончалась. После похорон Иван с Ольгой уехали в Царское Село, где базировался полк мужа, а Иван Францевич, судя по всему, перебрался под Новгород, в свое имение Каменка. В Петербурге остался сын Борис. Он состоял на службе в аппарате Временного правительства. Возможно, некоторое время в столице еще продолжала жить и младшая сестра И. Ф. Кошко, Мария Францевна.

Аркадий Францевич Кошко к этому времени жил в своем имении Подольно — на восточной окраине Новгородской губернии, в двух верстах от уездного центра Боровичи. Он переехал сюда с женой и младшим сыном, двенадцатилетним Николаем, после того как вышел в отставку, отказавшись признать Временное правительство. Сюда же, в Подольно, в конце августа Иван перевез Ольгу, ждавшую рождения ребенка. 24 ноября 1917 г. братья Иван и Аркадий Францевичи одновременно стали дедушками — родилась внучка Оля.

А месяцем ранее (по старому стилю) уже свершился Октябрьский переворот. Наступил период «триумфального шествия советской власти». В декабре эта поступь докатилась до Подольно в образе какой-то комиссии из уездного центра, вывезшей из имения самую лучшую мебель и крайне необходимый для строительства нового общества японский бильярд. А через несколько дней наводящая «справедливость» власть объявилась в облике

*Аркадий Францевич Кошко
с женой Зинаидой Александровной
и сыном Николаем. 1914—1917 гг.
(Архив Д. Б. Кошко)*

местного пьянчуги Оськи со товарищи из соседней деревни, забрав скот, породистых свиней и гусей... Дом был опустошен, имение разорено. Оставаться в ожидании худшей участи становилось бессмысленно. Собрав за полчаса из оставшегося самое необходимое, семья с месячным младенцем на руках переехала в Боровичи. Все нажитое и заработанное нелегкой многолетней службой пришлось бросить. Но «вспоминать нечего, — печально замечает Ольга Ивановна, — были бы люди живы!»

В Боровичах, снимая квартиры, пережили зиму. Далее требовалось что-то предпринять для содержания семьи — с одной стороны, а с другой — оставаться на виду в маленьком городке такому заметному чело-

веку, как Аркадий Францевич, было небезопасно. Вероятно, поэтому летом 1918 г. он вместе с сыном Иваном уехал в Москву «искать частной службы». Однако здесь, где Аркадий Францевич шесть лет руководил уголовным розыском, он оставался фигурой не менее заметной, чем в новгородской провинции, а большевистский террор, особенно после покушения на Ленина 30 августа 1918 г., стал нарастать все сильнее. Поэтому естественно, что очень скоро А. Ф. Кошко попал в поле зрения ВЧК, но за день до ареста его предупредили о грозящей опасности. Сделали это, возможно, его бывшие подопечные — представители столичного криминалитета, оказавшиеся на службе в ЧК, так как, несмотря ни на что, Аркадий Францевич имел в их

среде репутацию справедливого человека и пользовался уважением¹⁴⁷. В первой половине осени, бросив найденную было работу представителя частной аптеки, сбрив усы, изменив внешность, отец и сын Кошко под видом актера и декоратора в составе какой-то театральной труппы бежали в Киев.

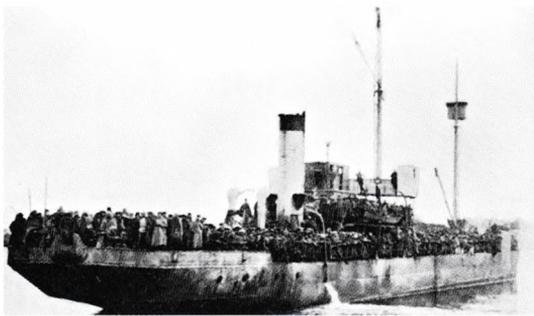
Перед отъездом они успели вызвать в Москву жен и договориться о жилье для них с супругой бывшего помощника Аркадия Францевича. Женщинам пришлось одним пережить в голодной Москве тяжелую зиму: полная неопределенность будущего, постоянная тревога за судьбу пропавших мужей и дети... которых надо кормить. Ольга устроилась на работу в знакомое по Петербургу Бюро для розыска военнопленных, но теперь она работала уже за жалованье и паек.

Наконец объявился нанятый Аркадием Францевичем молодой человек, делавший свой бизнес на перевозках людей по фальшивым паспортам, и вывез всех четверых (Ольгу Ивановну с дочерью и Зинаиду Александровну с сыном) в Киев. Оттуда воссоединившаяся семья перебралась в Винницу, где опасность репрессий со стороны большевиков казалась меньшей. В конце августа 1919 г. красные сдали город армии Деникина. Пришло освобождение от постоянно нависавшей угрозы ареста и даже расстрела, но судьба скитальцев гнала семью дальше — в Одессу. Еще в Виннице Ольгу, а затем в Одессе Ивана свалил сыпной тиф. Особенно долго и тяжело болела Ольга (по пути в Одессу ее отделили от семьи и везли в специальном санитарном поезде 10 суток). Больная была еще очень слаба, когда началось наступление Красной армии. 7 февраля 1920 г. она ворвалась в город. В переполненном беженцами трюме одного из последних пароходов, вслед которому били орудия красных, семья Кошко уходила в Севастополь — на свой последний плацдарм в Отечестве.

Здесь сыпным тифом переболели уже дети, а в конце лета с брюшным вновь слегла Ольга. Аркадий Францевич устроился на службу. По сведениям П. И. Руднева (приведенным без ссылки на источник информации), А. Ф. Кошко возглавил при правительстве П. Н. Врангеля

Ольга — внучка Ивана и Аркадия Францевичей Кошко. Начало 1920-х гг. (Архив Д. Б. Кошко)

Эвакуация русских эмигрантов из Крыма в Константинополь. Ноябрь 1920 г.

уголовный розыск¹⁴⁸, а в воспоминаниях Ольги Ивановны отмечено: «устроился... дядя в градоначальстве». Вполне возможно, что это одно и то же.

9 ноября 1920 г. пал Перекоп. Красная конница неудержимо неслась к Севастополю, втоптывая в осеннюю грязь последние надежды служивших Родине, но отторгаемых ею людей. Три года кошма-

ра Гражданской войны, мытарств и лишений в России кончились. Теперь предстояла чужбина. Пароход, на котором эвакуировалась семья Ольги Ивановны Кошко, шел в Константинополь. За тающей кромкой родного, желанного и враждебного берега оставались детство, юность, мечты и помыслы — вся прошлая жизнь... могила матери, отец и брат.

После прихода большевиков к власти Иван Францевич Кошко был арестован и содержался в новгородской тюрьме. Несмотря на прошедшие годы, время сохранило в памяти местных крестьян добрые дела Ивана Францевича за период его работы земским начальником. Разжигаемая идеология классово-розыска не могла вытравить в душах людей естественных человеческих чувств благодарности и сострадания — крестьяне понесли к воротам тюрьмы узелки с нехитрой снедью для узника, что позволило ему поддержать в заточении свои физические силы¹⁴⁹. Но, думается, главное здесь для Ивана Францевича заключалось в другом — участие крестьян в его судьбе стало наивысшей оценкой всему жизненному пути. Это была награда, укрепившая душевные силы, стойкость и мужество. В тюрьме И. Ф. Кошко пробыл, по словам внука, недолго, вскоре его отпустили.

Заключенным в Петропавловской крепости оказался и сын Ивана Францевича, Борис. Судьба сберегла его от расстрела, и через какое-то время он был освобожден, но слабое здоровье оказалось подорванным навсегда. Нельзя даже сказать, что из крепости Борис вышел. Его вынесли на носилках парализованным. Таким он остался до конца своих дней. К сожалению, ничего пока неизвестно о том, как и где жили пять долгих лет революции, войны и голода И. Ф. Кошко с недвижимым сыном на руках и с сестрой Марией Францевной. Но они выжили и достойно прошли все испытания.

*Русские в Константинополе:
Прибытие из Крыма (вверху)
Дети беженцев (внизу)*

Тем временем семья Аркадия Францевича оказалась в Турции. Французская администрация в Константинополе*, взявшая шефство над русскими беженцами, предоставила им жилье. Семье Кошко повезло. Ей на шесть человек выделили одну комнату — «счастье редкое, потому что чаще всего комната распределялась между двумя семействами и даже более». А дальше надо было жить самим. Начались поиски работы. Ольга стала преподавать французский язык туркам,

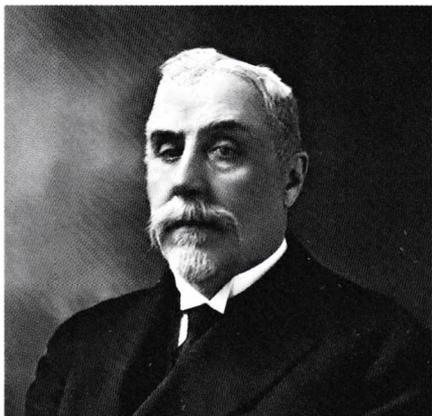
но прокормить всю семью не могла, а мужчинам найти себе работу не удалось. Тогда на последние сбережения Аркадий Францевич открыл частное детективное бюро, в котором Ольга взяла на себя функции секретаря, а Иван — роль «чиновника особых поручений». Дело пошло — доход позволял жить.

Изменение политической ситуации в Турции** заставило вновь сниматься с места и двигаться дальше на Запад. Была альтернатива — Амери-

* С апреля 1920 г. Турция, потерпевшая поражение в Первой мировой войне, была частично оккупирована войсками Франции и Англии. Союзники создали в контролируемых ими районах свою администрацию, фактически упразднив деятельность местных органов власти.

** После поражения Турции в Первой мировой войне и частичной оккупации ее территории войсками Антанты страна оказалась в тяжелом кризисе с реальной угрозой утраты государственной самостоятельности. Ответом на это стал рост национально-освободительного движения под руководством М. Кемаля. Направленность борьбы против стран Антанты послужила объективной основой для сближения кемалистов с Советской Россией, которая оказала повстанцам серьезную помощь деньгами (более 10 млн руб. золотом)

*Аркадий Францевич Кошко
1920-е гг. (Архив Д. Б. Кошко)*

ка или Франция. Выбрали второе «как страну, ближе к родной России». Туда и выехали в конце 1922-го или в начале 1923 года. Сначала попытались осесть в Лионе, но вакансий на шелкопрядильных фабриках, куда хотела устроиться Ольга, не нашлось. Тогда перебрались в Париж, где А. Ф. Кошко встретил знакомого, который был директором меховой фабрики и предложил взять к себе на работу Ольгу с Иваном. Сам Аркадий Францевич получил приглашение из Лондона поступить на службу в Скотланд-Ярд. Англичане еще до революции стали использовать у себя

разработанную Аркадием Францевичем и внедренную им в России систему классификации дактилоскопических материалов¹⁵⁰. Это было очень заманчивое предложение, но оно сопровождалось одним условием — следовало принять подданство британской короны... Для патриота России это было неприемлемо.

Примерно в конце 1922 г. Иван Францевич каким-то образом смог доказать, что он имеет польское происхождение. На этом основании его вместе с сыном и сестрой выпустили в Польшу¹⁵¹. Бывший губернатор И. Ф. Кошко покидал не Россию, которой преданно служил, а Советскую Россию, заявившую, что он враг. Эмиграция стала последней и самой тяжелой отставкой, на которую обрекал себя Иван Францевич. Но верность своей стране И. Ф. Кошко сохранил навсегда. Так же, как брат, как многие тысячи других наших соотечественников, разбросанных по разным странам стихией революционного безумства, чужого гражданства он не принял. Такой шаг означал бы, по его мнению, измену России и согласие на то, чтобы перестать быть русским. Никакое личное благополучие и выгоды, следовавшие за таким шагом, не могли служить в глазах этих людей оправданием

и оружием. В конце 1922 г. кемалисты одержали победу. Администрация стран Антанты покидала Турцию, по кварталам Константинополя, где жили европейцы, прокатились погромы, а для русских эмигрантов возникла опасность, что их станут выдавать Советам в качестве «расчета» кемалистов с большевиками за услуги последних в годы войны.

Русский уголок в Париже около православной церкви. 1920-е гг.

предательства по отношению к переживающей трагедию Родине. И пусть приходилось жить вдалеке от Отчизны, но отказаться от нее они не могли.

Около года Иван Францевич жил в Варшаве. Дочь выхлопотала разрешение французских властей на его приезд, и в конце 1923 г., после шестилетней разлуки, все девять членов семьи Кошко наконец воссоединились в Париже. Конечно, это была большая удача по тому времени. А через несколько месяцев их стало уже десять. 17 марта 1924 г. у Ольги с Иваном родился второй ребенок — сын Борис. Аркадий Францевич «не помнил себя от радости и гордости. Наконец-то внук, который продолжит род и вернется на любимую Родину...»¹⁵², — записала позже свои воспоминания о чувствах дедушки внука Оля, которой шел тогда седьмой год. Вместе с братом эту радость и гордость в полной мере посчастливилось испытать и Ивану Францевичу. Ведь маленький Боря был и его родным внуком.

Так же, как Аркадий, Иван Францевич мечтал о возвращении в Россию и мечтал не по-маниловски. Русская эмиграция того времени (по приблизительным подсчетам, в изгнании оказалось около двух миллионов человек) сразу же включила механизмы противодействия ассимиляции на чужбине — создавались школы (от начального до высшего образования), издательства, церковные приходы и многочисленные общества: политические, воинские, культурные, спортивные, профессиональные, благотворительные и т. д. Русское зарубежье считало «своей первостепенной задачей сохранение в изгнании накопленных духовных ценностей, исторической памяти, национального опыта, с тем чтобы не прервалась связь времен и поколений, чтобы сохранялась основа для будущего возрождения России»¹⁵³. Естественно, что братья Кошко, с их характером, с их интеллектуальным потенциалом, не могли замкнуться в созерцательной рефлексии о своей

судьбе изгнанников, а приняли участие в жизни русского зарубежья¹⁵⁴. В их собственной семье память о Родине очень бережно сохранялась и культивировалась.

Период относительного успокоения в семье Кошко от того, что все они живы и вместе, оказался слишком краток. Брали свои годы, переживания, подорванное здоровье. Как будто все это каким-то злым роком жестоко отыгрывалось за то, что никто не погиб в лихолетье. Через год после рождения внука началось: 1925 г. — не стало супруги А. Ф. Кошко, Зинаиды Александровны; 1927 г. — скоропостижно, от рака печени, скончался бывший губернатор Иван Францевич Кошко; 1928 г. — ушел из жизни «король русского сыска» Аркадий Францевич; 1929 г. — умер в мучениях парализованный Борис...

Дмитрий Борисович Кошко с женой Изабель, сыном Николаем и дочерью Ларисой. (Архив Д. Б. Кошко)

Непрерывный пятилетний траур стал тяжелейшим испытанием для Ольги Ивановны, но печалиться она «не имела времени: надо было работать для детей». К тому же так сложилась жизнь, что с Иваном они расстались. Еще в конце 1927 г. Ольга решила стать сестрой милосердия, поскольку имела знания и опыт работы в этой профессии, которая ей нравилась и, что немаловажно, неплохо оплачивалась в Париже. Окончив медицинские курсы Красного Креста, Ольга сдала экзамен и получила французский диплом. Очень скоро за ней утвердилась репутация знающей и добросовестной медсестры, сложилась своя клиентура. Но и на этом Ольга не остановилась, а создала бюро под названием «Скорая помощь» для обеспечения работой русских сестер милосердия. Однако за помощью в трудоустройстве к ней стали обращаться люди других профессий, и постепенно бюро превратилось в кадровое агентство для русских женщин, желающих устроиться горничными, гувернантками, кухарками и т. д.

Прошли десятилетия... И пусть не внук Борис, которого держали на руках Иван и Аркадий Францевичи, а уже его сын, Дмитрий Борисович Кошко, исполняет завещание прадедов. В его семье знают русский язык, помнят свои корни... его дети носят русские имена, а сам он, унаследовав энергию и характер предков, стремится содействовать возрождению России. Журналист агентства Франс-Пресс Д. Б. Кошко руководит созданной им Ассоциацией «Франция — Урал», организует сбор благотворительных средств, на которые приобретает медицинскую технику для больницы и оказывается материальная поддержка детскому дому Урала. Большое внимание Дмитрий Борисович уделяет знакомству Европы с Россией, ее традициями, языком, сегодняшней жизнью... и многое, многое другое.

Связь поколений не прервалась. Россия помнит свое прошлое, а значит, она есть и будет!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905—1914): Новгород — Самара — Пенза. Пг., 1916. — 259 с.

² Руднев П. И. Начальник Московской сыскной полиции А. Ф. Кошко // Вопросы истории. 1999. № 4/5. С. 137; Чесноков В. Последний русский Шерлок Холмс. [Интервью с Д. Б. Кошко] // Новые известия. М., 22 февраля 2002. № 33. С. 8.

³Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России: Воспоминания бывшего начальника Московской сысшной полиции и заведующего всем уголовным розыском империи. В 3-х т. Париж. Т. 1, 1926; Т. 2, 3, 1929.

⁴Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России: Воспоминания бывшего начальника Московской сысшной полиции и заведующего всем уголовным розыском империи. В 3-х т. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Ун-та, 1990. — 192 с.; *Он же*. Уголовный мир царской России: Воспоминания бывшего начальника Московской сысшной полиции и заведующего всем уголовным розыском империи. — Новосибирск: Сибирь XXI век, 1991. — 256 с.; *Он же*. Очерки уголовного мира царской России: Воспоминания бывшего начальника Московской сысшной полиции и заведующего всем уголовным розыском империи. — [Репринт. воспроизведение изд. 1926—1929 гг.] — М.: Столица, 1992. — 188 с.; *Он же*. Среди убийц и грабителей: Воспоминания бывшего начальника Московской сысшной полиции и заведующего всем уголовным розыском империи. — М.: Современник, 1995. — 446 с. (Старые русские сыщики); *Он же*. Среди убийц и грабителей. — М.: Изд. Центр «Терра»:Кн. Лавка — РТР, 1997. — 400 с. (Тайны истории в романах, повестях и документах. Век XX); *Он же*. Розовый бриллиант. Очерки уголовного мира царской России. [Т. 1.] — М.: Захаров, 2001. — 207 с.; *Он же*. Шантаж. Очерки уголовного мира царской России. [Т. 2.] — М.: Захаров, 2001. — 192 с.; *Он же*. Негодяй. Очерки уголовного мира царской России. [Т. 3.] — М.: Захаров, 2001. — 192 с.; *Он же*. Король Сыска: Рассказы. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 480 с. (Архив русского сыска); *Он же*. Уголовный мир царской России: От Александра III до Февральской революции. М.: Вече, 2006. — 512 с.

⁵Руднев П. И. Указ. соч. С. 136—143. Материалы этой статьи в несколько переработанном варианте легли в основу предисловия к одному из последних переизданий очерков А. Ф. Кошко: Руднев П. И. «Кошко всецело доверяю...» (Вместо предисловия) // Кошко А. Ф. Уголовный мир царской России: От Александра III до Февральской революции. М.: Вече, 2006. С. 6—25.

⁶Robbins R. G. The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca; London: Cornell University Press, 1987. — 272 p.

⁷Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. М., 1993. № 1. С. 202—213.

⁸Там же. С. 209—210.

⁹Там же. С. 202—205.

¹⁰В провинции у власти: Из воспоминаний губернатора И. Ф. Кошко // Земство. Архив провинциальной истории России. Пенза, 1994. № 2. С. 106—126.

¹¹Алекушин Г. В. Самарские губернаторы: От С. Г. Волховского до К. А. Титова. Самара, 1996. — 318 с.; Тверские губернаторы: К 200-летию образования Тверской губернии. Тверь, 1996. — 80 с.; Тульские губернаторы: 220-летию образования Тульской губернии посвящается. Тула, 1997. — 95 с.; Астраханские губернаторы: Историко-краеведческие очерки. Астрахань, 1997. — 129 с.; Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. — 427 с.; Орловские губернаторы. Орел, 1998. — 229 с.; Ярославские губернаторы, 1777—1917: Историко-биографические очерки. Ярославль, 1998. — 418 с.; Белязин В. Н. Императорские наместники первопрестольной, 1709—1917. М., 2000. — 495 с.; Воронежские губернаторы и вице-губернаторы, 1710—1917: Ист.-биограф. очерки. Воронеж, 2000. — 399 с.; Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень, 2000. — 487 с.; Губернаторы Сахалина.

Южно-Сахалинск, 2000. – 391 с.; Сибирские и тобольские губернаторы: Исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. – 576 с.; Калужские губернаторы: Биобиблиографические очерки. Калуга, 2001. – 191 с.; *Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX века). 2-е изд. М., 2001. – 357 с.; *Попов Г. П.* Губернаторы Русского Севера. Архангельск, 2001. – 494 с.; *Шихатов И. П.* Губернаторская галерея. Омск, 2001. – 223 с. [Биографии сибирских губернаторов]; *Горбунов К. Е., Сивопляс И. Э., Шабалкин А. Ю.* Симбирские гражданские губернаторы: Материалы к историко-биографическим очеркам. Ульяновск, 2003. – 192 с.; *Кононов В. А.* Смоленские губернаторы 1711—1917. Смоленск, 2004. – 398 с.; *Ляхов Б. А., Сухоруков В. С.* Губернаторы России. 1703—1917: История страны в лицах. М., 2004. – 190 с.; Псковские губернаторы: История власти в лицах. 2-е изд. Псков, 2005. – 79 с.; *Степанов В. Б.* Наместники и губернаторы Курского края, 1779—1917 гг.: Исторические очерки. Курск, 2005. – 239 с.; *Кораблев Н. А.* Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: Биографический справочник. Петрозаводск, 2006. – 100 с.

¹² Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. – 399 с.

¹³ *Миронов В.* Саратовский губернатор А. И. Косич // Волга. 1994. № 9/10. С. 35—40; *Комолов Н. А.* Воронежский губернатор Г. П. Чернышев (исторический портрет) // Край Воронежский: История и традиции. Воронеж, 1996. Вып. 1. С. 110—114; *Мерзлякова Л. В.* Вятский губернатор А. И. Серeda // Из глубины времен. СПб., 1996. № 7. С. 53—57; *Долгов Е.* Казанский губернатор Иракий Баратынский // Эхо веков. Казань, 1997. № 1/2. С. 126—130; *Мусихин В. Е.* Вятский губернатор Сергей Дмитриевич Горчаков // Из истории Вятского края. Киров, 1997. С. 37—52.; Губернаторы Урала: первые всенародно избранные: Россель Э. Э., Елагин В. В., Богомолов О. А., Игумнов Г. В., Сумин П. И., Рокешки Л. Ю. Екатеринбург, 1999. – 248 с.; *Григорьева С. В.* Нижегородский губернатор генерал-майор И. М. Баранов // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2000. С. 136—146; *Грачев А. А.* Служба пензенского губернатора Сергея Алексеича Хвостова // Исторические записки. Пенза, 2000. Вып. 4. С. 261—264; *Жук А. В.* Генерал-губернатор Степного края Герасим Алексеевич Колпаковский // Исторический ежегодник. 1999. Омск, 2000. С. 44—53; *Петров А. И.* Военный губернатор Приморской области Иосиф Гаврилович Баранов // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток, 2000. № 2. С. 51—60; *Васильев Д. В.* Полпред Российской империи: Первый генерал-губернатор Туркестана К. П. фон Кауфман достойно защищал интересы нашего Отечества // Военно-исторический журнал. М., 2003. № 3. С. 70—76; *Туманова А. С.* Консерватор во власти: губернатор Н. П. Муратов // Отечественная история. М., 2003. № 3. С. 103—113; *Акульшин П. В.* Генерал-губернатор А. Д. Балашов // Отечественная история. М., 2004. № 2. С. 170—180 и др.

¹⁴ *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. – 206 с.; *Пиреев А. И.* П. А. Столыпин — саратовский губернатор (1903—1906 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000. – 21 с.; *Акьюлов А. С. В. А.* Перовский — губернатор Оренбургского края: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2002. – 22 с.; *Илиади И. Х., Кайшев В. Г., Беликов Г. А.* Самый блестящий губернатор: Генерал-лейтенант Н. Е. Никифорова. М., 2002. – 384 с.; *Павлов А. А.* Губернатор И. И. Крафт. Якутск, 2004. – 246 с.; *Сысоев В. И.* Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь, 2004. – 352 с.; *Долгушина М. Г.* Иван Васильевич Романус: губернатор и музыкант. Вологда, 2005. – 88 с.;

Ли Ханг Джун. Генерал-губернатор Приамурского края Павел Федорович Унтербергер и его корейская политика. М., 2006. – 116 с.

¹⁵Пермские губернаторы (из фондов архива). Пермь, 1996. С. 65—66.

¹⁶*Кирьянов И. К., Рахимир П. Ю.* Преемственность и обновление: К эволюции института губернаторства в России // Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь, 1997. С. 5—13.

¹⁷Там же. С. 15—19.

¹⁸*Быстрых Т. И.* Иван-Мячеслав Францевич Кошко // Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь, 1997. С. 177—183.

¹⁹*Быстрых Т.* Судьба губернатора // Пермские новости. Пермь, 24 мая 2002. № 21; *Она же.* Пермь революцией не болела. Судьба братьев Кошко — главного российского сыщика и пермского губернатора // Досье 02. Пермь, 10 января 2003. № 2.

²⁰*Гладышев В.* Бодрость духа возрождается // Пермские новости. Пермь, 19 июля 2002. № 29.; *Он же.* Русь приходящая // Пермь вечерняя. Пермь, 26 декабря 2002. № 46.

²¹*Богатырева О. Н.* Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917). Екатеринбург, 2004. С. 126, 135—137, 162, 166, 170, 412.

²²Там же. С. 171.

²³Там же. С. 173.

²⁴История Урала в период капитализма. М., 1990. – 504 с.

²⁵Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. – 624 с.; Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. – 640 с.

²⁶*Шумилов М. М.* Губернатор и экономическая жизнь губерний России на рубеже 50—60-х гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. СПб., 1991. С. 177—187; *Он же.* Губернаторские канцелярии и губернские правления в России 50—80-х гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. СПб., 1999. С. 187—199; *Ремнев А. В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX вв.). М., 1997. С. 52—66; *Ахтямов К. Ш.* Институт губернаторства — важнейший элемент административно-территориальных органов управления на рубеже XIX—XX веков // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Ист. науки. Оренбург, 1999. № 2. С. 95—101; *Гужавин А. П.* К вопросу о исторической преемственности губернаторской власти в XVII—XIX вв. на примере Астраханского края // Учен. зап. Астраханского социал. ин-та Московского открытого социал. ун-та. Философия, право, экономика. Т. 1. Астрахань, 1999. С. 48—58; *Грачев А. А.* Губернское правление, канцелярия губернатора и полиция в системе государственного управления Пензенской губернии в начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. – 24 с.; *Сметанникова Н. К.* Эволюция губернаторской власти во второй половине XIX — начале XX вв.: (На материалах Оренбургской губернии) // Проблемы отечественной истории. М., 2002. — Вып. 7. С. 255—267; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. – 577 с., Т. 2. – 430 с.; *Богатырева О. Н.* Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917). Екатеринбург, 2004. – 458 с.; *Любичанковский С. В.* Законодательное обеспечение деятельности российских губернаторов в 1892—1913 гг. // Вестник Оренбургского ун-та. Оренбург, 2004. № 12.

С. 16—21; *Манько А. В.* Блюстители верховной власти: Институт губернаторства в России. М., 2004. — 240 с.; *Павлова Г. В.* Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-х гг. XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. — 25 с.; *Кононов В. А.* Институт губернаторства в дореволюционной России: Взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708—1917 гг. (на материалах Смоленской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2005. — 22 с.; *Рассолов Г. А.* Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 г. — конец XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. — 27 с.; *Корелин А. П.* Проблемы местного управления в России на рубеже XIX—XX вв. // История и историки. 2005. Историографический вестник. М., 2006. С. 183—203 и др.

²⁷ *Еремин А.* Мотивация служебной деятельности губернаторов в начале XX века // Краеведческие записки. Орловский областной краеведческий музей. Орел, 1998. Вып. 2. С. 233. (Статья написана на материалах частной и служебной переписки орловских губернаторов).

Отметим, что за последнее десятилетие к числу введенных в научный оборот губернаторских мемуаров добавились, по меньшей мере, еще четыре публикации: *Ордовский-Танаевский Н. А.* Воспоминания (Жизнеописание мое). М.; СПб., 1993. — 594 с. (Н. А. Ордовский-Танаевский служил тобольским губернатором в 1915—1917 гг.); *Друцкой-Соколинский В. А.* На службе Отечеству: Записки русского губернатора (1914—1918 гг.) / Сост. Воробьев А. В. Орел, 1994. — 405 с. (В. А. Друцкой-Соколинский занимал пост минского губернатора); *Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский: Документы. Письма. Воспоминания* / Сост.: Вертоусова Е. Г. и др. Оренбург, 1999. — 335 с. (В. А. Перовский служил оренбургским военным губернатором в 1833—1842 гг.); *Трубников А. Н.* Воспоминания / Сост. Минакова А. С. Орел, 2004. — 166 с. (А. Н. Трубников служил орловским губернатором в 1897—1901 гг.).

Опубликован также небольшой фрагмент воспоминаний киевского губернатора А. Ф. Гирсо: Трагическая смерть Столыпина: (Из воспоминаний А. Ф. Гирсо — губернатора Киева в 1909—1911 гг., из книги «На службе императорской России» // Истории русской провинции. Орел, 1999. № 5. С. 15—25; В этом ряду можно отметить еще одну небольшую журнальную публикацию записок псковского вице-губернатора В. С. Арсеньева: Судьбы Родины казались в каком-то тумане: Воспоминания В. С. Арсеньева. 1917 г. / Публ. подгот. Антонов Д. Н. // Исторический архив. М., 1994. № 2. С. 89—103.

Думается, что в действительности губернаторских мемуаров опубликовано все-таки несколько больше, чем полагает А. Еремин. Дело в том, что некоторые государственные деятели, служившие когда-то губернаторами, писали свои воспоминания (в том числе и о губернаторском периоде) уже как чиновники, достигшие более высокого ранга. Например, В. Ф. Джунковский — бывший московский губернатор, занявший затем пост товарища министра внутренних дел (*Джунковский В. Ф.* Воспоминания: В 2-х т. М., 1997. Т. 1. — 736 с.; Т. 2. — 688 с.). Тем не менее с фактом крайней ограниченности количества губернаторских мемуаров следует согласиться.

²⁸ *Кошко И. Ф.* Мелкий народный кредит как могучее средство борьбы с обеднением нашего крестьянина. Новгород, 1899. — 24 с.

²⁹ *Руднев П. И.* Начальник Московской сысской полиции... С. 137.

³⁰ Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 131. Здесь и далее в работе над очерком использовался корректурный типографский экземпляр этого издания, хранящийся в архиве Д. Б. Кошко, поэтому отдельные места в цитатах, а также номера страниц могут иметь незначительные отличия от тиражных экземпляров книги.

³¹ Архив Д. Б. Кошко. Формулярный список о службе И. Ф. Кошко. Л. 1 об. Далее ссылки на данный документ даются в сокращении: «Формулярный список...»

³² Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 132.

³³ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 123.

³⁴ Формулярный список... Л. 1 об.—5 об.

³⁵ Там же. Л. 2, 5 об.

³⁶ Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 132.

³⁷ Формулярный список... Л. 5 об.

³⁸ Архив Д. Б. Кошко. Кошко О. И. Воспоминания. Рукопись.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Зайончковский П. А. Закон о земских начальниках 12 июля 1889 года // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 2 С. 52—53; *Он же*. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 396—401; *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России 1861—1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 196—198.

⁴¹ Положение о земских участковых начальниках, правила об устройстве судебной части и волостном суде, Высочайше утвержденные 12 июля 1889 г. // Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации. Т. 5. Екатеринбург, 1999. С. 350—380.

⁴² Боханов А. Н. Император Александр III. М., 1998. С. 428.

⁴³ Положение о земских участковых начальниках... С. 356—357.

⁴⁴ Богатырева О. Н. Указ. соч. С. 388.

⁴⁵ Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 200.

⁴⁶ Кошко И. Ф. Мелкий народный кредит как могучее средство борьбы с обеднением нашего крестьянина. Новгород, 1899. — 24 с.

⁴⁷ Там же. С. 1.

⁴⁸ Там же. С. 4—7, 10, 11.

⁴⁹ Толмачев Е. П. Александр II и его время. Кн. 1. М., 1998. С. 225.

⁵⁰ Кошко И. Ф. Мелкий народный кредит... С. 7.

⁵¹ Там же. С. 16.

⁵² Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 33.

⁵³ Формулярный список... Л. 6 об.

⁵⁴ Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 5.; Данько Т. Мозаика губернской жизни. 1903 год. Май. // Новгородские ведомости. 24 мая 2003. № 73.

⁵⁵ ОР РНБ. Арх. Шубинского С. Н. Оп. 1. Д. 51. Л. 247—248; Д. 54. Л. 263—264.

⁵⁶ Павлов П. Воспоминания очевидца о бунте военных поселян в 1831 году // Исторический вестник. СПб, 1894. Т. 55. № 3. С. 738—787.

⁵⁷ Кошко О. И. Указ. соч.

⁵⁸ Там же.

- ⁵⁹ Кошко И. Ф. Посадка и уход за яблонями, грушами и вишнями в кустовой форме. Новгород, 1900. – 2 с.
- ⁶⁰ Формулярный список... Л. 5 об.—7 об.
- ⁶¹ Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 5, 6, 24, 25, 27, 28.
- ⁶² Там же. С. 6, 7, 10—13, 25, 27—30, 32.
- ⁶³ Там же. С. 13.
- ⁶⁴ Там же. С. 13—14.
- ⁶⁵ Там же. С. 14.
- ⁶⁶ Шумилов М. М. Губернаторские назначения в России 60—70-х годов XIX века // Россия в XIX—XX вв. СПб., 1998. С. 207.
- ⁶⁷ Там же. С. 209.
- ⁶⁸ Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 18.
- ⁶⁹ Там же. С. 34.
- ⁷⁰ Там же. С. 34.
- ⁷¹ Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 439—462; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 2. СПб., 2000. С. 156.
- ⁷² Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 157.
- ⁷³ Ильин И. А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906—1954) / Сост. О. В. Лисица. М., 2001. С. 200.
- ⁷⁴ Цит. по: Леонтович В. В. Указ. соч. С. 515.
- ⁷⁵ Леонтович В. В. Указ. соч. С. 269—273, 513—515; Геллер М. История Российской империи. В 2-х т. Т. 2. М., 2001. С. 443, 447.
- ⁷⁶ Кошко О. И. Указ. соч. С. 31.
- ⁷⁷ Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 37.
- ⁷⁸ Там же. С. 38.
- ⁷⁹ Там же. С. 37—38.
- ⁸⁰ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2000. С. 86—87, 94—96.
- ⁸¹ Там же. С. 120.
- ⁸² Там же. С. 116—117.
- ⁸³ Там же. С. 126.
- ⁸⁴ Там же. С. 126.
- ⁸⁵ Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 55—56.
- ⁸⁶ Там же. С. 57.
- ⁸⁷ История Самарского Поволжья... С. 124.
- ⁸⁸ Там же. С. 126.
- ⁸⁹ Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 58—63.
- ⁹⁰ Там же. С. 61—62.
- ⁹¹ Там же. С. 62.
- ⁹² Там же. С. 77—79.; История Самарского Поволжья... С. 127—128.
- ⁹³ История Самарского Поволжья... С. 120, 126—127.
- ⁹⁴ Там же. С. 128.

- ⁹⁵Подробнее об этом террористическом акте см.: Убийство губернатора Блока: Сборник документов. Самара, 2002. – 88 с.
- ⁹⁶*Кошко И. Ф.* Воспоминания... С. 84—85.
- ⁹⁷Там же. С. 85—86.
- ⁹⁸Там же. С. 76.
- ⁹⁹Там же. С. 105; История Самарского Поволжья... С. 127.
- ¹⁰⁰История Самарского Поволжья... С. 127—128.
- ¹⁰¹*Кошко И. Ф.* Воспоминания... С. 98—101.
- ¹⁰²История Самарского Поволжья... С. 127.
- ¹⁰³*Кошко И. Ф.* Воспоминания... С. 102.
- ¹⁰⁴Там же. С. 97—98.
- ¹⁰⁵Там же. С. 53.
- ¹⁰⁶Там же. С. 125—126.
- ¹⁰⁷Формулярный список... Л. 7 об.; *Кошко И. Ф.* Воспоминания... С. 127.
- ¹⁰⁸*Кошко И. Ф.* Воспоминания... С. 113, 126.
- ¹⁰⁹Там же. С. 129, 132—136.; *Кашаев П.* Кровавая драма в Зимнем театре // Молодой ленинец. Пенза. 10 ноября 1999. № 39.
- ¹¹⁰*Геллер М.* Указ. соч. С. 438.
- ¹¹¹Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999. С. 215.
- ¹¹²*Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 258.
- ¹¹³*Кошко И. Ф.* Воспоминания... С. 132.
- ¹¹⁴*Седаков П.* Хроника пензенского террора // Наша Пенза. Пенза, 7 февраля 2003 г. № 6. С. 11.
- ¹¹⁵*Кошко И. Ф.* Воспоминания... С. 217.
- ¹¹⁶Там же. С. 147.
- ¹¹⁷*Седаков П.* Указ. соч. С. 11.
- ¹¹⁸Цит. по: *Леонтович В. В.* Указ. соч. С. 294.
- ¹¹⁹Там же. С. 294.
- ¹²⁰Там же. С. 293.
- ¹²¹*Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 225—226.
- ¹²²*Кошко И. Ф.* Воспоминания... С. 223.
- ¹²³Там же. С. 222, 224.
- ¹²⁴Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 351.
- ¹²⁵*Кошко И. Ф.* Воспоминания... С. 224.
- ¹²⁶Там же. С. 229, 231—232.
- ¹²⁷Там же. С. 234—236.
- ¹²⁸Там же. С. 236.
- ¹²⁹*Роббинс Р.* Наместник и слуга... С. 208—211.
- ¹³⁰*Кошко И. Ф.* Воспоминания... С. 53.
- ¹³¹Там же. С. 240—243.
- ¹³²Там же. С. 243.
- ¹³³Там же. С. 244—248.
- ¹³⁴Там же. С. 249.
- ¹³⁵Там же. С. 251.

- ¹³⁶ Кошко И. Ф. Воспоминания... С. 255.
- ¹³⁷ Там же. С. 252.
- ¹³⁸ Там же. С. 257.
- ¹³⁹ Там же. С. 257.
- ¹⁴⁰ Архив Д. Б. Кошко. Аттестат о службе И. Ф. Кошко. Л. 3.
- ¹⁴¹ Наст. изд. С. 141.
- ¹⁴² Архив Д. Б. Кошко. Аттестат о службе И. Ф. Кошко. Л. 3.
- ¹⁴³ Пермские губернаторы... С. 66.
- ¹⁴⁴ Революционеры Прикамья. Пермь, 1966. С. 643—648; История Урала в период капитализма... С. 195, 289, 389.
- ¹⁴⁵ Наст. изд. С. 81—82.
- ¹⁴⁶ Наст. изд. С. 80.
- ¹⁴⁷ Чесноков В. Указ соч. С. 8.
- ¹⁴⁸ Руднев П. И. Начальник Московской сыскной полиции... С. 142.
- ¹⁴⁹ Этот факт упоминается в воспоминаниях Бориса Ивановича Кошко (внука И. Ф. Кошко), записанных с его слов сыном Дмитрием Борисовичем. (Архив Д. Б. Кошко. *Кошко Б. И.* Воспоминания. Рукопись).
- ¹⁵⁰ Кошко А. Ф. Негодяй. Очерки... С. 186.
- ¹⁵¹ Архив Д. Б. Кошко. *Кошко Б. И.* Воспоминания. Рукопись. С. 1.
- ¹⁵² Кошко А. Ф. Негодяй. Очерки... С. 190.
- ¹⁵³ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997. С. 5—6.
- ¹⁵⁴ Кошко А. Ф. Негодяй. Очерки... С. 188; Архив Д. Б. Кошко. *Кошко Б. И.* Воспоминания. Рукопись. С. 1.

А. В. Дмитриев
Н. Г. Павловский

НА УРАЛЕ

Своим назначением на пост пермского губернатора Иван Францевич Кошко был обязан, как мы уже знаем, Петру Аркадьевичу Столыпину, умевшему ценить компетентных и ответственных государственных служащих. Несмотря на некоторую шероховатость отношений из-за доносов недобросовестных подчиненных, премьера и губернатора связывали узы взаимной симпатии и доверия вплоть до трагической кончины «русского Бисмарка». Не случайно воспоминания И. Ф. Кошко пронизаны глубоким уважением к Столыпину, пониманием необходимости его преобразований. И мы, склоняясь к позитивной характеристике дальновидного, волевого реформатора, хотели бы напомнить о его несомненной заслуге: выдвижении на государственную службу способных, инициативных соотечественников независимо от протекций, национальности и социального происхождения. Во имя общественного прогресса и консолидации госаппарата соискателям ответственных постов прощались и либеральное фрондерство, и грешки радикализма в молодости. Подбор губернской администрации в России издавна находился в компетенции министра внутренних дел, и, хотя последнюю точку в назначениях ставил император, кандидатуры Столыпина отклонялись редко.

Недаром зарубежные историки, анализирувавшие предпосылки тогдашнего экономического скачка в России, подчеркивают значение субъективного фактора, а именно — формирование блестящей плеяды чиновников, дерзнувших под покровительством лидера строить без кровопролития и экспроприаций правовое государство. Типичным представителем когорты губернаторов «стольпинского призыва» является и автор настоящих

мемуаров. Когда понадобилось, Столыпин отменил наветы клеветников и препоручил Кошко один из крупнейших, промышленно развитых и неспокойных регионов империи.

И. Ф. Кошко возглавил Пермскую губернию весной 1911 года — в благоприятное для страны время, когда были преодолены разрушительные последствия баррикадных сражений, финансово-экономического кризиса и депрессии. По настоянию Столыпина менялись приоритеты бюджетной политики. Львиная доля ассигнований вкладывалась в отсталый аграрный сектор. Прекращение инфляции, смягчение межотраслевых диспропорций, рост занятости и покупательной способности населения вызвали беспрецедентный экономический подъем.

Однако вследствие накопившихся застарелых противоречий наиболее индустриальная в Уральском регионе губерния нуждалась в опытном руководителе. Чтобы излечить «больную клеточку» выздоравливающей России, Столыпин и направил в Пермь принципиального и честного, умевшего находить выход из самых сложных ситуаций И. Ф. Кошко. И, как показали дальнейшие события, глава кабинета министров не ошибся в выборе.

Ко времени прибытия Кошко на Урал в горнозаводской промышленности края еще царил застой. Обострившаяся конкуренция с Южным металлургическим районом России вынуждала сокращать производство, закрывать нерентабельные предприятия, увольнять рабочих.

Начавшийся переход горнозаводских округов от старых владельцев, в большинстве своем титулованных аристократов, к финансово-промышленным группировкам во главе с крупнейшими банками давал правительству надежду на скорейшую модернизацию неконкурентоспособной уральской металлургии. Рядом министерств с участием отечественных и западных инвесторов готовился к осуществлению так называемый «кузнецкий проект» для замены древесно-угольной плавки чугуна на Урале коксовой. Он предусматривал освоение богатейшего каменноугольного месторождения в Сибири, связанное с огромными издержками. Поэтому реализация проекта была рассчитана на несколько лет.

Иностранный капитал стремился укорениться в наиболее прибыльных отраслях промышленности Урала (добыча золота и платины, цветная металлургия, экспорт сельхозпродуктов и др.). Это не ускользнуло из поля зрения губернатора. Кошко не разделял обсуждавшегося на правительственном уровне проекта передачи Мотовилихинского завода в концессию французской фирме «Шнейдер Крезю и К^о». Здравый смысл в конце концов победил,

домогательства концессионеров были отвергнуты, и волнения уральских пушкарей, боявшихся вытеснения их французами, прекратились¹.

Во избежание общеизвестных повторений ограничимся показателями развития Пермской губернии. Выплавка чугуна за трехлетие губернаторства в ней И. Ф. Кошко увеличилась более чем на 10 млн пудов, или на четверть, меди — на 210 тыс. пудов. Всесторонняя модернизация шла и на частных заводах, перешедших к акционерным компаниям, и на поставлявших вооружение казенных².

При содействии губернатора развернулось многократно откладывавшееся строительство необходимых региону железнодорожных магистралей: Западно-Уральской (Лысьва — Бердяуш) и Северо-Восточно-Уральской (Екатеринбург — Тавда). Если в 1901—1910 гг. протяженность железных дорог на Урале увеличилась всего на 687 км, то в 1911—1914 гг. — на 3160 км³. Финансировалось сооружение коммуникаций российско-французским банковским альянсом⁴, придававшим огромное значение разработке выявленных геологами рудных, угольных, нефтяных месторождений и нетронутых лесных массивов.

Наряду с Московской, Нижегородской и Вятской губерниями Пермская имела развитую мелкую промышленность, удачно дополнявшую собой крупную и постепенно эволюционировавшую до механизированной фабричной. По числу занятых рабочих лидировало кустарно-артельное производство сельхозинвентаря, машин, инструментов, коммунального литья, мебели и др.

В связи с реорганизацией сельского хозяйства и его приоритетным инвестированием со стороны государства неуклонно росла товарность аграрного сектора экономики. Динамичному подъему земледелия и животноводства способствовала также разливавшаяся по Уралу вешним половодьем кооперация. К началу 1913 года на территории Пермской губернии насчитывалось около 350 кредитных ссудо-сберегательных товариществ, десятки объединений крестьянства по производству и сбыту продукции⁵. Примечательно, что в районах преобладания фермерских хозяйств (отрубников и хуторян) кооперация распространялась интенсивнее, чем у крестьян-общинников. Работам по землеустройству в связи с остротой аграрно-лесного вопроса уделялось неослабное внимание губернатора. Достаточно сказать, что в течение полевого сезона 1913 г. землеустроителями было «образовано три тысячи сто шестьдесят девять хуторских и отрубных участков площадью свыше сорока восьми тысяч десятин и по групповому землеустройству

выделено земли для десяти тысяч дворов площадью свыше сорока пяти тысяч десятин»⁶. Иначе говоря, ни о какой «обреченности» столыпинской реформы, бойкотировании ее селянами не может быть и речи.

Рост производства сырья и продовольствия, ужесточение конкуренции на рынке металлов, наконец обременительный для бюджета импорт техники и дефицитных товаров обуславливали необходимость создания в крае передового машиностроительного комплекса, предприятий по выпуску химических препаратов, цемента, бумаги, минеральных удобрений и т. п. Весьма ощутимые шаги в этом направлении были сделаны в бытность на Урале И. Ф. Кошко⁷. Но это были только первые шаги. А между тем в крае, охваченном безработицей, росло социальное напряжение.

Во избежание взрыва массового недовольства правительство выработало программу экстренных мер, включавших в себя развертывание широкомасштабных общественных работ, содействие кустарным промыслам и, главное, завершение тянувшегося десятилетиями землеустройства горнозаводского населения⁸. Исключение составляли пять казенных округов, где к этому времени оно было уже закончено.

Сущность фундаментального и чрезвычайно болезненного для противоборствующих сторон «аграрно-лесного» вопроса заключалась в том, что, согласно закону от 3 декабря 1862 г., мастерским бездействовавших частновладельческих и посессионных заводов предназначался максимальный размер надела⁹. За полвека, минувшие со дня объявления упомянутого юридического акта, численность населения в индустриальной зоне Урала почти удвоилась. А коль скоро рабочие добивались отвода сенокосных угодий по числу наличных, а не ревизских душ, то в случае удовлетворения их требований заводладельцы лишились бы около половины эксплуатировавшихся ими лесных дач. Землеустройство, ослаблявшее и без того истощенную топливную базу, обрекало заводы на уменьшение производительности, что влекло за собой увольнение десятков тысяч потомственных горняков и металлургов, вовсе не горевших желанием переквалифицироваться в хлебопашцев.

Предвидя катастрофическую развязку, Совет министров не оспаривал формулы закона 1862 г., но делал все от него зависящее, чтобы произвести землеотвод с наименьшими для металлургии потерями, то есть по числу мужских душ, зафиксированных переписью конца 1850-х гг. Эти негласно санкционированные Столыпиным полумеры, конечно же, не разрешали узлового противоречия окончательно, но с их помощью глава кабинета

надеялся сохранить заводам топливный ресурс до перевода домен на сибирский кокс.

Любопытно, что законодательные органы, прежде всего Государственная дума, встали в ходе подогреваемой газетами дискуссии не на сторону исполнительной власти (объективно защищавшей в силу вышеназванных причин интересы промышленности, то есть заводовладельцев), а на сторону заводского населения. Одновременно и правительствующий Сенат опубликованным 7 июля 1913 г. указом подтвердил непреложность землеустройства в соответствии с действительным количеством мужского населения заводов¹⁰. Не изымались у мастеровых и унаследованные от родителей лесные покосы (росчисти), размеры которых определялись не по усмотрению лесничих, а по «фактическому пользованию».

Впрочем, постановление Сената, несколько разрядившее накалявшуюся в регионе обстановку, было обнародовано лишь спустя два года после вступления автора мемуаров в должность пермского губернатора. Так что ему досталась роль громоотвода, примирителя враждовавших сторон, наносивших ему чувствительные удары. Дабы не разглашать секретных циркуляров правительства, Кошко терпеливо сносил обвинения и в «заискивании» перед влиятельными промышленными магнатами, и в равнодушии к нуждам народа.

При чтении увлекательных, выдержанных в хорошем литературном стиле воспоминаний бросаются в глаза повторяющиеся хронологические отступления. Стремясь ярче раскрыть истоки наблюдаемых событий и явлений, охарактеризовать сослуживцев, земцев и деловых людей, автор прибегает к экскурсам в прошлое, чаще всего относящимся к революции 1905—1907 гг. Не будучи очевидцем происходившего в ту пору на Урале, опираясь на информацию, почерпнутую в донесениях, официальных и дружеских беседах, и перенося ее на современность, И. Ф. Кошко иногда допускает неточности, спорные умозаключения. В частности, автор переоценивает, на наш взгляд, аграрную ноту в требованиях уральских рабочих. Между тем потомственные рабочие в революционные годы и позднее боролись не за земельные наделы (фактически неиспользуемые), а за восьмичасовой рабочий день и соразмерную стоимости «потребительской корзины» заработную плату. Нельзя также отождествлять лозунги коллективов, обеспеченных постоянными заказами, и рабочих предприятий, скатывавшихся к банкротству.

Вдумчивый, эрудированный читатель обнаружит в тексте и еще некоторые ошибки. Ничего удивительного, ведь личное восприятие и память

мемуариста, зафиксировавшие безвозвратно ушедшее, — инструменты уникальные, но далеко не совершенные... И все-таки надо отдать должное и литературному дару Кошко, и его тонкой наблюдательности, и, главное, умению за всевозможными наслоениями рассмотреть суть явлений. Вот красноречивый тому пример. Едва приступив к обязанностям на Урале, губернатор улавливает неразрывное переплетение аграрного и рабочего вопроса — квинтэссенцию экономических отношений старейшего региона страны. Но действует он весьма осторожно, вопреки подсказкам слева и справа разрубить гордиев узел единым махом.

Будучи человеком образованным, Кошко наверняка листал, а то и штудировал популярные у соотечественников на рубеже XIX—XX веков труды марксистов. Но, став реальным политиком, не уподоблялся теоретикам-доктринерам, видевшим в отрыве рабочих от земли исходный элемент капитализма или своеобразный катализатор общественного прогресса. Действительность показывала, насколько весомым подспорьем в реальных условиях Урала были огороды и рощи для горнорабочих и металлургов.

Не потому ли губернатор, испытывавший сильнейшее давление заводчиков-латифундистов и их высокопоставленных столичных лобби, настойчиво добивался торжества закона в решении аграрно-лесного вопроса? Опиравшийся на либеральные слои населения, И. Ф. Кошко сделал в области землеустройства значительно больше предшественников. Размежевание заводских дач близилось к завершению, когда вспыхнула мировая война.

Рост промышленного производства, обнадеживающие итоги аграрных преобразований, сокращение безработицы выбивали почву из-под ног «непримиримой оппозиции». Хотя расстановка сил на политической арене изменилась, но тон среди депутатов Госдумы от Пермской губернии по-прежнему задавали численно преобладавшие социалисты-революционеры

*Иван Францевич Кошко
(Архив Д. Б. Кошко)*

(эсеры), социал-демократы и трудовики. Упорно доказывая рабочим бесперспективность альтернативной революционному перевороту политики, они инициировали антиправительственное и забастовочное движение.

В этих условиях Кошко проявил себя искусным стратегом, стремившимся сгладить классовые противоречия, ослабить влияние правых и левых радикалов. Пермское национальное общество, созданное губернатором в ходе предвыборной кампании при участии местных кадетско-октябристских кругов (как известно, поддерживавших либеральные реформы), руководителей земства и кооперации, сумело перехватить инициативу у недавних митинговых кумиров. В результате большинство депутатских мандатов в IV Государственной думе избиратели губернии вручили «умеренным консерваторам» (из девяти депутатов пятеро являлись октябристами и националистами, двое — кадетами)¹¹.

Относительно рабочего движения в рассматриваемый период следует отметить, что трагические события 1912 г. на приисках «Лензолота» вызвали всеобщий протест и оживление стачечного движения. Однако вряд ли можно согласиться с исследователями, констатирующими массовый характер забастовок рабочих края в рассматриваемый период¹². Напомним, что происходили они не одновременно на всей промышленной территории, а волнообразно, перекидываясь из региона в регион. К тому же часто бастовали не заводы в целом, а лишь коллективы отдельных цехов.

Принятая в России антизабастовочная практика вполне соответствовала европейской. В случае нарушения законодательства владельцы и арендаторы предприятий подвергались уголовной ответственности. Вина зачинщиков волнений устанавливалась в судебном порядке. Армейские же формирования привлекались для охраны материальных ценностей или для обезвреживания творивших насилие вооруженных экстремистов. Однако с легкой руки идеологов и апологетов РКП(б)-КПСС в историографии закрепилось мнение о якобы драконовских способах расправы с трудящимися, боровшимися за свои права. В доказательство приводится Ленский расстрел, инспирированный отнюдь не правительством.

Не избежал клейма «душителя» революционного движения и Иван Францевич Кошко. Так, на страницах социал-демократической печати он обвинялся в жестоком подавлении забастовок на Пермском артиллерийском (1912 г.) и Лысьвенском металлургическом (1914 г.) заводах, а позже в воспоминаниях меньшевика В. Н. Трапезникова указывалось даже, что пермский губернатор был отправлен в отставку именно вследствие его

незаконных действий в Лысьве в 1914 г.¹³ Доказательностью такого заявления В. Н. Трапезников, естественно, себя не утруждал. К тому же он не был свидетелем лысьвенских событий и вообще отсутствовал на Урале в то время¹⁴. Отмеченные обвинения и упреки в адрес И. Ф. Кошко, живущие до сих пор, заставляют нас подробнее остановиться на событиях 1914 г.

Динамично развивавшийся в начале XX в. Лысьвенский горный округ достиг к 1914 г. впечатляющих успехов. Была осуществлена капитальная реконструкция имевшихся ранее производств и по последнему слову техники оснащены вновь созданные цеха, построена электростанция, подведена железная дорога и проч. Продукция хозяйства имела широкий сбыт, что давало высокую прибыль¹⁵. С расширением производства возрастала потребность и в рабочих руках. За предвоенное десятилетие число людей, занятых только на Лысьвенском заводе, увеличилось в 2,6 раза: в 1905 г. их было 2340 человек, в 1910 г. — 3731 (прирост — 59,4%), а в 1914 г. — уже более 6000 (прирост — 60,8%)¹⁶. Но в округ, кроме Лысьвенского, входили еще три металлургических завода (Кусье-Александровский, Бисерский,

Вид Лысьвенского завода. Начало XX в.

Теплогорский), золотые и платиновые промыслы, лесное хозяйство, рудники. В 1913 г. во всем округе работало 15 тыс. человек, а жителей в нем насчитывалось лишь 27 тыс.¹⁷ Из этого соотношения очевидно, что рабочих рук из местного населения округа было недостаточно* и нехватка компенсировалась привлечением пришлых людей.

Высокий процент новых работников порождал свои проблемы. Большинство пришлых имели низкую квалификацию, либо вообще не обладали заводской специальностью. Трудились они главным образом на подсобных и вспомогательных работах, то есть на самых низкооплачиваемых. Поэтому среди пришлых степень недовольства условиями труда и жизни могла быть значительно выше, чем среди местных рабочих. Кроме того, рабочие в первом поколении, да еще на новом месте, безусловно нуждались в продолжительной адаптации к условиям крупного промышленного производства с его ритмичностью и дисциплиной. Отсюда мы имеем полное основание заключить, что в рядах малоквалифицированных, но весьма многочисленных пришлых Лысьвенского завода процент людей, склонных к протестным и даже асоциальным действиям, был значительно выше, чем в среде коренных жителей округа. Именно пришлые рабочие были податливы на революционную агитацию и являлись наиболее легким на подъем забастовочным контингентом.

Так что же случилось в Лысьве в 1914 г.? Сразу подчеркнем, что произошли тогда два разных события: забастовка и бунт. Хронологически первой была забастовка. Она длилась с 15 марта по 29 мая, ситуация в ходе забастовки складывалась напряженная, но никаких силовых, тем более жестоких и незаконных действий по пресечению забастовки И. Ф. Кошко не допустил.

Основные общезаводские требования рабочих сводились к следующему: увеличение поденной платы на 25 процентов, установление восьмичасового рабочего дня, оплата сверхурочных работ в двойном размере, отмена штрафов, оплата забастовочных дней. Рядом пунктов рабочие требовали улучшения санитарно-гигиенических условий труда, а также обеспечения их бесплатным выгоном для скота, льготных условий для пользования сенокосом и снабжения дровами¹⁸. Достаточно острой, по-видимому, была и

* За вычетом неработающих женщин, детей и престарелых удельный вес занятых в производстве вряд ли мог превышать одну треть от числа всех жителей, то есть местных работников могло быть не более 9 тыс. человек. Значит, количество пришлых в округе доходило до 6 тыс., а возможно, и больше.

жилищная проблема, так как среди требований забастовщиков фигурировало: «Выдавать квартирные деньги всем рабочим, семейным по 10 руб., а одиноким по 5 р. или дать квартиры»¹⁹.

Администрация округа действовала оперативно. Уже 21 марта специально опубликованное «Объявление» (согласованное предварительно с Главным правлением акционерного общества в Санкт-Петербурге) известило рабочих об удовлетворении почти всех их законных требований²⁰. Здесь же содержалось предложение приступить к работе не позднее 26 марта. В противном случае, предупреждалось далее, всех не вышедших на работу ждет увольнение²¹.

Однако рабочие, настаивая на полном удовлетворении всех требований, забастовку не прекратили и были уволены. Теперь им предстояло вновь наниматься на работу. В связи с этим интересен и важен один пункт упомянутого «Объявления», предупреждающий, что паспорта уволенных «иногородних будут переданы приставу 2 стана Пермского уезда»²². Полиция в таком случае должна была пересылать паспорта по месту жительства рабочих и последним, вынужденным ехать за документами домой, ничего не оставалось, как покинуть Лысьву.

Это была попытка избавиться от наиболее беспокойной части забастовщиков — пришлых. Столь решительный шаг заводского начальства диктовался чрезвычайно серьезной причиной — именно в пришлых оно видело основную движущую силу конфликта*.

Отказавшись выйти на работу 26 марта, рабочие бастовали еще два месяца, пытаясь добиться от администрации уступок по трем основным позициям: во-первых, поднять заработную плату в большем размере, чем на это соглашалось руководство завода, во-вторых, оплатить забастовочные дни и, в-третьих, отменить штрафы²³. Нет сомнений, выполнение этих требований было бы выгодно всем рабочим, но реально за столом переговоров речь могла идти только о первом из них, так как два других администрация все равно никогда не стала бы обсуждать в силу их незаконности. А выиграть и чего-то добиться в таких организованных конфликтах, как забастовка, можно только при опоре на закон. По-настоящему сознательные и законопослушные рабочие не могли не понимать бесперспективность требований

* Конфликтность пришлых уже была хорошо известна администрации округа. Например, в феврале 1905 г. на Лысьвенском заводе состоялась первая забастовка, и из трех тысяч ее участников пришлые составляли две трети (см.: Судьба по имени Лысьва. Екатеринбург, 2000. С. 79).

отмены штрафов и оплаты забастовочных дней. Должны были понимать это и контролировавшие ход забастовки большевики. Но требования не снимались, загоняя переговорный процесс в тупик. Почему? Ответ очевиден — малоквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие, оставшиеся еще во многом носителями люмпенской психологии, определяли линию поведения всех забастовщиков.

Проясняется и другое. Оказывается лысьвенские рабочие не были столь монолитны, как это принято было считать в советской историографии. Свидетельство тому — показательный и сам за себя говорящий факт. На третий день забастовки, 17 марта 1914 г., в заводоуправление поступил документ, озаглавленный: «Дополнительная петиция мартеновских рабочих». Первым пунктом податели петиции требовали: «Не ставить на лучшие работы рабочих, которые приняты последними, а поставить на таковые рабочих, принятых уже около 10 лет. Примечание: просим убрать таковых»²⁴. Как видим, в среде рабочих имели место свои противоречия, острота которых не затухала и даже усиливалась в условиях забастовки. Причем весьма характерно, что разграничение групповых интересов очень рельефно проходило как раз по принципу продолжительности рабочего стажа.

Другой серьезный внутренний конфликт в среде забастовщиков зафиксирован Г. П. Рычковой и связан он с денежным пожертвованием Шуваловых. Дело в том, что Лысьвенский горный округ в это время уже был преобразован в акционерное общество. Его бывшие владельцы сохранили за собой небольшое количество акций, но основная доля собственности сосредоточилась в руках двух коммерческих банков (Азовско-Донского и Русско-Английского). Эта реорганизация произошла в конце 1913 г.²⁵ Перестав быть владельцами округа, наследники графа П. П. Шувалова сочли необходимым выплатить наградные деньги заводским служащим и осуществить благотворительное пожертвование в размере 350 тыс. рублей. Эта сумма раздана заводским жителям не подлежала, так как жертвователи сами определили ее использование: на строительство народного дома, на открытие ремесленного училища и на создание неделимого денежного фонда, проценты с которого должны пойти на выплату пособий вдовам и сиротам²⁶. Информация о сделанном Шуваловыми пожертвовании поступила к руководству Лысьвенского округа 3 апреля 1914 г., в разгар весенней забастовки²⁷, и тогда же, в апреле, была доведена до рабочих.

Когда о деньгах стало известно, то, как пишет Г. П. Рычкова, «некоторая часть отсталых рабочих поднимала вопрос о том, чтобы получить эти де-

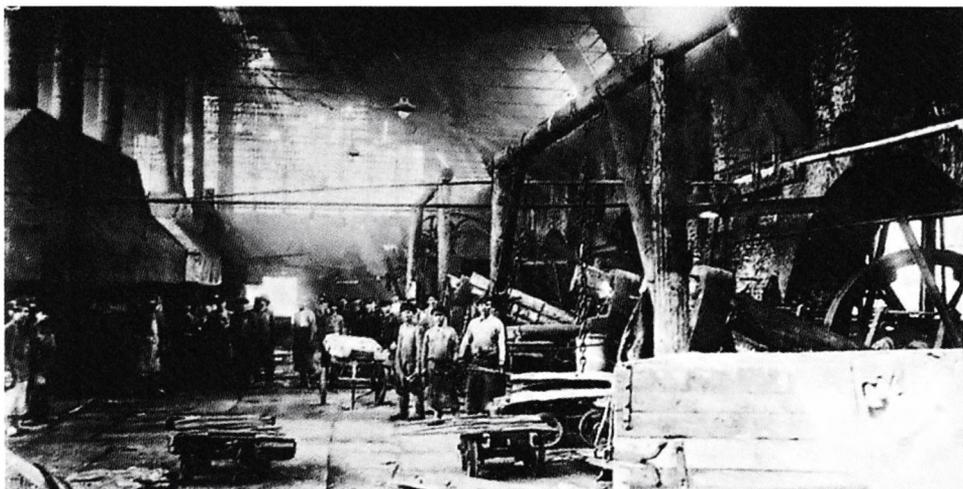
Акция акционерного общества
«Лысьвенский горный округ
наследников графа Петра
Павловича Шувалова». 1913 г.
(МИЛМЗ)

ныги на руки, мотивируя тем, что служащим были выданы денежные награды. Но передовая часть рабочих повела с такими настроениями борьбу»²⁸. Такими «отсталыми» в подавляющем большинстве, несомненно, были именно пришлые люди, не имеющие в Лысьве корней. Их совсем не волновало, будет ли в чужом для них поселке народный дом, реальное училище и материальная защита сирот и вдов. Местные же кадровые рабочие

такое требование поддержать не могли. Обсуждение, по-видимому, было настолько острым, что к рассмотрению вопроса обращались дважды. И оба раза здравый смысл возобладал — требование раздела денег забастовщики перед администрацией не выдвигали. Однако, согласившись с общим решением, инициаторы раздела благотворительного пожертвования, как показали последующие события, остались при своем мнении.

Склонность пришлых к незаконным действиям могла легко привести к массовым беспорядкам. Поэтому на время забастовки всякие сходки были запрещены. Однако со стороны рабочих предпринимались попытки проведения несанкционированных митингов, во время которых проявлялась агрессия по отношению к полиции, пресекавшей их²⁹. Реальной была угроза и заводскому имуществу. Например, 10 мая одна за другой состоялись четыре попытки поджога заводского деревянного склада. В трех случаях поджигатели скрылись, а на четвертый раз задержали неизвестного, назвавшегося крестьянином Вятской губернии Иваном Перевозчиковым³⁰. Почему он оказался на складе? Кто послал туда вятского парня, приехавшего в Лысьву, возможно, в поисках работы? Неизвестно.

Один из цехов Лысьвенского завода. Начало XX в. (МИЛМЗ)

Повторим, что выдвинутые всеми забастовщиками законные требования были удовлетворены почти полностью. Категорически отвергнутыми из основных остались только два незаконных — отмена штрафов и оплата рабочим забастовочных дней, на что администрация имела полное право*. Наконец с 29 мая забастовщики стали выходить на работу.

Государственная власть уже тогда исходила из того, что урегулирование отношений между рабочими и заводской администрацией должно осуществляться в процессе переговоров выборных представителей от рабочих с руководством округа. Следует подчеркнуть, что личный контроль губернатора И. Ф. Кошко за развитием ситуации не имел односторонне-запретительного характера лишь в отношении забастовщиков. Соблюдая законность, Иван Францевич поправлял и местную администрацию, пресекая ущемление прав рабочих. Например, когда заводская контора, уволив часть пришлых, стала передавать их паспорта полиции для отсылки документов по месту жительства уволенных, что являлось нарушением закона, губернатор немедленно вмешался и запретил такую практику, предписав выдавать паспорта рабочим на руки³¹.

* Заметим, норму о праве работодателя не выплачивать работникам заработную плату за время их участия в забастовке содержит и современное трудовое законодательство России.

Как представитель государственной власти, И. Ф. Кошко обязан был принять предупредительные меры (в том числе усиление полицейских подразделений в Лысьве), которые любой губернатор должен осуществлять для сохранения порядка и заводского имущества. Более того, разобравшись, например, в ситуации на Чусовском заводе, где забастовка состоялась практически в то же время (начало марта 1914 г.), Иван Францевич пришел к выводу, что «для забастовки имелись весьма веские поводы»³².

Итак, ясно — никакого нарушения закона со стороны губернатора и тем более насилия власти по отношению к рабочим во время весенней забастовки лысьвенцев не было.

Теперь о «бунте». После объявления 18 июля 1914 г. мобилизации в связи с началом Первой мировой войны призываемые в армию рабочие стали получать расчет, в ходе которого потребовали от администрации сначала дополнительной выплаты им двухнедельной зарплаты, а затем, когда управляющий Лысьвенского завода К. М. Добровольский «под угрозами толпы» (констатирует Г. П. Рычкова³³) эти деньги выдал, заявили новое требование — разделить между рабочими пожертвованные Шуваловыми 350 тыс. рублей. Кроме того, в архивных документах фигурирует еще и требование призываемых в армию выплатить им «пособие в размере выдаваемого в 1904 г. во время Японской войны». 19 июля глава округа А. И. Онуфрович распорядился выдать его мобилизованным, и данное распоряжение было принято на заводе к исполнению³⁴.

Таким образом, вполне вероятно, что сверх расчета рабочие получили две дополнительные выплаты. Подтверждением этого может служить сообщение о лысьвенских событиях, опубликованное в газете «Зауральский край» в ноябре 1914 г. В нем говорится, что «под угрозой рабочих громить контору» Добровольский распорядился выдать им «двухнедельный оклад получаемой платы, а затем даже и месячный»³⁵. Кроме того, известно, что со всего Лысьвенского округа призывалось в те дни 714 человек и «общая сумма пособий», требуемых призывниками, достигала 12,5 тыс. рублей³⁶. Значит, в среднем на каждого приходилось по 17,5 рубля, что соответствовало месячной заработной плате малоквалифицированного рабочего*, а

* В 1913 г. рабочие металлургической промышленности Урала зарабатывали в зависимости от их квалификации: низкой — 14,9, средней — 20,8, высшей — 45 руб. в месяц. См.: *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. (Численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001. С. 100.

именно таковые и составляли большинство бунтовщиков, о чем свидетельствует рапорт окружного инженера А. А. Иванова (см. прил., с. 339—340).

Посмотрим, как мобилизованные выдвигали свои требования. Вот небольшой фрагмент из следственных материалов, где обобщены показания ряда свидетелей о развитии событий 18 июля, когда призываемые на службу явились в заводскую контору с требованием выдачи им денег:

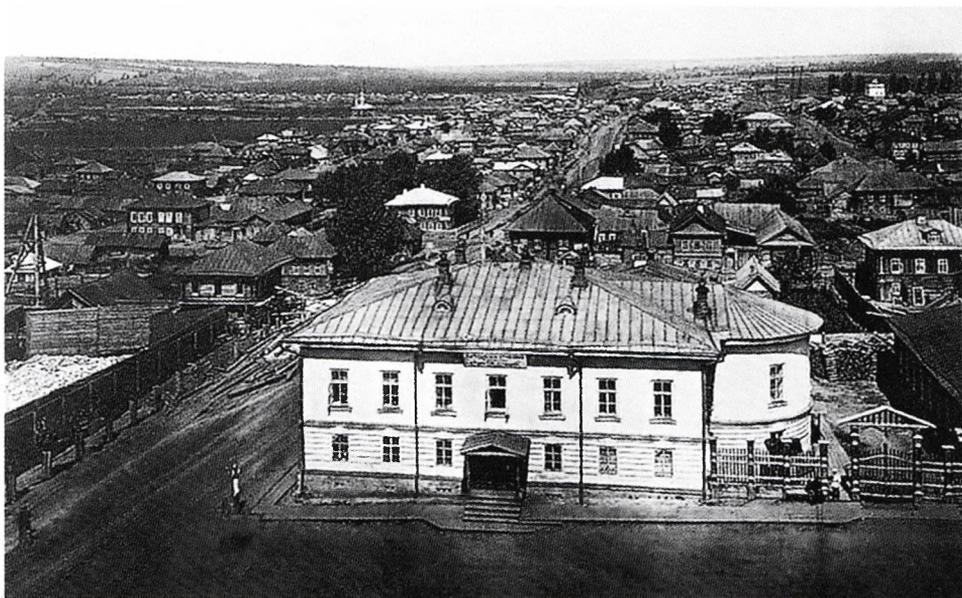
...[они] схватили Добровольского за плечи и, дергая его, кричали: «Давай скорее, даем тебе сроку 20 минут», а Маер кричал: «Нет, много, 2 минуты», после чего они намеревались спустить Добровольского в пролет лестницы. И только благодаря случайно подоспевшему фельдшеру Успенскому ему удалось освободиться от буянов, и он тут же сделал распоряжение об удовлетворении требования рабочих, т. е. о выдаче заработка за 2 недели вперед. При чем Маер, увидав вмешательство Успенского, схватил его за рукав и закричал: «Ты откуда такой защитник выискался, что за адвокат такой нашелся! Вы с такими выступлениями в пользу завода не суйтесь и лучше убирайтесь отсюда». Вечером снова перед конторой собралась громадная толпа рабочих и заявила уже требование о выдаче 350 т[ысяч] рублей, пожертвованных владельцами на просветительные цели, но Добровольский, выйдя к толпе, заявил, что это требование удовлетворено быть не может. После этого он ушел из конторы в гости к инженеру Башкевичу, куда приходила также и толпа с тем же требованием о 350 т. руб.³⁷

Итак, несмотря на уже полученные 18—19 июля деньги, мобилизованные продолжали настаивать на раздаче шуваловского пожертвования, и их угрозы осуществить погром не прекращались. Губернатору о беспокойной обстановке в Лысьве было известно, и он распорядился, как сообщает Г. П. Рычкова, об отправке туда отряда из 32-х стражников, который отбыл из Перми рано утром 20 июля, но из-за перегруженности железной дороги добрался до завода лишь вечером³⁸, когда трагедия уже свершилась. К этому следует добавить, что помимо полиции, И. Ф. Кошко пытался своевременно перебросить в Лысьву армейские силы, но из-за нерешительности и проволочек, допущенных командиром 49-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом М. А. Прясловым, сделать это оперативно не удалось³⁹.

Утром же 20 июля управляющий округом А. И. Онуфрович (вернувшийся в Лысьву из Перми накануне вечером) вышел по требованию мобилизованных на крыльцо конторы в сопровождении нескольких полицейских⁴⁰. Возникает закономерный вопрос: имел ли право А. И. Онуфрович распоряжаться целевыми средствами не по их назначению? Конечно нет! В апреле он получил от Главного правления в Санкт-Петербурге только «уведомление» о сделанном Шуваловыми денежном взносе⁴¹, но не сами деньги.

Средства находились скорее всего в одном из петербургских банков. Не имело права раздать их рабочим и Главное правление акционерного общества, обязанное, в свою очередь, соблюдать закон и волю жертвователей. А требование мобилизованных было незаконным. Онуфрович попытался разъяснить все это собравшимся и призвал их спокойно разойтись (см. прил.). Однако «заведенная» толпа никаких объяснений не воспринимала.

В литературе, основанной на архивных материалах⁴², и в выявленных нами документах (рапорты официальных лиц и воспоминания свидетелей тех событий — см. прил.) по эпизоду начала побоища расхождений и противоречий не просматривается. Первыми, выплескивая бьющую через край агрессию, начали мобилизованные. В накаленной до предела обстановке кто-то ударил А. И. Онуфровича, ранив его в голову. Находившийся рядом с управляющим помощник пермского исправника П. Л. Киселев произвел выстрел из револьвера. Куда был направлен выстрел и пострадал ли кто-то от него, до сих пор не выяснено. Рычкова пишет, что Киселев убил женщину. Точно известно, что со стороны рабочих в тот день погибло три человека, а на следующий от полученных ран скончались еще двое. Расхождений в литературе и источниках о числе этих жертв нет. Далее, в том же самом абзаце

Здание Управления Лысьвенского округа. Начало XX в. (МИЛМЗ)

(14-ю строками ниже) Г. П. Рычкова сама перечисляет имена всех пятерых погибших: Степан Шубин, Павел Кошелев, Николай Новиков, Михаил Разин, Евстафий Лихачев⁴³. Как видим, женщины среди них нет! Нет и разъяснений автора по поводу данного несоответствия.

После прозвучавшего выстрела толпа усилила натиск. Прикрывая собой раненого Онуфровича и отбиваясь от наседавших, полицейские отступили с крыльца, укрывшись в здании управления. В окна конторы полетели камни. Появились и ружья, из которых бунтовщики стали стрелять по осажденным. Полицейские отстреливались. Тогда здание конторы начали поджигать, но оно было кирпичным, поэтому для поджога из находящейся по соседству лавки купца Чашина изыали керосин. Попутно сожгли и саму лавку, а также контору лесничества и два дома заводских служащих. Кроме того, перерезали телефонную и телеграфную связь, попытались разрушить железнодорожный мост.

Ожесточение в ходе побоища продолжало расти. Обратим внимание, что даже «причесанные» редактором воспоминания Д. Голышева, участника буйства мобилизованных, свидетельствуют о том, что среди погромщиков были не только рабочие. Какой-то «вовсе чужой» татарин с лаптями и котомкой за плечами бегал «то с багром, то с ломом взад-вперед», а один из отличившихся — сын торговца Васька Слудковский, служивший приказчиком в лавке⁴⁴ (см. прил., с. 348). Неужели и он, задавленный гнетом «эксплуататора» Онуфровича, возжелал шуваловских денег от беспросветной нужды?* Страшная своей откровенностью жестокость видна буквально в каждой фразе воспоминаний Д. Голышева: «Иванов, брендмейстер, приехал тушить. Ему не дали, он взял кортик. Тут его ударили раз, он и не пошевелился. Это зря. Рассказывают, что его долго били... Иванов был первый убитый»⁴⁵. Когда около четырех часов дня облитое керосином здание разгорелось, полицейские и служащие конторы стали выбегать из него, а «толпа настигала их и убивала»⁴⁶ «палками, жердями, камнями и топорами». Видя страшный конец, А. И. Онуфрович попытался застрелиться, но не сумел, и раненый был забит жердями и лопатами (см. прил., с. 339, 342, 347).

* В книге Г. П. Рычковой Василий Слудковский фигурирует как рабочий, осужденный первоначально в числе 22-х человек на смертную казнь. Позже приговор был смягчен, и Слудковский пошел на каторгу. В числе приговоренных к пожизненной каторге упоминается и татарин — Зинатулла Гизатуллин. Возможно, это он и бегал по площади перед конторой с багром и ломом (см.: *Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории лысьвенской большевистской организации.* 2-е изд. Пермь, 1963. С. 103).

Лыбеньское Вольно-пожарное общество. Начало XX в. (МИЛМЗ)

Управление Лысьвенского округа. В центре Адам Ильич Онуфрович. Начало XX в. (МИЛМЗ)

Судя по воспоминаниям очевидцев, выстрел в себя был единственным выстрелом, который произвел А. И. Онуфрович в тот день, так как, находясь в здании управления, а затем выйдя из него, он по штурмующим не стрелял. Почему? Адам Ильич был талантливый инженер и организатор производства*, но не солдат. Его жизненным кредо как представителя высшего слоя просвещенной технической интеллигенции являлось созидание. Поэтому всякое разрушение, а тем более убийство человека, даже ради сохранения собственной жизни, было несовместимо с его моральными принципами. В то же время, не решившись поднять руку на своих убийц, Адам Ильич до конца сохранил собственное человеческое достоинство. Он не молил о пощаде, не унижался перед толпой, а мужественно пошел через нее... (см. прил., с. 339). Всего полицейских и служащих погибло 10 человек.

Невольно приходит на память известное высказывание Александра Сергеевича Пушкина: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный». А далее следуют пророческие слова великого поэта: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка»⁴⁷.

Но вернемся к лысьвенским событиям. На основании изложенного выше можно высказать мнение, что подавляющее большинство учинивших погром были пришлыми. Подтверждение тому содержится в рапорте окружного инженера А. Иванова, составленном по горячим следам событий 23 июля 1914 г. Документ завершается сообщением, что во время расправы с выбегавшими из огня людьми толпа сначала приняла за Онуфровича другого человека, чего, подчеркивает Иванов, «не могли сделать заводские рабочие», и участие непризванных рабочих в бесчинствах не установлено⁴⁸ (см. прил., с. 340).

* Онуфрович Адам Ильич (1856—1914) — горный инженер. Окончил Горный институт в Санкт-Петербурге и Краковскую промышленно-техническую академию. В начале 1880-х гг. преподавал в высших учебных заведениях Австро-Венгрии. Вернувшись в Россию, работал на ряде металлургических заводов. С 1901 г. — управитель Лысьвенского завода, осуществил реконструкцию предприятия. С 1907 г. занял пост управляющего всем горным округом, продолжив работу по его реконструкции. Активно занимался и научной работой. Опубликовал монографию. Научные статьи А. И. Онуфровича печатались за рубежом. Сотрудничал со многими российскими техническими журналами, член Уральского общества любителей естествознания, автор переводов научно-технической литературы с немецкого, французского и английского языков на русский (см.: *Микитюк В. П.* Онуфрович Адам Ильич // Инженеры Урала. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 401).

Пристав Костарев, добравшийся наконец из Перми до Лысьвы с отрядом стражников, увидев ужасающую картину разгрома и трупы истерзанных людей, телеграфировал в Пермь губернатору: «За дальнейшее спокойствие ручаться нельзя»⁴⁹. Поэтому для удержания ситуации под контролем и обеспечения следственных действий И. Ф. Кошко направил в Лысьву дополнительно две роты солдат. Кроме того, Иван Францевич издал приказ, запрещающий всякие сборища и предписывавший жителям сдать оружие⁵⁰. Его текст расклеили на улицах поселка.

Конечно, безжалостность толпы, безрассудно добивавшейся исполнения своих незаконных требований, масштаб погрома и тяжесть его последствий потрясли прибывших. Жестокость неизбежно порождает ожесточенность, поэтому в первые дни дознания полицейские чины, выявлявшие участников событий, могли «перегнуть палку», и, наверно, действительно были избитые, о которых пишет Г. П. Рычкова. После ознакомления с первыми подробностями случившегося в состоянии потрясения от содеянного толпой Иван Францевич направил в Лысьву открытым текстом жесткую телеграмму, распорядившись объявить жителям, что в случае продолжения беспорядков будет дан приказ о применении артиллерии*. Это была крайняя форма предостережения людей от дальнейших попыток насилия, и диктовалась она чрезвычайной обстановкой, стремлением не допустить новых жертв, причем как со стороны полиции и местной администрации, так и со стороны самих рабочих, ведь те и другие — россияне.

До переброски в Лысьву артиллерии дело не дошло, но аресты произведены были. Их не могло не быть после событий, ставших, по словам И. Ф. Кошко, «тягчайшим преступлением, о котором Урал едва ли когда-либо слышал»⁵¹.

Иван Францевич не мог и не имел права допустить, чтобы власть оказалась бессильной. Власть обязана была поставить заслон экстремизму, выявить и наказать виновников дикой расправы. И она это сделала, действуя

* В литературе единственная ссылка на источник этой информации дана А. Б. Беркевичем, указавшим на ЦГИА (см.: *Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. Вып. 23. М., 1947. С. 21*). Мы попытались найти документ, но оказалось, что в ссылке неверно указан фонд хранения. Кроме того, все фонды Департамента полиции, в одном из которых, по Беркевичу, должно находиться это распоряжение И. Ф. Кошко, еще с 1920-х гг. стали переводиться в Москву, в нынешний ГАРФ, и ко времени публикации статьи А. Б. Беркевича, к 1947 г., этого документа в Ленинграде уже могло и не быть. Сохранился ли он в Москве, выяснить не удалось.

по закону, соблюдение которого губернатор контролировал лично. Об этом свидетельствует, например, его распоряжение от 13 августа, несколько охлаждающее дознавателей в Лысьве: «Дальнейшие аресты допускаю только при наличии бесспорно уличающего материала»⁵². Еще раз подчеркнем, все действия губернатора были законны, адекватны свершившемуся и не выходили за рамки его полномочий.

Однако, говоря о забастовке и лысьвенской трагедии, нельзя обойти вниманием еще один вопрос — об освещении и оценке этих событий историками. Лейтмотив об организованности и высокой сознательности участников лысьвенского «бунта» всегда сопровождался в советской литературе оценкой действий губернатора, как то: «жестокое подавление», «расправа», «испуг» и т. д. Причины таких оценок, конечно, в идеологической установке, которая четко оформилась уже к началу 1930-х гг. Это очень ярко и откровенно зафиксировано в материалах Свердловской областной редакции «Истории фабрик и заводов». 2 сентября 1934 г. состоялось рабочее совещание редакции, на котором обсуждался ход работы по подготовке книги, посвященной истории Лысьвы (см. прил., с. 348—353). Несмотря на частокол косноязычия, концептуально-методологический подход и заготовка выводов для будущих исследований сформулированы в протоколе очень ясно:

Если дать коротенькую историю этих (лысьвенских. — *А. Д., Н. П.*) событий, надо исходить из того, что они происходили в эпоху империализма, в эпоху наиболее ожесточенной классовой борьбы. События 14-го года в Лысьве проходили после первой русской революции 1905 года...

...события 14-го года в Лысьве проходили вначале империалистической войны. Эта деталь очень важна потому, что начало империалистической войны ознаменовалось большим ударом шовинизму и в этот период времени происходило такое движение, как лысьвенское восстание...

Когда мы говорим о том, как рассматривать 20-е июля 14-го года, мы должны исходить из того положения, что 1914-й год был подготовкой всей предшествующей работы лысьвенских большевиков. 14-й год — это наиболее высокая ступень развития революционного движения Лысьвы в до-октябрьский период, который свидетельствовал о наиболее высокой степени классового самосознания...⁵³

Знакомство с исторической литературой 1930—1990 гг. подтверждает: отмеченные партийные установки усердно развивались и углублялись в советской историографии. Наиболее полное описание фактической картины дала только Г. П. Рычкова в книге, опубликованной в 1932 г.⁵⁴ (переиздана под измененным названием в 1963 г.⁵⁵). В ней автор отметила факт «беспокойности» пришлых рабочих и привела документальное свидетельство

прекрасной осведомленности губернских властей и администрации завода о том, что главной опорой небольшой, но очень активной группы лысьвенских социал-демократов являлись именно пришлые⁵⁶.

Однако в дальнейшем ни в одной публикации эти «неудобные» для советско-партийной историографии факты ни разу не упоминались, потому что из них вытекал совсем неканонический вывод. А именно: продолжительность весенней забастовки и упорство в ней рабочих определялись отнюдь не высокой классовой сознательностью и сплоченностью лысьвенского пролетариата (что в обязательном порядке подчеркивалось советской литературой⁵⁷), а опорой местных партийцев радикального толка (большевиков) на наименее сознательную, но очень многочисленную и наиболее люмпенизированную часть рабочих — на пришлых. Иначе говоря, большой удельный вес этих радикально настроенных и слабо поддающихся переговорной логике людей, определял линию поведения всех забастовщиков.

Кроме того, Г. П. Рычкова первая привела слова Маера* как свидетельство антивоенного характера бунта в июле 1914 г.: «Знайте, что мы умрем здесь, а не на войне! Пусть родные знают наши могилы»⁵⁸. А далее автор, следуя упрощенно-тенденциозному принципу партийности в историческом исследовании, пришла к заключению, что это было восстание, которое «продемонстрировало всю ненависть лысьвенских рабочих к царскому самодержавию и своим классовым врагам»⁵⁹. Требование раздела шуваловских денег она называет «внешней причиной восстания» и подчеркивает, что его действительной почвой стал «рост революционного настроения рабочих и глубокий внутренний протест против начавшейся империалистической войны»⁶⁰.

С аналогичных позиций в 1947 г. оценил лысьвенские события А. Б. Беркевич⁶¹, но, несмотря на использование архивных материалов, никаких новых данных он не привел. Напротив, он настолько основательно откорректировал факты, что конкретные требования участников «бунта» совсем исчезли, скрывшись за стандартно-абстрактными утверждениями о беспросветном голодном существовании рабочих⁶². А отсюда сам характер событий очень легко превращался в революционный протест трудящихся,

* Это тот самый Маер, который отличился накануне «бунта» особой агрессией, намереваясь сбросить управляющего К. М. Добровольского в лестничный пролет (см. выше). Позже среди осужденных по лысьвенскому делу Маер не фигурирует. Известно, что 17 активных участников событий от следствия скрылись, в их числе, по всей вероятности, был и он.

обостренный начавшейся империалистической войной. Название же такому исследованию одно — фальсификация.

С тех пор и, увы, по настоящее время ничего не изменилось. Никто к документальным материалам всерьез более не обращался. Все, кто затрагивал вопрос о лысьвенском «бунте», ссылались только на Г. П. Рычкову, А. Б. Беркевича и друг на друга⁶³. В конечном итоге откровенно уголовный лысьвенский погром превратился в «самое крупное не только на Урале, но и в стране» выступление периода мобилизации. Гнев возмущенных людей «обрушился на представителей власти и администрации, особенно на полицейских». Во всем этом проявлялся «революционный характер выступлений призванных в армию рабочих и крестьян, которые видели в своих угнетателях виновников развязывания войны»⁶⁴.

Только «бесчеловечная», то есть лишенная конкретных людей история, обязанная рассматривать в качестве врагов всех, оказавшихся вне социальных границ пролетариата и крестьянства, дает возможность одним росчерком пера превратить забитых лопатами и жердями людей в классовых врагов, а их убийство расценивать как акт справедливого возмездия. Однако если мы расшифруем обобщение «представители власти и администрации», заменив его именами конкретных людей, то получится, что помимо уже известных нам блестящего инженера и управляющего А. И. Онуфровича и брандмейстера Иванова, угнетателями народа, да еще повинными (!) в развязывании войны, оказывается, были: конторщик Никулин, помощник бухгалтера Семенов, помощник исправника Киселев, полицейский надзиратель Епимахов, околоточный Беклемышев, урядник Осмехин, рядовые стражники Пинятин и Калугин (см. прил., с. 340).

Представители заводской администрации и полицейские стали в нашем случае жертвами погромщиков не потому, что действия последних носили революционный характер, а по другой и очень простой причине. Их служебной обязанностью являлось поддержание порядка, а у полицейских — и противостояние насилию, защита законности и жизни других людей, даже перед лицом смертельной опасности. Поэтому они вышли к бунтовщикам и погибли при исполнении своего долга.

Справедливости ради следует отметить, что в середине 1960-х гг. прозвучало мнение Ю. И. Кирьянова и А. Л. Мухина об ошибочности автоматического зачисления историками всех выступлений рабочих периода войны в политические и антивоенные. А относительно беспорядков во время июльской мобилизации 1914 г., прокатившихся по всей России, особо

подчеркивалось: «Эти выступления в большинстве случаев представляли собой столкновения мобилизованных с полицией, происходившие на почве „усмирения“ запасных, пытавшихся перед отправкой в армию громить винные склады. При этом в „винных бунтах“ принимало участие немало шовинистически и монархически настроенных мобилизованных»⁶⁵.

Ставя вновь сегодня вопрос о необходимости пересмотра прежних оценок характера выступлений рабочих в годы Первой мировой войны, Ю. И. Кирьянов обращает внимание на свойственное советской исторической литературе стремление использовать «самые различные „зацепки“, чтобы обычное выступление посчитать политическим»⁶⁶. Вот такой единственной зацепкой для историков, но не более того, и стали еще с 1930-х гг. «похожие» на сознательную «антивоенность» приведенные выше слова Маера.

Все это на финише социалистической эпохи закрепила в 1990 г. академическая «История Урала в период капитализма», где в неизменном виде звучат все те же заклинания: июльские выступления мобилизованных на Урале, в том числе в Лысьве, «были антивоенными, революционными по своей сути, направленными против правящих классов, развязавших антинародную войну, носили стихийный характер»⁶⁷. Признание стихийности — единственная реальная деталь, за которой и скрылись факты жестокого погрома.

Итак, ясно: лысьвенские события в советской исторической литературе оказались фальсифицированными в угоду господствовавшей тогда идеологии. Конечно, удивительного в этом ничего нет, поскольку историки революционного движения были вынуждены писать тогда именно так. Поэтому сегодня, возможно, и не стоило делать столь подробного анализа лысьвенских событий, если бы стереотип их оценки остался в прошлом. Но, к сожалению, эта оценка присутствует и в современных изданиях.

В 1998 г. Институт истории и археологии УрО РАН выпустил в свет Уральскую историческую энциклопедию, содержащую статью под названием «Лысьвенская забастовка». Первые слова статьи — «антивоенное выступление рабочих...»⁶⁸, а дальше, как говорится, больше. О шуваловских деньгах — ни слова. Но если ранее историки не отрицали получение мобилизованными двухнедельного оклада, то теперь вдруг выясняется, что именно эти деньги администрация отказалась платить, открыв по людям стрельбу из окон конторы. Ни о каких переговорах и попытках успокоить толпу не упоминается, ни о каких угрозах со стороны рабочих — тоже. А во

время перестрелки к осажденным в конторе, оказывается, подоспела на помощь полиция?! Впрочем, десять человек из числа администрации все равно погибли. И еще, согласно версии энциклопедической статьи, уже после завершения вооруженного столкновения и гибели людей, но «в этот же день неск. сотен запасных солдат, выражая свое отрицательное отношение к войне (!), разгромили 3-дскую контору, здания лесничества, уничтожили ж/д мост и линии связи»⁶⁹. Вот так — просто и даже обыденно в интерпретации составителей энциклопедии «выразились» мобилизованные, разгромив, убив, спалив... при этом последовательность и ход событий, изложенные в статье, никак не согласуются даже с давно опубликованными фактами.

Впрочем, качественно новый элемент трактовки июльских лысьвенских событий в Уральской исторической энциклопедии все же присутствует. Он отражен в названии статьи. Прежний термин «восстание» оказался замененным на более спокойное слово. Теперь, излагая информацию об убийствах и погроме, читателя убеждают, что речь идет о забастовке. Кульбит поразительный! Ведь объявлять забастовку, то есть прекращать работу, могут только те, кто является работником предприятия, а лысьвенские новобранцы уже были уволены и никаких трудовых обязанностей на момент бунта не исполняли, в силу чего они никак не могли остановить работу путем объявления забастовки. С другой стороны, во время забастовки выдвигаются требования, касающиеся условий труда, но очевидно, что требование выдачи шуваловских денег мобилизованным к условиям даже их бывшего труда никакого отношения не имело. Наконец, забастовка может быть еще политической, когда требования выдвигаются к правительству, но в Лысьве не было и этого.

В неизменном виде информация о «Лысьвенской забастовке» снова повторяется и во втором (переработанном и дополненном) издании Уральской исторической энциклопедии 2000 года⁷⁰. Объяснить появление статьи образца сталинской эпохи в таком издании можно только одним — недостатком новых исследований по данному и другим важным вопросам уральской истории. Надеемся, что наша попытка непредвзятого изложения фактов даст импульс к исправлению накопившихся в отечественной историографии искажений.

Даже в современном и интересном исследовании О. С. Поршневой, анализирующей менталитет рабочих в годы Первой мировой войны, лысьвенский погром упоминается как «крупнейшее волнение» рабочих, «которое было продолжением и кульминацией их четырехмесячной борьбы

с заводской администрацией за раздел между рабочими денег, пожалованных владельцами завода Шуваловыми на культурно-просветительные цели (350 тыс. рублей)»⁷¹. Но не было никакой четырехмесячной борьбы за шуваловские деньги! Незаконного требования их раздела лысьвенские рабочие никогда ранее не выдвигали перед заводской администрацией!

С сожалением приходится отметить, что прочная спаянность современного видения исторической картины с атавизмами партийно-классовых оценок прошлого очень наглядно проявилась и в совсем свежей (2006 г.) монографии С. П. Постникова и М. А. Фельдмана, давших серьезный анализ социокультурного облика уральских рабочих в первой половине XX столетия. Затрагивая вопрос о начале Первой мировой войны авторы пишут: «С момента объявления первой мобилизации 16—17 июля и до конца 1914 г. в России не было ни одной активной антивоенной стачки. Единственное на Урале крупное волнение лысьвенских рабочих являлось продолжением их борьбы...»⁷² и далее цитируется высказывание О. С. Поршневой, приведенное нами в предыдущем абзаце. Вот так соединились теперь действительность и миф, превратив лысьвенский погром из самого крупного в ряду прочих антивоенных выступлений в одинокое и единственное, но... непонятно какое. Ясной позиции о характере лысьвенских событий авторы не сформулировали, однако сохранили серьезное фактическое искажение, что погром явился продолжением борьбы рабочих с заводской администрацией за раздел благотворительного пожертвования Шуваловых. Следовательно, погром по-прежнему остается, хоть и не антивоенным, но проявлением классовой борьбы пролетариата.

Стоит ли после этого удивляться, что старую жвачку о восстании нуждается пережевывать даже глобальная информационная сеть Интернет, где по адресу: www.lysva.ru/history/20/, в разделе хроники города Лысьвы за 1914 г. читаем: «В июле началось вооруженное восстание рабочих, вызванное мобилизацией на войну с Германией». В Интернете же размещена и Уральская историческая энциклопедия — разумеется, вместе со статьей о «лысьвенской забастовке»⁷³.

Впрочем, среди последних изданий следует отметить очерк по истории Лысьвы В. А. Шкерина, опубликованный в 2000 г.⁷⁴ Это работа уже иного плана, где добросовестное изложение фактической стороны событий говорит само за себя. В очерке нет политической ангажированности. Однако, воздерживаясь от прежних оценочных выводов, автор уходит и от постановки вопроса о необходимости пересмотра характера лысьвенских собы-

тий, о необходимости восстановления исторической правды. А в оценке действий И. Ф. Кошко по пресечению бесчинств В. А. Шкерин присоединяется к мнению, что губернатор «перегнул палку», поплатившись за это своим постом⁷⁵.

Мы надеемся, что читатель извинит нас за столь подробное освещение лысьвенской трагедии. Нам это казалось важным для памяти погибших в ней и чести автора воспоминаний, которые мы публикуем и которые (как и любой другой исторический документ) обязаны сопровождать достоверным исследованием фактов.

Говорят, что по-настоящему человек раскрывается в экстремальных ситуациях, и в жизни И. Ф. Кошко были, как видим, такие моменты, когда он проявлял и неординарность мышления, и политическую гибкость, сочетавшуюся с мужеством, с твердостью характера и убеждений. Менее заметной для обывателя была каждодневная текущая работа губернатора: изучение и визирование документов, совещания, прием посетителей, командировки и т. п. Все это в той или иной степени отражено в воспоминаниях, содержащих меткие характеристики сослуживцев, общественных и религиозных деятелей. Автор без нарочитой пристрастности запечатлел образы как людей ему симпатичных, так и лентяев, казнокрадов, явно компрометирующих олицетворяемую им государственную систему.

Малочисленность уральского дворянства, не имевшего в губернии словесного представительства, вела к заполнению административных учреждений разночинцами. Не рабелепствуя перед титулованными магнатами, Кошко находил общий язык и с дворянами, и не дворянами, толково, добросовестно исполнявшими возложенные на них обязанности. Тесные, нередко дружеские отношения складывались у губернатора с руководством органов местного самоуправления. И неудивительно, так как Пермское земство являлось, по признанию центральной власти, одним из лучших в стране. Многие из апробированных на Урале земских начинаний в сфере народного просвещения, здравоохранения и организации кустарных промыслов впоследствии применялись во всероссийском масштабе. Именно образование и медицина были первоочередными статьями расходов пермского земства. В 1913 г. на их финансирование было направлено 64,69% всего годового бюджета!⁷⁶

От коллег из аграрных губерний пермских земцев выгодно отличало присутствие в их среде (наряду с учителями, агрономами и врачами) технической интеллигенции. Опытные инженеры были подчас незаменимы

в решении сложных хозяйственных и социальных проблем. Автор тепло отзывается о встреченных им в земской среде бескорыстных, самоотверженных помощниках. Вместе с тем он не идеализирует пестрый чиновничий мир, осуждает захребетников, устроившихся на хорошо оплачиваемых должностях благодаря протекции или дворянскому происхождению. Таковы кичившийся «родовитостью» мздоимец полицеймейстер Н. Н. Церешкевич, откровенный карьерист Н. А. Ордовский-Танаевский, интриган Н. И. Песоченский и др.

Живописная «портретная галерея» не ограничивается в мемуарах коронным и земским чиновничеством. Колоритно, с мягким юмором выведены автором образы знакомых коммерсантов, промышленников, адвокатов, служителей муз. Касаясь общественной деятельности и развлечений элиты, мемуарист отмечает извечное соперничество ведущих центров губернии — Перми и Екатеринбурга.

Невзгоды и разочарования не изгладили в душе Кошко любви к природе и тонкого восприятия ее красоты, дарившей целительный покой, восстанавливавшей силы. Наверное, поэтому губернатор не тяготился частыми многоверстными поездками. В обыденной жизни отставной офицер был неприхотлив, а недостаток комфорта на разбитых дорогах скрашивало богатство впечатлений. Страницы, посвященные описанию ландшафтов, уральских достопримечательностей и бытовых сцен, настолько выразительны, что напрашивается сравнение с именитыми беллетристами...

← Участники встречи *Виктории Федоровны Баттенбергской* (старшей сестры императрицы *Александры Федоровны*). Снимок сделан в Перми 19 июля 1914 г., в день объявления войны Германией России
Фото из архива Д. Б. Кошко

Женщины слева направо: Елизавета Николаевна Прялова (жена командира дивизии), Мария Степановна Кошко (жена губернатора), Виктория Федоровна Баттенбергская, ее дочь Алиса, дочь губернатора Ольга Ивановна Кошко, мисс Керр, Вера Арсеньевна Европеус (жена вице-губернатора).

Мужчины слева направо: Владимир Иванович Европеус, Иванов (начальник Почтового управления Пермской губернии), инженер Транссибирской железной дороги, А. Крундышев (племянник М. С. Кошко), Григорий Васильевич Юрьевский (?) (городской голова Перми в 1916—1917 гг.), Альфирьев (пензенский помещик), Иван Францевич Кошко, Корнилов (секретарь великой княгини Елизаветы Федоровны).

Рукопись, к сожалению, обрывается на полупhrазе. Но и без утраченной концовки «Воспоминания» представляют собой хорошо скомпонованное, цельное по замыслу и сюжету повествование. Есть у него очевидное достоинство, не свойственное эпохе братоубийственной войны. Автор не затушевывает фанфаронства, инертности, коррумпированности власть предержащих, общественных «язв», и в то же время не сбивается на критику «мачехи России». Он словно предвосхищает великое будущее Отчизны и благодарность грядущих поколений россиян за посеянные им вместе с соратниками зерна, обещавшие при неизменности реформистского курса добрый урожай.

На излете столетия предвидение автора оправдалось. С началом преобразований, возвестивших о крушении в стране тоталитаризма, ученые, литераторы, драматурги, кинематографисты получили возможность правдиво рассказать о том, что раньше в угоду официальной идеологии искажалось или замалчивалось. С особой тщательностью вымарывались советской цензурой исследования и художественные произведения о предреволюционных годах, когда столыпинские выдвигенцы задали российскому локомотиву невиданное, поразившее Европу ускорение.

Долгим, тернистым путем шла рукопись автора-эмигранта к читателям, чтобы увидеть свет без купюр и «уточняющих» взгляды автора комментариев. Надеемся, что издаваемые Демидовским институтом мемуары будут приятным сюрпризом для историков и всех неравнодушных к прошлому нашей страны. Она возвращает нам вытравленные сторонниками «классового подхода» имена людей, возводивших здание могущественной России и, вероятно, построивших бы его...

Хочется верить, упрощенно-однолинейное понимание исторического процесса будет изжито навсегда. А узы, спланивающие нас в единый народ, должны быть нерасторжимы и при свободе выбора. Так или иначе, но каждый, прочитавший мемуары, найдет в них для себя немало интересного и поучительного. Поблагодарим же ныне здравствующих потомков Ивана Францевича Кошко, сохранивших рукопись вдали от Родины и выразивших желание, чтобы печаталась она на уральской земле, которую автор умело обустроивал и где оставил частицу своего сердца!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Финансовое обозрение. 1912. № 21. С. 8.; № 22. С. 10.
- ² РГИА. Ф. 70. Оп. 1. Д. 8. Л. 4—5; Д. 10. Л. 4—5.
- ³ Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Екатеринбург, 2000. С. 22.
- ⁴ Соловьева А. М. Роль финансового комитета в железнодорожном строительстве России // Исторические записки. М., 1956. Т. 55. С. 197.
- ⁵ Ежегодник Пермского губернского земства и календарь на 1914 год. Пермь, 1914. С. 150.
- ⁶ ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 об.—2.
- ⁷ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 669. Л. 4; Торгово-промышленная газета. 1913. 28 августа; Уральское хозяйство. 1914. № 21. С. 26.
- ⁸ Пермская земская неделя. 1911. № 20. С. 20.
- ⁹ ПСЗ. Т. 37. № 38989. С. 450.
- ¹⁰ Известия земского отдела МВД. 1913. № 9. С. 412.
- ¹¹ Кочетов Ю. И. Выборы в Государственные думы в Пермской губернии. Пермь, 1960. С. 61—62.
- ¹² История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 337—339.
- ¹³ Пермские губернаторы (из фондов архива). Пермь, 1996. С. 66.
- ¹⁴ В 1906 г. В. Н. Трапезников был выслан в Вологду и на Урале появился, судя по опубликованным биографическим данным, уже в 1918 г. — Революционеры Прикамья. Пермь, 1966. С. 643—648; Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 517.
- ¹⁵ Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг. М.; Л., 1965. С. 313—315; Судьба по имени Лысьва. Екатеринбург, 2000. С. 22—37; Металлургические заводы Урала XVII—XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 301—302; Сапоговская Л. В. Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке // Развитие металлургического производства на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 301—302.
- ¹⁶ Металлургические заводы Урала... С. 301.
- ¹⁷ Вяткин М. П. Указ. соч. С. 314.
- ¹⁸ Рычкова Г. П. Лысьва. Очерк по истории революционного движения в Лысьвенском заводе. М.; Свердловск, 1932. С. 51; Рябухин Е. И. Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связей с массами (1907—1914 гг.). Ч. 3. Период нового революционного подъема (1910—1914 гг.). Саратов, 1974. С. 352—353; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3149. Л. 46.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3149. Л. 46.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 66. Л. 203.
- ²¹ Там же. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3149. Л. 92 а.
- ²² Там же.
- ²³ Судьба по имени Лысьва. Екатеринбург, 2000. С. 81.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3149. Л. 84.
- ²⁵ Вяткин М. П. Указ. соч. С. 314—316.
- ²⁶ ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 65. Л. 49.; Д. 66. Л. 217.
- ²⁷ Там же. Д. 66. Л. 217.

²⁸ Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории лысьвенской большевистской организации. 2-е изд. Пермь, 1963. С. 96.

²⁹ ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 66. Л. 216—217.; Из истории Урала. Урал с древнейших времен до 1917 года. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1971. С. 300.

³⁰ ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 66. Л. 205.

³¹ Там же. Л. 217.

³² Хитров П. И. Забастовочное движение рабочих Пермской губернии в период революционного подъема в России накануне Первой мировой империалистической войны (1912—1914 гг.) // Учен. зап. Пермского гос. университета. Т. XII. Вып. 2. Пермь, 1957. С. 40.

³³ Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории... С. 97.

³⁴ ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 66. Л. 206—207.

³⁵ Из зала суда (Лысьвенское дело) // Зауральский край. 1914. № 256. С. 3.

³⁶ ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 66. Л. 206—207.

³⁷ ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 315. Л. 97.

³⁸ Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории... С. 100.; Судьба по имени Лысьва... С. 82.

³⁹ Данный факт отражен в воспоминаниях дочери И. Ф. Кошко, Ольги Ивановны. Повествуя о судьбе людей, являвшихся в Перми сторонниками Г. Е. Распутина, она пишет, что один из них, М. А. Пряслов, оказавшись во время войны на фронте, «был отрешен от командования, кажется, за нерешительность, что на него очень похоже, так как подобный случай был и в Перми. На одном из уральских заводов взбунтовались рабочие, осадили дом директора завода, собираясь его поджечь, а директора и инженеров убить, хотя эти последние ни в чем не были виновны. По телеграфу было сообщено губернатору. Отец немедленно обратился к Пряслову, требуя роту солдат на помощь осажденным. Пряслов начал мямлить, ссылаясь на мобилизацию, на неимение свободной роты, и я помню, как отец его оборвал: „Ваше превосходительство, сознаете ли Вы, что кучка невинных людей подвергается страшной опасности быть убитыми благодаря Вашей нерешительности?“ И когда Пряслов сказал, что пошлет завтра, отец в ярости погрозил, что будет жаловаться на него в Петербург, и повесил телефонную трубку. Зная начальника штаба за энергичного человека, отец протелефонировал ему. Сейчас же рота солдат по его приказу была экстренно послана на завод. Но благодаря замедлению с Прясловым, приехала на час поздно. Дом директора пылал, и директор со служащими были зверски убиты. Отец говорил, что эти убийства должны лечь на совесть Пряслова». (Архив Д. Б. Кошко. *О. И. Кошко*. Воспоминания).

⁴⁰ Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории... С. 98.; См. также прил.

⁴¹ ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 66. Л. 217.

⁴² Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории... С. 98.; Судьба по имени Лысьва... С. 82.

⁴³ Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории... С. 98.

⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 65. Л. 20—21.

⁴⁵ Там же. Л. 20.

⁴⁶ Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории... С. 98—99.

⁴⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17-ти т. М.; Л. 1937—1959. Т. 6. С. 370.

⁴⁸ ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 65. Л. 50—51.

- ⁴⁹ Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории... С. 100.
- ⁵⁰ Там же. С. 101.
- ⁵¹ Цит. по: Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. Вып. 23. М., 1947. С. 19.
- ⁵² Цит по: Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории... С. 101.
- ⁵³ ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 65. Л. 35—36.
- ⁵⁴ Рычкова Г. П. Лысьва. Очерк по истории...
- ⁵⁵ Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории лысьвенской большевистской организации. 2-е изд. Пермь, 1963. — 288 с.
- ⁵⁶ Цит. по: Рычкова Г. П. Лысьва. Очерк по истории... С. 54—55
- ⁵⁷ История Урала. Т. 1. Пермь, 1963. С. 428; Очерки истории коммунистических организаций Урала... С. 199—200; Рябухин Е. И. Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связей с массами (1907—1914 гг.). Часть третья. Период нового революционного подъема (1910—1914 гг.). Саратов, 1974. С. 352—359; Очерки истории Пермской областной партийной организации... С. 120—121; История Урала периода капитализма... С. 338—339;
- ⁵⁸ Рычкова Г. П. Лысьва. Очерк по истории... С. 65.
- ⁵⁹ Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории... С. 105.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Беркевич А. Б. Указ. соч. С. 19—21.
- ⁶² Чтобы не выглядеть голословными, процитируем всего несколько строк из А. Б. Беркевича, которые в особых комментариях не нуждаются: «В связи с тем, что уходящие на фронт оставляли семьи обреченными на голод, рабочие потребовали выдачи денег, *из-за которых с администрацией у них были давние споры (!)*. Получив отказ, несколько сот мобилизованных утром 20 июля собрались у здания управления горным округом. *После провокационного выстрела полицейского надзирателя*, рабочие осадили здание, подожгли его и перебили полицию и заводскую администрацию...» (курсив наш. — А. Д., Н. П.). — Беркевич А. Б. Указ. соч. С. 20.
- ⁶³ История Урала. Т. 1. Пермь, 1963. С. 444—445; Хитров П. И. Рабочее движение на Урале в Первую мировую империалистическую войну (июль 1914 — февраль 1917 гг.) // Учен. зап. Пермского гос. университета. № 227. Исследования по истории Урала. Вып. I. Пермь, 1970. С. 272—273; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Том первый. 1883—1920 гг. Свердловск, 1971. С. 208; Клементьев А. И., Максаров Н. В. Запас прочности. Пермь, 1985. С. 50—53; Попов Н. Н. Выступления рабочих и крестьян на Урале во время июльской мобилизации 1914 г. // Рабочие Урала в период капитализма (1861—1917). Свердловск, 1985. С. 118, 121; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1986. С. 122.
- ⁶⁴ Попов Н. Н. Указ. соч. С. 118, 123.
- ⁶⁵ Первая мировая война. 1914—1918. М., 1968. С. 13—14.
- ⁶⁶ Кирьянов Ю. И. Рабочие России и война: Новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 436.
- ⁶⁷ История Урала периода капитализма... С. 362.
- ⁶⁸ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 315.
- ⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 320.

⁷¹ *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 — март 1918 г.) Екатеринбург, 2000. С. 163.; *Она же.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 134.

⁷² *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900—1941 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 359.

⁷³ www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-%EВ-1181.html

⁷⁴ Судьба по имени Лысьва. Екатеринбург, 2000. — 160 с.

⁷⁵ Там же. С. 82—83.

⁷⁶ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 272, 274.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ОБ ИЗДАНИИ ВОСПОМИНАНИЙ
КРЕСТЬЯНИНА ПЕТРА ПАВЛОВА
О ХОЛЕРНОМ БУНТЕ
ПРУССКОГО ПОЛКА В 1831 ГОДУ¹

1. Письмо И. Ф. Кошко С. Н. Шубинскому²

16 сентября 1892 г.

Милостивый государь Сергей Николаевич!

Присланная Вами рукопись «Рассказы старины» была мною оставлена в редакции «Нового времени» и к Вам отослана помимо меня. Я даже об этом не подозревал и узнал только из Вашего письма.

Эту рукопись передал мне старик крестьянин, очевидец изложенного, живущий у меня в участке, и предоставил мне право напечатать ее, если я найду это возможным. Так как население моего участка по преимуществу бывшие поселяне³, то я интересовался их историей и кое-что читал о бунте 31 года⁴. Все имеющееся в печати относится преимущественно к старорусским поселениям⁵. Относительно же бунта новгородских поселян я

¹ Тексты всех материалов приложения и примечания к ним подготовлены к публикации Н. Г. Павловским.

² Сергей Николаевич Шубинский (1834—1913), журналист, писатель. В 1854—1887 гг. состоял на военной службе, генерал-майор. В 1875—1879 гг. — редактор журнала «Древняя и новая Россия», а в 1880—1913 гг. — редактор журнала «Исторический вестник».

³ Речь идет о бывших солдатах, состоявших на службе в военных поселениях. Эти поселения представляли собой особую организацию войск в 1810—1857 гг. Они были введены в ряд губерний (в Новгородской было размещено двенадцать гренадерских полков и две артиллерийские бригады) с целью экономии средств на содержание армии и в качестве резерва обученных войск. Жители таких поселений совмещали занятие сельским хозяйством с военной службой.

⁴ Холерный бунт в военных поселениях Новгородской губернии, около города Старая Русса в июле 1831 г. — одно из самых крупных солдатских выступлений первой половины XIX в. Восставшие захватили город и казнили своих начальников. Посланный для наведения порядка батальон, перешел на сторону восставших. Волнения распространились на большинство военных поселений губернии. На усмирение приехал сам Николай I.

⁵ То есть поселения в непосредственной близости от города Старая Русса.

читал только «Бунт пахотных поселян. Рассказы очевидцев»¹, состоящие из рассказа Панаева и священника². Эти рассказы относятся до Австрийского полка³. Рукопись же трактует о бунте Прусского полка⁴. Таким образом, сообщаемые факты, помимо своего оригинального освещения, представляют и интерес новизны. Конечно, некоторые рассуждения автора, особенно умозрительного характера, нужно откинуть, но фактическую сторону я бы хотел сохранить всю.

Желательно также сохранить и оригинальность языка, придав ему только некоторую плавность. Что же касается вознаграждения, то определить его мне трудно. Хотелось бы, чтобы бедному крестьянину досталось побольше, а с другой стороны, боюсь поставить такие условия, что Вы не в состоянии будете их принять. А потому покорнейше прошу не отказать известить меня, сколько журнал может дать за нее, и я немедленно отвечу, приму ли эти условия.

Исполнением крайне обяжете готового к услугам

И. Кошко

ОР РНБ. Арх. Шубинского С. Н. Оп. 1. Д. 51. Л. 247—248. Подлинник.

¹ Правильное и полное название данного сборника: Бунт военных поселян в 1831 г. Рассказы и воспоминания очевидцев. СПб., 1870. — 282 с. Составителем и издателем сборника был М. И. Семевский.

² Николай Иванович Панаев (1797—1855), участник Отечественной войны 1812 г., военный инженер, с 1831 г. — полковник, в 1850 г. — генерал-майор, состоял в должности коменданта Киева. В 1831 г. руководил строительством зданий и дорог в военных поселениях Новгородской губернии. Во время холерного бунта, пользуясь доверием военных поселян, сумел возглавить и остановить выступление. Его записки с воспоминаниями об этих событиях впервые были опубликованы А. И. Герценом в «Колоколе» в 1858 г. (№ 16—18). В упоминаемом здесь сборнике М. И. Семевского 1870 г. воспоминания Н. И. Панаева вышли уже повторно под заглавием: «Рассказ инженер-полковника Панаева, производителя работ в округе Австрийского полка». В этом же сборнике опубликованы записки священника П. В. Воинова («Рассказ священника Гренадерского короля Прусского поселенного полка Воинова»), капитана Заикина (командира роты Австрийского полка), холмского купца Красильникова, чиновника из города Демьянска Г. Соколова и др.

³ Кексгольмский гренадерский полк был сформирован еще в XVIII в., в 1814 г. переименован в Гренадерский его величества императора Австрийского полк. В 1817 г. одновременно с Прусским полком был назначен для военного поселения в Новгородской губернии. В 1835 г. получил наименование: Гренадерский императора Франца I полк.

⁴ Полк был сформирован в XVIII в. с наименованием Санкт-Петербургский пехотный полк. Впоследствии получал наименования: в 1785 г. — Санкт-Петербургский гренадерский полк; в 1814 г. — Гренадерский его величества короля Прусского; в 1840 г. — Гренадерский короля Фридриха-Вильгельма III полк. В 1817 г. полк был назначен для военного поселения в Новгородской губернии.

2. Письмо И. Ф. Кошко С. Н. Шубинскому

18 ноября 1893 г.

Милостивый государь г[осподи]н редактор!

К моему крайнему сожалению, обстоятельства сложились так, что я не имел возможности выслать Вам прилагаемое предисловие к запискам о холерном бунте Павлова ранее, как обещал при свидании.

Не будете ли любезны выслать вознаграждение автору теперь же, так как он заболел и эти деньги ему придутся очень кстати. Вместе с тем позволяю себе утруждать Вас и следующей покорнейшей просьбой. Когда записки напечатаны, то нельзя ли будет прислать мне 1 или 2 номера журнала для передачи их Павлову. Он так будет счастлив видеть себя в печати, что такая присылка вознаградит его за труд, может быть, более денег. Вы, конечно, отлично поймете это желание. А потому, если выполнить его будет нетрудно, то не откажите, чем очень обяжете.

Пользуюсь случаем, милостивый государь, засвидетельствовать Вам мое совершенное почтение, готовый к услугам

И. Кошко

ОР РНБ. Арх. Шубинского С. Н. Оп. 1. Д. 54. Л. 263—264. Подлинник.

3. Предисловие И. Ф. Кошко к публикации воспоминаний П. Павлова¹

Настоящие воспоминания собственноручно написаны крестьянином деревни Рускино Бронницкой волости Новгородского уезда Петром Павловым, который во время холерного бунта 1831 года состоял кантонистом² в одной из поселенных рот Прусского полка и был очевидцем описанных им событий.

В один из приездов моих в 1892 году в деревню Рускино для объяснения крестьянам принимаемых в борьбе с холерою мер зашла, между прочим,

¹ Публикуется по изд.: *Павлов П.* Воспоминания очевидца о бунте военных поселян в 1831 году // Исторический вестник. СПб., 1894. Т. 55. № 3. С. 738—739.

² Кантонистами (от нем. *kantonist* — военнообязанный) с 1805 по 1856 гг. числились от рождения сыновья солдат, а затем и военных поселян. Начиная с семи лет их обеспечивали от казны провиантом и одеждой. С 7 до 12 лет они обучались в школе, затем до 18 лет помогали родителям по хозяйству, а с 18 лет — зачислялись на военную службу.

речь о холерном бунте их дедов, причем мне хотелось узнать подробности тогдашних беспорядков и познакомиться, со слов самих очевидцев-крестьян, с вызвавшими их поводами. Тут-то и был мне указан преклонных лет старик, Петр Павлов, вручивший для прочтения написанные им воспоминания.

Записки эти показались мне настолько интересными, что, с согласия автора, я препровождаю их в редакцию «Исторического вестника». Фактический материал рассказов Павлова сходится со всем тем, что уже было напечатано относительно поселянского бунта 1831 года, но группировка этого материала в то же время дает тогдашним событиям своеобразное освещение, которое особенно ценно и интересно в том отношении, что исходят от очевидца, отчасти даже участника бунта, дает читателю картину ощущений, переживавшихся народною массою в эти смутные дни. Правда, автор местами вдаётся в резонёрство¹, но изложение наиболее драматических моментов смуты захватывает, так сказать, его самого, и он начинает говорить искренно, забывая о всяких напускных фразах, подчас противореча даже своим же собственным сентенциям.

Все ранее напечатанное относительно этого бунта, насколько я знаю, касается или старорусских поселян, или Австрийского полка, который стоял близ города Новгорода. О событиях в соседнем Прусском полку упоминается в этих рассказах лишь вскользь. Таким образом, настоящие записки Павлова дают и в фактическом отношении немало нового.

Предлагаемые читателю рассказы Павлова прошли предварительно через кое-какие исправления: так, выкинуты не относящиеся к делу велеречивые рассуждения, неправильно припутанные иностранные слова и т. п. Общий же характер изложения и оригинальность языка я старался сохранить возможно ближе к подлиннику.

Земский начальник
И. Ф. Кошко

¹ Резонёрство — длинное нравоучительное рассуждение.

И. Ф. Кошко

МЕЛКИЙ НАРОДНЫЙ КРЕДИТ КАК МОГУЧЕЕ СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ОБЕДНЕНИЕМ НАШЕГО КРЕСТЬЯНИНА¹

За последнее десятилетие русская государственная и общественная жизнь была поглощена главнейшим образом вопросами деревенской жизни вообще и в особенности тревожным поголовным обеднением нашего крестьянства. Непрерывный почти ряд неурожаев, доказавший, увы, слишком очевидно, что крестьяне дошли до той черты обеднения, за которой уже теряется всякая способность личными силами отражать временные невзгоды и оправляться от них без заметного потрясения экономического строя, взволновали общественную мысль и заставили ее работать над подысканием таких мероприятий, которыми возможно было бы положить конец этому прогрессирующему обеднению.

Периодическая печать, широко захватывая вопрос, видит спасение в поднятии просвещения, во всеобщем обучении, совершенно, по-видимому, упуская из вида, что значение этой меры может сказаться в лучшем случае лишь во втором поколении. Правительство же целым рядом законодательных актов, как-то: льготами по уплате выкупных платежей, уничтожением паспортных сборов, предоставлением крестьянам права покупать казенный лес и арендовать оброчные статьи без торгов на сравнительно льготных условиях — стремится уменьшить неизбежные расходы крестьянского хозяйства. Нет сомнения, что правительственные меры весьма целесообразны, так как начинают воздействовать на жизнь настоящей минуты, а не подготавливают только лучшее будущее. Но тем не менее по своему объему они представляются слишком слабыми для переживаемого крестьянами

¹ Публикуется по изданию: *Кошко И.Ф.* Мелкий народный кредит как могучее средство борьбы с обеднением нашего крестьянина. Новгород, 1899. – 24 с.

тяжелого кризиса, который, затянувшись, может привести государство к тяжелым и опасным потрясениям.

Для немедленного поднятия экономического быта крестьян существует могучее средство, которое, будучи проведено в жизнь с достаточной широтой, сразу поставит мужика на ноги и верно поведет его к той хозяйственной устойчивости, которая не боится проходящих невзгод. Средство это заключается в надлежащей организации мелкого дешевого кредита.

Странное дело! С 1891 года все русское общество поглощено заботой поднятия благосостояния крестьян и судорожно мечется в подыскании для этого мер; в последние два года начинает даже замечаться проявление горькой безнадежности в удачном разрешении этой задачи, и в то же время никто не хочет остановиться на идее мелкого кредита как вернейшем средстве для этой пели.

Происходит это, по моему глубокому убеждению, вследствие слишком поверхностного знакомства нашего с деревенской жизнью.

В самом деле, многочисленными статьями в повременных изданиях, обсуждениями в различных обществах польза и необходимость учреждения мелкого крестьянского кредита признается без возражений. Но пассивность, так сказать, этого признания, отсутствие горячей и энергичной пропаганды его заставляет думать, что средство это считается второстепенным, не способным послужить фундаментом хозяйственного возрождения крестьянина. Так на это дело, по-видимому, смотрит и правительство. А между тем целый ряд фактов весьма красноречиво говорит, как ошибочно подобное пренебрежительное отношение к значению мелкого кредита.

Крестьянская жизнь со времени уничтожения крепостного права и до наших дней характеризуется широким расцветом кулачества, захватившего в свои руки все крестьянское хозяйство.

Выручая крестьянина в нужде, ссужая его деньгами или товаром в трудную минуту, кулак безбожно дорого заставляет оплачивать свои услуги и поглощает сам львиную долю пользы, извлеченной мужиком из предоставленного ему кредита.

Несмотря на это, он усваивает себе высокомерный и повелительный тон в обращении, требует рабского повиновения, позволяет себе самое возмутительное глумление и не знает пределов своему самодурству. Все общественные дела на сходе решаются так, как это ему угодно и выгодно, причем никто не смеет и пикнуть против его предначертаний, хотя все отлично понимают, как невыгодно такое влияние отражается на хозяйстве.

Здесь не место подробно описывать деятельность и приемы кулаков. Они слишком хорошо известны и достаточно разработаны литературой.

Но если сметливый, живой русский крестьянин безропотно выносит подобный гнет, то это доказывает, что удовлетворение потребности в кредите представляет насущную для него важность, ради которой он жертвует и своим человеческим достоинством, и значительными выгодами. Запродавая зимой кулаку будущий урожай сена по 10 коп., он безропотно привозит ему его осенью, хотя цена стоит 20 коп. за пуд. И случаи неисполнения таких сделок до того редки, что их и считать не приходится.

Такая роль кулака в деревенской жизни совершенно естественна, если вспомнить, что благосостояние целой крестьянской семьи сплошь и рядом зависит от возможности своевременно достать 5 рублей. Представьте себе, что работник семьи случайно заболевает в страду. Надо косить, надо готовить пашню для посева озимого хлеба, а хозяин лежит без движения. Очевидно, приходится нанять кого-либо из соседей и заплатить за обработку душевого надела около 5 р. Где взять эту сумму? Последнюю корову продать — значит остаться без молока, питаться сухим хлебом и, главное, не иметь навоза под будущий посев, т. е., иными словами, остаться без хлеба через два года. Таким образом получение 5 руб. принимает размеры вопроса «быть или не быть» и удачное разрешение его приветствуется как счастливое избавление от смертельной опасности. Что за беда, что за эти 5 руб. придется заплатить 10—15 руб.!

Г[осподин] Новиков возбудил в «Новом Времени» вопрос о найме крестьян под будущие полевые работы и осветил, какими жертвами для них подчас сопровождается подобная наемка. Я совершенно не сочувствую слишком смелым обобщениям г. Новикова и по своему опыту могу засвидетельствовать, что указываемые им приемы, по крайней мере у нас, вовсе не имеют столь общего распространения. Но тем не менее такие случаи бывают. Я очень жалею, что г. Новиков употребил свои наблюдения для возбуждения бесцельной и страстной полемики и не захотел коснуться внутренних причин подобных явлений крестьянской жизни.

А между тем вопрос о задатках в деревне — большой практический вопрос, наводящий на серьезные размышления, и очень жаль, если вопросом этим отвлекается внимание читающей публики в сторону сословных пререканий и опрометчивых обвинений.

У нас в Новгородской губернии при самых благоприятных условиях урожая крестьяне питаются своим хлебом до января примерно, т. е. в те-

чение пяти-шести месяцев. Затем на остальное время хлеб покупается за работками, преимущественно лесными. Таким образом у нас заработки в жизни крестьянина являются столь же существенным занятием, как и хлебопашество.

Посмотрите теперь, как эти заработки обставлены. Поздней осенью, когда наступает период усиленного взыскания податей оканчивающегося года, в деревню налетают приказчики лесопромышленников и начинают предлагать крестьянам задатки под зимнюю работу рублей по 15 на лошадь, т. е. в сущности на домохозяйство, так как в огромном подавляющем числе случаев все хозяйства — однолошадники. Получение задатка сопровождается подписанием условия, в котором устанавливается цена работы и размеры сажени, которая определяется в 13—14 четвертей с сбавкой 1—2 вершков на промежутки при укладке дров. Обыкновенно крестьяне берутся свалить лес, распилить его на бревна и дрова и обязуются по зимнему пути приготовленные бревна и дрова вывезти к сплаву. Если цена заготовки и вывозки кубика дров при найме зимой колеблется около 6 руб., изменяясь в зависимости от дальности возки, то при подписании условия назначается цена около 4 руб., т. е. уменьшается на 33½%. Мало того, все взявшие задатки обязуются круговой порукой отвечать за выполнение работы и связываются неустойкой от 100—200 рублей. Полученные задатки идут частью в подати, частью на домашние нужды. Когда начинается работа, то задаточные деньги израсходованы, и на пищу, топоры, пилы, рукавицы, овес лошади приходится забирать у приказчиков вперед. Последние этим пользуются, заводят свои лавочки и отпускают все нужное натурой, ставя очень высокие цены.

Таким образом, ради получения 15 руб. задатка крестьянин теряет 30% в плате и по крайней мере 20% на заборе товара, т. е. отдает свой труд за половинную цену. Условия эти обыкновенно выполняются, хотя очень часты случаи, что крестьяне приостанавливают работу у заподрядившего их лесопромышленника и отъезжают на неделю-другую к другому предпринимателю, где уже получают настоящую плату. Такие отъезды вызывают жалобы, но почти никогда не сопровождаются предъявлением иска.

Итак, совершенно сознательно крестьяне продают свой труд, которым исключительно живут полгода, за половинную плату ради получения ссуды в 15 руб. Это ли не доказательство колоссальной нужды в краткосрочном мелком кредите и первостепенного значения его в крестьянской жизни!

К такому же заключению приходится придти, рассмотрев главнейшие статьи бюджета средней крестьянской семьи в нашем уезде, взяв за основные хотя бы средние цены и урожай за последние два года.

Средний крестьянский двор владеет двумя душевыми наделами и высеивает ржи около 12 мер¹, овса около 25 мер, накашивает сена приблизительно 350 пудов². Урожай ржи на наделных землях за последние два года был не более сам 6, овса сам 4. Таким образом ржи было намолочено 72 меры или 9 кулей³, из которых, за вычетом семян, на хлеб останется 7½ кулей. Средняя семья состоит из 5 человек; положив на каждого человека по 3 фун.⁴ хлеба в день (дача солдата, получающего мясо), найдем, что годовая потребность в хлебе равняется 135 пудам, т. е. 15 кулям. Так как мука нужна не только для хлеба, а идет в щи, употребляется на пойку скота и другие надобности, поэтому можно не считать припека⁵ и заключить, что урожаем с надела удовлетворяется в лучшем случае лишь полугодовая потребность семьи в хлебе.

Намолотив 100 мер овса, крестьянин сейчас же везет его на базар и при сравнительно высоких ценах двух последних лет продает его до последнего зерна по цене около 3 р. 20 к. за куль, т. е. выручает приблизительно 40 рублей. Из этих денег надо уплатить прежде всего за взятые в долг семена по 5 р. 50 к. за куль, около 17 р., причем в доход хозяйства остается от овса только 23 р. Из 350 пудов сена продается около 200 по цене 18 коп. за пуд и выручается 36 руб. Картофель и солома на продажу не идет. Итак, хозяйство дает доходу всего около 60 рублей.

Теперь возьмем главнейшие статьи расхода:

податей около 9 руб. с души	18 р.
хлеб на полгода по 8 р. куль	120 «
одежда, обувь не менее	10 «
топливо и ремонт построек	10 «
Итого:	158 р.

¹ Мера — единица измерения жидких и сыпучих тел, равная 26,24 л.

² 1 пуд равен 16,38 кг.

³ Куль — мера сыпучих тел. Куль ржи равнялся 9 пудам 10 фунтам, или 151,52 кг, а куль овса — 6 пудам 5 фунтам, или 100,33 кг.

⁴ 1 фунт равен 409,5 грамма.

⁵ Припек — увеличение веса испеченного хлеба по сравнению с весом муки, использованной для его выпечки. Припек от разной муки неодинаков и составлял в среднем 15—18 фунтов на пуд муки.

Следовательно, доходы с хозяйства не покрывают ста рублей строго необходимых расходов и эта сумма должна быть получена заработками. Таким образом, можно безошибочно сказать, что большая половина крестьянского бюджета прочно не обеспечена и находится в совершенной зависимости от миллиона случайностей. Если затем принять во внимание, что зимними заработками, самыми главными, покрываются не только потребности текущего года, а уплачиваются также долги прошлых лет, то станет совершенно понятным, что в весенние и летние месяцы, когда полевые работы поглощают целиком труд семьи, она сидит совершенно без денег и может существовать исключительно кредитом у кулаков. Заработки в это время доступны только многосемейным. Постараемся точнее учесть, во что обходится среднему двору кулачский кредит.

Для засева ярового поля нужно 3 куля овса. Его приходится купить, так как свой был продан осенью. Если осенью цена стояла 3 р. 20 к., то весной в долг кулак отпускает не дешевле 5 р. 50 к., и крестьянин теряет на этой сделке 6 р. 90 к. В течение мая, июня и июля надо купить 34 пуда хлеба, т. е. около 2½ кулей муки. Если куль муки в городе стоит 8 руб., то деревенский лавочник отпускает его не дешевле 10 руб., т. е. мужик переплачивает 5 рублей. Итак, на этих только двух статьях семья теряет 12 руб. Существуют тысячи других поводов кредитоваться у кулаков, но они так разнообразны и трудноуловимы, что не поддаются подсчету. Во всяком случае, с полной достоверностью можно принять, что кредит у лавочника стоит мужику не менее 20 руб. в год. Если затем сюда прибавить вышеуказанные потери на ценах заработков, то, благодаря отсутствию мелкого кредита, каждый двор ежегодно наполовину уменьшает свой актив против тех норм, какие были бы возможны при условии существования доступного дешевого кредита. Процветание кулачества и прогрессирующее обеднение крестьян — явление в России повсеместное. А потому едва ли будет допущена значительная ошибка, если факты, наблюдаемые в нашей губернии, я приму за мерило положения всего русского крестьянства. Разница будет только в некоторых подробностях, конечные же выводы не изменятся.

Потребность в кредите присуща земледельческой деятельности в гораздо большей степени, чем торговле и промышленности, так как силу самой сущности дела затраченный в землю труд и капитал возвращается через год, тогда как капитал в установившихся торговых и промышленных предприятиях оборачивается скорее. И несмотря на такие условия, к услугам торговли и промышленности имеются миллиарды денег, из них сотни

миллионов дает Государственный банк, а крестьянское земледелие, которым занимается масса в 90 миллионов человек, имеет кулаков, высасывающих из него ежегодно около 500 миллионов рублей, если считать среднюю семью в 5 человек, а средний возможный приход крестьянского хозяйства в 100 рублей и допустить, что только половина крестьянского населения подвергается подобной эксплуатации.

Я имею честь служить земским начальником десятый год в одном и том же участке, близко и подробно изучаю вопрос крестьянского кредита, а потому с совершенной уверенностью утверждаю, что в расчетах моих не только нет преувеличений, а, напротив того, они, вероятно, ниже действительности.

Неужели же возможно далее терпеть такое положение вещей, когда уже раздаются отдельные голоса о полном крахе нашего крестьянства, бесповоротном и непоправимом его обнищании? Если эти голоса слишком мрачно смотрят на дело, то одна возможность появления их красноречиво свидетельствует, что напряжение достигло уже такой величины, далее которой идти нельзя. Я глубоко верю, что еще не поздно, но нужно действовать без замедления и с таким размахом, какого заслуживает колоссальность задачи.

Настоящей брошюрой, основанной на указаниях десятилетнего пристального опыта, я попытаюсь выяснить, во-первых, почему многочисленные попытки к созданию у нас в деревне мелкого дешевого кредита не привели к сколько-нибудь удовлетворительным результатам, а во-вторых, попробую изложить те основания организации такого кредита, от которых, по моему глубокому убеждению, следует ожидать прочной постановки этого первейшей государственной важности дела.

Я буду бесконечно счастлив, если моими слабыми трудами мне удастся обратить внимание на этот вопрос деревенской жизни и способствовать к постановке его на очередь.

Считаю необходимым оговориться, что я не пишу проект положения о мелком кредите. Такую задачу не считаю себе по силам: я стремлюсь лишь наметить те координационные точки, руководствуясь которыми, можно достигнуть практических результатов.

Принято думать, что первые русские насадители мелкого деревенского кредита были последователями Шульце-Делича¹, знаменитого творца

¹ Шульце-Делич Франц Герман (1808—1883) — немецкий экономист и политический деятель, один из организаторов кооперативного движения в Германии. В 1849 г. основал в

немецких ссудо-сберегательных товариществ, покрывших сетью своих учреждений всю Германию и раздающих теперь членам своим ссуд до 2 миллиардов марок.

Это глубокое заблуждение, лишний раз доказывающее, как легко мы забываем заслуги своих отечественных деятелей. Еще в 1840 году, т. е. почти за 10 лет до Шульце, было утверждено положение о крестьянских вспомогательных и сберегательных кассах для государственных крестьян, сущность которых по своим конечным целям совершенно тождественна с кредитными артелями Шульце-Делича. Капитальное отличие наших вспомогательных и сберегательных касс заключалось в том, что это были учреждения государственные, находившиеся в ведении палат государственных имуществ, подчиненные в ревизионном отношении окружным начальникам и управлявшиеся волостными чиновниками, головой и заседателем. Обратные средства эти кассы черпали: 1) из особых общих хозяйственных капиталов государственных крестьян, 2) из хранившихся в кредитных учреждениях сумм отдельных сельских обществ и, наконец, 3) из вкладов отдельных крестьян. Перечисление сумм для каждой кассы производилось распоряжением министра государственных имуществ. Ссуды выдавались: а) отдельным крестьянам домохозяевам в размере не свыше 60 руб. на сроки от 6 месяцев до 3 лет под поручительство 1—2 лиц и при условии представления удостоверения сельского старосты о добром поведении и благонадежности к платежу и б) сельским обществам в размере не свыше 5 руб. на каждого члена на срок до 16 лет. Таким образом, эти кассы имели двойственный характер: они были учреждениями краткосрочного и в то же время долгосрочного кредита и своим появлением также опередили такого же характера немецкие союзы Райффайзена¹.

Значительно позднее, а именно, в 1859 году, было утверждено положение о сельских банках по удельному ведомству. Положение это в сущности

Деличе (Пруссия) рабочее товарищество — кассу для больных, а в 1850 г. там же организовал и первую в Германии ссудную ассоциацию. С 1854 г., приобретя печатные издания, Ф. Г. Шульце-Делич стал широко пропагандировать деятельность созданных им кооперативных и ссудных организаций, численность которых неуклонно росла, удовлетворяя нужды своих членов в деньгах и кредите.

¹ Райффайзен Фридрих Вильгельм (1818—1888). В отличие от Ф. Г. Шульце-Делича, деятельность которого была связана с созданием кредитных кооперативов для городских предпринимателей и ремесленников, Ф. В. Райффайзен стал основателем в Германии сельскохозяйственных кредитных касс, занимающихся одновременно и торговлей. Первое такое товарищество было основано им в 1869 г.

является сколком с вспомогательных и сберегательных касс государственных крестьян с некоторыми несущественными отличиями, как, например, слияния в одном учреждении вспомогательной и сберегательной кассы, увеличения размера ссуды до 200 и в исключительных случаях до 500 руб. на человека, сокращения предельного срока займа до 5 лет и т. д. Во всяком случае банкам этим сохранен характер государственных учреждений.

Остатки этих сельских банков продолжают еще кое-где влачить свое существование, т. е. в сущности по грошам собирают неуплаченные ссуды для расчета вкладчиков, но они фактически перестали работать со времени освобождения крестьян от крепостной зависимости и с уничтожением прачительственного контроля.

С 1870 года начинают возникать у нас ссудо-сберегательные товарищества по идеям Шульце-Делича¹. Инициаторами учреждения их явились земские собрания, ассигновавшие средства для выдачи ссуд на образование основных капиталов товарищества. До погашения этих ссуд земства имели надзор за деятельностью этих учреждений в лице особых попечителей; со времени же погашения, они предоставлялись самим себе. Управляются ссудо-сберегательные товарищества выборным распорядителем и правлением, ссуды выдают краткосрочные разных размеров, капиталы образуются путем уплаты членами паевых взносов. При возникновении этих товариществ на них возлагались большие надежды. К сожалению, эти надежды совершенно не оправдались, и подавляющее большинство их существует только на бумаге, ежегодно переписывая много лет тому назад розданные ссуды и в лучшем случае получая по ссудам проценты, на которые и поддерживают свою угасающую жизнь.

Вопрос о причинах неудачи ссудосберегательных товариществ обсуждался неоднократно как в печати, так и в заседаниях различных обществ, и обыкновенно эти причины сводятся к двум главнейшим: во-первых, к недостаткам устава. Ограничением выдачи ссуд под поручительство устав искусственно сужил круг деятельности товариществ и совершенно преградил

¹ Здесь И. Ф. Кошко не совсем точен, так как первое в России товарищество по образцу касс Ф. Г. Шульце-Делича было организовано В. Ф. Лугининым в Костромской губернии в 1865 г. Однако вполне возможно говорить, что после 1870 г., когда вышла в свет книга Н. П. Колюпанова (*Колюпанов Н. П.* Практическое руководство к учреждению сельских ремесленных банков по образцу немецких ссудных товариществ. М., 1870. – 271 с.), ссудо-сберегательные товарищества в России начинают получать все более широкое распространение.

тем доступ к ним беднейшим слоям населения; с другой же стороны, определив 12 месяцев предельным сроком ссуды, тем самым заранее обрекает клиентов на неаккуратность расчетов, так как ссуды берутся чаще всего на такие хозяйственные предприятия, выгоды которых могут сказаться в более продолжительный срок.

Второю причиною выставляется обыкновенно малая материальная обеспеченность нашего крестьянского населения, которое, по очень распространенному мнению, прямо-таки некредитоспособно.

Не отрицая указанных недостатков устава и считая их применимыми к условиям постановки у нас народного мелкого кредита с некоторыми оговорками, я тем не менее полагаю, что ими никоим образом нельзя оправдывать тот хаос, который царствует в делах существующих товариществ. Этими недостатками возможно было бы объяснить, почему деятельность товариществ не развивается в тех размерах, как это мы видим в Германии, и заранее обречена застыть в очень узких рамках, но порядок деловодства и сохранность денег, очевидно, от этого нисколько не зависит. Что касается малой кредитоспособности народа, то, с точки зрения торгового кредита, обеспеченного обладанием кредитуемым уже созданными ценностями, это, конечно, верно. Но в то же время не может быть ни малейшего сомнения, что руки и пот, создающие эти ценности, представляют сами по себе такой капитал, пред которым значение ценностей в вещевом смысле слова представляется совершенно эфемерным. Таким образом, соглашаясь, что народный кредит не может быть построен на тех началах, которые приняты в основу торговых кредитных учреждений, я горячо протестую против признания крестьян некредитоспособными вообще. Сама жизнь дает тысячи неопровержимых тому доказательств. Посмотрите хотя бы на сказочный рост богатств деревенских кулаков, все операции которых основаны на открытии кредита самым беднейшим членам крестьянских обществ. Если кулак разоряется, то это происходит только тогда, когда, разжившись в деревне, он расширяет масштаб и переносит свою деятельность в города, в условия ему незнакомые. Оставаясь же в деревне, имея дело с крестьянами, он может разориться только от стихийных бедствий.

Крестьянин наш вообще чрезвычайно беден деньгами. В его глазах каждая денежная единица имеет совсем не ту ценность, которую ей придает городское население. Ростовщичество в городах вызывает общее презрение и проклятия; более же суровое ростовщичество деревенское представляется благодетельной силой, без которой крестьянин и существовать не может,

хотя в то же время совершенно понимает, какую ценою покупается услуга этой силы.

При таком значении денег и полном недостатке их у громадного большинства крестьянства странно было рассчитывать получить средства на развитие народного кредита от самого народа. А между тем именно такая надежда и положена в основу ссудо-сберегательных товариществ. Как известно, оборотный капитал их образовывается путем уплаты участниками паевого взноса в 50 руб. примерно, причем беднейшим членам разрешается произвести эту уплату в рассрочку по полугодиям в размере около 1 руб. 50 коп.

Проследим теперь, как начиналось дело это на практике. Обыкновенно инициатором являлся кто-либо из интеллигентных земских деятелей, пользовавшихся значением и влиянием среди местного населения. Получив из земства в ссуду 1—2 много три тысячи рублей, лицо это обращалось к заметным людям своего района, приглашая их стать членами — учредителями товарищества. Все те местные крестьянские богачи, которые почему-либо желали быть угодными инициатору, отзывались на этот призыв и вносили обыкновенно относительно порядочные суммы, стоимость нескольких паев. Громадное же большинство крестьян оставалось в выжидательном положении, тем более что к семидесятым годам, времени возникновения ссудо-сберегательных товариществ, крестьянские сбережения или были прожиты, или же обращались в кулаческих предприятиях. Вслед за сим в кассу товарищества поступили некоторые сиротские капиталы, в отношении которых как чужих денег, разумеется, особенной осторожности не проявлялось. Вот, полагаю, типичные условия мобилизации первых товариществ. Когда начались раздачи ссуд, масса нуждающихся в деньгах и осведомленных о сущности предприятия стала записываться в члены, внося первые 1 руб. 50 коп. на пай и сейчас же предъявляя требования на ссуду в размере, превышающем нередко истинную потребность.

Поручительство доставалось легко, так как наши крестьяне, вопреки установившегося на это взгляда, относятся к этого рода обязательству чрезвычайно доверчиво и не усматривают в нем особой для себя опасности, тем более что вслед за выдачей ссуды обыкновенно следовало обильное угощение водкой, а в иных случаях кроме того и особое заранее выговоренное денежное вознаграждение.

Предположим теперь, что при начале операций товарищество собрало 5000 руб. Если ссуды в среднем принять в 25 руб. на человека, что совер-

шенно соответствует действительности, как показывают денежные книги, то собранным капиталом возможно было удовлетворить 200 человек. В первые же два-три месяца от собранных 5000 руб. не осталось уже ни гроша, тогда как паевых взносов поступило только 300—400 рублей. И так как сроки ссуды в подавляющем числе случаев выбирались не менее 6 месяцев, то к концу уже 4-го месяца в делах товарищества за неимением денег наступал перерыв, продолжавшийся вплоть до поступлений уплат по срочным ссудам. Уплаты эти, впрочем, весьма незначительно изменяли положение вещей, так как внесенные ссуды сейчас же выбирались обратно теми же лицами, чему нисколько не препятствовал устав, и касса товарищества обогащалась только 300—400 руб. срочных паевых взносов и 300 руб. процентов. Эти суммы давали возможность принять 24—28 новых участников, цифра которых поэтому могла увеличиваться в первые годы не более чем на 60 человек в год. Этот расчет сделан при том предположении, что уплата процентов и паевых взносов будет производиться безнедоимочно. Между тем оказывается, что по прошествии 15—20 лет деятельности товарищества рассроченные паевые взносы в среднем были менее 10 руб., несмотря на причисление к ним полученных прибылей. Это доказывает, что уплата производилась неаккуратно. Кроме того, ежегодно следовало погашать известную часть выданной земством ссуды, поэтому действительное увеличение числа участников было значительно ниже высчитанной предположительно нормы и за указанный выше срок существования товарищества не пошло далее цифры 300—400 человек.

Итак, предполагавшееся развитие деятельности товарищества путем параллельного с выдачею ссуд поступления паевых взносов совершенно не оправдалось, и почти тридцатилетний опыт доказал, что идеи Шульце-Делича не встретили у нас для себя подходящей почвы.

Вышеприведенный теоретический расчет указывает, что построенное на подобных началах товарищество, не заключая в себе у нас элементов сильного роста, тем не менее может существовать, медленно развиваясь. Этого, однако, не случилось, и все без малейшего почти исключения ссудосберегательные товарищества разорились или близки к такому разорению. Причины этого явления заключаются в ошибочной организации административного управления.

По уставу управление это состоит из выборных правления и распорядителя, фактически же вся власть сосредоточивалась, конечно, в руках последнего, или, вернее, руководящего им делопроизводителя-бухгалтера.

Распорядитель или не получал никакого вознаграждения, или же в его пользу отчислялась по окончании года некоторая доля прибыли, обыкновенно рублей 50—60, не более. Таким образом, должность распорядителя в сущности не оплачивалась, и его служба в товариществе имела характер жертвы на пользу общего дела. Если принять затем во внимание, что распорядителями такими являлись местные крестьяне, волостные старшины, учителя, т. е. люди и без того тяжко трудящиеся, занятые у другого дела, дающего им хлеб, станет понятно, что от них нельзя было ожидать внимательного и серьезного отношения к делам товарищества, и последние были предоставлены на полное усмотрение случайного делопроизводителя.

Бескорыстная систематическая деятельность, конечно, представляет из себя чрезвычайно симпатичное явление. Но она неизбежно предполагает такой подъем воодушевления идеей, такое забвение личных насущных интересов, которые доступны только особенно одаренным людям. У человека же среднего такое воодушевление выражается скоро проходящими порывами, за которыми неизбежно следует охлаждение и полное возвращение к личным заботам. Этим, конечно, прежде всего объясняется замечаемое в нашей общественной жизни обилие благих начинаний и весьма скромное число выдержанных, доведенных до устойчивости общественных дел.

Если такое бескорыстное, во имя известной идеи, увлечение делом имеет громадное значение в минуту создания его, внося с собою инициативу, в будничном периоде практического течения этого дела оно, в силу своей естественной изменчивости, должно быть заменено более прозаичным, но в то же время и более надежным деятелем — личным интересом. Эту старую истину приходится здесь повторить потому, что в деле организации мелкого народного кредита почему-то с ней не принято считаться.

Кредитное дело более всякого другого нуждается в самом пристальном неусыпном наблюдении и педантически неумолимом ведении его, так как здесь приходится вести неустанную борьбу с присущим человеку свойством легко брать, но не так легко отдавать взятое. Эта черта человечества потребовала даже создания повсюду особого весьма сурового законодательства, охраняющего интересы заимодавца.

Весьма понятно поэтому, что поверхностное, урывками от другого более серьезного дела, ведение операций товариществ неизбежно привело к разорению и способствовало вкоренению в темной народной массе основанной на опыте уверенности, что этим учреждениям можно и совсем не платить долгов. С этой уверенностью неизбежно придется очень и очень

считаться. Пока товарищества были под контролем попечителя от земства, дела шли более или менее успешно, платились паевые взносы и проценты, ссуды переписывались в сроки. Когда же попечители ушли, все разом рухнуло и осталось одно бумажное делопроизводство, нужное для кормления приставленного к нему делопроизводителя.

В таком положении единственно разумным исходом являлась ликвидация дел при условии прощения всех долгов и одновременного отказа вкладчиков от претензии к товариществу. Попытка же продолжать дело, взыскивая долги и выросшие проценты, кроме нареканий, неудовольствий и озлобления ничего другого не дали.

До какой степени опыт ссудо-сберегательных товариществ подорвал веру в возможность практического осуществления мелкого народного кредита, доказывает хотя бы полный неуспех положения о кредитных товариществах 1895 года, хотя этим положением отлично разрешен такой важный и наиболее практически трудный вопрос, как образование основного капитала.

Выше мне приходилось уже говорить, что правительство наше, по-видимому, не придает вопросу о мелком народном кредите особо важного значения и не усматривает в нем средства успешно бороться с обеднением крестьян. Такое заключение приходится сделать вот на основании каких соображений.

Положение 1895 года и изданные затем нормальные уставы совершенно не касаются вопроса, каким путем эти товарищества проникнут в жизнь. Очевидно, предполагалось дело это предоставить местной инициативе в том предположении, что назревшая житейская потребность сама найдет пути для своего удовлетворения. Полагаю, что подобное трактование может применяться лишь к вопросам не безотлагательной важности. Ведь хорошо известно, как медленно доходят в народную массу законодательные меры, для ознакомления с которыми правительство не принимает специальных мер. Лучшим примером тому служит хотя бы крестьянский банк, деятельность которого стала широко известной крестьянству только за последние годы.

Мне могут указать на земство как естественный проводник всяких начинаний в области экономических потребностей населения. Но опыт ссудо-сберегательных товариществ, народившихся в большинстве случаев именно по инициативе земств, уже доказал, что при существующих размерах персонала земских органов и сложности лежащих на них обязанностей такая задача в размерах, соответствующих потребности, земству не под силу. Таким образом, возникновение кредитных товариществ на месте должно быть

явлением чисто случайным, не могущим оказать на крестьянскую жизнь сколько-нибудь заметного воздействия. Так оно и оказалось на деле.

В течение моей десятилетней службы земским начальником я особенно интересовался делом народного мелкого кредита и произвел в этой области целый ряд опытов, о которых было сделано мною в свое время подробное сообщение в Императорском обществе для содействия промышленности и торговли. Здесь не место повторять, в чем эти опыты заключались, скажу только, что за это время крестьянское население при моем посредстве получило разного рода ссуд на сумму до 80 тысяч рублей. Таким образом, по своим размерам эти опыты были все-таки настолько значительны, что могли мне дать материал для достаточно обоснованных выводов.

По моему глубокому убеждению, мелкий народный кредит может быть прочно поставлен только при том условии, если это дело правительство возьмет в свои руки всецело, отказавшись совершенно от призрачных надежд на местную инициативу. Только при таком условии покрытие деревенской России сетью учреждений мелкого кредита может пойти достаточно скоро, прочно и методично.

Величайший вопрос жизненности начинаний мелкого кредита кроется не столько в выборе умелого и усердного распорядителя, сколько в организации пристального и неослабного надзора за твердым и неукоснительным выполнением устава. Даже заурядный человек, зная, что каждое его распоряжение непременно будет проверено, способен дать лучшую практическую работу, чем даже богато одаренный, но предоставленный исключительно капризам своего настроения.

Все неудачи прежних начинаний главнейшим образом вытекали из полного пренебрежения этим основным условием. Нельзя же считать действительным контролем всякие ревизионные комиссии, общие собрания пайщиков и т. п. меры, которые даже в сфере значительно более культурной и где каждый пайщик был заинтересован ходом дела целыми капиталами, не мешали возмутительнейшим злоупотреблениям, как это мы недавно видели в процессе Московского кредитного общества.

В среде же темной крестьянской массы эти органы контроля являются смешной аляповатой декорацией, придавать которой хотя какое-либо практическое значение могут или люди, совсем не знающие деревни, или не желающие смотреть на вещи прямо. Мне могут указать, что существуют же отдельные учреждения мелкого кредита, которые ведут хорошо свои дела. Не смею отрицать всякой возможности этого. Но такой успех при близком

знакомстве с делом на месте, во-первых, наверное окажется ниже своей репутации, а во-вторых, он зависит от присутствия у этого дела такого лица, которое в силу ли увлечения идеей, в силу ли материальных выгод или других соображений несет всю тяжесть на своих плечах и им именно дело и держится. Но я глубоко убежден в том, что успех этот не лежит в надлежащем функционировании уставных учреждений контроля.

Итак, само крестьянское население, для которого создается мелкий кредит, не в состоянии успешно следить за правильным ходом дела; привлечение сюда интеллигентных добровольцев не представляется мерой достаточно прочной и устойчивой. Остается, следовательно, чтобы надзор взяло в свои руки правительство.

Удивительное дело! Никто не находит странным, когда правительство подчиняет своему надзору городские банки, учреждаемые городским самоуправлением; вмешательство власти в дела частных акционерных банков приветствуется большинством печати как мера вполне разумная и необходимая. А вот в деле народного кредита, где уже сделано столько труднопоправимых ошибок, где отсутствие истинного контроля вызвало крах целой системы учреждений, где, наконец, население так еще малограмотно, что не только не может разбирать бухгалтерских фокусов, а прямо не умеет прочесть подписываемого долгового обязательства, там отсутствие правительственного контроля не только не считается странным, а прямо признается иными необходимым. Происходит это от свойственной нашему обществу особенной страсти к теоретическим построениям и способности ослепляться этими построениями до полнейшего забвения фактов.

Считаю необходимым оговориться, что, на мой взгляд, недостаточно установить одно более или менее неопределенное требование правительственного контроля, а необходимо выработать целую точно выраженную систему мер, которыми бы этот надзор фактически был осуществлен, ведь в 1885 году сельские банки были подчинены надзору крестьянских учреждений, а между тем это распоряжение или совсем не было выполнено, или выполнялось чисто формально.

Требую непосредственного знакомства с людьми и с местными условиями, дело это должно находиться не в ведении государственного банка, здесь совершенно некомпетентного, а должно быть передано крестьянским учреждениям и подчинено установленному в них инстанционному надзору. Местности, где введены земские начальники с их относительно небольшими районами ведения, стоят в этом отношении в особенно благоприятных

условиях, так как имеют в своем распоряжении контингент людей, действительно точно знающих местную жизнь всякой деревеньки, а не судящих о ней с высоты птичьего полета или на основании мимолетных дачных впечатлений.

При каждом земском участке должна быть учреждена касса мелкого кредита, помещающаяся при камере¹ земского начальника и находящаяся в заведывании особого распорядителя, избираемого из местных людей и утверждаемого в должности уездным съездом. Распорядителю этому надо дать оклад жалованья не менее 50 руб. в месяц. Только при этом условии возможно будет привлечь на эти должности людей достаточно подготовленных и вполне надежных. Бояться этого расхода нечего, так как при правильной постановке вопроса само дело окупит его.

Пользование кредитом должно быть доступно по возможности всякому ведущему хозяйство крестьянину и совершенно воспрещено тем из них, которые сдали землю в аренду и занимаются случайными заработками, так как люди этой категории не могут дать ни малейших гарантий в уплате ссуды, порвали связи с землей и представляют из себя элемент крайне подвижный и в огромном большинстве случаев совершенно беспорядочный. Размер ссуды должен быть троякий: 1) для отдельных домохозяев по личному к ним доверию в размере не свыше 15 руб.; 2) для отдельных домохозяев под поручительство двух незадолженных в кассу домохозяев — до 100 руб.; 3) для сельских обществ под круговую поруку по расчету — не свыше 15 руб. на каждого полноправного их члена.

Ссуды первой и второй категории выдаются на основании удостоверений сельских старост, свидетельствующих, что данное лицо занимается хозяйством и способно уплатить ссуду к указанному сроку. В удостоверении должно быть проставлено количество в данном хозяйстве скота. Эти удостоверения, если выдача их будет производиться осмотрительно, под личной служебной ответственностью сельских старост, чего очень нетрудно достигнуть земскому начальнику, представляют собою драгоценнейшую гарантию уплаты ссуды. Сельский староста, как местный житель, как сборщик податей, точнейшим образом знает не только наличные средства каждого своего односельца, но он может безошибочно сказать, в какое время и в каком количестве найдутся у него деньги в будущем. Сельские кулаки это

¹ Слово «камера» использовано здесь в устаревшем сегодня значении — присутственное место, административно-служебное помещение, комната.

отлично знают, а потому все свои операции стараются вести всегда с ведома и одобрения старосты. В моих личных опытах эти удостоверения служили единственной гарантией уплаты и никогда, решительно ни одного разу, они не обманули моего доверия. Бывали случаи незначительных просрочек, но пропажи выданных денег не бывало.

Если непосредственный надзор за кассами мелкого кредита будет возложен на обязанность и под ответственность земского начальника, то не может быть ни малейшего сомнения, что эти удостоверения сельских старост сохраняют всю свою ценность и потому могут служить единственным и вполне достаточным документом распорядителю для выдачи ссуды.

Ссуды третьей категории, как более значительные по сумме, должны быть выдаваемы под сельские приговоры с разрешения земского начальника, на действия которого по этим предметам следует допустить принесение жалоб уездному съезду.

Не уплативший ссуду по прошествии десяти дней по истечении срока записывается в особую книгу неисправных должников и лишается права получить новую ссуду в течение двух лет, причем никаких решительно причин неуплаты не должно принимать во внимание. Я особенно настаиваю на неумолимом исполнении этого правила, так как малейшая поблажка, малейшее снисхождение неизбежно внесут в дело элементы разложения. Только суровым и неуклонным требованием сроков можно добиться серьезного отношения населения к этому кредиту. Правда, что во многих случаях мера эта будет очень жестокой; но зато в ней кроется вернейший залог процветания дела. Одновременно со внесением в книгу неисправных должников распорядитель обязан представить земскому начальнику выписку таких заемщиков с указанием старосты, выдавшего удостоверение. Земский начальник вызывает старосту и заемщика, назначает срок для внесения ссуды и по истечении его дает предписание волостному старшине приступить к понудительному взысканию. Если при этом будет обнаружено, что староста неосмотрительно выдал удостоверение на ссуду, то земский начальник может подвергнуть его взысканию в порядке 62 ст. Пол. о зем. нач.¹ Если у

¹ Согласно данной статье «Положения о земских начальниках», последний мог подвергнуть старосту за «маловажные» проступки одному «из следующих взысканий: замечанию, выговору, денежному взысканию не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней», а за «важные» нарушения земский начальник имел право временно отстранить старосту от занимаемой должности с одновременным представлением в уездный съезд об увольнении старосты со службы или о предании его суду.

заемщика не окажется имущества, продажей которого возможно будет погасить выданную ссуду, то он наряжается, если это возможно, старшиной на земские или общественные работы на заранее условленную плату, которая и поступает в погашение ссуды.

В отношении ссуд под поручительство обязательно установить такой порядок, что с момента истечения срока возвращения ссуды взыскание может обращаться как на самого заемщика, так и на его поручителей по усмотрению распорядителя, отнюдь не ожидая установления несостоятельности к уплате заемщика.

Взыскание просроченных ссуд должно производиться административным порядком, причем, конечно, необходимо сохранить установленное Положением о кредитных товариществах первенство таких взысканий перед податями и всякими иными казенными, земскими и частными взысканиями.

Получение новой ссуды не следует допускать ранее 3-х месяцев после уплаты предыдущей как в силу необходимости дать доступ к кредиту возможно большему числу лиц, так и для уничтожения самой возможности переписывать ссуды.

Я здесь не касаюсь вопроса, откуда касса возьмет необходимые для оборота средства, так как он разрешается тем, что, на мой взгляд, подобные учреждения должны быть всецело в руках правительства, следовательно, и нужные средства должен дать Государственный банк, как это установлено уже положением 1895 года. Считаю необходимым только добавить, что проектируемые мною кассы не должны производить сберегательных операций, как потому, что этим путем нельзя ожидать сколько-нибудь значительных поступлений, так и потому, что всякое осложнение практически трудного дела неизбежно уменьшает шансы его успеха, а потому может быть допущаемо лишь в случаях крайней необходимости.

Нет сомнения, что было бы справедливо в дело это, направленное к поднятию благосостояния крестьянина, вложить целиком те суммы сберегательных касс, которые вносятся туда сельским населением без различия сословий, так как интересы всех живущих на земле сословий до такой степени параллельны, что всякое улучшение быта мужика непременно благоприятно отзовется на всем укладе деревенской жизни.

Вот та краткая схема, к которой, по моему разумению, должно быть приурочено положение о народном кредите. Теперь необходимо коснуться вопроса контроля.

Выше я уже сказал, что кассы народного кредита должны быть открыты при камерах земских начальников. Соблюдение этого условия я считаю капитально важным, и вот почему. Каждый земский начальник ведает в среднем 4-мя волостями, удаленными друг от друга иногда на значительные расстояния. При разнообразии и значительности лежащих на нем обязанностей земский начальник в лучшем случае может посещать каждое правление один раз в месяц. К этому сроку обыкновенно подгоняется разбор дел, накопившихся за месяц по волости. Таким образом, приехав в волость, земский начальник будет занят разбором очередных дел, принужден будет выслушать и рассмотреть приносимые словесно жалобы и претензии, удостовериться в надлежащем ходе взыскания окладных сборов, проревизовать деятельность волостных правлений и волостных судов. Все это вместе взятое представляет уже само по себе такой значительный труд, что не останется ни времени, ни надлежащей свежести внимания для пристального ознакомления с ходом дела народного кредита. А потому, если кассы будут находиться при волостных правлениях, то земские начальники или будут относиться к контролю их чисто формально, или принуждены будут удвоить выезды, что, конечно, представляется делом нелегким при существующем у нас бездорожье и сопряжено с новыми немалыми расходами. Смею думать, что едва ли практично предъявлять подобные отягчающие требования к среднему земскому начальнику.

Наконец, как могу судить по непосредственному опыту, постановка нового дела на новых небывалых основаниях вызывает массу недоумений, колебаний, превратных толкований и т. п., которые, не будучи немедленно разрешены, потеряются из виду и могут незаметно дать такое неожиданное направление делопроизводству, которое скомпрометирует самое дело. Надо помнить, что в практическом деле не так страшны крупные ошибки, сразу слишком громко о себе говорящие, сколько ничтожные мелочи, которые замечаются лишь тогда, когда они успели разесть весь организм. Самые удачные, жизненные идеи терпят нередко полное фиаско из-за пренебрежения этим правилом.

Если же кассы будут помещены при камерах земских начальников, то последние совершенно незаметно, между делом, будут следить за всеми малейшими пережитиями зарождения этого дела, будут в каждый момент детально знакомы и с состоянием денежных сумм. Этим способом вопрос о близком и пристальном надзоре великолепно разрешается, не вызывая

необходимости ни требования жертв от земских начальников, ни, главное, необходимости создавать новые стоящие денег органы управления.

Я считаю совершенно излишним возражать против оспаривания пригодности для этого важного практического дела института земских начальников, так как это привело бы меня к необходимости защищать этот институт против окружающей его атмосферы недоброжелательства и необоснованных нареканий.

Слишком известно, как трудно у нас бороться против страстных теоретических предубеждений, которые не знают ни справедливости, ни чувства меры, хватаясь за единичные, ничего не доказывающие и никого не характеризующие, факты и исчерпывая ими значение всей сложной работы нашей. Мы, земские начальники, слишком привыкли к систематическому замалчиванию и умалению значения лучших сторон нашей деятельности односторонне осведомленной печатью.

На деле участие земских начальников должно выразиться не только в надзоре за неукоснительным выполнением порядка выдачи и уплаты ссуд, но также в наблюдении за правильным ведением счетоводства и сохранностью денежных сумм.

Дело народного кредита как по новизне положенных в основу его требований, так и по огромной важности преследуемой им задачи несомненно нуждается в общем руководстве и единообразном направлении.

Если к этому соображению еще прибавить, что по свойству средней человеческой природы всякая деятельность будет действительно методичной, а не порывистой, скачками, только тогда, когда за нею учрежден фактический контроль, то станет совершенно очевидным, что работа земских начальников должна быть подчинена надзору уездных съездов и губернского присутствия.

Уездными съездами будут рассматриваться жалобы отдельных лиц на распоряжения земского начальника по отказу и разрешению выдачи ссуд; губернское же присутствие должно наблюдать за общим ходом в губернии всего дела и исполнением земскими начальниками лежащих на них обязанностей.

Принимая во внимание, что в настоящее время губернские присутствия завалены работой и могут ревизовать земских начальников только раз в 3—4 года, чего, конечно, недостаточно как по новизне дела, так и его практической трудности, необходимо признать весьма удачной как-то проскользнувшую в печати мысль об учреждении при губернском присутствии третьего

непременного члена, на обязанности которого будет лежать исключительно заведывание делом народного кредита.

Наметив главные моменты в проектируемой мною постановке народного кредита, я считаю необходимым этим ограничиться, не пускаясь в дальнейшие подробности, рассчитывая таким путем приковать все внимание читателя к основной мысли. Повторяю, что пригодность указанной схемы мною проверена опытом.

МАТЕРИАЛЫ О ЛЫСЬВЕНСКИХ СОБЫТИЯХ
19—20 ИЮЛЯ 1914 ГОДА

1. Рапорт окружного инженера А. А. Иванова
главному начальнику уральских горных заводов П. И. Егорову¹

Окружной инженер
Пермского горного округа²
Июля 23 дня 1914 года
№ 1337
г. Пермь

Совершенно секретно

Его превосходительству
г[осподину] Главному начальнику
Уральск[их] горн[ых] заводов

19-го июля в Лысьвенском заводе призванные из запаса куренные и заводские рабочие явились толпой к управителю завода³ с требованием выдачи им денег за две недели вперед. Толпа держала себя вызывающе и управитель на выдачу согласился. Вскоре толпа стала требовать выдачи ей еще 50 000 руб. из пожертвованных на нужды рабочих бывшими владельцами завода.

Капитал в 350 000 руб. пожертвован на следующее: 35 000 руб. на техническое ремесленное училище, 100 000 руб., на проценты с которых выдавались бы пособия вдовам и семьям рабочих. Денег этих управитель выдать не мог и толпа ушла. На заводе 19-го работы шли полным ходом. Вечером же 19-го управитель со списками запасных уехал в Пермь. 20 июля, в Ильин

¹ Павел Иванович Егоров, статский советник, возглавлял Уральское горное управление в 1913—1917 гг.

² Александр Андреевич Иванов, коллежский советник, состоял в штате Уральского горного управления, осуществлял надзор за частными горными заводами.

³ В должности управляющего Лысьвенского завода состоял горный инженер Константин Михайлович Добровольский.

день, толпа вновь стала требовать денег из пожертвованного капитала от управляющего округом Онуфриева¹.

Несмотря на все убеждения, уговоры и предъявления подлинных распоряжений прежних владельцев, возбуждение толпы возросло до того, что в г[осподина] управляющего и полицию стали бросать камни, палки и т. п. Управляющий был ранен в голову и повернулся, чтобы уйти в Управление округом, но толпа схватила его сзади.

В это время будто бы со стороны полиции раздался выстрел, толпа отступила и управляющий ушел² скрыться в управление. Часть толпы ворвалась в Управление и стала ломать кассу, но была вытеснена управляющим с случайно бывшими тут служащими и полицией, [после этого они] заперлись в Управлении. Возбужденная толпа стала бить окна, ломать двери и стрелять. Из Управления тоже раздались выстрелы, тогда толпа выкатила из соседней лавки бочки с керосином и зажгла здание. Выскакивавших из огня толпа нещадно избивала, многих насмерть. Таким образом были убиты помощник исправника, полицейский надзиратель, урядник и несколько стражников и управленских служащих.

Раненый управляющий Онуфрович, шатаясь, вышел к толпе и стал через нее пробираться, толпа расступалась, пока кто-то не ударил управляющего по ногам. Последний упал и лежа выстрелил в себя. Тотчас толпа на него кинулась, добила, раздела донага и глумилась над трупом. В особенности, говорят, бесчинствовали женщины.

Большинство бывших в селении служащих разбежалось, некоторые пробрались на дальние станции и приехали в Пермь. Работавшие на заводе рабочие (мартен, электрическая станция, чернорабочие) в панике побросали работы и разбежались. Во время беспорядков телеграфное и телефонное сообщение было прервано, пытались поджечь и железнодорожный мост.

После таких потрясающих событий завод закрыт до получения распоряжений из Петербурга. Самый завод не тронут.

Я был в Лысьвенском заводе 17 июля, имел разговор с рабочими и их представителями, причем переговоры были самые мирные и никакого возбуждения у рабочих заметно не было. Того же мнения держался, очевидно, и исправник, который вместе со мной и управляющим округом уехал в ночь

¹ Ошибка, должно быть: Онуфровича.

² Ошибка, должно быть: успел.

на 18 в г. Пермь. Рабочие просили меня приехать к ним еще раз 27 июля и вывесить по этому поводу объявление, что мною и сделано. Рабочие дали мне слово, что порядок нарушать они не будут и все будет спокойно.

Принимали ли участие в безчинствах и непризванные в войска заводские рабочие, не установлено, но мне известен факт, что толпа схватила сначала вместо Онуфровича делопроизводителя, приняв его за управляющего, что очевидно не могли сделать заводские рабочие. В Лысьвенском заводе пока полное безначалие.

Окружной инспектор А. Иванов

ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 65. Л. 49—51. Машинописная копия.

2. Из зала суда (Лысьвенское дело)¹

30 октября в Лысьвенском заводе выездной сессией Казанского военно-окружного суда² началось слушанием при открытых дверях дело о беспорядках в Лысьвенском заводе, на Урале, во время которых толпа около тысячи человек местных заводских рабочих убила главноуправляющего Лысьвенским горнозаводским округом, горного инженера Адама Ильича Онуфровича, помощника главного бухгалтера Семенова, брендмейстера заводской пожарной команды Иванова, служащего в заводоуправлении конторщика Никулина и 6 полицейских чинов: помощника пермского исправника Киселева, полицейского надзирателя Епимахова, околоточного надзирателя Беклемышева, урядника Осмехина и стражников Пинятина и Калугина.

Из заводского населения были убиты трое, умерли от ран двое и ранены 8 человек. 84 подсудимых по этому делу содержались в пермской тюрьме. 17 обвиняемых скрылись. Дело о них выделено в особое производство.

По соглашению министра внутренних дел с министром юстиции дело передано на рассмотрение военного суда для суждения по законам военного времени. Главным подсудимым грозит смертная казнь.

¹ Опубликовано в газете: Зауральский край. 1914. 15 ноября. № 256. С. 3.

² Поскольку подсудимые были уже призваны в армию, то по условиям военного времени за совершенные преступления они подлежали военному суду. Пермская губерния входила в состав Казанского военного округа.

После производства дознания подсудимые были заключены в пермскую тюрьму и лишь 25-го октября доставлены в Лысьву, куда одновременно выехали военный суд и 8 защитников из числа пермской адвокатуры.

Сущность этого дела, *по данным обвинительного акта*¹, такова:

В 1913 г. Лысьвенские заводы наследников графа П. П. Шувалова были проданы акционерному обществу, причем прежние владельцы выдали бывшим своим служащим некоторую сумму наградных денег и пожертвовали 350 тысяч рублей на устройство в заводе Народного дома, ремесленного училища и на другие просветительные и благотворительные цели.

Рабочее население завода осталось не вполне довольным этим распоряжением денег и в день объявления мобилизации, 18 июля текущего года, потребовало выдачи им на руки всей суммы в 350 тысяч рублей, рассчитывая получить по 75 р. на душу (население завода составляет около 30-ти тысяч душ).

В момент предъявления этих требований в заводе был лишь управитель, горный инженер Добровольский. Под угрозой рабочих громить контору он распорядился выдать призываемым запасным двухнедельный оклад получаемой платы, а затем даже и месячный.

Не довольствуясь этим, рабочие 20-го июля, когда в завод прибыл бывший в Перми главноуправляющий, горный инженер Онуфрович, предъявили в крайне резкой форме требование выдать населению на руки все 350 тысяч рублей.

Никакие увещания главноуправляющего и старшего представителя полиции — помощника исправника — не помогли, и толпа, числом около тысячи человек, сбила с ног Онуфровича и кинулась за ним к зданию заводууправления, куда главноуправляющий успел скрыться с чинами полиции и некоторыми служащими.

Толпу призывал к бунту какой-то неизвестный, который воспрепятствовал также звонить в церкви в набат при начавшемся пожаре и не позволил местному священнику, протоиерею Добротворскому, прочитать на площади телеграмму бывшего губернатора Кошко, который призывал население сохранить порядок при объявлении мобилизации. Этот же неизвестный человек не позволил священнику выйти в облачении к бунтовщикам с иконами для увещания.

¹ Курсив автора.

Когда спрятавшийся в каменном двухэтажном здании заводоуправления Онуфрович, помощник исправника и прочие чины администрации и полиции заперли входы и выходы, толпа начала стрелять в окна. Осажденные стали отстреливаться из маузеров, причем были убиты трое нападавших, двое ранены тяжело (на другой день умерли) и 8 легко.

Толпа соорудила прикрытия и баррикады и, видя, что взять приступом каменное здание нельзя, прикатила три бочки с керосином и облила им, сначала вручную, а затем при помощи пожарной машины, деревянное здание смежного лесничества и два соседних здания, где жили служащие.

Огонь разгорелся, и дальнейшее пребывание осажденных сделалось в здании невозможным. Попытки вызвать помощь извне успехом не увенчались, так как провода заводского телефона, а также правительственного телеграфа из местной почтово-телеграфной конторы были оборваны толпой, которая пыталась также сжечь железнодорожный мост на линии, ведущей к Пермской железной дороге, откуда могла быть вытребована помощь.

В самом заводе находилось до 20-ти полицейских стражников, но они были командированы для окарауливания закрытых пивных и казенных винных лавок, на конско-призывные участки и т. п. Чины же многочисленной заводской администрации, инженеры и прочий служивый люд не могли оказать осажденным никакой помощи и сидели в своих домах.

Около 4-х час. дня в помещении заводоуправления вышла вся вода, которую осажденные тушили огонь. Брандмейстер заводской пожарной команды Иванов, пытавшийся тушить пожар, был убит. Тогда Онуфрович, Киселев и другие стали по одиночке выбегать из охваченного пламенем здания и были настигнуты толпой, которая убивала их палками, жердями, камнями и топорами.

Онуфрович, видя неизбежный конец, пытался покончить с собой выстрелом из револьвера, но не успел. Его забили жердями.

Особенно жестоко разделалась озверевшая толпа с помощником исправника, которому удалось забежать в соседний двор и спрятаться в погребе, откуда он стал отстреливаться из револьвера. Из погреба его выбивали камнями, вилами, жердями. Когда он упал в обморок, его выволокли веревкой за ноги и убили.

После оглашения обвинительного акта начался опрос подсудимых. Дело протянется слушанием около трех недель.

3. Воспоминания очевидцев и участников лысьвенских событий¹

Ольга Шардина

В конторе

В Ильин день — говорит Шардина Ольга Трофимовна, — пришла я в Белую контору в 9 часов утра. Я разобрала почту и письма, адресованные управляющему Онуфровичу, отправила к нему домой. Через некоторое время рассылный вернулся с распиской в получении почты.

Я еще посидела некоторое время, в этот момент уже начиналась штурма, но я в это время ничего не слышала, так как сидела в дальней комнате. Я решила идти домой. Проходя в бухгалтерию, я встретила с Онуфровичем. На виске у него была кровь. Подойдя ко мне, он сказал:

– Спасите меня! Это стоит человеческой жизни!

Я испуганно стояла перед ним. Увидев, что я девчонка, Онуфрович с сожалением махнул рукой и пошел в свой кабинет. Я испугалась, побежала обратно в канцелярию и там разревелась.

В это время в конторе начинался штурм, прибежали снизу служащие, забегали по комнатам. Появились вооруженные полицейские. В канцелярию, где я была, забежали Миньяков, Керкин Иван, Баженов Вася — рассылный, Костя Домнин.

Сначала я видела Семенова и Крепышева, но после их где-то не стало. Дверь внизу заперли, забаррикадировали и никого выпускать не стали. Страшно было очень. На улице был шум, хотя глухо, но он долетал до той комнаты, где мы сидели. Очевидно, нас заметили с улицы, в окна полетели камни. Помню, что кто-то успокаивал малышей, ждали солдат, так как была

¹ Публикуемые воспоминания были собраны и обработаны в начале 1930-х гг. журналом Л. М. Алпатовым по заданию Свердловской областной редакции «История фабрик и заводов». Они должны были послужить материалом для создания книги по истории Лысьвенского завода, которая так и не была написана. В 1935 г. Алпатов опубликовал собранные воспоминания в журнале «Советское краеведение» (см.: *Алпатов Л. Уральские были // Советское краеведение. М., 1935. № 11. С. 91—98*).

Мы публикуем здесь три фрагмента воспоминаний по тексту машинописной копии, хранящейся в ГАСО. Выбор именно этого варианта текста продиктован тем, что по содержанию и стилистике он имеет наибольшую приближенность к устным рассказам людей. Поэтому редакторская правка, сделанная на публикуемом тексте, нами не воспроизводится, кроме случаев, когда она касается уточнения имен и фамилий.

кем-то дана телеграмма в Пермь. Звенели разбитые стекла, сновали по комнате полицейские. Я редела во всю мочь. Обдумывали, как же выбраться из конторы.

Послышался звонок телефона, Онуфровича вызывала Кулебякина¹. *Кто-то пошел к его кабинету. Стучали, он долго не отзывался. Но все же потом подошли к двери. Ему сказали, что вызывает его Кулебякина².* Он вышел и подошел к телефону. Теперь я уже забыла, что он говорил, но помню следующие его слова:

– Прощай! Живого ты меня не увидишь, я не вернусь живым.

Он повесил трубку и отошел от телефона, несмотря на то, что она все еще звонила.

В это время сказали, что к правлению подкатывают бочки с керосином. Началась паника, сильно все волновались. Ко мне подошел Ваня Керкин:

– Пойдем Леля. Надо спастись, побежим!

Мы побежали по лестнице, выскочили на площадку. Тут нас встретил какой-то полицейский:

– Нельзя уходить!

– Мы не можем оставаться!

– Боимся!

– Пустите нас!

– Надо спросить у Онуфровича! — сказал он.

Спрашивать мы не стали. Спустились вниз, прихожая была вся завалена чем-то, у дверей была баррикада.

Мы бросились в телефонную и оттуда в окно на двор. Со двора прямо в ворота на площадь. Моросил дождь. Толпа рабочих отхлынула к мелким лавчонкам. Около конторы стояла кругом цепь из рабочих.

– Бей их! Бей! — Закричал кто-то.

Я, не помня себя от ужаса, кинулась на Лысьвенскую улицу. Ко мне побежал рабочий, в руках был стяг³. Он посмотрел на меня и тихо отошел. Я побежала вниз по Лысьвенской улице, никто меня не задерживал. Добежала до Волостного переулкa, там тоже стояла цепь, не пускали.

¹ Кулебякина — гражданская жена А. И. Онуфровича.

² Здесь и далее выделенный курсивом текст заклеен редактором бумагой. Нами прочитано на просвет.

³ В упомянутой выше публикации 1935 г. здесь читается так: «...в руках была оглобля» (Аллатов Л. Указ. соч. С. 92).

Я села на крыльцо к Поляковым и заревела. Подошел какой-то старик, после говорили, что Туев.

– Не плачь, девчонка, я провожу тебя.

И он меня проводил до Сельского переулка. Оттуда я уже добежала домой. Пожара я не видела, так как лежала без сознания, когда очнулась, то пожар кончился.

Константин Домнин

Мы вышли из конторы

В день восстания, — рассказывает Константин Андреевич Домнин, — я был в конторе в кассе, работал. Вдруг на улице поднялся сильный шум.

Мы посмотрели в окно, к правлению подходили Онуфрович, помощник исправника Киселев, полицейский надзиратель и стражники. Рабочие что-то говорили, но что именно, мы разобрать не могли. Онуфрович вошел в правление, вскоре вышел обратно на площадку.

Рабочие сначала затихли, но потом снова, еще сильнее, зашумели. Стали напирать на Онуфровича. В это время раздался выстрел, очевидно стрелял исправник из револьвера. Тут и началась свалка, сплошной рев.

Полицейские, схватив Онуфровича, начали отступать в здание, отмахиваясь шашками. Вскочили в здание и захлопнули дверь. В окна, в двери полетели камни. Стекла со звоном сыпались. Мы захлопнули ставни окон кассы и начали складывать дела. В кассе нас было четверо: я, два кассира и цеховой расчетчик.

Старший кассир Сибиряков сильно заволновался, когда начиналась стрельба. Он бегал с делами от несгораемого шкафа к чугунному ящику и не знал, куда положить дела. Дела сложили в шкаф и закрыли его. Сибиряков положил ключ в печку, мы вышли.

В нижнем этаже за простенками стояли полицейские и стреляли в толпу на площади. На лестнице сидел Онуфрович, на шее, голове и одежде была кровь. Воротничок был расстегнут, в общем вид, у него был очень растерзанный. В руках у него был маузер.

Мы начали подниматься по лестнице наверх. Онуфрович вздрогнул, глаза у него были дикие, прицелился в нашу группу из маузера. Но его успокоил исправник:

– Не пугайтесь, это свои.

Он опустил маузер. А с улицы здание штурмовали. Рабочие стреляли из дробовиков. Одним из выстрелов был ранен в голову полицейский надзи-

ратель (кажется Епимихов¹). Он все стрелял в толпу из-за простенка, а был лысый, ему дробь и угодила в лысину, на лысине каплями выступила кровь. Все служащие были в разных комнатах, некоторые просто прятались, другие отстреливались, нам тоже Киселев предложил оружие, но мы его не взяли. Сговорились выйти через центральную телефонную. Кто-то сообщил, что можно там выйти и что рабочие мелких служащих пропускают.

Я, два кассира и еще несколько служащих вышли из конторы.

Некоторые ушли через огород дома Поляковых, а я и еще кто-то прошли через лесничество во двор дома Мешкановых. Они уже собирали пожитки, т. к. в толпе шел разговор о поджоге конторы. Мы стали помогать Мешкановым вытаскивать вещи. Рабочие нас увидели.

– Кто вы такие?

– Служащие конторы.

– Почему сразу не вышли?

– Боялись.

– Идите, мы не звери, нам только до начальства добраться надо.

Я выбрался из толпы и пошел домой. К вечеру нагрянула полиция. На площади, очевидно, был народ, слышался шум, стрельба.

На другой день я на службу не пошел — боялся. Но вот приехал полицейский и велел мне идти в контору завода.

– Да ведь меня избыют.

Он дал мне пропуск, и я пошел. Шел и все время держал в руке пропуск. Собрались мы в конторе завода и пошли в обгоревшее здание. Старший кассир долго искал в печке ключи. Нашел их, и мы пошли в кассу. В несгораемом шкафу все было цело, даже не сгорела шляпа кассира, он ее с испугу запер туда. Она только потемнела от жару.

Деньги 900 рублей сотенными билетами, хранившиеся в несгораемом шкафу, страховые полюса, все это было цело, но только при прикосновении деньги ломались, а один сотенный билет рассыпался.

Димитрий Голышев

Осада конторы

Тут звон пошел, стали по окнам бить, кто камнями, кто чем, кто кого из ребят ранил, некоторые за ружьями побежали.

¹ Ошибка, правильно: Епимахов.

Носков домой убежал, переоделся. Надел пиджачок брезентовый, патронташ взял, двустволку. Встал за столб и на садить по окнам.

Потом пошли к купцу Чашину за керосином. Кладовая заперта. Сам сидит бледный. У него требуют ключи, он говорит:

– Вот касса, возьмите все!

Но ничего не тронули, только отперли кладовую и выкатили бочки с керосином. Шардин Егор, Коробаев, Оборин, братишка мой покойный и многие еще — три бочки прикатили. Народу на площади было в это время — от одной улицы до другой, так и колыхалось. Другой в этой толпе шибко бежал, делов у него много: то туда, то сюда. Тут и стрелять, и жечь, и камни кидать. Особенно один татарин, и не наш, а вовсе чужой, ему бы здесь и быть незачем: котомка за плечами, две пары лаптей висят, болтаются. Бега-ет то с багром, то с ломом взад-вперед.

Я больше все наблюдал, ходил.

Коротаев говорит:

– Обливай, Поносов!

Привезли пожарную машину, а она не берет керосин, пропускает. Пошли по лавкам, кули собирать. Намочат в керосин, зажгут и в окно бросят. Загорелось. Сперва лесничество пыхнуло. Иванов, брандмейстер, приехал тушить. Ему не дали, он взял кортик. Тут его ударили раз, он и не пошевелился. Это зря. Рассказывают, что его долго били.

Потом хватились: надо телефонную связь порвать. Бобошин, Плюснин перерезали провода, срубили несколько столбов.

Мой братишка Василий взял у него зачем-то кортик¹ и несет. Я говорю:

– Брось, дурак, зачем тебе?

А потом он все-таки унес сапоги, часы, портсигар Киселева. Мне не показал, я уже после узнал, мне письмом сообщили, когда его арестовали. Он из портсигара отдал кольца делать.

Иванов был первый убитый. Вторым было убийство полицейского. Это было тогда, когда стали уже выходить из конторы. Они не столько от пожара вышли, как дымом их душило. Вот и вылетали как пробки.

Выбежал Онуфрович, хотел он сделать себе самоубийство. У него два револьвера было в руках, он успел сделать в себя выстрел на бегу. Его окружили Патраков, Соколкин Константин, старик, — и лопатой по голове. Потом били кто чем.

¹ Имеется в виду кортик брандмейстера Иванова.

Помошника исправника Киселева проглядели было. Он в ограду бывшей почты спрятался, в ледник. И оттуда стрелял, пока было чем. Слудковский Васька к нему туда спускался, а как его поволокли — «Дубинушку» затащили. Когда я подошел, его уже вытащили. Посадили на порог. Симанов вынул из кармана серебряный портсигар и там три папиросы. Одну сам закурил, другую ему всунул в рот.

— На, — говорит, — закури перед смертью.

Но тот уж без чувств был. Тут народу набилось, оградка маленькая, тесно, ничего не видать.

Тут и Васька Слудковский был, он ведь сын торговца и сам приказчиком в мануфактурной лавке.

Часов в 8—9 вечера на площади еще головешки дымились и раздавались крики:

— Стражники!

Тут начался крик, побои, мчатся по улицам, кричат:

— Закрывай окна!

Арестовали многих, заковали и в ночь отправили в Пермь.

ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 65. Л. 15—21. Машинописная копия.

4. Протокол совещания Свердловской областной редакции «История фабрик и заводов» о подготовке текста книги по истории Лысьвенского завода

Совещание при Областной редакции «История заводов» 2-го сент. 1934 г.¹

<...>² авторской бригаде, которая работает в Лысьве. Это особенно важно, потому что история Лысьвы, как история каждого завода, должна быть доподлинной большевистской историей, здесь никаких вымыслов допускать нельзя, и вместе с тем история должна быть написана так, чтобы с интересом читалась не только каждым рабочим-лысьвенцем, но и другим. Для этого мы приглашаем писателей, если мало будет этой силы, мы пригласим

¹ Заголовок вписан от руки.

² Начало документа отсутствует, первый абзац перечеркнут.

еще для литературного оформления и добьемся того, чтобы книга по истории Лысьвы была бы замечательным документом.

Тов. Новлянский¹. Областная редакция созвала это совещание старых лысьвенцев для обсуждения следующих вопросов: необходимо заслушать сообщение тов. ЖДАНОВА², а затем обсудить представленный план истории Лысьвы, проконсультированный тов. Ситаном. И, в-третьих, записать кое-что из ваших воспоминаний³. Стоит вопрос о создании в Свердловске авторского коллектива по написанию истории Лысьвы или общество содействия истории Лысьвы со стороны старых лысьвенцев.

Тов. ЖДАНОВ⁴. Я расскажу, что мы делаем в Лысьве. В первую очередь, когда явилась к нам бригада по написанию истории Лысьвы во главе с тов. Алпатовым⁵, согласно договоренности с Горкомом партии и другими товарищами был создан вечер воспоминаний.

Я бы сказал, что этот вечер не был удачен, ввиду того, что явилось мало публики, но присутствующие заявили, что такие вечера полезны и что писать историю Лысьвы надо. Несколько человек выступили с воспоминаниями, тов. Алпатов поделился архивным материалом, который у него имелся под руками. Тов. Алпатов уделил большое внимание на архивный материал

¹ Слова: «Тов. Новлянский» вписаны от руки.

² Здесь и далее слова прописными буквами напечатаны в тексте документа.

³ Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: «замечаний».

⁴ Георгий Михайлович Жданов (1876—1944), из крестьян. С 1891 г. начал работать углежогом. В 1901 г. перебрался в Лысьву, работал плотником, а с 1904 г. — в мартеновском цехе. Не позже 1904 г. вступил в РСДРП. Распространял нелегальную литературу. Его дом служил подпольной типографией и конспиративной квартирой (в 1906 г. в нем останавливался Я. М. Свердлов). В 1912 г. Жданов выслан из Лысьвы и очевидцем июльских событий 1914 г. не был, вернулся только в конце 1917 г. Работал на заводе и неоднократно избирался в местные органы исполнительной власти. В 1935 г. вышел на пенсию.

⁵ Лев Михайлович Алпатов — журналист, сын писателя М. М. Пришвина. На Урал Алпатова командировала редакция журнала «Наши достижения». Журнал редактировался А. М. Горьким, и он стремился привлечь к сотрудничеству М. М. Пришвина, но тот уклонялся от неоднократных приглашений и, как вспоминает один из сотрудников редакции, И. С. Шкапа, «прислал к нам своего сына, Льва Алпатова, начинающего журналиста, самоуверенного молодого человека». Как известно, Горький курировал программу «История фабрик и заводов», поэтому становится понятным, почему Алпатов оказался в составе «бригады» по созданию истории Лысьвенского завода. И. С. Шкапа зафиксировал и итог уральской командировки Алпатова: «...написанное сыном и выправленное отцом Горький отклонил. „Пусть пишет бог-отец, а не бог-сын!“ — сказал он шутливо, возвращая рукопись. Попытка Алпатова писать для журнала повторилась, и опять неудачно» (см.: Шкапа И. С. Семь лет с Горьким. Своими глазами: Воспоминания. М., 1990. С. 336—337).

о восстании лысьвенских рабочих, а также письмам родным и знакомых. Этот материал заинтересовал присутствующих.

На этом вечере все обещали писать и участвовать в истории завода, но до сих пор никто из них ничего не сделал.

Мы, как члены авторского коллектива, взялись за индивидуальную обработку товарищей. Я несколько товарищей послал к Алпатову, который провел с ними беседы и записал их. Как правило, он принимает каждый день 3-х человек. Товарищи собираются вместе, ведут разговоры, пополняют имеющийся материал, чтобы не перепутать чего-нибудь.

В Лысьве нас всего еще только два автора, но авторы мы еще очень и очень незамечательны. Тов. Алпатов нас учит, как надо писать, и мы считаем это для нас полезным.

Организован литкружок, в помощь которому мы привлекли тов. Шабалину, которая ведет запись рассказов, воспоминаний и т. д. Однако мы считаем это недостаточным. Мы выпускаем небольшую литературную листовку при газете «Искра». Этот листок мы сильно критиковали, и это было полезно. Сейчас весь вопрос упирается в план.

Надо сказать откровенно о том, что у нас в редколлегии имеется тов. Степанов, но надо сказать, что он не так охотно берется за это дело. Этот план, который сейчас представлен сюда, страдает очень большими недостатками. Он какой-то однобокий. Первая часть плана — экономическая сторона развития Лысьвенского завода — набросок тов. Спехова, а вторая часть — тов. Алпатова. Общими усилиями мы должны план проработать и выправить.

С нашей стороны были попытки внести кое-какие изменения и дополнения на месте, но публика заявила, что в 2—3 дня ничего сделать не успеет, и вопрос пока был оставлен открытым.

Необходимо темп работы усилить. Мы вынуждены были собрать всех старых лысьвенцев, которые сами переживали все эти моменты борьбы, как экономической, так и политической, в период Гражданской войны, реконструкции и т. д. И вот, товарищи, сидящие здесь, вы приглашены для этого. Надо восстановить в памяти все, встречавшееся вам на пути в то время, когда вы проживали в Лысьве, чтобы книга по истории Лысьвы была бы подтверждена фактами, более-менее выпуклыми моментами.

Тов. СИТАН. Говорить о значении создания истории завода, в том числе Лысьвенского завода, — не приходится, это достаточно понятно, поскольку вы — коллектив довольно квалифицированный. Следует только

подчеркнуть, что история завода имеет значение не только союзное, но и международное, поскольку революционное движение русского рабочего класса является образцом для всех.

Если подходить с этой точки зрения и с точки зрения того, что Лысьва была и остается теперь большевистской Лысьвой, то, очевидно, и значимость создания истории большевистской Лысьвы, ее партийной организации, ее рабочего класса приобретает и накладывает на нас, сидящих здесь, большие задачи.

Как это показало последнее время, из числа активных участников революционного движения Лысьвы значительное количество товарищей находится вне Лысьвы. Мне думается, что это обстоятельство, такое незаметное, на первый взгляд, служит прекрасным доказательством того положения, что мы имеем и имели подлинно большевистскую Лысьву.

Цель и задачи нашего совещания я вижу в том, что собравшиеся товарищи, которые являются активными участниками лысьвенского революционного рабочего движения, помогут Лысьве в создании ее истории и в то же время, что я особо подчеркиваю, сами будут активными участниками создания этой истории. Тов. Жданов здесь сказал, что в Лысьве в желании создать историю своего завода нет недостатков, но нет необходимых темпов создания.

Вопрос здесь ставится не о том, чтобы начать историю Лысьвы, она начата, но чтобы двигать ее необходимыми темпами.

Мне хотелось бы поставить ряд вопросов, по которым вы высказались бы, они исходят из плана, который представлен лысьвенцами в Областную редакцию «Истории заводов». Надо пожалеть, что план этот не был обсужден редакцией и в этом смысле он не является мнением лысьвенских товарищей, а мнением редакции, но, очевидно, этот план будет основой для создания истории Лысьвенского завода.

Особенно важно обратить внимание на историю Лысьвы в дооктябрьский период. Мы должны исходить из того, что история этого рабочего движения и та роль, которую играет в этом рабочем движении большевистская партия, необходимо рассматривать, как центральную задачу в изучении предприятия. Техника и экономические условия предприятия должны рассматриваться как условия для революционного движения.

Тот план, который представлен сюда, мне думается, страдает тем, что в нем есть большой крен в сторону технико-экономических условий,

существовавших на Лысьвенском заводе, чем в сторону того революционного движения, которое на этом заводе имело место.

Если рассматривать историю революционного движения в Лысьве, то центром должен быть 1905 г., центром должен быть 1914 г., центром должны быть вопросы, которые вытекают из Октябрьской революции и последующего периода Гражданской войны.

Что касается периода восстановительного и периода социалистического наступления, я скажу об этом несколько позднее.

Я обращаю ваше внимание на то обстоятельство, что в этом плане 1914-й год не предполагается дать так, как его нужно было дать. Самое заглавие этого подраздела говорит о том, что здесь имеется недопонимание того революционного движения, которое было в Лысьве в 14-м году. Заголовок гласит: «Народный бунт 14-го года».

Трудность наша заключается в том, что план этот не является кем-то утвержденным, но, однако, это с нас не снимает того обстоятельства, что раз он представлен, он должен быть подвергнут критике.

Стоит ли говорить, что это немарксистское понимание того, что происходило в Лысьве в 14-м году. Что же там происходило? Если дать коротенькую историю этих событий, надо исходить из того, что они происходили в эпоху империализма, в эпоху наиболее ожесточенной классовой борьбы. События 14-го года в Лысьве проходили после первой русской революции 1905 года. Это обстоятельство не должно было пройти незамеченным для лысьвенских рабочих.

И, наконец, события 14-го года в Лысьве проходили в начале империалистической войны. Эта деталь очень важна потому, что начало империалистической войны ознаменовалось большим ударом шовинизму и в этот период времени происходило такое движение, как лысьвенское восстание.

Этому восстанию в Лысьве предшествовало такое событие, которое не могут пройти товарищи, пишущие историю 14-го года Лысьвы, — предшествовала забастовка 14-го года, которая длилась 2½ м-ца.

Этой забастовке придавалось огромное значение большевистской печатью того времени. Она означает как забастовка, имеющая большое значение в смысле нового революционного подъема.

Когда мы говорим о том, как рассматривать 20-е июля 14-го года, мы должны исходить из того положения, что 1914-й год был подготовкой всей предшествующей работы лысьвенских большевиков. 14-й год — это наиболее высокая ступень развития революционного движения Лысьвы в

дооктябрьский период, который свидетельствовал о наиболее высокой степени классового самосознания.

Встает вопрос — можно ли назвать эту наиболее высокую ступень классового самосознания народным бунтом? Откровенно говоря, это название полицейское.

И второе — здесь в плане недостаточно оттеняется революционизирующая роль Лысьвенского завода.

Когда вы будете читать материалы по истории Лысьвенского завода, там обращает на себя внимание то обстоятельство, что корни Лысьвенского восстания были на Урале весьма разветвленными.

В беседе с одним из писателей, работающим над историей Надеждинского завода, он мне сказал, что в московских архивах больше всего материалов по Лысьве и он, между нами говоря, выразил сожаление, что он уже заарендовался по написанию истории Надеждинского завода несколько раньше, чем познакомился с материалами Лысьвенского завода. Это один из крупных московских писателей — Вебер.

Некоторые архивные материалы, которые у нас имеются, говорят, что в 14-м году отголоски лысьвенских событий разошлись далеко по Уралу. Директор Богословского завода пишет пермскому губернатору, что «под влиянием пришлого элемента с Лысьвенского завода возможна забастовка». Возьмите ветку на Кизел. Некоторые товарищи сами рассказывали, как они ездили в Кизел организовывать народ для свержения царской власти.

Третий вопрос, который бросается мне в глаза, заключается в том, что в плане, где говорится насчет Октябрьской революции, Гражданской войны и т. д., роль комсомольской и профсоюзной организации такова, что нет ни одного лица, между тем известно то положение, что историю творят люди. Я знаю, что часть товарищей...¹

ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 65. Л. 30—37. Машинописная копия.

¹ Окончание не сохранилось.

И. Ф. КОШКО И ЕКАТЕРИНБУРГ
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
(1911—1916)

1. Информационное сообщение
о первом приезде в Екатеринбург губернатора И. Ф. Кошко¹

Прибытие начальника губернии

1 апреля в 5 часов утра прибыл в Екатеринбург новый начальник губернии Иван Францевич Кошко. Временно остановился он на станции Екатеринбург I в вагоне.

Согласно извещениям полицмейстера, что начальник губернии будет принимать представляющихся ему в 11 часов дня в парадных комнатах вокзала, к назначенному времени комнаты эти наполнились представителями различных учреждений и ведомств. Здесь были городской голова А. Е. Обухов и все члены городской управы, председатель уездной земской управы А. М. Симонов и член этой же управы Н. М. Беренов, купеческий староста М. М. Заспанов, мещанский староста Н. И. Козлов, депутация от преосвященного Митрофана в составе отцов Коровина и Серебрянского, депутация от хоругвеносцев, прокурор Окружного суда, директора учебных заведений, смотритель духовного училища, непременные члены зауральских съездов, земские начальники, чины землеустроительной комиссии, чины городской и уездной полиции и пр.

Ровно в 11 часов начальник губернии вышел из вагона. На платформе ему представлены были чины городской и уездной полиции. Затем начальник губернии проследовал в парадные комнаты вокзала. По входе туда его приветствовал городской голова и поднес при этом хлеб и соль на серебряном блюде с выгравированным на нем «Его Превосходительству Ивану Францевичу Кошко. Добро пожаловать». Поднесла хлеб-соль и депутация хоругвеносцев. Далее началось представление присутствующих, во время

¹ Подробное описание этого визита см. в главе 8, с. 98—133 наст. изд.

которого начальник губернии с некоторыми из представлявшихся обменивался короткими словами, интересуясь делами, которыми представлявшийся ведает. Между прочим, членов землеустроительной комиссии он расспрашивал о ходе землеустроительных работ. По окончании представления начальник губернии, обращаясь ко всем присутствующим, выразил уверенность, что они окажут ему в его многосложных и трудных обстоятельствах содействие и помощь, в которых он, как незнакомый с вверенной ему губернией, особенно нуждается. Вслед за тем начальник губернии принимал обращающихся к нему лиц в особом кабинете. В числе принятых был и городской голова А. Е. Обухов.

Отбыв с вокзала, начальник губернии посетил собор, где выслушал приветствие кафедрального протоиерея отца Игноратова и краткое молебствие и приложился к кресту, затем был с визитом у преосвященного Митрофана, П. П. Боклевского, А. Е. Обухова и других лиц, присутствовал на заседании земского съезда по огнестойкому строительству; обедал у городского головы.

Уральский край. 1911. 3 апреля. № 74. С. 3.

2. Прощальное обращение И. Ф. Кошко к екатеринбуржцам в связи с отставкой

Открытое письмо

М[илостивый] г[осударь], г[осподин] редактор!

Крайне обяжете меня, поместив в вашей газете следующие строки.

Оставляя Пермскую губернию и будучи лишен всякой возможности перед отъездом побывать в Екатеринбурге и лично проститься с многочисленными друзьями и знакомыми моими в городе, от которых я и семья моя видели столько приветливости и внимания, решаюсь обратиться к любезному содействию печати и таким путем поблагодарить всех екатеринбуржцев за всегда доброе к нам отношение, пожелать каждому всего лучшего в жизни, а городу Екатеринбургу того блестящего расцвета, на который он по своему счастливому географическому положению и удивительной творческой энергии своих обывателей имеет, на мой взгляд, бесспорное право.

Прошу не поминать меня лихом и простить мне совершенные мною ошибки и не всегда справедливое и не достаточно участливое отношение

к людям, в чем я, как человек, несомненно повинен, хотя и помимо своей сознательной воли.

Прошу принять уверение в глубоком уважении Вашего покорного слуги

И. Кошко

20 августа 1914 г. г. Пермь

Зауральский край. 1914. 23 августа. № 188. С. 3.

3. Информационное сообщение о решениях Городской думы Екатеринбурга по вопросу чествования И. Ф. Кошко в связи с его отставкой

Заседание Городской думы

Экстренное заседание Городской думы 25-го августа состоялось под председательством А. Е. Обухова при наличии 27 гласных.

...при закрытых дверях шло обсуждение вопроса о чествовании Городской думой покидающего пост пермского губернатора И. Ф. Кошко. Приветствия И. Ф. Кошко.

В открытом заседании городской голова ставит на решение думы вопрос о чествовании И. Ф. Кошко и собрание принимает единогласно постановления: поднести от имени города оставляющему службу губернатору И. Ф. Кошко адрес, поручив редакцию адреса Городской управе совместно с некоторыми гласными по ее приглашению; послать И. Ф. Кошко от имени думы телеграмму с выражением чувств сожаления по поводу оставления им службы; учредить в будущем Горном институте городскую стипендию имени И. Ф. Кошко.

Объявляется перерыв для составления телеграммы, текст которой утверждается думой в конце заседания.

Телеграмма передает чувства живейшей благодарности думы И. Ф. Кошко за его отзывчивое отношение к нуждам города и глубокое сожаление об оставлении им края и сообщает постановление собрания — закрепить память о И. Ф. Кошко учреждением стипендии его имени в будущем Горном институте.

Зауральский край. 1914. 27 августа. № 191. С. 3.

4. Информационное сообщение о благодарственной телеграмме И. Ф. Кошко в адрес Городской думы Екатеринбурга

Благодарность И. Ф. Кошко

В ответ на приветствие Екатеринбургской Городской думы по случаю оставления должности пермского губернатора И. Ф. Кошко из Петрограда ответил телеграммой следующего содержания: «Сердечно благодарю думу за оказанную мне честь; уношу светлые воспоминания о сотрудничестве с городом и шлю горячие пожелания благоденствия. Кошко».

Зауральский край. 1914. 2 сентября. № 195. С. 3.

5. Благодарственное письмо И. Ф. Кошко к екатеринбуржцам

Письма в редакцию

Не откажите поместить в Вашей газете нижеследующие строки.

Вчера посетил меня в Петрограде А. М. Симанов и вручил как памятку от Пермской губернии художественно исполненное плато из яшмы с фигурю медведя в очень красивом стильном ларце. Не зная именно всех лиц, пожелавших порадовать меня этим весьма ценным вниманием, я лишен возможности поблагодарить отдельно каждого и обращаюсь к помощи печати, чтобы земно поклониться всем участникам этого изящного подношения, которое будет мне до конца жизни напоминать о времени моей глубоко интересной службы в богатейшем и с громадной будущностью Пермском крае и о всегда добром и теплом отношении ко мне его обывателей.

Прошу принять уверения в совершенном уважении и преданности вашего покорнейшего слуги

И. Кошко

7 февраля 1916 г. Петроград

Зауральский край. 1916. 14 февраля. № 36. С. 3.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1913 ГОДУ¹

1. Территория, количество населенных пунктов и плотность населения Пермской губернии на 1 января 1914 г.

Площадь (тыс. кв. верст) ²	290 168,7
Число городов	15
Прочих поселений.	12 621
Число сельских обществ	3 540
Плотность жителей (чел. на кв. версту):	
– сельских	12,9
– всех жителей	13,8

2. Численность населения Пермской губернии на 1 января 1914 года

Места проживания	Состав населения (тыс. чел.)		
	мужчин	женщин	итого
В уездах	1 833,7	1 920,0	3 753,7
В городах	127,6	126,2	253,8
ВСЕГО	1 961,3	2 046,2	4 007,5

¹ Составлено по: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 12, 19, 94, 270, 272, 274.

² 1 кв. верста равна 1,138 кв. км.

3. Площадь лесных владений Пермской губернии в 1913 году (десятин¹)

Личные владения

С. А. Строганов, граф	1 393 539
С. С. Абамелек-Лазарев, князь.	802 102
Е. А. Балашева (ур. Шувалова)	149 552
Воронцова-Дашкова, графиня (ур. Шувалова).	31 177
С. М. Голицын, князь	294 842
Наследники П. П. Демидова, князя Сан-Донато	204 567
Каменские, братья, потомственные почетные граждане	113 470
Наследники купца В. Р. Максимова.	128 767
С. Е. Львов, князь.	87 000
В. А. Ратьков-Рожнов	146 596
Наследники графа П. П. Шувалова	528 560
ИТОГО.	3 880 172

Посессионные владения горных округов

Товарищество Алапаевских горных заводов наследников П. С. Яковлева.	337 597
Акционерное общество Верхисетских заводов.	385 232
Наследники П. П. Демидова, князя Сан-Донато	552 318
Общество Сысертских заводов	207 572
ИТОГО.	1 482 719

Владения частных акционерных компаний

Богословское горнозаводское общество	488 781
Зауральское горнопромышленное общество.	120 489
Камское акционерное общество.	445 131
Общество Кыштымских горных заводов	386 355
Московское лесопромышленное общество	116 728
Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа	327 163
Товарищество Сергинско-Уфалейских заводов	319 405
ИТОГО.	2 204 052

¹ 1 дес. равна 1,09 га; 1 кв. км равен 91,65 дес.

Другие частные владения	490 635
Всего лесов частного владения	8 075 578
Казенное лесное ведомство	7 707 936
Казенное горное ведомство	1 245 176
Сельские общества бывших приписных крестьян.	1 503 714
Города	12 505
Удельное ведомство	79 321
Всего лесов в Пермской губернии	18 624 230

4. Земские расходы в Пермской губернии. 1913 г.

Статьи расходов	Сумма (тыс. руб.)	% к итогу
Участие в расходах правительственных учреждений	441	3,33
Содержание земской управы	953	7,20
Устройство и содержание мест заключенных	68	0,51
Дорожная повинность	678	5,12
Народное образование	5 180	39,13
Общественное призрение	148	1,12
Медицинская часть	3 384	25,56
Ветеринарная часть	262	1,98
Содействие экономическому благосостоянию	838	6,33
Уплата долгов	382	2,89
Разные расходы	382	2,89
Отчисление на образование капиталов	451	3,41
Запасные суммы	70	0,53
ВСЕГО	13 237	100,00

5. Земские доходы в Пермской губернии. 1913 г.

Статьи доходов	Сумма (тыс. руб.)	% к итогу
Зачеты прошлых лет	193	1,46
Доходы с принадлежащих земству имущественных и оброчных статей	37	0,28
Разные сборы	22	0,17
Пособия земству и возврат расходов	3 433	25,94
Разные поступления	71	0,54
Со свидетельств на право торговли и промыслов	186	1,41
С недвижимых имуществ	9 293	70,22
ВСЕГО	13 235	100,00

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абамелек-Лазарев С. С., князь, заводо-
владелец 24, 51—54, 57, 148, 167, 168,
177—179, 359
- Абамелек-Лазарева М. П. (ур. Демидова,
княжна Сан-Донато) 53, 178
- Абамелек-Лазаревы, заводовладельцы 168,
177, 178
- Айвазовский И. К., художник 176
- Акульшин П. В., историк 269
- Акьюлов А. С., историк 269
- Александр I, император России 202
- Александр II, император России 104, 105,
164, 200, 272
- Александр III, император России 151, 209,
268, 272
- Александр Михайлович, великий князь
244, 274
- Александра Федоровна, императрица Рос-
сии 159, 174, 188, 305
- Александровский С. В., губернатор 244
- Алексей, царевич 188
- Алексушин Г. В., историк 268
- Алеников В. М., режиссер 213
- Алиса Баттенбергская 305
- Алпатов Л. М., журналист 343, 344, 349, 350
- Альбер Э. д', композитор 204
- Альфирьев, помещик 305
- Амвросий см. Болотов А. В.
- Анастасия (Стана) Николаевна, великая
княгиня 126, 207
- Анастасия Романовна, царица России 179
- Анна Иоанновна, императрица России 179
- Анненков И. А., декабрист 171
- Анненков И. В., генерал-адъютант 171
- Анненков М. Н., генерал 171
- Анненков Н. Н., генерал 171
- Анненков П. В., литературный критик 171
- Анненковы, семья 39, 171
- Антонов Д. Н., историк 271
- Анфиногенов И. К., городской голова 196
- Арбузов А. Д., чиновник 233, 234, 236, 252
- Арсеньев В. С., вице-губернатор 271
- Ауэрбах А. А., металлург 168
- Афонский см. Митрофан (в миру Афон-
ский)
- Ахтямов К. Ш., историк 270
- Бабыкин К. Т., архитектор 205
- Бабянский А. Ф., депутат Государственной
Думы 62, 63, 183
- Баженов В., рассыльный 343
- Бакунин А. П., губернатор 269
- Балашева Е. А. (ур. Шувалова), землевла-
делица 359
- Балашов А. Д., генерал-губернатор 269
- Балашов А. Н. 160, 211
- Балашова А. В. (ур. Гендрикова), фрейлина
211
- Балязин В. Н., историк 268
- Баранов И. Г., губернатор 269
- Баранов И. М., губернатор 269
- Баратынский И., губернатор 269

* Указатели имен и географических названий составлены И. Н. Абагуровым.

- Барбини С., музыкант 204
Бардинцев М. В., заместитель управляющего 26, 168
Баттенбергская см. Виктория Федоровна
Башилов П. П., губернатор 9, 163
Башкевич, инженер 290
Беклемышев, околоточный 299, 340
Белецкий С. П., директор департамента полиции 188, 191, 251
Беликов Г. А., историк 269
Берггрюн, семья 193
Берггрюн А. А., чиновник 193
Берггрюн А. И., жена чиновника 193
Беренов Н. М., член земской управы 354
Беркевич А. Б., историк 296, 298, 299, 309
Беркович А. В., историк 162
Бибиков С. А., адвокат 115, 116, 119, 202
Бибикова Л. В. 116, 117
Бирон А. А. (ур. Меншикова) 179
Бирон Г., генерал 179
Бирон К., генерал 179
Бирон Э. И., граф, регент России 54, 179
Благодрагов см. Палладий (в миру Благодрагов)
Благодрагов З. М., действительный статский советник 94—96, 195
Бланк А. Д., врач 170
Бланк М. А. см. Ульянова М. А. (ур. Бланк)
Блок А. А., поэт 238
Блок И. Л., губернатор 172, 238, 241—243, 274
Бобошин, рабочий 347
Боброва-Перейфер Э., актриса 204
Богатырева О. Н., историк 216, 270, 272
Богомоллов О. А., губернатор 269
Боклевский П. П., главный начальник уральских заводов 104, 199, 355
Болотов А. В., губернатор 9, 11, 12, 15, 19, 23, 32, 33, 35, 39, 40, 43, 84, 87, 88, 115, 163, 164, 170, 193
Болотов А. Т., ученый, писатель 163
Болотова С. С. (ур. Толстая) 12, 164
Болотовы, семья 12
Боханов А. Н., историк 224, 272
Бучинская К. К. см. Кошко Констанция Карловна (ур. Бучинская)
Быстрых Т. И., историк 215, 216, 270
Варвара, монахиня 189
Варлаам (в миру В. Е. Коноплев), настоятель монастыря 188
Варнава (в миру В. А. Накропин), архиепископ 83, 193
Васильев Д. В., историк 269
Васильчиков Б. А., князь, 74, 186
Вебер, писатель 353
Веймарн П. П., профессор 203
Великопольский Г., анархист 245
Вельяминов В. см. Воронцов-Вельяминов В. И.
Верещагин В. П., художник 176
Вертоусова Е. Г., историк 271
Виктория, королева Великобритании 16, 165
Виктория Федоровна, принцесса Баттенбергская (ур. герцогиня Гессенская) 48, 175, 305
Вильгельм II, император Германии 258
Витте С. Ю., граф, государственный деятель 195, 198, 234
Воинов П. В., священник 313
Волков С. В., историк 272
Волховский С. Г., губернатор 268
Воробьев А. В., историк 271
Воронцова-Дашкова (ур. Шувалова), землевладелица 359
Воронцов-Вельяминов В. И., чиновник 134, 135, 208
Врангель П. Н., барон, генерал-лейтенант 182, 187, 261
Всеволожские, заводовладельцы 171
Второв Н. А., предприниматель 73, 185
Второвы, предприниматели 185
Вырубова А. А., фрейлина 191, 254, 255
Вяткин М. П., историк 307
Геллер М., историк 273, 274
Гендриков В. А., граф 160, 211

- Гендрикова Александра Васильевна см.
 Балашева А. В. (ур. Гендрикова)
 Гендрикова Анастасия Васильевна, фрей-
 лина 211
 Геннин В. И., управляющий горными заво-
 дами 198
 Герцен А. И., писатель 313
 Гессенская герцогиня см. Виктория, при-
 нцесса Баттенбергская
 Гизятуллин З., участник беспорядков 292
 Гирсо А. Ф., губернатор 271
 Гиттерман А. Э., эсер 244
 Гладышев В., журналист 216, 270
 Глинка В. А., главный начальник горных
 заводов 103, 198
 Глинка М. И., композитор 202
 Годунов Б. Ф., царь России 54, 179
 Голицын С. М., князь, землевладелец 359
 Голицыны, заводовладельцы 176
 Голубятников С. Г. см. Серафим (в миру
 С. Г. Голубятников)
 Гольшев В., рабочий 347
 Гольшев Д., рабочий 292, 346
 Гондатти Н. Л., генерал-губернатор 269
 Гончарова Н. А., историк 112, 118, 162
 Горбунов К. Е., историк 269
 Горчаков С. Д., князь, губернатор 20, 165, 269
 Горький А. М., писатель 349
 Готовская М. М. см. Поклевская-Козелл
 М. М. (ур. Готовская)
 Граббе М. Н., граф, заводовладелец 26, 169
 Грамматчиков В. А., горный инженер 10,
 163, 164
 Грамматчиков В. Н., горный инженер 52,
 177
 Грачев А. А., историк 269, 270
 Григорьева С. В., историк 269
 Групильтон М. П., прокурор 44, 172
 Гувер Г. К., президент США 182
 Гужавин А. П., историк 207
 Гуйгенс Х., ученый 207
 Дальский М. В., актер 207
 Данько Т., журналист 272
 Демидов А. Н., заводовладелец 177
 Демидов Е. П., князь Сан-Дonato 10, 63,
 64, 67, 68
 Демидов П. Г., заводовладелец 202
 Демидов П. П., князь Сан-Дonato 178, 359
 Демидова М. П., княжна Сан-Дonato см.
 Абамелек-Лазарева М. П.
 Демидовы, заводовладельцы 67, 68, 166,
 175, 176, 178, 184
 Деникин А. И., генерал-лейтенант 182, 261
 Десятковский В. К. см. Саблер (Десятков-
 ский) В. К.
 Джигарханян А. Б., актер 213
 Джунковский В. Ф., генерал-лейтенант, го-
 сударственный деятель 81, 192, 271
 Дмитриев А. В., историк 162, 276
 Добровольский К. М., горный инженер, уп-
 равляющий 289, 290, 298, 338, 341
 Добротворский, священник 341
 Долгов Е., историк 269
 Долгушина М. Г., историк 269
 Домнин К. А., заводской служащий 343,
 345
 Дрекслер-Голынец А. И., 174
 Друцкой-Соколинский В. А., губернатор
 271
 Дубенский А. А., надворный советник, чи-
 новник 74—76, 144, 145, 186
 Дубинина Н. И., историк 269
 Дубровин А. И., политический деятель,
 врач 90, 194, 195
 Дурново П. Н., министр внутренних дел
 233, 234
 Дютель Ю. О., архитектор 204
 Евневич Т. А., историк 214
 Евреинов В. В., придворный 157, 210
 Европеус В. А., жена вице-губернатора 41,
 42, 87, 305
 Европеус В. И., вице-губернатор 32, 34, 39,
 40, 42, 44, 120, 134, 169—172, 175, 254,
 305
 Егоров Н. М., депутат Государственной
 думы 63, 64, 68, 183

- Егоров П. И., главный начальник уральских заводов 338
Екатерина II Великая, императрица России 104, 173, 215
Елагин В. В., губернатор 269
Елена Павловна, великая княжна 257
Елизавета Петровна, императрица России 187
Елизавета Федоровна, великая княгиня 48, 126, 127, 164, 174, 189, 216, 305
Епимахов, полицейский надзиратель 299, 340, 346
Епимихов см. Епимахов
Еремин А., историк 271
Жданов Г. М., рабочий 349, 351
Жеденев Н. Н., политический деятель, публицист 194
Желватых В. В., инженер 23, 25, 26, 166
Жилинский Н. П., титулярный советник 27, 29—31, 169
Жонес А. О., управляющий заводами 166
Жук А. В., историк 269
Заболоцкая-Десятковская О. А. 195
Зайкин, капитан 313
Зайончковский П. А., историк 272
Заремба В. Ф., владелец доходных домов 163
Заспанов М. М., купеческий староста 354
Засядко Д. И., губернатор 237
Захарьин Р. Ю., боярин 179
Зотов Г. Ф., купец 202
Иван VI, император России 179
Иван Грозный, царь России 24, 116, 179
Иванов, брендмейстер 292, 299, 340, 342, 347
Иванов, чиновник 305
Иванов А. А., окружной инженер 295, 338, 340
Иванов В. Т., чиновник 134—140, 208
Иванов Ф. А., горный инженер 60, 61, 119, 181
Иванова 137, 139
Ивановы, семья 136, 138—140
Игель Э., предприниматель 169
Игнатъев А. А., граф, генерал-лейтенант 192
Игнатъев А. П., граф, генерал-губернатор 192
Игнатъева С. С. (ур. Мешерская), графиня 82, 192
Игнуров, священник 355
Игумнов Г. В., губернатор 269
Илиади И. X., историк 269
Ильин И. А., философ 234, 273
Ильин Н., штабс-капитан 176
Ильина Л. Н. см. Каменская Л. Н. (ур. Ильина)
Имшенецкий А. М., предприниматель 181
Имшенецкий В. М., предприниматель 58, 60, 181
Имшенецкий М. М., надворный советник 181
Иона, иеромонах 205
Кайшев В. Г., историк 269
Калугин, стражник 299, 340
Калугин Е. Д., председатель губернской земской управы 47, 48, 174
Каляев И. П., эсер 164
Каменская Л. Н. (ур. Ильина) 50, 176
Каменские, предприниматели 49, 176, 177, 210, 359
Каменский Александр Григорьевич, предприниматель 176
Каменский Алексей Григорьевич, предприниматель 176
Каменский В. Ф., предприниматель 176
Каменский Г. К., предприниматель 176, 210
Каменский И. Г., заводовладелец 49—51, 175—177
Каменский К. Ф., крестьянин 176
Каменский М. Ф., предприниматель 176
Каменский Ф. К., предприниматель 176, 210
Карагеоргиевич Павел, принц 178

- Катеринич М. К., губернатор 20, 165
Кауфман К. П. фон, генерал-губернатор 269
Кашаев П., журналист 274
Кемаль М., президент Турции 263
Керенский А. Ф., государственный деятель 183, 188
Керкин И., заводской служащий 343, 344
Керр, госпожа 305
Кирьянов И. К., историк 215, 270
Кирьянов Ю. И., историк 299, 300, 309
Киселев П. Л., помощник исправника 291, 299, 340, 342, 345—348
Клементьев А. И., краевед 309
Ключарев А. С., губернатор 157, 210
Козелл-Поклевская М. М. см. Поклевская-Козелл М. М.
Козлов Н. И., мешанский староста 354
Колвзан Н. Д., чиновник 140, 208
Колпаковский Г. А., генерал-губернатор 269
Коллюпанов Н. П., экономист 324
Комиссаржевская В. Ф., актриса 207
Комиссаров М. С., полковник 44, 134, 172
Комолов Н. А., историк 269
Кондоиди В. Г., вице-губернатор 237
Кондрагьев Ф. Ф., депутат Государственной думы 63, 64, 68, 183
Коновалов А. И., предприниматель, министр 62, 182, 183
Кононов В. А., историк 269, 271
Коноплев В. Е. см. Варлаам
Конюхов П. А., предприниматель 201
Конюхова А. А. (ур. Соколова) 115—117, 201
Кораблев Н. А., историк 269
Корелин А. П., историк 271, 272
Корнилов, секретарь 305
Коробаев, рабочий 347
Коровин, священник 354
Корогаев, рабочий 347
Корсаков М. С., генерал-губернатор 268
Косич А. И., губернатор 269
Костарев, пристав 296
Кочебу П. А., полковник 102, 196
Кочетов Ю. И., историк 307
Кошелев П., рабочий 292
Кошко, братья 258, 265, 270
Кошко, семья 36, 212, 213, 218, 251, 257, 259, 261, 263, 265, 266
Кошко Антуанетта Францевна 219
Кошко Аркадий Францевич 201, 212, 213, 216, 221, 251, 257—261, 263—268, 275
Кошко Борис Иванович (младший) 265, 267, 275
Кошко Борис Иванович (старший) 37, 162, 218, 221, 255, 256, 259, 262, 266
Кошко Дмитрий Аркадьевич 257
Кошко Дмитрий Борисович, журналист 7, 35, 38, 40, 41, 162, 212, 218, 223, 230, 255, 256, 258, 260, 261, 264, 266, 267, 272, 275, 281, 305, 308
Кошко Зинаида Александровна 258, 260, 261, 266
Кошко Иван Аркадьевич 257—261, 263—265, 267
Кошко Иван Францевич 5, 7, 8, 37, 80, 82, 162—167, 169—172, 174, 175, 181, 183—186, 188, 190, 192—204, 208, 210—223, 225—234, 236—257, 259, 262, 264—268, 270—284, 288—290, 296, 303, 305, 306, 308, 312—316, 324, 341, 354—357
Кошко Изабель 266
Кошко Констанция Карловна (ур. Бучинская) 219, 223
Кошко Лариса Дмитриевна 266
Кошко Мария Степановна (ур. Крундышева) 163, 220—222, 230, 259, 305
Кошко Мария Францевна 219, 223, 230, 259, 262
Кошко Наталья Францевна 219, 223
Кошко Николай Аркадьевич 259, 260
Кошко Николай Дмитриевич 266
Кошко Ольга Ивановна (младшая) 259, 261, 265
Кошко Ольга Ивановна (старшая) 162, 201, 218, 221, 222, 230, 236, 255—265, 267, 272, 273, 305, 308
Кошко Франц Казимирович 219

- Красильников, купец 313
Крафт И. И., губернатор 269
Крепышев, заводской служащий 343
Кривошеин А. В., член Государственного совета 76, 147, 186
Крундышев А., 305
Крундышева М. С. см. Кошко Мария Степановна (ур. Крундышева)
Кузнецов В. А., художник 113
Кузнецов Г. М. см. Серафим см (в миру Г. М. Кузнецов)
Кукаретин М. В., действительный статский советник 44, 172
Кулебякина 344
Куренщиков, книготорговец 181
Курмаков Н. Н., горный инженер 53, 178
Кусов Б. А., барон, владелец рудников 181
- Лазаревы см. Абамелек-Лазаревы
Лариса, воспитанница 193
Ленин В. И., государственный деятель 170, 260
Леонтович В. В., историк 273, 274
Лилиенфельд-Тоаль А. П. фон, камергер, губернатор 140, 208
Липин В. И., предприниматель 110, 111, 201
Лисица О. В., философ 273
Литвинов Я. Я., чиновник 98, 195
Ли Ханг Джун, историк 270
Лихачев Е., рабочий 292
Лихачев И. А., чиновник 46, 174
Лозина-Лозинский М. А., губернатор 46, 140, 174
Лопухин В. А., губернатор 10, 11, 35, 43, 58, 94, 120, 121, 134, 164
Лугинин В. Ф. 324
Луканин С., протоиерей 188
Лыкошин А. И., член Государственного совета 98, 195
Лысенко Л. М., историк 269
Львов А. Е., князь, художник 171
Львов В. С., князь, предприниматель 171
Львов Г. Е., князь, государственный де-
ятель 171
Львов С. Е., князь, заводовладелец 38, 171, 359
Львов С. С., князь 171
Львов Ю. С., князь, инженер 171
Любичанковский С. В., историк 270
Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский М. А. см. Лозина-Лозинский М. А.
Людовиг IV, великий герцог Гессен-Дармштадский 175
Людовиг Баттенбергский, принц 175
Ляхов Б. А., историк 269
- Маер, рабочий 290, 298, 300
Макарий Актайский (в миру М. В. Поликарпов), монах 122, 123, 206
Макаров А. А., министр внутренних дел 71—73, 80, 94, 185, 189, 190
Макаров И. А., предприниматель 133, 208
Макаровы, братья 208
Маклаков Н. А., государственный деятель 46, 80, 174
Максаров Н. В., краевед 309
Максимов В. Р., купец 359
Малахов М. П., архитектор 181, 198, 202
Мамин-Сибиряк Д. Н., писатель 108
Манько А. В., историк 271
Мария Федоровна, императрица России 210
Марков Н. Е., депутат Государственной думы 195
Маркс К., ученый 170
Матвей см. Шурыгин М.
Матханова Н. П., историк 268
Меншиков А. Д., князь, государственный деятель 179
Меншикова А. А. см. Бирон А. А. (ур. Меншикова)
Мерзлякова Л. В., историк 269
Метенков В. Л., фотограф 59, 65, 100, 103, 105, 108, 109, 142, 143, 145
Мешкановы, семья 346
Мешков Н. В., предприниматель 154, 176, 177, 209, 210

- Мещерская С. С. см. Игнатьева С. С.
 Микитюк В. П., историк 162, 295
 Милюков П. Н., политический деятель, историк, публицист 192
 Минакова А. С., историк 271
 Миньяков 343
 Миронов Б. Н., историк 234, 273, 274
 Миронов В., историк 269
 Митрофан (в миру Афонский), епископ 121—123, 126, 205, 354, 355
 Михаил Федорович, царь России 179
 Михайло, стражник 39
 Михайлов Н. Н., вице-губернатор 237, 238
 Мишкановы см. Мешкановы
 Морочко С. С., надворный советник 102, 196
 Мостовенко В. В., директор гранитной фабрики 199
 Мосунова Т. П., историк 162
 Муравьев-Амурский Н. Н., генерал-губернатор 268
 Муратов Н. П., губернатор 269
 Мусихин В. Е., историк 269
 Мухин А. Л., историк 299
 Мухлынин А. И., председатель губернской земской управы 46, 47, 174
 Мухлынина Н. И., 47, 174

 Накропин В. А. см. Варнава
 Нейдгарт Д. Б., член Государственного совета 158, 210
 Нейдгарт О. Б. см. Столыпина О. Б. (ур. Нейдгарт)
 Некурящий А., стражник 39
 Нерон, римский император 116
 Нечаев А. А., врач 9, 163
 Никифораки Н. Е., губернатор 269
 Никодим см. Ордовский-Танаевский Н. А.
 Николай, ректор семинарии 159, 211
 Николай I, король Черногории 207, 312
 Николай II, император России 155, 158, 164, 188, 199, 258
 Николай Николаевич, великий князь 207
 Никулин, конторщик 299, 340

 Новиков, публицист 318
 Новиков Н., рабочий 292
 Новлянский, член редколлегии 349
 Новых Г. Е. см. Распутин Г. Е.
 Носков, рабочий 347
 Нуров П. Е., купец 110, 201

 Оборин, рабочий 347
 Обухов А. Е., городской голова 101, 119, 120, 196, 203, 354—356
 Огарев И. И., губернатор 170
 Озеров И. Х., экономист 75, 186
 Онуфриев см. Онуфрович А. И.
 Онуфрович А. И., управляющий горным округом 289—292, 294, 295, 299, 339—345, 347
 Ордовская-Танаевская Е. П. 188, 193
 Ордовские-Танаевские, род 187
 Ордовский-Танаевский А. Д., чиновник 187
 Ордовский-Танаевский Д. А., офицер 187
 Ордовский-Танаевский Н. А., губернатор 77—84, 96, 187—194, 253—255, 271, 305
 Осмехин, урядник 299, 340
 Оська, крестьянин 260

 Павел I, император России 187
 Павленков Ф. Ф., книгоиздатель 210
 Павлов А. А., историк 269
 Павлов П., крестьянин 228, 229, 272, 312, 314, 315
 Павлова Г. В., историк 271
 Павловский Н. Г., историк 162, 212, 276, 312
 Палладий (в миру Благодравов), епископ 34, 90—92, 94—96, 126, 170
 Панаев Н. И., генерал-майор 313
 Патраков, рабочий 347
 Перевозчиков И., крестьянин 287
 Перовский В. А., губернатор 269, 271
 Песоченский Н. И., чиновник 87—92, 95, 96, 193, 305
 Петр, паломник 113
 Петр I Великий, император России 103, 187, 198, 207, 210

- Петр III, император России 179
Петров А. И., историк 269
Петров К. М., депутат Государственной думы 63, 70—73, 183
Пивинский Н. А., горный инженер 51—53, 177
Пинятин, стражник 299, 340
Пиреев А. И., историк 269
Плюснин, рабочий 347
Подгурский И. Г. 46, 50, 51, 173
Поклевская -Козелл М. М. (ур. Готовская) 15, 19, 58, 165
Поклевские-Козелл, семья 58—60, 180
Поклевский-Козелл А. Ф., предприниматель 180, 197
Поклевский-Козелл В. А., предприниматель 57, 58, 60, 102, 165, 180, 189, 190, 197
Поклевский-Козелл И. А., заводовладелец 180
Поклевский-Козелл Осип (Иосиф) Иванович, управляющий 102, 197
Поклевский-Козелл С. А., дипломат 102, 197, 198
Поликарпов М. В. см. Макарий Актайский (в миру М. В. Поликарпов)
Полонский В., фотограф 257
Поляковы, семья 345, 346
Пономарев М., крестьянин 180
Поносов, рабочий 347
Понятовский Станислав Август, король Польши 211
Попов Г. П., историк 269
Попов Н. В., инженер 209
Попов Н. Н., историк 309
Поршнева О. С., историк 301, 302, 310
Постников С. П., историк 302, 310
Притвиц, барон, офицер 257, 258
Притвицы, семья 258
Пришвин М. М., писатель 349
Прокудин-Горский С. М., фотограф 34, 55—57, 60, 66, 91, 100, 104—106, 118, 122—124, 128, 131, 132, 136, 139, 144, 149, 150, 152
Прянишников И. Д., председатель верхнего земского суда 170, 171
Пряслов М. А., генерал-лейтенант 79, 189, 290, 308
Пряслова Е. Н. 189, 305
Пуришкевич В. М., депутат Государственной думы 71, 185, 195
Пушкарев С. Г., историк 240
Пушкин А. С., поэт 171, 295, 308
Радищев А. Н., писатель 170
Раев Н. П. 256
Разин М., рабочий 292
Райффазен Ф. В., основатель кредитных касс 323
Распутин Г. Е., крестьянин 78—84, 96, 122, 123, 126, 127, 185, 188, 190—193, 206, 254, 255, 308
Распутина М. Г. 191
Рассолов Г. А., историк 271
Расторгуев Л. И., купец, заводовладелец 182, 202, 203
Ратьев М. Д., князь, чиновник 40, 172
Ратьков-Рожнов В. А., заводовладелец 168, 359
Рахшмир П. Ю., историк 215, 270
Ремнев А. В., историк 270
Рерих Н. К., художник 176
Реф К., поручик 198
Римский-Корсаков Н. А., композитор 163
Римский-Корсаков С. А., генерал 26, 168
Риттих А. А., чиновник 88, 194
Роббинс Р. (Robbins R. G.), историк 213, 214, 216, 249, 268, 274
Родионов Н. М., губернатор 237
Рокецкий Л. Ю., губернатор 269
Романов А. Н., боярин 179
Романов Б. А., историк 270
Романов В. Н., стольник 179
Романов И. Н., боярин 179
Романов М. Н., окольничий 54—57, 179, 180
Романов М. Ф. см. Михаил Федорович

- Романов Ф. Н. см. Филарет (в миру Ф. Н. Романов)
- Романовский Г. М., князь 207
- Романовы, династия царей и императоров России 54, 175, 179, 189, 216
- Романус И. В., губернатор 269
- Росель Э. Э., губернатор 269
- Ростовская-Ковалевская М., актриса 204
- Руднев П. И., журналист 213, 221, 251, 261, 267, 268, 271, 275
- Румянцева, директор женской гимназии 208
- Руперт В. Я., генерал-губернатор 268
- Рупинский Г. И., полицмейстер 101, 120, 121, 133, 196
- Рухлов С. В., министр 33, 170
- Рычкова Г. П., историк 286, 289—292, 296—299, 307—309
- Рябинин П. А., купец, городской голова 33, 170
- Рябухин Е. И., историк 307, 309
- Рябушинский П. П., член Государственного совета 183
- Саблер (Десятковский) В. К., член Государственного совета 90, 94, 194
- Савич Г. Г., чиновник 30, 169
- Сандецкий А. Г., генерал 102, 197
- Сан-Дonato П. П., князь см. Демидов П. П.
- Сапоговская Л. В., историк 307
- Сарафанов О., историк 162
- Свердлов Я. М., государственный деятель 349
- Седаков П., журналист 274
- Семевский М. И., историк 313
- Семенов, помощник бухгалтера 299, 340, 343
- Семенов В. Н., архитектор 204
- Семиряков И. А., резчик по камню 201
- Серафим (в миру Г. М. Кузнецов), настоятель монастыря 79, 189
- Серафим (в миру С. Г. Голубятников), епископ 126, 206
- Сергеев, генерал 237
- Сергей Александрович, великий князь 15, 164, 175
- Сергиевский А. Н., действительный статский советник 44, 96, 172
- Серебрянский, священник 354
- Середа А. И., губернатор 269
- Сибиряков, старший кассир 345
- Сивопляс И. Э., историк 269
- Симанов, рабочий 348
- Симанов А. М., председатель земской управы 106, 127, 128, 200, 354, 357
- Симанов И. И., предприниматель 200
- Симеон Верхотурский, святой 122, 205, 206
- Ситан 349, 350
- Скобелев М. И., меньшевик, министр 183
- Слабышевич, управляющий 60
- Слудковский В., приказчик 292, 348
- Слюсарев И. К., резчик по камню 201
- Сметанникова Н. К., историк 270
- Собинов Л. В., певец 207
- Соколкин К., рабочий 347
- Соколов А. М., купец 201
- Соколов Г., чиновник 313
- Соловьева А. М., историк 307
- Спехов 350
- Старынкевич К. С., губернатор 242
- Стембель-Фермор см. Стенбок-Фермор С. А.
- Стенбок-Фермор Н. А., графиня 166
- Стенбок-Фермор С. А., граф, заводовладелец 26, 169
- Степанов, член редколлегии 350
- Степанов В. А., горный инженер, депутат Государственной думы 62, 63, 146, 182
- Степанов В. Б., историк 269
- Стихарев Ф. А. см. Иванов Ф. А.
- Столыпин А. А., журналист 81, 192
- Столыпин М. А. 211
- Столыпин П. А., государственный деятель 5, 10, 20, 21, 23, 28, 30, 35, 39, 73, 90, 102, 164, 166, 171, 187, 192, 195, 196, 210, 211, 233—236, 238, 244—247, 251—253, 269, 271, 276, 277, 279
- Столыпина О. Б. (ур. Нейдгарт) 211

- Строганов С. А., граф, заводовладелец 23, 26—28, 31, 167—169, 359
Строгановы, графы, заводоладельцы 168, 169, 176
Суворин А. С., издатель, публицист 192, 229
Судаков А. А., предприниматель 169
Сумин П. И., губернатор 269
Сухоруков В. С., историк 269
Сысоев В. И., историк 269
- Танава И., казак 187
Танаевский Д., сотник 187
Танаевский К., шляхтич 187
Татишев В. Н., государственный деятель 198, 240
Тимирев К. Н., депутат Государственной думы 71, 185
Титов И. В., депутат Государственной думы 62, 63, 182
Титов К. А., губернатор 268
Толмачев Е. П., историк 272
Толстая М. С. 12
Толстая С. С. см. Болотова С. С. (ур. Толстая)
Трапезников В. Н., меньшевик 253, 282, 283, 307
Трубников А. Н., губернатор 271
Туев 345
Туманова А. С., историк 269
Тупиков С. Е., управляющий 166
- Увар, инок 113
Ульянова М. А. (ур. Бланк) 170
Унтербергер П. Ф., генерал-губернатор 270
Успенский, фельдшер 290
- Фаберже К. Г., ювелир, предприниматель 201
Федор Иванович, царь России 179
Фельдман М. А., историк 289, 302, 310
Фигнер А. С., полковник 169
Фигнер В. Н., революционерка 169
- Фигнер Н. Н., актер 169
Фигнер П. Н., горный инженер 26, 168
Филарет (в миру Ф. Н. Романов), патриарх 179
Фомин И. А., архитектор 179
Фор Ф. Ф., президент Франции 104, 199
Франц I, император Австрии 313
Фридрих-Вильгельм III, король Пруссии 313
- Харитонов П. Я., купец, золотопромышленник 118, 202, 203
Харитоновы, семья 202
Хвостов А. Н., государственный деятель 80, 134, 190, 191, 208, 209
Хвостов С. А., губернатор 269
Хитров П. И., историк 308, 309
- Церетели И. Г., меньшевик, министр 183
Церешкевич Н. Н., полицеймейстер 32, 42—44, 120, 170, 305
- Чайковский П. И., композитор 163
Чашин, купец 292, 347
Чердынцев В. А., предприниматель 48, 49, 174
Черкасова А. С., историк 5
Чернов В. М., политический деятель 183
Чернышев Г. П., губернатор 269
Чесноков В., журналист 267, 275
- Шабалина 350
Шабалкин А. Ю., историк 269
Шадр И. Д., скульптор 201
Шаляпин Ф. И., певец 169
Шардин Е., рабочий 347
Шардина О. Т. 343, 344
Сихатов И. П., историк 269
Шкапа И. С., писатель 349
Шкерин В. А., историк 302, 303
Штиглиц А. Л., барон, банкир 200
Штюрмер Б. В., председатель Совета Министров 80, 82, 190—192
Штюрмер Ю. Б., вице-губернатор 82, 192

- Шубин С., рабочий 292
- Шубинский С. Н., редактор журнала 227, 229, 272, 312, 314
- Шувалов П. П., граф, заводовладелец 286, 287, 341, 359
- Шувалова см. Воронцова-Дашкова (ур. Шувалова)
- Шувалова Е. А. см. Балашева Е. А. (ур. Шувалова)
- Шуваловы, графы, заводовладельцы 148, 286, 289, 290, 302
- Шульце (Шульце-Делич) Ф. Г., экономист 322—324, 327
- Шумилов М. М., историк 270, 273
- Шурыгин М., ординарец 12, 32, 98, 164
- Юрьев-Захарьин Н. Р., боярин 179, 180
- Юрьевский Г. В., городской голова 305
- Юсупов Ф. Ф., князь 169
- Яковлев П. С., заводовладелец 359
- Якунин В. В., губернатор 243

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния см. Эфиопия
 Авроринский прииск 68, 148
 Австрия 99, 164
 Австро-Венгрия 295
 Азиатская, железнодорожная станция 98
 Азия 98, 99, 155, 209
 Акмолинская обл. 86
 Актай, р. 123, 206
 Алапаевск, горнозаводской центр 175, 189
 Алапаевские з-ды 169, 359
 Александровский женский мон-рь 192
 Альпы, горы 13, 163
 Альпы Восточные 164
 Америка 263, 264
 Америка Северная 151
 Амурская железная дорога 154
 Англия 48, 165, 182, 263
 Антиб, г. 164
 Архангельск, г. 24
 Архангельская губ. 173
 Астраханская губ. 173, 190
 Астраханский край 270
 Афон (Афонский мон-рь) 163, 189
- Балканы (Балканский п-ов) 187
 Балтийское море 210
 Баранчинская вол. 169
 Баранчинский з-д 163
 Белая гора 188, 189
 Белогорский мон-рь 79, 175, 188, 189, 216
 Белорусские губернии 141
 Бердяуш, железнодорожная станция 278
 Березовские золотые промыслы 175
- Берлин, г. 187, 258
 Бештау гора 99
 Билимбаевский з-д 167
 Бисерский з-д 283
 Бисертская вол. 169
 Бобруйский у. 219
 Богданович, железнодорожная станция 148, 150
 Богословская железная дорога 148
 Богословские з-ды 24, 26, 168
 Богословский горный округ 168, 182
 Богословский з-д 148, 168, 353
 Богословское бурогольное месторождение 168
 Боровичи, г. 259, 260
 Брожка, имение 219
 Бронницкая вол. 314
 Бугуруслан, г. 242
 Бузулук, г. 242
 Быньговские прииски 69
- Варшава, г. 12, 265
 Ватикан 178
 Великобритания см. Англия
 Вена, г. 13, 15
 Верх-Исетские з-ды 169, 202, 359
 Верх-Исетский з-д 130, 131, 175, 204, 207
 Верхнетуринская вол. 169
 Верхотурский мон-рь 123, 206
 Верхотурский у. 62, 95, 122, 141, 169, 181, 182, 205
 Верхотурье, г. 46, 47, 58, 62, 122, 124, 144—146, 175, 193, 205, 206, 254

- Веселые горы, горный массив 113
 Вильно, г. 164, 204
 Винница, г. 261
 Владивосток, г. 151, 209, 257
 Владимир, г. 209
 Владимирка, дорога 147, 209
 Владимирская губ. 74
 Волга, р. 49, 172, 176, 209, 210, 242
 Вологда, г. 148, 164, 307
 Вологодская губ. 46, 86
 Выборг, г. 177
 Высоко-Петровский мон-рь 206
 Вязовая, гора 100
 Вятка, г. 148, 189
 Вятская губ. 86, 173, 189, 199, 270, 278, 287
 Вятский край см. Вятская губ.
- Генуя, г. 14
 Германия 175, 181, 182, 187, 258, 259, 302, 305, 322, 323, 325
 Гжель, с. 171
 Глуздорский з-д 210
 Голландия 207
 Горнозаводская железная дорога 98, 195
 Гороблагодатские з-ды 163, 196
 Гороблагодатский горный округ 184
- Дальний Восток 176, 194, 209
 Данилиха, д. 176
 Дания 257
 Делич, г. 323
 Добрянский з-д 167
 Донецкий бассейн 179, 182
- Евпатория, г. 163
 Европа 98, 99, 155, 178, 182, 207, 209, 267, 306
 Европа Западная 33
 Европейская, железнодорожная станция 98
 Егоршинские каменноугольные копи 168
 Екатеринбург, г. 46, 58—60, 82, 86, 98, 101—103, 105—110, 112, 114—116, 118—122, 126, 128, 132, 141, 147, 148, 150, 151, 155, 162, 164, 166, 175, 180, 181, 185, 189, 195—205, 207—209, 231, 278, 305, 349, 354—357
- Екатеринбургские з-ды 196
 Екатеринбургский з-д 198
 Екатеринбургский у. 46, 115
 Елизавето-Пожевской з-д 171
- Залазнинский горный округ 180
 Запад 263
 Западно-Уральская железная дорога 278
 Зауралье 114
 Земмеринг, горный массив 13, 14, 99, 164
 Златоуст, г. 150, 189
 Златоустовские з-ды 196
- Иерусалим, г. 175, 189
 Империя, г. 164
 Ирбит, г. 147, 148, 150, 208, 209
 Ирбитский тракт 147
 Ирбитский у. 196
 Иргинская лесная дача 183
 Иркутск, г. 209
 Исеть, р. 150, 153, 155, 209
 Италия 9, 163, 178
- Кавказ 179
 Казанская губ. 206
 Казанский военный округ 340
 Казань, г. 150, 197
 Калинин, пос. 188
 Калужская губ. 165, 181
 Кама, р. 34, 49, 53, 150, 154, 155, 176
 Каменец-Подольск, г. 126
 Каменка, имение 164, 230, 259
 Камский бассейн 150, 152, 209
 Камышлов, г. 147, 148
 Камышловский у. 58, 196, 197
 Канн, г. 164
 Карабаш, з-д 149
 Каслинские з-ды 106
 Каслинский з-д 175
 Катав-Ивановские з-ды 181
 Катав-Ивановский горный округ 168

- Качканар, гора 109
Кексгольм, г. 202
Киев, г. 164, 261, 313
Киевская губ. 171
Кизел, железнодорожная станция 353
Кизеловские копи см. Кизеловское каменноугольное месторождение
Кизеловский горный округ 177
Кизеловский з-д 168, 177
Кизеловское каменноугольное месторождение 24, 51, 52, 148, 168
Кинель-Черкасы, с. 238—242
Киргишанская вол. 169
Китай 189, 209
Ковенская губ. 164
Коломна, г. 168
Константинополь, г. 262—264
Копенгаген, г. 257, 258
Костромская губ. 183, 186, 324
Краков, г. 180
Красноуфимск, г. 46, 120, 147, 150
Красноуфимский у. 46, 50, 62, 70, 169, 183
Красный, камень 152
Кривой Рог, местечко 182
Крым (Крымский п-ов) 163, 262, 263
Кувинский з-д 167
Куйбышев см. Самара
Кунгур, г. 147, 172, 183, 193
Кунгурская пещера 175
Кунгурский р-н 188
Курганская обл. 5
Курляндия 179
Курская губ. 171, 269
Курский край см. Курская губ.
Кусье-Александровский з-д 283
Кушва, горнозаводской центр 148, 195
Кувшинская вол. 169
Кыштым, горнозаводской центр 147
Кыштымские з-ды 61, 119, 181, 182, 196, 202, 203, 359
Кыштымский горный округ 60, 106, 119, 181, 182, 203
Кыштымский з-д 60, 149
Лаго-Маджоре (Lago-Maggiore), оз. 163
Лазурный берег см. Ривьера Французская
Ленинград см. Санкт-Петербург
Лион, г. 264
Лондон, г. 182, 197, 264
Луньевский горный округ 184
Лысьва, горнозаводской центр 148, 150, 253, 278, 283—285, 287—290, 292, 295—297, 300—302, 307—310, 338—341, 343, 348—353
Лысьвенские з-ды 341
Лысьвенский горный округ 184, 283, 286, 289, 291, 294, 340
Лысьвенский з-д см. Лысьва
Малороссия (Украинские губернии) 62
Мариинская водная система 155, 210
Марфо-Мариинская обитель 175
Межевая Утка, р. 113
Меркушино, с. 205, 206
Минская губ. 219
Могилевская губ. 219
Молебский з-д 177
Москва, г. 54, 96, 126, 170, 176, 185, 192, 197, 204, 213, 251, 260, 261, 296
Московская губ. 278
Московский военный округ 164
Мотовилихинский з-д 277
Мраморское, с. 201
Надеждинский з-д 168, 353
Нижегородская губ. 171, 278
Нижне-Ломовский у. 250
Нижнетагильские з-ды 175, 184
Нижнетагильский горный округ 164, 184
Нижнетурунская вол. 169
Нижний Новгород, г. 176, 185, 201
Нижний Тагил, горнозаводской центр 10, 64, 65, 147, 148, 195, 197, 208
Николае-Павдинский горный округ 186, 359
Ницца, г. 9, 12, 13, 15—19, 52, 58, 163—165, 177
Новая Починка, д. 206

- Новгород (Новгород Великий), г. 9—12, 134, 135, 162—164, 172, 222, 226, 228, 230, 233, 234, 236, 239, 249, 259, 267, 315
- Новгородская губ. 163, 185, 186, 201, 217, 225, 227, 230, 231, 259, 312, 313, 318
- Новгородский у. 10, 163, 164, 221, 250, 314
- Новороссийск, г. 185
- Ново-Сергиевск, г. 242
- Ново-Спасский мон-рь 170, 206
- Норвегия 141
- Ныроб, с. 54-57, 160, 180
- Нытвинский з-д 150
- Обский бассейн 150, 153, 209
- Обь, р. 209
- Одесса, г. 194, 261
- Олонецкая губ. 173, 193
- Омск, г. 148, 150, 197, 209, 231
- Орел, г. 121
- Оренбург, г. 150, 154
- Оренбургская губ. 199, 215, 269, 270
- Оренбургский край см. Оренбургская губ.
- Оренбург-Уфимская железная дорога 210
- Оса, г. 149, 174
- Осинский у. 48, 174, 188
- Оханск, г. 149
- Очерский з-д 27, 167, 169
- Павловский з-д 27, 167, 169
- Пальмира, археологический памятник 167
- Париж, г. 65, 104, 192, 193, 199, 200, 210, 264, 265, 267
- Пекин, г. 189
- Пельым, г. 179
- Пенза, г. 20, 32, 39, 45, 82, 98, 102, 140, 156, 159, 160, 162, 172, 192, 196, 197, 214, 239, 243, 245, 246, 249—253, 256, 267, 274
- Пензенская губ. 164, 171, 192, 196, 197, 231, 245—250, 270
- Пензенская обл. 214
- Пензенский край см. Пензенская губ.
- Перекоп (Перекопский перешеек) 262
- Пермская губ. 5, 7, 21, 25, 30, 32, 45, 50, 54, 57, 62, 78, 86, 104, 107, 135, 141, 148, 154, 169, 173, 175, 182, 183, 188—190, 197, 199, 205, 208, 215, 216, 254, 270, 277, 278, 281, 305, 307, 308, 340, 355, 357—361
- Пермская железная дорога 342
- Пермская обл. 5, 215
- Пермские з-ды 150, 196
- Пермский край 8, 75, 162, 188, 357
- Пермский у. 94, 176, 285
- Пермь, г. 7, 9—12, 23, 29, 31—35, 39, 43, 44, 47, 48, 50, 54, 74, 78—81, 83, 86, 88, 90, 91, 93—96, 98, 103, 127, 128, 133, 134, 136, 139—141, 147—149, 156, 164, 169—171, 174—176, 187—189, 193, 195, 203, 208, 210, 215, 254, 255, 277, 290, 296, 305, 308, 338—341, 344, 348, 356
- Пермь II, железнодорожная станция 33, 169
- Персия 179
- Петербург см. Санкт-Петербург
- Петроград см. Санкт-Петербург
- Петропавловская крепость 190, 262
- Поволжская обл. 238
- Поволжье Самарское 273, 274
- Подольно, имение 201, 259
- Пожевской горный округ 171
- Пожевской з-д 171
- Поклевская, железнодорожная станция 58, 180
- Покровск см. Покровское
- Покровская слобода 172
- Покровский женский мон-рь 189
- Покровское, с. 78—80, 188
- Полазнинский з-д 168
- Полевской з-д 201
- Полтава, г. 174
- Польша 197, 264
- Почаевская лавра 206
- Пратолино, имение 178
- Привислинские губернии (Привислинский край) 87, 194
- Приамурский край 270
- Прикамье 275, 307
- Приморская обл. 269

- Приуралье 5
Пруссия 323
- Рапалло, г. 164
Ревель, г. 187, 190
Решетка, р. 150, 209
Ривьера 14, 164
Ривьера Итальянская 164
Ривьера Французская 163, 164
Рига, г. 176
Рим, г. 53, 178
Россия 5, 9, 13, 25, 34, 52, 54, 60, 69, 74, 84—86, 107, 108, 111, 114, 129, 139, 151, 154, 155, 162, 163, 167, 168, 171, 175, 177—179, 182, 185, 187, 191, 192, 194, 195, 198, 199, 204—206, 209, 212—215, 217, 218, 220, 224, 226, 228, 231, 234, 235, 244, 247, 251, 253, 258, 262, 264, 265, 267—274, 276, 277, 282, 288, 295, 299, 302, 305—310, 312, 321, 324, 330, 358
Россия Европейская 114, 154, 209
Россия Советская 218, 263, 264
Россия Средняя 53
Россия Южная 207
Румыния 198
Рускино, д. 227, 314
Русь см. Россия
- Саввино-Сторожевский мон-рь 206
Саки, г. 9, 163
Сакское оз. 163
Салдинские з-ды 184
Салдинский з-д 63, 67, 149, 184
Самара, г. 32, 34, 41, 162, 171, 172, 237—240, 245, 246, 249, 267
Самаро-Златоустовская железная дорога 100
Самарская губ. 170, 236, 237, 240, 242, 243
Самарский край см. Самарская губ.
Санкт-Петербург, г. 10, 12, 19, 29, 32, 34, 47, 48, 50, 52, 53, 57, 79—81, 83, 90, 94, 104, 105, 110, 119, 126, 148, 154, 161, 162, 164, 166—168, 171, 175, 176, 178, 179, 182, 183, 188—190, 193, 194, 197, 198, 201, 204, 206, 210, 215, 220, 227, 229, 230, 232—234, 244, 251, 252, 254—259, 261, 285, 290, 295, 296, 308, 339, 357
- Сан-Ремо, г. 164
Саранинская лесная дача 183
Саратов, г. 172, 204
Сахалин, о. 268
Свердловск см. Екатеринбург
Свердловская обл. 5, 162, 205
Святая Земля см. Иерусалим
Свято-Николаевский мужской мон-рь 125, 205, 206
Свято-Пантелеимонов мон-рь 163
Севастополь, г. 187, 261, 262
Северная железная дорога 32
Северо-Восточно-Уральская железная дорога 278
Север Русский 269
Сербия 183, 187
Сергинско-Уфалейские з-ды 196, 359
Сибирская великая магистраль см. Транссибирская магистраль
Сибирский тракт, дорога 147
Сибирь 107, 114, 176, 185, 209, 231, 254, 277
Сибирь Восточная 268
Симбирская губ. 242
Синарская, железнодорожная станция 150
Сирия 167
Смоленская губ. 141, 271
Соликамск, г. 149
Соликамский у. 51, 177
Спасо-Преображенский мон-рь 170
Специя, г. 164
Средиземное море 13, 14
Средняя Азия 207, 209
Ставрополь (Самарской губернии), г. 240
Ставрополь (Ставропольской губернии), г. 204
Старая Русса, г. 187, 312
Степной край 269
Столбы, камень 152

- Суздаль, г. 174
 Суксун см. Суксунский з-д
 Суксунские з-ды 176
 Суксунский горный округ 177
 Суксунский з-д 50, 175—177
 Сулем, р. 113
 США 162, 182, 213
 Сылвинская вол. 169
 Сысертские з-ды 359
- Тавда, пос. 150, 278
 Таврическая губ. 74
 Тагил, р. 113
 Тагильские з-ды 64, 67, 110
 Тагильский з-д 64
 Талица, с. 180
 Талицы (Талицкое имение) 58, 180, 197
 Тамбов, г. 174
 Ташкент, г. 176
 Тверская губ. 268
 Тегеран, г. 197
 Теплогорский з-д 284
 Тисовский з-д 177
 Тобольск, г. 78, 83, 115, 187, 188, 191
 Тобольская губ. 188, 190, 191
 Токио, г. 197
 Тольятти см. Ставрополь (Самарской губернии)
 Томск, г. 208
 Транссибирская магистраль, железная дорога 150, 151, 209, 305
 Тула, г. 164, 227
 Тульская губ. 134, 268
 Тура, р. 209
 Туринский у. 188
 Туркестан 197, 269
 Турция 198, 263, 264
 Тюменская обл. 5
 Тюмень, г. 254
- Урал 22—25, 30, 51, 52, 66, 67, 69, 86, 98, 99, 101, 103, 107, 108, 110, 150, 152, 155, 162, 164—166, 168, 169, 171, 175, 178, 182, 184, 185, 195, 196, 198, 202, 203, 205, 210, 215—217, 219, 231, 253, 267, 269, 270, 275—281, 283, 289, 295, 296, 299, 300, 302, 303, 307—310, 340, 349, 353
 Урал Северный 142, 143
 Урал Средний 5
 Урал Южный 100
 Уральские горные з-ды 163—164, 185, 199, 338
 Уральский регион см. Урал
 Усть-Катавский з-д 168
 Уткинская вол. 169
 Уфа, г. 9, 99, 150, 210
 Уфимская губ. 199
- Финляндия 202
 Флоренция, г. 178
 Франция 12, 104, 163—165, 171, 182, 192, 198—200, 216, 263, 264, 267
 Фрейберг, г. 182
- Хабаровск, г. 209
 Харьковская губ. 171
 Херсонская губ. 20, 165, 210, 231
 Холуницкий горный округ 164, 180
- Царицын, г. 23, 167
 Царское Село, г. 157, 201, 254, 259
 Царство Польское см. Привислинские губернии (Привислинский край)
- Чебоксарский у. 206
 Челябинск, г. 99, 148, 150, 151, 175, 209
 Челябинская обл. 5
 Чердынский у. 54
 Чердынь, г. 141, 150, 189
 Черкассы см. Кинель-Черкассы
 Чермозский горный округ 167, 168
 Чермозский з-д 51, 168
 Чернигов, г. 94, 95
 Черное море 163
 Чита, г. 189
 Чудов мон-рь 206

Чусовая, р. 152, 155, 209
Чусовской з-д 289

Шадринск, г. 150, 183
Шадринский у. 196, 198
Шайтанка, р. 142, 143
Шайтанская вол. 169
Швейцария 163, 213
Швеция 141, 198

Эстляндская губ. 196
Эфиопия 179

Юг России 166, 185, 187
Юг Франции 163
Южный металлургический район России
277
Ярославль, г. 179

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БК — Библиотека Конгресса США
- ГАПО — Государственный архив Пермской области
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГАСО — Государственный архив Свердловской области
- КИРМ — Кыштымский историко-революционный музей
- МИЕ — Музей истории Екатеринбурга
- МИЛМЗ — Музей истории Лысьвенского металлургического завода
- НТМЗ — Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»
- ОМПУ — Объединенный музей писателей Урала
- ПКМ — Пермский краевой музей
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. СПб., 1830—1884.
- РГИА — Российский государственный исторический архив
- СОКМ — Свердловский областной краеведческий музей
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	5
Предисловие	7
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	62
Глава 6	75
Глава 7	85
Глава 8	98
Глава 9	134
Глава 10	141
Глава 11	156
Комментарии	162

Н. Г. Павловский. Иван Францевич Кошко (Жизненный путь) 212

А. В. Дмитриев, Н. Г. Павловский. На Урале 276

ПРИЛОЖЕНИЕ

Материалы об издании воспоминаний крестьянина Петра Павлова о холерном бунте Прусского полка в 1831 году	312
<i>И. Ф. Кошко. Мелкий народный кредит как могучее средство борьбы с обеднением нашего крестьянина [1899 г.]</i>	316

Материалы о лысьвенских событиях 19—20 июля 1914 года	338
И. Ф. Кошко и Екатеринбург по материалам периодической печати (1911—1916)	354
Статистические сведения о Пермской губернии в 1913 году	358
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	362
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.	373
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	380

Иван Францевич Кошко
Воспоминания губернатора
Пермь (1911—1914)

*Рекомендовано к изданию
Научным советом
Демидовского института*

Редакторы издательства Е. С. Журавлева, Е. Б. Абрамова
Художник Н. А. Журавлева
Верстка и техническое редактирование Н. Г. Павловского

Подписано в печать 19.09.2007
Формат 70 × 90 ¹/₁₆. Бумага мелованная
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 28,08. Уч.-изд. л. 23,65
Тираж 1100 экз. Заказ № 727

Демидовский институт
620075 Екатеринбург, ул. Пушкина, 7 Б
Тел./факс: (343) 371-08-36
anasta@sky.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством представленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
Тел. (343) 371-28-66, 355-91-59